Генерал Доватор (Книга 2, Под Москвой)

Павел Ильич Федоров

SHOUT
SHARE
IT

- Федоров Павел Ильич

Федоров Павел Ильич Генерал Доватор (Книга 2, Под Москвой)

Павел Ильич ФЕДОРОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

Роман посвящен героическим действиям советских кавалеристов в

оборонительных и наступательных боях против немецко-фашистских

захватчиков под Москвой в 1941 году. В центре повествования - образ

легендарного командира кавалерийской группы, а затем кавкорпуса

генерала Л. М. Доватора.

Роман составляет первый том выпускаемого Военным издательством

двухтомника избранных произведений П. Федорова. Во второй том войдут

романы "Синий Шихан" и "Витим Золотой".

Книга вторая

ПОД МОСКВОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Часть первая Часть вторая Часть третья Часть четвертая
Глава 1 Глава 1 Глава 1 Глава 1
Глава 2 Глава 2 Глава 2 Глава 2
Глава 3 Глава 3 Глава 3 Глава 3
Глава 4 Глава 4 Глава 4 Глава 4
Глава 5 Глава 5 Глава 5 Глава 5
Глава 6 Глава 6 Глава 6 Глава 6
Глава 7 Глава 7 Глава 7 Глава 7
Глава 8 Глава 8 Глава 8 Глава 8
Глава 9 Глава 9 Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ГЛАВА 1

В темном ночном небе среди яркой осенней россыпи звезд висела желтая холодная луна. К утру ударил крепкий мороз и

намертво сковал пропитанную дождями землю.

В эти первые октябрьские дни сорок первого года на центральном участке Западного фронта началось какое-то странное движение. Из лесов Смоленщины на восток потянулось невиданное количество войск и техники. Гудела земля от стальных танковых гусениц, тяжелых пушечных колес, машин, повозок и солдатских сапог. Этот гул сливался с артиллерийской канонадой, отдаленно звучавшей на юго-востоке. Противника поблизости не было.

Стоявшее после рейда в обороне на участке Жарковское - река Межа соединение генерала Доватора неожиданно по тревоге снялось и начало передвижение, совершая при этом тяжелые, утомительные марши на неподкованных конях.

Наступили ранние морозы.

Разведчик Филипп Афанасьевич Шаповаленко под утро так продрог, что вынужден был отвьючить запасную попону и укрыться ею. Проснувшись, как всегда, раньше всех, тихонько, чтобы не разбудить товарищей, он вылез на четвереньках из палатки. Потирая озябшие руки, Шаповаленко решил умыться, но, взявшись за брезентовое ведро, крякнул от удивления. Вода в ведре, запасенная с вечера, замерзла. Подняв голову, он увидел, что все кругом изменилось: деревья покрылись серебристым инеем, а на конях, стоявших в ряд у длинной коновязи, кудряво взъерошилась шерсть. Подрагивая застывшими ногами, они жадно хватали губами сено. Дневальный с карабином на плече, закрыв уши воротником измятой шинели, выплясывал под деревом гопака.

Шаповаленко должен был его сменить, так как получил вчера внеочередной наряд. Обиднее всего было то, что наградил его этим нарядом не кто иной, как командир взвода, только что получивший звание младшего лейтенанта, закадычный дружок, годившийся ему в сыны, Захар Торба.

Настроение у Филиппа Афанасьевича было самое скверное. Вчера он натворил черт знает что! Хоть возьми да и вырви с досады вислый прокуренный ус.

Филипп Афанасьевич поежился, проклиная ту человеческую душу, которая придумала на свете горилку. Он потянулся к лежавшему у входа седлу и, расстегнув кожаный ремешок переметной сумы, вытащил бутылку НЗ неприкосновенный запас. Взболтнул ее и посмотрел на свет. Горилки было маловато. Вспомнив события вчерашнего дня, бурное столкновение с Захаром, он вздохнул и, мысленно ругая свой нескладный характер, вылил весь остаток в кружку. Пережевывая кусок сала, он почувствовал, как внутри начала разливаться приятная

теплота. Надевая шашку, Филипп Афанасьевич не без удовольствия подумал, что выдумщик горилки все-таки, часом, был добрый и артельный человек, "бо дурню такое в голову не вдарит!"

Вчерашнее происшествие тоже начинало казаться не таким уж страшным. Зарядив карабин и почистив щеткой сапоги, Филипп Афанасьевич направился отбывать свое скандальное взыскание.

А произошло вчера вот что...

Во всех подразделениях был получен приказ: "Приготовиться к большому маршу". Личному составу выдали пятидневный запас продовольствия и фуража. Стограммовую норму водки тоже выдали на пять дней вперед, под ответственность командного состава и политработников.

Старшины предупреждали бойцов: продукты расходовать строго по норме, в пути никаких добавочных выдач не предполагается. На вопросы бойцов, какое предстоит дело, командиры уклончиво отвечали, что конница должна совершить длительный форсированный марш. Из отрывочных и неопределенных разговоров было понятно, что намечается серьезная операция.

- Ясно, в новый рейд пойдем. По тылам врага, - объявил писарь Салазкин.

- А ты що думав, будешь в шалашу на пупе лежать и поэтычны вирши складувать? Ще як вдарим! - заметил Шаповаленко. - Прийшла, хлопчики, така година, що пора германца вдребезги расколошматыть. Народ того ожидает, колысь мы его турнем обратно. Бачьте, якие нам шлют письма та подарки. Народ посылает, чуете?

В дополнение к армейскому пайку бойцы получили массу подарков со всех концов Советского Союза. В ящиках были заботливо уложены теплые носки, перчатки, свитеры, бритвы, шоколад, вино, фрукты. Но дороже всего в посылках были письма.

В каждом письме был наказ: крепче бить врага! Девушки вкладывали в конверты свои фотокарточки с адресами на обороте и просили бойцов писать им.

Филиппу Афанасьевичу Шаповаленко досталась посылка особенная. В ней было вложено все, вплоть до носовых платков с голубыми каемочками, фотокарточка и замечательное письмо. Прочитав первые строки и взглянув на фотокарточку, Филипп Афанасьевич крякнул от удовольствия. Молодая пышноволосая красавица с большими улыбающимися глазами облокотилась на подоконник. На окне стояли плошки с цветами, а глаза красавицы смеялись так лукаво и приветливо, что, казалось, манили за

занавески.

В письме четким, круглым почерком было написано:

"Милый и дорогой товарищ!

Мы знаем, что на войне нелегко. Враг напал жестокий, коварный. Но мы уверены, что вы не отдадите нашу Родину фашистам на поругание. Мы, девушки и парни заводской комсомольской бригады, посылаем вам по скромному подарку. Это во имя скорой победы и нашей будущей дружбы. Пришлите мне ваш адрес, я буду писать вам..."

Тут Филипп Афанасьевич важно и не торопясь погладил свои усы и начал читать дальше: "А скоро мы вам пришлем другие подарки. От них у гитлеровцев полезут глаза на лоб. Бейте их, гадов, крепче и не давайте пощады. Другие наши подарки мы сами привезем вам на фронт. Может быть, встретимся.

Целую вас заочно, как брата и как советского воина.

Техник Н-ского завода Ф е н я Я с т р е б о в а".

Внизу был написан адрес.

- Ты только посмотри, Буслов! Ты только побачь! Побачь, яка дивчина! - восторгался Шаповаленко, показывая Буслову фотографию.

- Да-а! Это дивчина! - заглядывая сбоку, говорил Буслов.

Он сидел рядом. У ног его лежал ящик с подарками от именитого московского профессора. В профессорскую посылку вместе с другими предметами был вложен самый модный полосатый шерстяной шарф.

Захару Торбе досталась посылка от старушки вдовы из города Иванова; Яше Воробьеву - из Киргизии от колхозного пастуха Уртабая. Записка была написана по-киргизски, и Яша был огорчен, что не может ее прочитать.

Но самая замечательная посылка была все-таки у Филиппа Афанасьевича. Фотокарточка и письмо стали предметом всяких толков и споров.

- Везет же хрычу старому! - с откровенной завистью говорил Яша Воробьев. - Ведь землячка моя, из одной области!

- Ну и девушка! - продолжал восхищаться Буслов, не отрываясь от фотографии Фени Ястребовой. - Поглядите, друзья, чудится мне, что она облокотилась на подоконник и ножками болтает...

- Красота! - ликовал Шаповаленко. - Ох, хлопцы, мне бы рокив двадцать скинуть! - Филипп Афанасьевич молодецки приосанился, крутнул усы и лихо брякнул шашкой.

- А ты ей свой портрет пошли. Она твоими усами любоваться будет, проговорил Яша Воробьев.

- И в бородищу твою ленточки вплетет, - добавил Салазкин.

- Ты ленточки оставь для себя, - ответил Шаповаленко. - Ведь родятся же на свете такие красавицы!

- Анютка ни як не хуже, - ревниво заметил Захар Торба.

- Що твоя Анютка!

Было ясно, что Филипп Афанасьевич осуждает свою станичницу, и тогда Захар, задетый за живое, вытащил из бумажника фотографию Анюты. Отдав ее Буслову, сказал:

- Посмотри...

- Ого, брат! А я и не знал. Ишь ты!.. - протянул Буслов, сдвигая на лоб кубанку, подарок Доватора. - Хороша! Гордая. Но только каждая на свой лад, - сличая обе фотографии, продолжал Буслов. - На сибирячку смотришь и думаешь, будто родилась она для того, чтобы сидеть с ней рядышком, гладить по голове и мечтать. Хороша!.. - Буслов глубоко и тяжко вздохнул. - А на твою, Захар, можно смотреть, а притронуться вроде как боязно...

Фотокарточки пошли по рукам. Все восхищались ими. Каждый старался сострить, но за веселой шуткой крылись душевное беспокойство и тоска по родным и близким. Кто не переживал этого чувства в тяжкие годы войны?!

Филипп Афанасьевич, трижды побывавший на войне, отлично понимал все это и сам был растроган до глубины души вниманием людей, приславших подарки на фронт. Раскупорив бутылку вина, он громко крикнул:

- Хлопцы, подставляй кружки! - И когда вино было разлито, Филипп Афанасьевич продолжал: - Сынки, выпьем чарку, як гости пьют за честь хозяина, за здоровье его семьи. А наша семья велика, богатейша! Наша семья - весь советский народ! Смотрите, яки нам пишут письма, подарки шлют...

Филипп Афанасьевич грозно обвел всех глазами, точно готов был всякое возражение встретить решительным отпором, и неожиданно смягчил голос:

- Стыдно нам будет дивиться в очи нашим сынам и внукам, ежели мы не побьем фашистов! О це и все!

Все в раздумье затихли. Как будто все замерло на миг: кто сидел на корточках, кто стоял на коленях, кто, вытянувшись во весь рост, прижимал кружку к груди, точно прислушиваясь к отзвуку сердца. Это была торжественная минута безмолвной присяги.

Вдруг Буслов поднялся, подошел к Шаповаленко, обнял его и поцеловал.

Минуту спустя все уселись за письма. Один только Яша Воробьев был в затруднении: в эскадроне разведчиков никто не знал киргизского языка.

Филипп Афанасьевич пристроился под елкой и, еще раз

перечитав письмо Фени Ястребовой, принялся сочинять ответ. Но он так был возбужден, что не знал, с чего начать, и для "успокоения" решил было подкрепиться еще одной чаркой. Покосившись на переметную суму, он, однако, не потянулся к ней, а лишь крякнул и вслух ругнулся: "Барбос, не замай думать!" От греха подальше он пошел в палатку к Салазкину и попросил его написать девушке ответ.

- В Пластинск, Фене Ястребовой? - спросил Салазкин.

- Точно, Володя, будь ласков, удружи.

- С удовольствием! Сейчас строевую записку отработаю и приступим.

Закончив свои дела, Володя оторвал чистый лист бумаги, разложил его на ящике из-под махорки и, взглянув на Филиппа Афанасьевича, спросил:

- Может, в стихах дунем?

- Брось, Володя! Пиши так, чтоб подходяще было. Ну, это самое...

- Понятно! - решительно перебил Салазкин и принялся строчить. Писал он бойко и стремительно. Карандаш в его руке двигался, как автомат.

"Писарь - так и есть писарь", - подумал Филипп Афанасьевич и вспомнил, как однажды в райземотделе подивился он на машинистку, которая одной рукой пудрила нос, а другой щелкала на машинке... Он просто не мог уразуметь, как можно одновременно совмещать два таких дела. Вот и Салазкин сейчас писал и грыз яблоко - подарок Уртабая.

- Готово! - сказал писарь, отрываясь от письма.

- Читай! - Филипп Афанасьевич, наклонив голову, приготовился слушать.

- "Разлюбезная Феня! - начал Салазкин. - С величайшим чувством воинского долга, с горячим в сердце стремлением сообщаю Вам, что получил Ваш подарок, от которого закипело в моей груди, как в эскадронной кухне..."

- Борщ або каша? - зверски поглядев на Салазкина, спросил грозно Шаповаленко.

- Нет, я поставил многоточие, - невозмутимо ответил Салазкин.

- Запятую тоби в бок, що ты пишешь! Бисова твоя душа! "Разлюбезная", "закипело"! Щоб у тебя в башке закипело, як тесто в квашне твоей бабушки!

- Не нравится?

- Тьфу! Иди ты ко всем чертям с твоим письменством! - Филипп Афанасьевич яростно сплюнул и поднялся.

- Не хочешь, от себя пошлю, - заявил Салазкин.

- Куда пошлешь?

- Фене Ястребовой.

- А кому посылка?

- Да какое мое дело! Адрес есть, а посылка могла и мне достаться.

- Ну и что же? - немного опешив, спросил Филипп Афанасьевич.

- Ничего. Кому хочу, тому и напишу. Тебе-то что?..

- Да пиши хоть турецкому султану!

Шаповаленко, махнув рукой, стремительно шагнул к своей палатке.

- И напишу! - запальчиво крикнул вслед Салазкин. Но тут же, хохоча, добавил: - Филипп Афанасьевич, вернись, я пошутил. Честное слово! Вернись!

- Вернусь, так не обрадуешься! - огрызнулся Филипп Афанасьевич и неожиданно лицом к лицу столкнулся с офицером связи Поворотиевым.

- Чего это вы бранитесь, товарищ Шаповаленко?

- Да вот, товарищ старший лейтенант, попросил писаря письмо составить, а он, щоб ему пусто...

- А вы что, неграмотный?

- Не то щоб неграмотный, но тут таке дило...

Филипп Афанасьевич подробно изложил всю историю и показал Поворотиеву фотографию.

Увидев на карточке девушку, Поворотиев так и застыл с улыбкой на лице. Ему казалось, что сейчас эта милая девушка с ласковым взглядом выпрыгнет из окна и белыми мягкими руками обовьет его шею. Шаповаленко протянул письмо Фени. Поворотиев быстро прочел его, и лицо его озарилось ясной, счастливой улыбкой.

- Написать, конечно, надо... Даже обязательно надо, - точно размышляя, проговорил Поворотиев.

- Як же не писать. Разве можно не писать... - подтвердил Шаповаленко.

- Вы напишите попроще и покороче. Скажем, так: большое красноармейское спасибо за подарок, постараюсь с честью защищать нашу Родину...

- Верно, - согласился Филипп Афанасьевич. Совет лейтенанта ему понравился.

- Послушайте, товарищ Шаповаленко. Эта фотокарточка... Она вам очень нужна?.. - вдруг нерешительно спросил Поворотиев. При этом он невольно покосился прищуренным глазом на бороду казака, обильно украшенную сединой; на отвислые усы и глубокие морщины; точно сравнивая его лицо со

своими загорелыми щеками, на которых, собственно говоря, и брить-то было нечего, если не считать золотистого пушка над верхней губой. Только брови у него росли густо и ровно, сцепившись над самой переносицей.

- Очень нужна! Разрешите идти, товарищ старший лейтенант? "Ишь ты, тоже фотокарточка понадобилась", - с внутренней обидой подумал Филипп Афанасьевич.

Ему казалось, что все стараются завладеть его подарком, не считаясь с чувством законного права. Огорченный до крайности насмешливым и нелепо-вычурным письмом Салазкина и просьбой Поворотиева, он не утерпел и, придя в свою палатку, распечатал НЗ и, выпив самую малость, написал своей новой знакомой письмо, не подозревая, что лейтенант Поворотиев за это время испортил уже не меньше пятнадцати листов бумаги, но все-таки сочинил письмо фене Ястребовой. Послал свое письмо и писарь Салазкин.

...Захар Торба вошел в палатку в тот самый момент, когда Филипп Афанасьевич в третий раз прикладывался к горилке. Между друзьями произошла размолвка.

- Что у тебя за натура така, Филипп Афанасьевич? - сказал он.

- Ни якой натуры, - торопливо застегивая переметную суму, отозвался Шаповаленко.

- Як у тебя утроба принимает?..

- Ничего пища, с нее в голови черт свище... - вытирая усы, балагурил Филипп Афанасьевич.

- Ты, Филипп Афанасьевич, дурку не кажи. Я тебе серьезно говорю...

- Та я не шуткую.

- Знаешь, что не приказано НЗ трогать...

- Да що ты ко мне причипився, як репей к бурке. Прямо хорунжий, только эполетов немае...

- Не хорунжий, а командир взвода!

Скулы Захара дрогнули, и он резко отчеканил!

- Пойдешь на конюшню дневалить.

- А не мой черед... - все еще не понимая, куражился казак.

- Вне очереди пойдешь! Понял?

- Это що, наряд? Взыскание? Да ты знаешь...

- Все знаю. За потребу неприкосновенного запаса накладываю...

- Щоб я пошел, щоб мне...

- Пойдешь! Я приказываю... - сухо и повелительно проговорил Захар, наблюдая за каждым движением своего друга. - Не забывай, Филипп, зараз война!

Филипп Афанасьевич мгновенно смолк и, посапывая в усы,

дергал их, точно пытался стряхнуть намерзшие ледяные сосульки, как это бывает в лютую зиму. Однако мороз ударил только глубокой ночью, когда дружок Захара Торбы сменился после внеочередного дежурства.

ГЛАВА 2

В октябрьские сумерки полки снялись по боевой тревоге и вышли на большой смоленский шлях.

Торба посмотрел на компас. Светящаяся стрелка показывала, что войска движутся на восток.

В эту ночь конница шла каким-то сумбурным, безалаберным маршем: то стремительной, переходящей в галоп рысью, то медленно, шагом, а то подолгу по неизвестным причинам топталась на месте. Такой неравномерный марш выматывал всадников. Быстро наступала усталость, клонило ко сну.

- Эй, казак! Смотри, коню уши отгрызешь!.. - тыча эадремавшего в бок плеткой, говорил Шаповаленко. - Не вались на один бок, коню спину собьешь, наездник! Пешком топать придется.

- Почему стоим, хлопцы? Не марш, а яка-то хреновина...

По рядам пробежал было недружный смешок и тут же замер. Казаки, видя проходящий мимо людской поток, тревожно переговаривались. По мерзлой земле, скрипя и громыхая, катились брички, солдатские кухни. Ревел скот, повизгивали поросята. Где-то наперебой плакали ребятишки. Вперемежку с обозами и артиллерией, тарахтя пулеметными дисками и котелками, шла пехота.

- Передать по колонне, почему стоим! - раздалось по рядам.

- Делегатов связи в голову колонны, к генералу!

Обгоняя колонну, резвой рысью поскакали связные. По крепкой мерзлой земле дробно стучали копыта, выбивая подковами зеленоватые искры.

Конница снова тронулась, сначала тихим томительным шагом, а потом, обгоняя движущуюся пехоту, стала переходить на неровную, еще более утомляющую рысь.

- Не пыли, кавалерия! - долетели из пеших рядов насмешливые словечки.

- Хорошо им на конях-то!

- Эй, усатый! - крикнул Филиппу Афанасьевичу какой-то солдат. Торопись, дядя, а то немцы усы твои концами на затылке завяжут.

- Шило тебе в бок! Черт твой батько! - крикнул Шаповаленко и, стегнув плетью своего Чалого, поскакал вперед.

На рассвете конница повернула от большака на проселочную дорогу, втянулась в ближайший лес и расположилась на дневку.

Пройдя по жесткому чернотропью шестьдесят километров, неподкованные кони ложились на землю.

- Вываживай коней, не давай ложиться, - приказывали командиры.

- Сдается мне, хлопчики, що мы отходим, - качая головой, грустно проговорил Шаповаленко.

- Похоже, - подтвердил Буслов.

Филипп Афанасьевич расседлал захромавшего на марше Чалого и клочком сухой травы протер ему влажную спину.

- Нет, хлопчики, - не унимался Филипп Афанасьевич, - я больше никуда не поеду. Баста!

- Как это не поедешь? - удивленно спросил Буслов.

- Коня вам оставлю, а сам пешки назад.

- Куда назад? - улыбнувшись и тронув за плечо своего дружка, спросил Торба. Он сам не понимал толком всей лихорадочной спешки похода, но чувствовал, что во всем этом есть какая-то серьезная причина, известная лишь генералу Доватору. Уж он-то, наверное, знал, куда и зачем ведет свои части.

- В партизаны уйду! Точка! - решительно заявил Филипп Афанасьевич. Хай другие втикают. А я воевать буду.

- Да как же ты, милаш, пойдешь в партизаны, когда находишься в регулярных частях Красной Армии? - возразил Буслов.

- Очень просто. Я доброволец! Ты можешь понять или нет? Куда хочу, туда и пойду. Ежели мы будем совершать этакие марши, то, наверное, скоро до Кубани дойдем.

- Может, это стратегический маневр... - заметил Торба.

- Я хочу фашистов бить, вот у меня какая стратегия. Сколько верст от Москвы до Смоленска? Четыре сотни. По шестидесяти в сутки - это, значит, через неделю до Москвы доедем. А потом до Кубани. Там нас колгоспнички встренут и скажут: "Здорово, Филипп Афанасьевич! Що же вы, дорогой наш защитничек, так запыхались, кажись, и не жарко?" Що я скажу: "Зараз с войны..." "Так, так, - скажут, - а що ж вона за така война, що на вас и царапинки не видно? А где же вона та победа, о которой вы нам так добре расписывали на собрании, колысь на фронт уезжали и в грудь себя папахой вдаряли?"

Филипп Афанасьевич обвел всех присутствующих грозным взглядом, снял шапку и вытер ею начавшую лысеть голову. Казаки неловко топтались на месте. Настроение у всех было подавленное. Каждый, казалось, чувствовал за собой какую-то скрытую вину, которая начала обнаруживаться, выползать на свет во всей своей неприглядности.

- Як бы у меня глаза на спине булы, - продолжал Филипп

Афанасьевич, я тоди, мабудь, поморгав. А то они на лбу, и совесть тут, - ударяя себя в грудь, закончил он.

- А як же ты можешь кинуть армию? Это, знаешь... - нерешительно начал Захар.

Но Шаповаленко его прервал:

- Що кинуть? Я не кидаю, а биться иду! Ты меня дисциплинством не вкоряй! Я знаю, як треба поступить русскому чоловику! Не сговаривай уйду!

- А куда же ты уйдешь?

- Ко всем чертям...

- Это очень далеко, Филипп Афанасьевич, - неожиданно раздался сзади голос Доватора.

Он всегда появлялся там, где его меньше всего ждали. Захочет проверить подразделение, выберет какую-нибудь прямую "дорогу" через кусты или по болоту, прыгает с кочки на кочку и как из-под земли вырастает перед глазами повара на эскадронной кухне или же на конюшне перед растерявшимся дневальным.

Разведчиков Доватор всегда держал у себя под рукой, поэтому располагались они неподалеку от штаба. Относился он к ним с особенным уважением, часто навещал, но предъявлял к ним больше, чем ко всем остальным, требований по службе.

На этот раз неожиданное появление Доватора в генеральской форме вызвало растерянность. Новое звание порождало глубокое уважение и почтительность и вместе с тем проводило между командиром кавгруппы и подчиненными определенную грань. Раньше, когда Доватор был полковником, у разведчиков с ним как-то сами по себе установились необычайно простые взаимоотношения. Разведчики это принимали как знак должного внимания к их опасной и почетной профессии. Поэтому удержаться на чисто официальной субординации было трудно. Они охотно шли на откровенный разговор с полковником, пели при нем песни, весело шутили, балагурили. Но с генералом, с их точки зрения, такие вольности были уже совсем недопустимы.

Увидев Доватора, Захар Торба громко подал команду "Смирно" и, сделав несколько шагов вперед, четко отдал рапорт.

- Вот и рапорт отдавать научился отлично, - поздоровавшись с разведчиками, проговорил Доватор. Он был без бурки, в новой, хорошо облегавшей его плотную фигуру бекеше с серебристой барашковой опушкой. На голове ловко сидела генеральская папаха.

Торбе, только что отдавшему рапорт, хотелось приветствовать генерала улыбкой, но неловкость за разговор Шаповаленко сдержала его. Он виновато нагнул голову и сдвинул ремешок каски ближе к кадыку, точно он резал подбородок, хотя

был застегнут не туго. Заметив все это, Доватор понял, что разведчики чем-то взволнованы.

- Что это вы, хлопцы, ладошкой рты прикрываете? Кашлять, что ли, боитесь?

- Да ничего, товарищ генерал... - подавляя смущение, ответил Торба и, искоса взглянув на Шаповаленко, подумал: "Из-за тебя, бородатый, вся волынка. Партизан нашелся!"

- Ничего, брат, разберемся, - точно угадывая мысли Торбы, суховато заметил Лев Михайлович. - Дайте-ка сегодня коням двойную порцию корма.

- Кормить коней, воно, конечно, товарищ генерал... - нерешительно заговорил Шаповаленко. Но генерал на него даже и не посмотрел, а спросил, обращаясь к Торбе:

- Сколько хромых лошадей?

Филипп Афанасьевич нерешительно переступил с ноги на ногу и встревоженно поглядел на Доватора.

Всегда он разговаривал с ним с шутливой задушевной простотой. Много говорил о Кубани, где он когда-то служил командиром эскадрона. И вдруг сейчас будто и не замечает его. Филипп Афанасьевич догадался о причине и хотел объясниться. Ведь ему просто обидно было, что они, казаки, куда-то отходят без единого выстрела, хотя всем не терпелось подраться. Вот почему он искренне считал свои обиды правильными.

- Сколько хромых коней? - переспросил Лев Михайлович, присаживаясь на седло Шаповаленко.

Торба ответил.

Филипп Афанасьевич подошел поближе к Доватору с твердым намерением заговорить. Вид у него был такой, будто генерал обещался прийти к нему в гости, поговорить по душам, а вдруг зашел к соседу и начал с ним бражничать. Обида была кровная. Доватор это видел, но решил не менять тона и по-прежнему внешне оставался безразличным к нему.

- Коням не давайте сразу ложиться. Проводку делайте. Массируйте скаковые суставы.

Доватор взглянул на Буслова и, согнув ногу в колене, показал, как надо это делать.

- Понятно, товарищ генерал, - тихо вмешался в разговор Филипп Афанасьевич. - Но только, коли кони будут на трех ногах, як мой, то тут не разотрешь... Разрешите обратиться, товарищ генерал.

- Обращайтесь, - равнодушно ответил Доватор и удобней уселся в седле.

- Куда мы так поспешаем? - смущенно посматривая на генерала, спросил Шаповаленко.

- На отдых... - спокойно и коротко ответил Доватор.

Казаки, переглянувшись, недоверчиво улыбнулись.

Лев Михайлович отлично понимал настроение людей, и ему хотелось объяснить обстановку, но в данную минуту нельзя было говорить общими фразами о необходимости перемены позиций, а сказать прямо, что немцы быстрым темпом продвигаются к Москве, он не мог. Сначала ему и самому не верилось, что противник прорвал оборону в районе Холм - Жирковское, быстро расширяет прорыв и угрожает отрезать две наши армии. Конница, как подвижной резерв, должна была прикрыть отход наших частей на Ржевском большаке.

Надо было сказать людям что-то другое, важное, способное поднять боевой дух и укрепить дисциплину.

- Куда ж мы идем на отдых, товарищ генерал? - спросил Филипп Афанасьевич.

- Конечно, не на Кубань. А может быть, и туда пойдем... О тебе, наверное, там старуха соскучилась!

Веселый тон Доватора вызвал дружный смех казаков.

- Да вы шутите, товарищ генерал?

Шаповаленко растерянно дергал себя за мочку уха, где темнела крохотная дырка (когда-то молодой Филипп носил в ухе серьгу).

- Не шучу, а серьезно говорю, - ответил Доватор. - Фронт большой, могут и туда послать. Мы люди военные.

- Верно, - согласился Буслов, толкая Шаповаленко локтем.

- А сейчас торопимся только потому, что боюсь к поезду опоздать. Да в армейский склад надо поспеть, получить полушубки и валенки. Филиппа Афанасьевича надо одеть, а то ему холодно будет в партизанском отряде... Найдет ли он там себе тетку Василису?..

Последние слова Доватора заглушил новый взрыв хохота.

- Да то ж неправда, товарищ генерал! - взмолился вконец растерявшийся Шаповаленко.

- Не веришь? Впрочем, ты мне вообще не веришь! А раз командиру солдат не верит, значит, кто-то из них никуда не годится... Наверное, я...

- Щоб я вам, товарищ генерал... Да сроду этого не було. Да я...

- Как же не было? - перебил Доватор. - Только что при всех заявил, что уходишь в партизаны, оставляешь своих товарищей, а раз так, значит, не доверяешь своему командиру! Ясно!

- Да не то, товарищ генерал! - решительней и смелей заговорил Шаповаленко. - Я же оттого, шо сердце болит. Всю ночь ехав и думав: куда идем? Пехота смеется. "Швыдче, кажуть, поезжайте, а то немцы догонят". Срамота! Нигде ни одного немца

немае, а мы - силища така - идем без драки. Що таке!

Бойцы уже не улыбались. Каждый из них с такой же затаенной болью в сердце переживал нависшую над Родиной угрозу. Оставлять врагу села и города было невыносимо тяжело. Доватор отлично понимал это. Ему было еще тяжелей.

- Гитлеровцы хотят захватить столицу нашу - Москву, - проговорил он негромко. - А мы, советские люди, знаем, что такое для нас Москва. Мы идем защищать нашу столицу. Вот почему мы совершаем такие длительные марши. Мы не можем отдать фашистам Москвы. И никогда и никому не отдадим ее!

Все напряженно молчали. Захар Торба трясущимися руками, сам не замечая того, обрывал ременные кисточки темляка и машинально бросал их под ноги. Если бы ему вчера кто-нибудь сказал, что гитлеровцы подходят к Москве, он принял бы это за вранье, за насмешку. А сегодня это говорил сам Доватор!

- Ну как, Филипп Афанасьевич, в партизаны, значит? - после небольшой паузы спросил Лев Михайлович.

- Товарищ генерал, да разве я могу товарищей кинуть!

- Сегодня же отправлю. Передай коня и приходи в штаб, - с безоговорочной властностью в голосе заявил вдруг Доватор и, поднявшись, ушел.

- Ну вот, казак, хотел партизанничать, так ступай теперь, - укоряюще проговорил после ухода генерала Яша Воробьев. - Чекалдыкнул лишнюю чарочку, вот и выкинул коленце... А она, окаянная, как заиграет! Не только в партизаны, на гору Арарат воевать полезешь. Чалого-то кому препоручишь?

Шаповаленко подавленно молчал. Он знал, что генерал не любит отменять отданных приказаний.

- Седина в бороду, а бес в ребро, - сквозь зубы процедил Торба. Он знал характер Доватора и переживал за друга не меньше его самого.

Объехав свои части, Доватор возвратился в штаб сильно взволнованным. В подразделениях оказалось много хромых лошадей. Поэтому бойцы вынуждены были отставать и вести коней в поводу. Некоторые подразделения угодили под бомбежку, имелись потери. Двигаться таким темпом было невозможно. Замерзшая земля затвердела, как железо. Некованые кони могут обезножеть. Беспокойство еще больше усиливала создавшаяся на фронте обстановка. Информбюро сообщало о новых городах и селениях, оставленных нашими войсками.

Бегло просмотрев штабные документы, Лев Михайлович в ожидании интенданта задумчиво глядел в окно.

В огороде между кучами завядшей картофельной ботвы одиноко торчали не потерявшие еще зеленого оттенка костыли

подсолнечника. Подальше сиротливо ютились голые мелкие осины. Даже березки, сверкая чистотой стволов, раздражали своим невеселым видом. Только цветок в плошке на подоконнике манил к себе свежими ярко-красными лепестками. Лев Михайлович осторожно взял глиняный горшочек и поднес к лицу. Но цветок был без запаха. С досадой Доватор поставил его на место. Цветок без запаха - что пища без соли.

Подойдя к стене, Лев Михайлович снял с гвоздя шашку, вынул ее и попробовал острие. Оно было отточено Сергеем, хорошо и густо смазано маслом. Лев Михайлович положил клинок на стол и решил протереть его.

В дверь постучали.

- Интендант второго ранга Миронов, по вашему приказанию, - доложил вошедший.

Миронов был высокий, плечистый человек с худощавым, но широким лицом, с большими, пшеничного цвета усами, выхоленными и пышно расчесанными. Казалось, интендант отрастил их для того, чтобы выставить напоказ вместе со строгой военной выправкой и новенькой, с иголочки, шинелью. На этот раз усы Миронова и его подчеркнутая опрятность вызвали у Доватора раздражение. "Одевается щеголем, а кони не подкованы", - мелькнуло у него в голове.

- Сколько имеете подков и ухналей? - подавая Миронову руку, спросил Доватор.

- Очень немного, товарищ генерал.

Интендант назвал мизерную цифру.

Лев Михайлович поморщился. Присев к столу, он положил ножны шашки на колени.

- Вы, очевидно, предполагали, что до зимы война окончится?

- Нет, товарищ генерал, как раз не предполагал.

Миронова удивил сухой, раздражительный тон Доватора. Он еще никогда так не разговаривал.

- Почему же не приготовили подковы? Конница уходила в тыл противника, вы оставались здесь, надо было позаботиться...

- Я выполнил то, что от меня требовалось. Подал...

- Плохо выполнили, должен вам заметить! - резко прервал его Доватор.

- Как вам будет угодно, но заявки поданы вовремя, - ответил Миронов.

Доватору показалось, что интендант не только не болеет душой за порученное дело, но и смотрит на взволнованность своего командира со спокойной, небрежной усмешкой.

- Не мне угодно, а раскованным коням! Им не легче от ваших заявок! У них копыта лопаются!

Лев Михайлович взял со стола клинок и вложил его в ножны. Поставив шашку между колен и опираясь рукой на эфес, он продолжал, отчеканивая каждое слово:

- Извольте подковы добыть где угодно и через два дня перековать весь конский состав.

Вызвав машину, Лев Михайлович поехал в штаб армии возбужденный и раздосадованный. Ему казалось, что снабженцы сейчас делают не то, что им следует делать, и вообще не так думают, как следовало бы им думать.

ГЛАВА 3

Со дня смерти Алексея Гордиенкова шел второй месяц, но перед глазами Нины он все еще стоял живой, до боли родной и близкий. Она помнила его решительные жесты, спокойную, подкупающую простотой улыбку и черные глаза, в которых светились ласка, доброта и глубокая, покоряющая любовь.

Нина плакала мало. Слезы не давали обычного облегчения. Кратковременный отдых и сентябрьское затишье на фронте не принесли покоя. Жизнь шла размеренным шагом, как конница на учебном марше: санитарная обработка, долечивание легкораненых, перевязки, градусники, кодеин, диета...

Дни повторялись, они были похожи один на другой, точно монетки одинакового достоинства. По вечерам в санитарной палатке при тусклом свете коптилки Нина с вялым безразличием съедала принесенный Яшей Воробьевым ужин и, отодвинув тарелку, сжимала ладонями голову, погружаясь в невозвратно ушедшее прошлое. Иногда она пыталась что-то записать, но нужные слова не приходили. Написанное казалось пустым и жалким, как маленькие, прыгающие буквы в кривой строчке.

Скомкав перечеркнутые листы, она продолжала неподвижно сидеть до тех пор, пока кто-нибудь не приходил и не нарушал ее мрачного оцепенения.

Однажды ночью Доватора начала сильно беспокоить нога, давно, еще до войны, ушибленная на конноспортивном состязании. Не желая нарушать отдых уснувшего адъютанта, он, накинув на плечи бурку, решил пройти в санчасть. Стояла лунная, с легким морозцем ночь. Облитые светом верхушки деревьев дрожали от глухих артиллерийских залпов.

Заметив в гуще молодых елок одиноко мерцающий огонек, Доватор направился туда.

Заглянув в маленькое окошечко санитарной палатки, он увидел Нину. Она сидела за столом перед пустой тарелкой и не замечала пылающего в консервной банке фитилька, от которого тянулась к потолку черная струйка дыма.

- У вас "электричество" коптит, - входя в палатку, сказал

Доватор.

Нина вскочила. Сняв пальцами нагар, переставила банку на другой угол стола. Закинув за ухо прядь волос, тронула рукой лоб, потом щеку, как будто у нее болела голова или зуб.

- Так и прокоптиться можно. Посмотрите, у вас лицо в саже, - пряча улыбку, добавил Лев Михайлович.

На щеке Нины густо отпечатались черные следы пальцев, выпачкан был подбородок и даже кончик носа. Отвернувшись, она торопливо схватила зеркальце и стала тереть щеки, но еще больше размазала копоть. "Хороша", мелькнуло у нее в голове. Путаясь и краснея, Нина тихо сказала:

- Извините, товарищ генерал... Я сейчас умоюсь...

Лев Михайлович присел на чурбак, служивший табуретом, и, сдвинув на затылок папаху, откровенно улыбнулся:

- Лечиться пришел. Умывайтесь и дайте мне чего-нибудь - нога болит.

- Может быть, доктора? - Нина машинально терла щеки, вопросительно глядя на генерала.

Немного склонив голову, он смотрел на Нину участливо и покровительственно. В эту минуту сам он больше походил на врача, чем на больного. Лев Михайлович видел тревожный блеск глаз Нины. От выпачканных щек они казались строже и выразительней.

- Не будите доктора. Дадите порошок, и все.

Нина вышла. Доватор слышал, как за стеной палатки, гремя котелком, она умывалась, потом, колыхнув брезентовые двери, вошла с полотенцем на плече, умытая, причесанная.

- Почему не спите? - посмотрев на часы, спросил Доватор. Было уже три утра.

Нина молча кивнула головой в угол. Там висела бурка Алексея. Доватор понял, какие мысли занимают Нину. Он сам тяжело пережил смерть Гордиенкова, воспитанника и близкого друга. Но он не должен был проявлять малодушия. Жизнь под ударами войны ломалась, перекраивалась и разрезалась, как твердые пласты целины под плугом.

- Трудно? - с внутренним напряжением спросил Лев Михайлович. Откинув полы бурки и положив ногу на ногу, он смотрел на девушку.

- Трудно! - доверчиво призналась Нина и всхлипнула. Ей показалось, что внутри у нее оборвалась последняя нить, сдерживавшая тяжкую скорбь.

- Если хотите, я вас переведу в другое подразделение, - дав ей выплакаться, сказал Лев Михайлович. - Будет легче!

Он понимал, что это необходимо и ему: девушка своим

присутствием каждодневно напоминала о воспитаннике. Она заставляла его задавать себе один и тот же вопрос; правильно ли он сделал, послав Алексея тогда со станковым пулеметом? Но ведь и сам он шел впереди, лежал в боевых порядках и, не уведи его тогда Петя Кочетков, он, может, разделил бы судьбу Алексея.

- Да, все напоминает, все, - качая головой, повторила Нина. - Конь, бурка, люди... В особенности Яша...

...После смерти Алексея Нина ездила на его коне. Яша остался у нее коноводом. В проявлении внимания и заботы он был неистощим и делал все это очень трогательно и даже нежно. Найдет в переметной суме или в вещевом мешке какую-нибудь безделушку и тащит ее Нине.

- Посмотрите, товарищ военфельдшер, пуговичку нашел от его гимнастерки, оторвалась она под деревней Малая Пустошка. Я помню.

- А чего же тогда не пришили?

- Я хотел, а он говорит, опосля сам пришью. Ить знаете, какой был человек, сапоги вычистить не дает. Украдкой утащишь, а он утром говорит: не смей...

Нина брала пуговку и, повертев ее в руках, спрашивала:

- А где гимнастерка?

- У меня. Все храню. Целехонька...

- Неси, пришьем.

Яша, полагая, что он делает для Нины огромное удовольствие, со всех ног бежал за гимнастеркой. Нина садилась пришивать пуговицу, тут же пристраивался Яша. Начинались воспоминания.

- Обходительным был покойничек, последний сухарь делил напополам... Бывало, все объяснит, растолкует. А уж ежели промашку дашь, так прикрикнет, глазами сверкнет! Тут держись!..

Все эти разговоры вызывали в душе Нины ноющую, физически ощутимую боль. Она припоминала еще и еще раз все лучшее, что связывало ее с Алексеем, и ей казалось, что горечь утраты никогда не покинет ее...

- В новой обстановке, - продолжал Лев Михайлович, - настроение изменится. Другие люди, другие впечатления. Постепенно сгладится все.

- Это никогда не сгладится, - подавляя слезы, твердо проговорила Нина.

- Не хочу возражать. Однако в жизни многое проходит, многое забывается. Вы еще молоды. Успокоитесь, иначе будете смотреть на жизнь. Перед уходом в рейд майор Осипов получил письмо о гибели семьи. Знаете, как переживал? Шутка сказать:

двое детей, жена... И никому ни слова...

- Неужели это правда?

Нина пристально посмотрела на Доватора. Она вспомнила, как во время похода через болото Антон Петрович, выпачканный в грязи, уверял тяжелораненого красноармейца, что он скоро попадет в госпиталь и все будет хорошо. Он дал ему сухарь, отломил кусочек и Нине. Молоденький паренек, вяло шевеля губами, грыз сухарь, кулаком растирая на веснушчатых щеках слезы, и, морщась, силился улыбнуться.

Подмигнув Нине, Антон Петрович тогда сказал:

- Все заживет. Вовремя приласкай человека, он поплачет и успокоится...

Потом еще ввернул какую-то шутку и заставил улыбнуться даже тяжелораненых казаков.

Нине не верилось, что этот человек шутил и смешил других именно в тот день, когда получил известие о гибели семьи.

- Я сам читал письмо... - точно угадывая ее мысли, сказал Доватор. Мы часто не замечаем, какие трагедии люди переживают рядом с нами. Самое главное - не надо теряться. Осипов - человек волевой, сильный, потому и не растерялся, а разве ему было легко?..

- Не легко, - согласилась Нина.

То, что она узнала, изумило ее, и ей захотелось уйти в работу так, чтобы все забылось и помнилось только одно - тот большой долг, ради которого она захотела разделить участь всех, кто боролся и умирал за Родину.

На следующий день Нина была переведена в полк Осипова.

...Выслушав доклады командиров подразделений, Антон Петрович Осипов взволновался. За время марша в полку оказалось свыше сорока отставших. После смерти Чалдонова командиром первого эскадрона из-за отсутствия резерва пришлось назначить бывшего начхима лейтенанта Рогозина. На него-то Антон Петрович и напустился, благо у Рогозина было больше всего хромых лошадей. При встрече с командиром полка лейтенант всегда терялся, во время доклада путался, краснел. Лицо у него было девичье, розовое, волосы густые, белокурые, похожие на спутанную пеньку. Говорил он тихим, словно извиняющимся, голосом.

- Громче! - прикрикивал на него Осипов, а про себя думал: "Экая романтическая личность".

Но сегодня Рогозин его удивил. Он неожиданно взъерепенился и заговорил с командиром полка так, как раньше никогда не говорил.

- Как это ты, тихоня, весь эскадрон не растерял? - возмущался

Антон Петрович.

- А я это сделаю на следующем марше, - невозмутимо брякнул Рогозин.

- Да ты что, милый, волчьих ягод наелся?

Осипов шевельнул бровями и, постукивая ногтями о полевую сумку, смерил взглядом Рогозина.

Тот, покусывая пухлые девичьи губы, раздраженно сгибал и разгибал пальцы опущенных рук.

- Так конницу не водят, - вдруг выпалил он. - Глупый марш. Кованые лошади и то падают, а...

Осипов договорить ему не дал.

- Довольно!

Антон Петрович с удивлением заметил, что "тихоня" чем-то озлоблен и настроен отчаянно. Выпады Рогозина были просто оскорбительны. Лучшим знатоком вождения конницы во всем корпусе справедливо считался подполковник Осипов. А тут какой-то лейтенант осмелился осуждать...

Однако командиры эскадронов тоже хмуро помалкивали. Все понимали, что марш совершен не так, как следовало бы. Причиной тому было огромное скопление войск на узких лесных дорогах, задержки, пробки и ограниченное время.

- Очень уж плоха дорога-то, товарищ подполковник. По такой дороге... - начал было Биктяшев, но его оборвал Осипов.

- Знаю, и не оправдывайтесь! Командир полка собрал вас сюда не на заседание месткома. Извольте приступить к ковке лошадей.

- Но подков нет, товарищ подполковник, - послышались возгласы командиров.

- Подковы будут, - пообещал Осипов, хотя и не был уверен, что достанет их.

Отход нарушил всю планомерность снабжения. Тылы отставали, попадали под бомбежку, путались в лесах и потом неделями разыскивали свои части.

Отпустив эскадронных, Осипов решил ехать к командиру дивизии, но в шалашик, выстроенный на скорую руку для подполковника, вошла Нина. Она принесла еще одно неприятное известие. Группа бойцов, отставшая с хромыми лошадьми, попала под бомбежку. Привезли раненых и убитых.

Антон Петрович, сжав зубы, морщился.

- Надо отправить всех раненых в госпиталь, - немного подумав, приказал он Нине.

- Куда же отправлять? Медэскадрон неизвестно где. Посылали искать, не нашли.

- Надо отыскать какой-нибудь другой госпиталь.

- Есть рядом с нами в лесу, но туда не берут.

- Как это не берут?

- У них все машины перегружены, а у нас даже перевязочных материалов нет. Все медицинские повозки отстали.

У Антона Петровича на лбу заметно вздулись жилки, сведенные к переносице, брови задергались.

- Повозки-то почему отстали? - спросил он сурово и требовательно.

Нина с первых же дней после перехода в полк действовала на Осипова раздражающе. Вручив распоряжение Доватора, она с откровенной сердечностью рассказала Осипову о своих переживаниях и чувствах. Потом вспомнила и о его несчастье.

- Утешать не умею и сам не ищу утешений, - сказал Осипов так холодно, что Нине стало ясно: отношения их теперь будут далеко не такими, как хотелось бы ей. Сейчас на вопрос Осипова, почему отстали повозки, она, немного волнуясь, ответила:

- Да мы спешим куда-то... А повозки не могут угнаться за кавалерией...

- Значит, нужно, если спешим...

- А фронт сейчас, товарищ подполковник, далеко? - осторожно спросила Нина.

- Теперь везде фронт!

Антон Петрович и сам не знал, где проходит фронт. Он не хотел говорить на эту тему, и каждый, как ему казалось, нелепый вопрос Нины раздражал его все больше и больше.

- А как же все-таки быть с ранеными? Ведь есть очень тяжелые...

Осипов почувствовал в голосе Нины затаенную горечь. Ее искренняя забота о раненых тронула его, и ему как-то неловко стало за свой грубоватый разговор с ней.

- Передайте доктору, - сказал он мягко и примиряюще, - что мы отправим раненых немедленно. Распоряжусь.

- Но у нас нет повозок!

- Найдем! - решительно заявил Осипов.

Нина ушла на этот раз успокоенная.

ГЛАВА 4

В лесу, неподалеку от деревни Земцы, часовые остановили машину Доватора.

- В чем дело? - приоткрыв дверцу, спросил Лев Михайлович.

Увидев генерала, сержант с петлицами пограничника почтительно козырнул, но все-таки вежливо потребовал документы.

- Мне нужен штаб армии. Я генерал Доватор.

Сержант проверил документы и снова почтительно

откозырял.

Лев Михайлович задумался так крепко, что и не заметил, как заехал на просеку. Когда вылез из кабины, увидел: почти под каждым кустом стояли замаскированные машины, доверху нагруженные снарядными ящиками и военным снаряжением. Шоферы сидели группками. Всюду слышались приглушенные звуки работающих моторов, кругом чувствовалась какая-то таинственная напряженность.

В блиндаж Доватору пришлось пролезть боком. За единственным столом сидели командарм и начальник штаба Гордей Захарович.

- Ты кстати приехал. Тут приказ заготовлен, - здороваясь, сухо проговорил командарм.

Гордей Захарович что-то прогудел в усы и скребнул рукой подбородок. Его большой нос склонился к бумагам.

- Мне хотелось точно узнать обстановку, - начал Доватор. - Затем у меня...

- Надо полагать, штаб армии в своих приказах указывает обстановку? Командарм вопросительно посмотрел на Доватора, словно на незнакомого человека.

Льву Михайловичу стало не по себе. На приглашение командарма сесть Доватор отозвался:

- У меня катастрофическое положение с ковкой лошадей... Еще один такой марш, и кони обезножат.

Но командарм не слушал его. Скупо усмехнувшись, он взял со стола бумажку и молча подал ее Доватору.

Пробежав первые строки, Лев Михайлович почувствовал, что голова его идет кругом. Это был боевой приказ на марш с более жесткими сроками, чем предыдущий. Гибельный марш для некованых коней!

- Очень трудно выполнить такой приказ, товарищ генерал.

- А я вас об этом не спрашиваю, товарищ генерал-майор, - отчеканил командарм.

Гордей Захарович, пощипывая ус, прищурился, веки у него набухли от бессонницы.

- Почему соединение не получает боевой задачи? - тихо спросил Доватор. - Люди рвутся в бой, а мы их отводим на восток, даем шестидесятикилометровые марши на раскованных конях!

- Люди рвутся в бой - это хорошо! А вы будете выполнять стратегическую задачу! - заметил Гордей Захарович.

- То есть?

- Оборонять Москву!

Лев Михайлович, не понимая, взглянул на командарма.

- Да! Будем отстаивать Москву, - не поднимая головы, тихо

подтвердил командарм.

- Отстаивать Москву! - неожиданно выкрикнул Доватор и порывисто встал. - А отдавать Москву никто и не собирается.

- Совершенно верно! Наша задача заключается в том, чтобы разбить гитлеровцев под Москвой. Поэтому конские подковы не могут влиять на выполнение стратегической задачи. Армия отходит на новые рубежи. Вам приказано совершить быстрейший марш. В самом ближайшем времени вы получите боевую задачу... Только уже у нового командующего армией.

Командарм медленно опустил голову. Аудиенция была закончена.

Доватор, громко стуча шпорами, поднялся по ступенькам блиндажа наверх.

В ясном и морозном безветрии грохот стрельбы был отчетлив и близок. Красноватый свет предвечернего солнца ложился на забрызганную грязью машину, на кочкастую дорогу, скользил по вереницам повозок, нагруженных разной кладью. Солдаты, дергая вожжами, понукали замученных лошадей, другие устало шли сзади.

Доватор с грустью провожал глазами это невеселое шествие. Вдруг солдаты на повозках побросали вожжи и, соскочив на землю, пустились бежать по жнивью к молодому соснячку. Доватор, не понимая, в чем дело, приказал шоферу остановить машину. Выйдя из кабины, он услышал гул моторов. Впереди, над чернеющим лесом, летели самолеты со свастикой. Доватор стал было считать, насчитал шестьдесят и бросил...

Земля стонала и вздрагивала от бомбовых разрывов. Сжав голову руками, Лев Михайлович сел на край придорожного кювета и огляделся. Самолеты бомбили район сосредоточения конницы. Присевший на корточки шофер выглядывал из кювета, как хорек из норы. Иногда он поворачивал голову и наблюдал за генералом. Тот полой бурки тер носки сапог.

Самолеты продолжали выть и пикировать. Ближайшая от машины лошадь с повозкой свернула с дороги и, пришлепывая губами, тянулась к увядшей травке. От голодного нетерпения она громко звенела удилами и мотала головой.

Доватор встал, отвязал от дуги повод и разнуздал лошадь. Та, словно в благодарность, коснулась его руки горячими губами и, тряхнув головой, жадно припала к траве. От прикосновения конских губ Доватор почувствовал внутреннее облегчение. Он наклонился, собрал растянувшиеся на земле вожжи и положил их на бричку. В передке ее лежала свернутая подушечкой плащ-палатка, а вся повозка была загружена подковами. Они связаны были пачками. Лев Михайлович потрогал одну из них, хотел

поднять, но она была очень тяжелой. Самолеты уже скрылись, и от лесочка группками подходили бойцы. Хозяин повозки, что была с подковами, шел не торопясь, но, увидев генерала, припустился бегом. Остановившись перед генералом, он четко отрапортовал:

- Ездовой конардива Семен Зорькин!

- А где ваш конардив? - спросил Доватор.

Солдатик смущенно пожал плечами. Был он молод, краснощек, в измятой короткой шинели и в натянутой на уши пилотке.

- Не могу знать, товарищ генерал.

- Куда же ты двигаешься?

- Да туда, куда и все. Отходим. - Зорькин кивком головы показал на восток. - Наши вперед уехали, а у меня конь пристает, кладь тяжелая.

- Добре! Я тебя облегчу. Заберу подковы, - немного подумав, проговорил Доватор.

Подков было немного, но на эскадрон хватило бы.

- Как прикажете. Я с моим удовольствием. Прямо хоть на дороге выбрасывай. Конь совсем не тянет.

Когда подковы были перегружены на автомашину, солдатик немного призадумался, поглядел на Доватора и спросил:

- А ежели, товарищ генерал, меня старшина встретит, какой мне ответ держать? Я вчера на станции Нелидово получал и расписался. Вы, может, мне бумажку дадите?

- В Нелидове, говоришь? - спросил вместо ответа Доватор.

- Так точно. Там их горы...

- Добре. Я тебе напишу форменную расписку.

Лев Михайлович, достав из полевой сумки блокнот, написал расписку, передал ее обрадованному солдатику, а сам сел в машину и покатил на станцию Нелидово.

В эскадроне разведчиков казаки рыли щели. Буслов вместе с Петей Кочетковым закрыли яму сучьями, завалили дерном и даже ухитрились сделать небольшую печь. Прорыли глубокую нишу, сверху пробили в мерзлой земле дырку для дымохода, и печь получилась на славу. Петя торжествовал. Ему приходилось делать печки, чтобы жечь в них бумажки, но тут было все по-настоящему: можно погреться, сварить суп, испечь картошку. В эскадроне он уже совсем освоился, во время строительства перебегал от одной группы к другой, делал замечания, давал советы, а если уж очень надоедал, его вежливо отсылали:

- Ты бы, Кочеток, сходил посмотрел...

- Чевой-то?

- Да гнедой у меня с утра вверх спиной стоит...

- Да ну? Может, он кувыркнулся? Так с утра и стоит?

- Так и стоит...

- К доктору бы надо, - шмурыгнув по носу варежкой, резонно заявлял Петя.

- Да это только ты в санчасти околачиваешься...

Петя щурил глаза и немного конфузился. На последнем марше его так растрясло, что пришлось не раз спешиваться. Добрую половину пути Петя ехал в санитарной повозке под присмотром фельдшера.

- Да я и не хотел... - оправдываясь, говорил он.

Филипп Афанасьевич полюбил Петю и часто забавлял его удивительными сказками, но сегодня он был хмур и неприветлив. Все время что-то копался в переметных сумах, сортировал нехитрые солдатские пожитки и аккуратно укладывал их в вещевой мешок.

Он написал письма колхозникам и жене своей Полине Марковне. Ей писал долго, терпеливо, кривыми буквами, насыщая каждое слово задушевной искренностью. Таких длинных писем он не писал давно.

"Дорогая, любезная моя супружница. Прожив я с тобой тридцать рокив, а того ще на вику не бачив. Дела мои идуть не швыдко. Зараз у меня вышла с генералом пренья по военной стратегии, и мы трошки повздорили. Не подумай, що я пустился в разные слова непотребные и действа, як в 1921 роке с писарем Нечипуром, который вчинил нам с тобою срам на усю станицу, колысь я был председателем стансовета, та ще малограмотным. Зараз я можу всякое интеллигентство понимать, а в военном деле трошки маракую.

Я описывал тоби, як мы германца в тылу били, як мне орден дали. А зараз мне не дают не только шабли вынуть, но и автоматом пальнуть ни разу не приходится. Почему? Потому, що это дило военное и знать тоби не треба. А у меня сердце дуже болить, бо решил я бить немца партизанской сноровкой. Зараз писем не жди и не мокроглазничай дуже. Хоть я и ухожу, но с генералом у меня великая дружба, потому що на войни всегда дружба крепкая, як хорошая подкова. А генерал у нас наихрабрейший и обходительный, очень сходный на товарища Котовского. Но у меня характер, як у борова на спине щетина. Трошки бываю похож на дурня. Ты оце добре знаешь. Мабуть, колысь меня зародили, то бог и чертяка трошки повздорили, оттого и получился такий неказистый... Порося, що гудували, режь к великому Октябрьскому празднику и кушай на здоровьечко. Резать позови того хромого черта Нечипуру, печенку ему поджарь, а горилки щоб и духу не було, а то вин потом целый

месяц будет чертей с красными языками ловить и все дела закинет и до тебе буде чепляться... От него через это я всякое лиходейство терпел. Зараз оглядайся, я ще силу имею и всякое могу зробить. Но ты знаешь, що я себя блюсти умею ось як. Жалкую, що у нас хлопца немае. Зачинили мы в тылу одного, без матки и без батьки. Хлопчик Петька дуже приятный и башковитый. Пока я тоби писульку накропал, он стремена кирпичом до блеска натер. Молодчага! Была бы ты поближе, взяли б мы его заместо сына. Ну, бувай здоровенька, не поминай лихом. Еще свидимся, коли германца разобьем, а коли нет, домой меня не ожидай. Ни який ворог от меня покорства не дождется".

Филипп Афанасьевич сложил письмо треугольником и написал адрес. Сзади незаметно подошел Петя Кочетков.

- А вы, дядя Филипп, сегодня рассказывать будете?

- Що такое?

- Про хана турецкого...

- Э, сынок, мне больше рассказывать не придется... - хрипловатый басок Филиппа Афанасьевича был заглушен ржаньем коня и тревожно-крикливой командой "Воздух!"

Из-за леса нарастал утробный гул, наполнял небо густым зловещим рокотом моторов. Казалось, земля начинает покачиваться, а могучие ели, сосны и молодые березки вздрагивать и шевелиться.

- В окоп, сынок! - крикнул Шаповаленко Пете, но мальчик, напуганный бомбежкой, схватил его за ногу и спрятал голову между коленями. Филипп Афанасьевич подхватил паренька на руки и побежал к щели. Там уж было битком набито. Казаки на руки приняли Петю.

Шаповаленко, пригнувшись, бросился к ближайшим елям, где были привязаны кони. На опушке неистово стучали зенитки. С замаскированной тачанки, вздрагивая кургузой мордой, бил пулемет. Над лесом бешено ревели моторы.

Пронзительный, жуткий вой пикирующих машин, свистящие звуки падающих бомб сливались, перемешивались с адским грохотом разрывов. Падали исковерканные деревья, летели вверх комья мерзлой земли, взрывы валили молодой орешник и ольшаник, заволакивая все смрадом и едким дымом.

Филипп Афанасьевич, сжимая в руках карабин, видел над лесом, в облачках разрывов зениток, кружившиеся самолеты. Казалось, это были стаи хищных огромных птиц. Бомба с пронзительным свистом ударилась около того места, где он только что писал письмо. В грохочущем вихре разрыва исчезла щель. Сквозь груды обломков, в клубах серого дыма, ползли, бежали, льнули друг к другу люди. Мчались кони с

распущенными чембурами. Кругом слышался беспорядочный треск пальбы. Над верхушками деревьев низко прошел самолет. На его желтых огромных плоскостях чернела кричащая, точно скрученная из змеиных голов, свастика.

Филипп Афанасьевич быстро всунул в магазин обойму бронебойных патронов и начал бить в желтое обнаженное пузо самодета. Бил азартно, с неистовым ожесточением.

Гул моторов откатился влево. Над истерзанным лесом на миг выплыло сероватое облачко, из-за него неожиданно показалось затемненное дымом солнце.

К Филиппу Афанасьевичу на четвереньках подполз вымазанный в земле Володя Салазкин. Рядом, ошалело тычась мордой, прошел чей-то конь с оборванным поводом. Из-за дерева выскочил Яша Воробьев; подхватив чембур, он повел коня в кусты и хрипловато крикнул на ходу:

- Не маячьте! Сейчас еще прилетят.

- Ты ранен? - наклонившись к Салазкину, спросил Шаповаленко.

- Я? Нет. - Он утер рукавом мокрое, грязное лицо и одичало осмотрелся по сторонам.

- В щель угодила... Захар, Буслов, Петя... Щоб ты... Идем, может, кто...

Филипп Афанасьевич щелкнул затвором, выбросил из патронника стреляную гильзу и вскинул карабин на плечо.

- Я выскочил, - глухо бормотал Салазкин, - а их завалило. Бомбища, наверное, тонна...

Шаповаленко рванулся было к щели, но над лесом снова загудели самолеты.

- Назад! - крикнул Салазкин.

Филипп Афанасьевич, возвратившись, встал под елку и, скинув с плеч карабин, перезарядил его.

- Ты что, стрелять хочешь? Не смей! Демаскировка! - Салазкин поймал его за ногу. - Брось, пожалуйста, брось! Заметит!

- Цыц! - Шаповаленко, выругавшись, отшвырнул его ногой.

Самолеты без боевого разворота летели над лесом с предельной скоростью. Филипп Афанасьевич, загорясь кипучей яростью, начал стрелять по самолету. Вдруг над верхушками деревьев вынырнули тупоносые самолетики с красными звездочками. То там, то здесь вспыхивало яркое пламя трассирующих пуль. Шаповаленко опустил карабин. На лице его были и слезы и улыбка. Фашистов гнали наши истребители. Они стремительно неслись вслед за удаляющимися "юнкерсами". Повернувшись к Салазкину, Филипп Афанасьевич крикнул:

- Ха! Молодцы! А ты сукин сын! Рваный чобот! Визжит, як недорезанный хряк! Який тоби батько зробил, такого трусача? Ховайся, а то вдарю!

Казак, тряхнув карабином, повесил его на сук и, схватив саперную лопату, бросился к щели. У края обвалившейся ямы, отряхиваясь, стоял Торба. Из-под каски выглядывало выпачканное в глине лицо, над горбатой переносицей живо поблескивали улыбающиеся глаза.

- Захар?! - Шаповаленко остановился с лопатой в руках, точно могильщик перед покойником.

- Ого! - откликнулся Торба.

- Попало?

- Трошки. Бачил, що творит, сатана?

- Дышло ему в глотку! Где Петька? Буслов?

- Да тут мы... - Из щели показалось лицо Буслова.

Филиппу Афанасьевичу казалось, что спокойней и добродушней этого лица он никогда в жизни не видел. Оно было ребячески молодо, забавно и в то же время мужественно и красиво. Протянув Буслову обе руки, Шаповаленко рывком вытащил его из щели.

- Кони разбежались. Собирать надо! - кричал подходивший Яша Воробьев. Следом шел Салазкин, потирая распухшую щеку: ком мерзлой земли угодил ему в лицо.

- Надо, хлопцы, коней... - начал было Захар, но, спохватившись, спросил: - Санитары где?

- В третьем взводе перевязывают, - ответил Яша. - А у нас как будто ничего. Вот только Салазкина чуточку оглушило.

- Пустяки! - Салазкин махнул рукой и робко глянул на Шаповаленко.

Тот погрозил ему кулаком и не без ехидства проговорил:

- Якие пустяки, целая тонна!

- Какая там тонна, килограммов пятьдесят, - показал Захар на воронку.

Бомба разорвалась как раз там, где лежал вещевой мешок с пожитками Филиппа Афанасьевича. От них ничего не осталось, кроме каким-то чудом уцелевшей карточки Фени Ястребовой.

- Ось! Мама ридная... Все пропало! - кричал Шаповаленко. - Старый дурень! Дубина! Не мог уберечь, мурло бородатое!.. - держа в руке карточку, колотил он себя кулаком по лбу.

- Да что пропало? - не выдержал Торба. - Карточка цела. А ну, дай сюда.

Захар взял фотографию, она на самом деле была только помята и запачкана, а лицо Фени сохранилось полностью.

- Все в порядке, даже улыбается!

- А вещевой мешок, где вещевой мешок? - не унимался Филипп Афанасьевич.

- Штаны жалко? Мыло, бритву?

- Якие штаны! Якое мыло! План колхозной жизни пропал, на двести восемьдесят шесть пунктов!

- А зачем ты его туда сховал? - сердито спросил Торба.

Ему действительно было жаль тетрадь. Вместе когда-то сочиняли. Хорошо было помечтать, пофантазировать о будущей жизни.

- А еще в Кремль хотел послать... - укоряюще проговорил Захар. - Там на сколько пятилеток материалу? Эх ты!

- Да какой план? Тетрадь, что ли, синяя? - спросил Салазкин.

- Ну да, - сокрушенно ответил Шаповаленко.

- Да она же у меня. Ты мне ее утром переписать дал, а я не успел. Вот она...

Салазкин полез в сумку.

- А правда. Совсем, браты, забылся. Разбомбили память, окаянные! А ну, давай сюда.

Однако, порывшись в сумке, Салазкин не обнаружил там тетради.

- Постой-ка, где же я ее мог оставить? - смущенно бормотал он.

- Потерял? - Филипп Афанасьевич встал и пошел на писаря медведем...

ГЛАВА 5

Машина Доватора подкатила к штабу группы. Ясный морозный день угасал. Солнце уходило за темнеющее окружье леса. На неопавших красных листьях осины горели закатные лучи. Деревенька, куда прибыл Доватор, была в смятении. По улице, пугливо озираясь, женщины тащили узлы. За ними бежали ребятишки. Какой-то старик копал в огороде яму.

Увидев в окно генерала, Карпенков вышел навстречу.

- У нас налет был, - сказал он и умолк.

Доватор его не слушал. Он стоял и, хмурясь, смотрел на старика, копавшего яму. Нехорошие мысли лезли в голову, и он не знал, как и чем отогнать их. Развязав на груди ремешки бурки, генерал отрывисто сказал:

- Знаю о налете. Видел... А какие потери?

- Жду сводку.

- Поторопи, - произнес Доватор. - А сейчас пиши распоряжение о подготовке к длительному маршу. Есть приказ. Выступаем через двадцать четыре часа.

- Опять длительный... Куда? - спросил Карпенков.

- Стратегический. После поговорим. Срочно пришли ко мне

Миронова.

Лев Михайлович махнул рукой и пошел в хату.

Когда вошел Миронов, Доватор сидел за столом, обедал. Интенданта он встретил мягко и приветливо. Запросто пригласил:

- Садитесь кушать.

Миронов поблагодарил и отказался. Интенданту показалось, что генерал разительно переменился.

За обедом Доватор сообщил Миронову, что на станции Нелидово стоит несколько эшелонов с материальной частью. Там есть и подковы. Надо их взять.

- Как взять? - озадаченно спросил Миронов. - Нужно ведь распоряжение армейского интендантства.

- Напишите уполномочие за моей подписью и действуйте.

- Это будет похоже на самоуправство, - нерешительно возразил интендант. - Могут не дать...

- А вы сумейте взять.

Лев Михайлович улыбнулся, лукаво прищурил глаза:

- Если этого не сделаете, сам поеду. Вам же стыдно будет!

Доватор взглянул на Миронова. Тот, склонив голову, понимающе улыбнулся. Миронов был прямой человек, всегда спокойный, но, как казалось Доватору, не всегда решительный. В данную минуту Лев Михайлович был уверен, что его распоряжение будет выполнено.

Когда Миронов удалился, пришел Карпенков и доложил, что из резерва прибыли для пополнения командиры. Побеседовав с ними, Доватор направил их в части и лишь одного позвал к себе в хату. Это был старший лейтенант в фуражке пограничных войск, с зелеными петлицами на шинели. Старые, потертые полевые ремни ловко и аккуратно обхватывали фигуру. Лицо у него было широкобровое, с крупными продольными морщинками на лбу, с упрямым изгибом резко очерченных губ.

Расспросив командира о прежней службе, Доватор узнал, что старший лейтенант долгое время служил на западной границе. Начал с рядового бойца, был командиром отделения, старшиной, командиром взвода, потом окончил курсы, в сорок первом году занимал должность начальника пограничной заставы. В начале войны ранен, сейчас возвратился из госпиталя.

- Предлагаю вам, товарищ Кушнарев, две должности: командиром комендантского эскадрона или ко мне личным адъютантом. Выбирайте.

Доватору давно хотелось иметь адъютантом не щеголя, а тактически грамотного офицера-кадровика. Старший лейтенант казался подходящим.

- Извините, товарищ генерал. На таких должностях никогда не служил.

Кушнарев посмотрел на Доватора с такой мрачностью, словно ему предложили самые никудышные обязанности.

- Ничего, освоитесь, - успокаивающе проговорил Доватор. - Дело не хитрое, привыкнете.

- Привыкать не хотелось бы... - откровенно признался Кушнарев.

- А чего бы вам хотелось? - задетый за живое, спросил Лев Михайлович.

- Служить по своей специальности.

- В разведчики, что ли хотите? - пряча усмешку, спросил Доватор, незаметно наблюдая за командиром.

- Вы угадали, товарищ генерал. Сами понимаете, скучно будет на комендантской должности. Штаб охранять, помещения подыскивать...

Пограничник блеснул черными, в густых ресницах глазами и улыбнулся.

Доватору захотелось именно такого человека иметь своим личным адъютантом. Ему можно было многое доверить и во многом на него положиться, но Лев Михайлович понимал, что старшему лейтенанту действительно будет скучно на адъютантской должности. Ее добивались многие, а этот, вместо того чтобы с благодарностью согласиться, упорно отказывается.

Лев Михайлович усмехнулся, подал Кушнареву руку и, пожимая ее, сказал:

- Хорошо, принимайте разведэскадрон. Кстати, там есть кобылица Урса, никто объездить не может. Попробуйте. Только предупреждаю: лошадка строгая.

- Есть принять разведэскадрон и объездить строгую кобылицу! отчетливо повторил старший лейтенант.

Попросив разрешения уйти, он вышел спокойно и неторопливо, ни разу не шевельнув туго затянутыми в ремни плечами.

- Молодец! - удовлетворенно улыбаясь, проговорил вслед Лев Михайлович. - С таким воевать можно!

Спустя несколько минут, направляясь в штаб, Доватор встретил Буслова.

- Товарищ генерал, разрешите обратиться по личному вопросу. - Буслов был немного взволнован и заметно нервничал.

- Да, да. Что случилось?

- Я, товарищ генерал, насчет Шаповаленко. Прошу, товарищ генерал, оставить его в разведке, он...

Буслов не договорил. Помолчав немного, в замешательстве принялся объяснять Доватору, что Шаповаленко замечательный товарищ. Во взводе его все любят. Сам он тоже сейчас очень печалится и ругает свой неугомонный характер.

Доватор удивленно поднял брови. Серые глаза его потемнели. Смягчая резкость голоса, он негромко, без строгости спросил:

- А вы знаете, что в армии за товарища просить не положено?

- Знаю, товарищ генерал. Его вопрос - это и мой тоже. Я как будто это за себя прошу...

- Собственно, как это понять? - зорко всматриваясь в лицо разведчика, спросил Лев Михайлович и еще более удивился.

Широкое, открытое лицо Буслова потеряло обычное добродушие, оно выражало явную озабоченность и даже суровость.

- А так, что мы с нам одинаково думали. Только он, смелый и пожилой человек, сказал, а я промолчал... Столько имеем войска, оружия, а отходим и боя не принимаем. Почему, товарищ генерал? Почему отпора не даем?

Буслов поднял на Доватора спокойные светлые глаза и, плотно прижимая ладони к синим кавалерийским брюкам, ждал ответа.

Доватор поджал губы и, шевельнув под буркой плечами, резким движением отбросил полы, зацепив большие пальцы за жесткие края поясного ремня. Руки мелко и напряженно дрожали. Ему только теперь стал понятен смысл полученной утром анонимной записки:

"Товарищ генерал!

Вас любят и уважают все кавалеристы. У нас сердце обливается кровью, что мы отходим и отдаем нашу землю проклятому фашисту..." Далее анонимный автор предлагал не отходить, а бороться до последней капли крови.

Доватор увел Буслова к себе на квартиру и, развернув карту, терпеливо начал разъяснять ему, что немцы прорвали фронт и стремятся захватить Москву. На участки прорыва они стягивают большие силы, которые трудно сдержать. Там идут жесточайшие бои.

- А почему пехота и мы идем куда-то? Надо подсобить, - упорствовал Буслов.

- Нельзя оголять этот участок. Командование сохраняет силы для решительной схватки.

- Это верно, тогда и тут немцы могут хлынуть.

- Безусловно, могут.

Под конец убежденный во всем Буслов снова вернулся к просьбе о своем друге. Выслушав его, Доватор сказал:

- Ладно. Оставляю. Только предупреждаю, что все эти нелепые выходки надо прекратить. Наказывать буду.

В сущности говоря, Лев Михайлович никуда отправлять Шаповаленко не собирался, но острастку следовало дать.

Буслов ушел от генерала успокоенный, довольный тем, что ему удалось вовремя заступиться за товарища.

Но Доватор на этом не успокоился. Он знал, что большинство бойцов и командиров подавлены отходом наших войск. Молчаливый и настороженный укор заметен и в глазах местных жителей, измученных бомбежками и неизвестностью. Многие колхозники не верили, что враг придет к ним сюда, поэтому

своевременно и не эвакуировались. А сейчас чудовище войны надвигалось на их родные дома, уничтожало все добытое великим созидательным трудом.

Вечерело. Запад погнал из-за леса темно-серые, клубящиеся, похожие на дым мрачные тучи. Гулко содрогалась земля. Тяжелый грохот артиллерийского боя слышался все ближе и ближе... Казалось, природа затихла, примирилась со скрежетом металла и зловещим воем бомбардировщиков. Но не примирились с этим люди. Они мужественно и стойко переносили тяжесть военной страды и продолжали делать свое трудное дело.

Постояв у окна, Доватор вышел в переднюю и приказал адъютанту позвать начальника политотдела полкового комиссара Уварова и военкома Михаила Павловича Шубина.

- Вот и отлично! Сейчас насчет чая сообразим! - возбужденно проговорил Лев Михайлович, когда пришли политработники. Он часто вставал со стула, заглядывал в окно, несколько раз прошелся из угла в угол, зябко пожимая плечами.

- Только за этим и пригласил? - поудобнее устраиваясь на пружинном диване, улыбнулся Шубин.

Он видел, что генерал чем-то расстроен и пытается скрыть это.

- Нет, не за этим! - решительно и веско ответил Доватор. - Ну, а если есть возможность, почему не выпить и чайку? За стаканом хороший разговор получается! Откровенный такой, домашний.

- Отвыкли уже по-домашнему разговаривать, - заметил высокий белокурый Уваров, следя за Доватором ясными голубыми глазами.

- А я вот никак не могу отвыкнуть, - задумчиво отозвался Шубин. - Мне часто хочется поговорить не языком уставов, а простыми задушевными словами.

- Да, это верно! - после минутного размышления заговорил Доватор. Одним по-настоящему хорошим словом можно глубоко затронуть человека... Сейчас нам, как никогда, нужны такие слова! - горячо продолжал он. Знаете, товарищи, я сегодня получил записку... Меня спрашивают, почему мы отходим без боев, оставляем противнику огромную территорию. Эти же слова только сейчас повторил разведчик Буслов. Почему нормально не совершаем марши? Кони измучены, начинают хромать, подков нет, с воздуха сыплется на головы горячий металл, а тут снова приказ на длительный марш с самыми жестокими сроками! Вы понимаете, какая ответственность лежит на всех нас?..

- Мне кажется, надо во всех подразделениях провести открытые партийные собрания, - медленно и вдумчиво начал

Уваров. - Разъяснить всем бойцам и командирам, что мы временно вынуждены оставлять нашу территорию, и не скрывать, что фашисты, не считаясь с потерями, наступают, стремятся захватить нашу столицу. Но этого никогда не будет!

Далее Уваров сообщил намеченный план политической работы на марше. План был одобрен. Наутро работники политотдела выехали в части и подразделения. Михаил Павлович Шубин направился в дивизию генерала Атланова.

Партийное собрание при штабе корпуса проводил вместе с Доватором Николай Максимович Уваров. На повестке дня стоял один вопрос: информация о положении на фронтах Великой Отечественной войны и задачи коммунистов в предстоящих боях.

Был безветренный день. Густой лес притих. Размашистые ветви елей слегка прикрылись белыми кружевами, сквозь которые то проглянет яркий солнечный луч и обозначит на смешанных со снегом листьях человеческую тень, то снова скроется за хмурыми тучами.

Между деревьями разместились пришедшие на партийное собрание люди. Многие сидят на старом валежнике, иные просто на земле, некоторые стоят, прислонившись к деревьям. Разведчики во главе с Филиппом Афанасьевичем Шаповаленко нарубили клинками еловых веток, смастерили общую подстилку и разместились под ветвистым дубом. Здесь были Буслов, Захар Торба, Павлюк, писарь Салазкин. Все с напряженным вниманием вслушиваются в слова начальника политотдела Уварова.

- На легкую победу, товарищи, рассчитывать не приходится. Впереди нас ожидают суровые испытания! Мы сейчас отходим не потому, что у нас нет желания драться, нет! Нам нужно накопить и сохранить резервы, чтобы нанести противнику сокрушительный удар! Сейчас наша доблестная пехота и танковые части ведут с врагом смертельные бои. Мы, коммунисты, должны служить примером мужества, воли и выдержки и, если потребуется, отдать за дело партии, за нашу Родину свою жизнь!.. Вспомните, товарищи, как тяжело было после гражданской войны, когда все наше хозяйство было разрушено, в стране свирепствовали голод, болезни. Большевики не испугались этого! Ликвидировали голод и наголову разбили иностранных захватчиков. Красная Армия не может быть и не будет побеждена, ибо создателем первой в мире армии освобожденных рабочих и крестьян была партия большевиков во главе с Лениным. Наш корпус совершит еще не один рейд, фашисты долго будут помнить свист кавалерийских клинков. Товарищи! Наступит день, когда вражеские полчища снова покатятся на запад!

Голос Уварова звучит с глубокой убеждающей силой. Он

видит перед собой притихших коммунистов-воинов и по горячему блеску глаз чувствует напряженное внимание.

Тихо. Высоко по веткам деревьев начинает плескаться легкий ветерок. На ветке дуба притаились два розовых снегиря. Вытянув шейки, они чутко прислушиваются к каждому шороху, словно стараются разгадать, о чем говорит этот высокий, голубоглазый, в коверкотовой гимнастерке человек.

После Уварова слово взял Буслов. Сняв каску, он потер широкий крутой лоб темной от загара жилистой ладонью, на которой неуклюже торчат узловатые сильные пальцы. Сжав их в кулаки, он заговорил:

- Вот этими руками я в Донбассе с двенадцати лет уголь добывал... А сейчас мне двадцать восемь, стало быть, шестнадцать годков... Я бы теперь выдавал тонн по двести в сутки, а то и побольше. Тогда бы в наших городах еще ярче горел электрический свет, быстрее бы ходили поезда и пароходы, теплее было бы в хатах. Мне бы не пришлось вот этими самыми руками убивать немецкого солдата и душить сторожевых овчарок, как это я сделал в разведке, когда пробивались во вражеский тыл в августе месяце. Зачем же я это делаю? Почему? Да потому, что в наш родной Донбасс пришли враги, беспощадные, как звери, и начали грабить народное добро, убивать наших детей и матерей. Нам пришлось затопить шахты, взять винтовки, чтобы защитить нашу Родину!

Заявляю, товарищи, как коммунист, как боец Красной Армии и клянусь еще раз как гражданин Советского Союза, что не выпущу винтовки из рук до тех пор, пока останется на советской земле хоть один фашист! Кто на нас напал, тому жестоко придется расплачиваться. Мне сегодня генерал объяснил, что фашисты хотят захватить нашу столицу Москву. Нет, товарищи, этого не будет. Этого не допустит наша великая партия.

Простые слова Буслова произвели сильное впечатление. Каждый выступающий старался высказать свое внутреннее, наболевшее, то, что тревожило душу, не давало покоя.

Слово снова взял Уваров. Он сказал:

- Я призываю коммунистов и беспартийных бойцов и командиров разъяснять везде и всюду нашим советским людям, что в этой Великой Отечественной войне мы защищаем правое дело! Товарищи! Фашисты не выдержат нашего удара, ибо мы сильны духом и верой в победу, мы сильны системой социалистического строя, а еще мы сильны потому, что нами руководит великая Коммунистическая партия. Слава нашей партии! Слава советскому народу!

Старший лейтенант Кушнарев, прибыв в разведэскадрон,

тотчас же собрал взводных командиров и предъявил приказ о своем назначении.

- Принимать эскадрон начинаю с первого взвода. Остальным приготовиться, - коротко заключил новый командир.

Торба, которому предстояло показать хозяйство, немного смутился. Мрачноватый, с упрямым изгибом бровей, старший лейтенант всей своей фигурой, манерой кратко выражаться дал почувствовать, что от его глаз грехов не укроешь.

Это было видно по тому, как он поступил с его другом Филиппом Афанасьевичем. Тот сидел под елкой, ожидая решения своей участи, и что-то рассказывал собравшимся вокруг него товарищам.

- Чем сейчас занимаются люди по распорядку дня? - спросил Кушнарев у Торбы.

Захар опешил. Стояли на месте два дня. Никто об этом не думал. И вообще после смерти Гордиенкова исполняющий обязанности командира эскадрона никаких расписаний не составлял. Командир каждого взвода устанавливал порядок, какой он находил нужным.

- Да ничем... - смущенно ответил Торба.

- В какое время водопой? - Комэскадрона отогнул рукав шинели и взглянул на часы.

- Утром, - ответил Торба.

Пристальный, неотступный взгляд Кушнарева смущал Торбу все более и более.

- А обед? - снова последовал въедливый вопрос.

- Наперед коней поим, кормим, а потом сами едим, - ответил Торба.

- Сначала накормить коня - неплохое правило, - заметил сухо Кушнарев и, обернувшись к Захару, добавил: - Бойцов по коням, быстро!

При последнем слове комэскадрона так сверкнул глазами, что Захар, будучи сам неробкого десятка, внутренне дрогнул.

Торба подал команду. Казаки нехотя поднялись, заплевывая на ходу цигарки. На месте остался один Шаповаленко. Сидя на корточках, он складывал в мешок сухари. Тут же на газете лежала жареная курица.

- А вы какого взвода, товарищ? - подойдя к Филиппу Афанасьевичу, спросил Кушнарев.

- Кто? Я? - покосившись на комэскадрона, переспросил Шаповаленко.

О назначении нового командира казаки не знали. Филипп Афанасьевич принял Кушнарева за очередного "поверяющего". На каждой стоянке их приезжало так много, что к ним успели

привыкнуть. Поэтому, увлеченный сборами в партизаны, Шаповаленко даже не встал.

- Да, вы! - подтвердил комэскадрона.

- Этого взводу був, - взяв курицу за ногу, ответил казак.

- А сейчас?

- И зараз пока этого...

- Почему не выполнили приказания командира взвода?

- Да тут воно тако дило выйшло... - начал было Филипп Афанасьевич. Он уже решил излить свое горе перед незнакомым командиром, тем более что опытным взглядом старого конника угадал, "що цей чоловик имеет кавалерийскую душу", но сделать этого не успел.

Над его головой раздалась такая властная и зычная команда "Встать", что у Шаповаленко чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подскочил так, словно его сзади подтолкнули. Не успев опомниться, услышал вторую команду, еще более властную и требовательную:

- На конюшню, бегом, марш!

Филипп Афанасьевич смотрел на свирепого командира, ошеломленно моргая глазами, и не трогался с места.

- Марш!!! - насупив черные мохнатые брови, снова зыкнул комэскадрона, показывая рукой в направлении коновязи.

Шаповаленко сорвался с места, как подстегнутый конь, и, болтая жареной курицей, путаясь в длинных полах шинели, побежал к коновязи.

Казаки, наблюдавшие эту сцену, мгновенно расхватали скребницы и начали усиленно чистить лошадей.

Новый командир подходил к каждой лошади, приказывал называть кличку и что-то записывал в книжку. После осмотра он построил весь взвод и заявил:

- Кони грязные. Настоящему кавалеристу должно быть стыдно. Увидели, что идет поверять новый командир, похватали скребницы. Так делают только нерадивые, обленившиеся люди. Конь в порядке только у товарища Шаповаленко. Чувствуется, что он любит его, но сегодня он что-то не в себе...

Кушнарев, бросив взгляд на Филиппа Афанасьевича, спросил:

- Отчего он хромает?

- Ковать треба, а подков нема, - хрипло, откашливаясь, ответил Шаповаленко.

- Сегодня же поезжайте в деревню и подкуйте в колхозной кузнице. Ясно?

- Всех ковать нужно, товарищ старший лейтенант, - ободренно заявил Шаповаленко.

Кушнарев задумался. Он и сам заметил, что надо подковать

всех, но где взять подковы?

- Старшину ко мне! - вынимая из планшетки карту, приказал Кушнарев. Оглядел казаков, коротко добавил: - Разойдись! Командиру взвода остаться.

- Я вас слушаю. - Стоявший позади него старшина Ракитин выступил вперед, ловко бросив ладонь к кубанке. Вытянувшись, он ждал приказаний. По звонкому цокоту шпор и бодрому отклику Кушнарев понял, что старшина службу знает.

- Сколько в эскадроне кузнецов? - не отрываясь от карты, спросил комэскадрона.

- Ковочный инструктор один и два штатных коваля, - слегка тронув пальцами вьющиеся колечками волосы, ответил Ракитин.

- А кроме?

- Не знаю.

Ракитин смущенно блеснул светлыми глазами. Он понимал, что ему, старшине, следовало бы знать, сколько в эскадроне людей, знающих ковочное дело.

- Найдутся... - добавил он нерешительно.

- Не сомневаюсь, - протяжно отозвался Кушнарев и вопросительно посмотрел на Торбу.

Захар догадался и тут же ответил:

- В первом взводе Буслов настоящий коваль. Воробьев и Шаповаленко тоже знают, да и я могу. Было б чем работать. Подковать коня - дело нехитрое.

- Но ответственное, - подчеркнул Кушнарев. - Хороший кавалерист должен знать ковку. А карта есть у вас, товарищ старшина?

- Есть, товарищ старший лейтенант!

- Запрягите бричку, обшарьте деревни Лукояново, Озеры, Позднякоко, Хмели. Соберите все подковы, новые и старые, и свезите к кузнице в село Ращенка. Оборудуйте горн. Пошукайте...

- А если не дадут? - нерешительно возразил Ракитин.

- Сейчас, ребятки, родная мать от нас отговорок не примет, - меняя тон, ответил Кушнарев. - Выполняйте приказание. А мы с командиром взвода пойдем глядеть дикую кобылицу Урсу.

- Откуда вы ее знаете? - удивленно спросил Торба.

В суете осмотра и поверки он совсем забыл о ней. Урса была в эскадроне предметом постоянных разговоров. Двух смельчаков, пытавшихся сеять на нее верхом, отправили в госпиталь. Один, пролежав десять дней, только-что вернулся. Торба рассказал Кушнареву историю Урсы. Недели две назад на станцию Старая Торопа пришел на пополнение эшелон с лошадьми. Часть их оказалась совсем необъезженной. Казаки прилаживали для выгрузки к вагонам специальные мостки. Проводники советовали

не беспокоить коней раньше времени, но их не послушали и открыли двери вагонов. Любопытные скопом полезли к лошадям. Сначала раздалось звериное фырканье, потом треск ломающихся поперечных задвижек. Солдаты запрыгали из вагонов, а следом, через их головы, прямо на насыпь, стали скакать черногривые, темно-гнедые кони. Любопытные на четвереньках лезли под вагоны. Истосковавшиеся по воле кони с диким храпом развеяли по ветру длинные хвосты и помчались в поле.

Целую неделю ловили их арканами, но Урса так и не далась. Она гуляла привольно по нескошенным хлебам, не давая приблизиться к себе ни человеку, ни лошади. Лишь после нескольких дней сытой жизни она заскучала без подруг и стала навещать коней разведэскадрона во время пастьбы. Ее не трогали, дали обвыкнуться. Однажды ночью она осмелилась подойти к коновязям и призывным, тоскующим голосом дала о себе знать. Ей ответил стоявший с краю конек бойца Мулдасинова. Калибек Мулдасинов, казах, отличный наездник и знаток лошадей, незаметно подкрался и ловко ее заарканил брошенной на шею петлей. Однако на другой же день при попытке взнуздать коня Калибек так был смят горячей Урсой, что его пришлось отправить в полевой госпиталь.

- К этой зверюге и подходить-то страшно, - закончил рассказ Торба.

Неподалеку от взводной коновязи за сосну была привязана темно-гнедая кобылица. Увидев людей, она гневно зафыркала, рванулась в сторону и, натянув привязанный к дереву цепкой чембур, уперлась передними ногами в землю. На лбу, повыше глубоко впавших глазниц, вместо челки лежал скатанный из репьев комок. Ими же были разукрашены грива и хвост. Когда Кушнарев подошел поближе, кобылица дико захрапела и замотала головой, пытаясь оборвать крепкий чембур. Несколько раз она порывалась подняться на задние ноги. Взглянув на скаковые суставы и широкие голени, Кушнарев угадал породу озорницы.

- Экземпляр! - восхищенно проговорил он, покачивая головой. Протянув руку вперед и приговаривая нежное "олле", он смело подошел к ней, не отрывая взора от ее зло горящих глаз.

ГЛАВА 6

Приехав на станцию Нелидово, Миронов направился в отдел передвижения грузов. Шагая по платформе, он поражался огромному скоплению эшелонов с грузами и жестокими следами бомбардировки. В гигантских воронках от бомб стекленела замерзшая вода, валялись исковерканные рельсы, чернела развороченная земля, обугленные бревна.

По путям между эшелонами, о чем-то споря, кучками ходили военные. Стоявшие у вагонов часовые ежеминутно строго окрикивали штатских с чемоданами, узлами, свертками, пытавшихся нырнуть под буфера.

В отделе грузовой службы Миронов стал свидетелем любопытной сцены. Какой-то капитан интендантской службы, перевешиваясь через барьер, совал лейтенанту - помощнику коменданта - пачку бумаг и с горячей настойчивостью доказывал:

- Поймите! Наш груз здесь! Я сам видел. Вагон номер шестьсот два, назначение станция Кощенки.

- Вот туда его и направим. Там и получите.

Лейтенант беспомощно рылся в бумагах и ворчливо отругивался от наседавших военных. Он явно был не в курсе дела и совершенно не знал обстановки.

- Да ведь станция Кощенки занята противником!

- Каким противником? - обалдело спрашивал лейтенант.

- Немцами, черт побери! - не выдержав, закричал капитан. - Фашистами!

- Вы не кричите! - взбеленился вдруг лейтенант. - А то я патруль вызову.

Станция Кощенки действительно была занята немцами. Миронов узнал об этом еще утром. Для того чтобы вразумить лейтенанта, он решил вмещаться.

- Капитан правильно говорит. Туда уже грузы направлять нельзя.

- Но и здесь запрещено выгружать, - огрызнулся было лейтенант, но внушительная выправка Миронова и две шпалы на петлицах произвели на него должное впечатление. Миронов спокойно разъяснил, что армии отводят на восток, следовательно, и военные грузы надо направлять обратно.

- Обратно?! - хмуро заметил лейтенант. - Обратно нельзя, там дорогу разбомбило.

- Тем более надо выдать здесь!

- А пусть, вывозите, - махнул рукой лейтенант. - Только забирайте все, а то у нас платформы забиты.

Момент для получения подков был самый подходящий. В голове Миронова сложился простой план: как можно скорей узнать, кому принадлежат обнаруженные Доватором подковы, и в зависимости от этого действовать.

- Выгрузка запрещена, а на платформе гора подков! Такой товар можно было где угодно выбросить, - заговорил Миронов, когда разошлись командиры.

Где выгружены подковы и выгружены ли они вообще, Миронов и понятия не имел.

- Мне нужно туда пойти, - добавил он требовательно.

- За этот груз я не отвечаю, - проговорил лейтенант обрадованно, там полковник есть. Представитель армии..

- Какой армии?

- Извините, не могу знать, - ответил лейтенант и охотно объяснил, где разыскать полковника и как пройти на товарную платформу.

На площадке, около штабелей новеньких ящиков, лежали груды подков. Рядом стоял часовой. Сухой и крепкий, с ветерком морозец заставил его поднять воротник шинели и усердно притопывать ботинками. На Миронова боец не обратил ни малейшего внимания: очевидно, приветствовать снующих взад и вперед по платформе командиров и начальников разных рангов ему просто надоело.

- Черт знает куда выгрузили! - нарочито громко проговорил Миронов, доставая портсигар.

В данном положении часовой играл решающую роль. На всякий случай Миронов дал ему понять, что имеет к грузам прямое отношение.

- Вы о чем, товарищ майор? - спросил часовой, не без интереса поглядывая на толстую папиросу, которую Миронов вытащил из портсигара.

- Да вот подковы хотел грузить, а, видно, придется их сначала вытаскивать на конец платформы, - ответил Миронов.

- Зачем вытаскивать, когда вагонов нету, машины могут подъезжать прямо сюда. По шпалам.

- Сюда? - показывая на блестящие рельсы, спросил майор и чиркнул спичкой.

- Так точно, сюда. Здесь курить нельзя, товарищ начальник.

Часовой, перехватив рукавицами винтовку, показал на плоскую тесовую крышу пакгауза. Огромными буквами там было намалевано: "За курение трибунал!"

- Виноват! - Миронов смущенно спрятал портсигар в карман.

- Сюда можно прямо на машинах, - добродушно подтвердил часовой, встряхивая застывшими плечами. - Вы уже оформили?

- Нет еще... - сухо отозвался Миронов.

- Тогда идите к полковнику. Тут совсем недалеко.

Часовой обстоятельно, с ненужными подробностями, начинавшими раздражать Миронова, объяснил, как и что необходимо сделать для получения подков.

Лавируя среди военных, толпившихся на крыльце небольшого домика, Миронов пробрался в кабинет полковника.

За столом в новеньком, с иголочки, кителе сидел упитанный человек в звании полковника с обрюзгшим, нездоровым лицом и

что-то писал.

Когда вошел Миронов, он даже не поднял головы, а только обратным концом ручки почесал приплюснутый нос со шрамом на переносице и продолжал писать.

- Здравствуйте! - сказал негромко Миронов.

В ответ полковник прошептал что-то невразумительное глухим, надорванным голосом. Через минуту, вскинув на Миронова тусклые, похожие на стертые монеты глаза, спросил:

- У вас наряд? Какая часть?

- Я насчет подков, - осторожно ответил Миронов.

- Берите...

Полковник вялым движением руки снял с зазвеневшего телефона трубку.

- Холостяков слушает! Неизвестно! Путь разрушен. Все будем отправлять на станцию Высокое. Забирайте на машины. Вам, значит, подковы? - повесив трубку, обратился Холостяков к Миронову.

- Да, мне нужны подковы.

- Сколько?

- Заберу все.

- Очень хорошо. Берите все. Наряд есть? Наконец-то я разгружу площадку.

- У меня, собственно, не наряд, а требование.

Миронов протянул бумажку.

- Пусть требование... Все равно.

Но взглянув на бланк требования, Холостяков быстро написал разрешение и размашисто подписался.

Миронов был крайне удивлен той легкостью, с которой совершилась операция. Он уже торжествовал, воображая, как обрадуется Доватор. Но неожиданно все переменилось. Вручая документы Миронову, Холостяков случайно покосился на подпись генерала и торопливо отдернул руку с бумагами.

- Доватор? - спросил он.

- Да, генерал Доватор.

Миронов заметил, как лицо Холостякова вдруг стало тупым и холодным. Шрам на переносице покраснел.

- Генерал Доватор, - процедил он сквозь зубы. Швырнув требование на стол, он резко спросил: - В какую армию входит ваше соединение?

Миронов ответил, что кавалерийские дивизии сейчас находятся в резерве фронта.

- Ну и получайте там. Ваш генерал думает, что он мудрец, а здесь дураки сидят, - и Холостяков размашисто перечеркнул свою подпись на требовании.

Миронов недоуменно молчал. Он не знал, что Холостяков был когда-то обижен Доватором. Увидев, что Доватор уже в звании генерала, Холостяков вскипел. Ему казалось, что его обошли, унизили и даже чего-то незаслуженно лишили. "Люди получают генеральские звания, а здесь вот сидишь на проклятых грузах - ни уму, ни сердцу". Недавнее повышение в звании его уже больше не удовлетворяло.

- Что это значит, товарищ полковник? - резко спросил Миронов, возмущенный таким неожиданным поворотом деда.

- А то, что ваш генерал обязан знать порядок материального обеспечения. Раз его части находятся в распоряжении штаба Западного фронта, то и пусть получает из фронтовых резервов.

- Но вы не можете использовать такого количества подков. - Миронов старался говорить мягко, несмотря на то что волнение его дошло до крайней степени.

- Вам этого не дано знать!

Холостяков небрежно отодвинул требование на край стола, как бы подчеркивая этим, что разговор окончен.

Но интендант Миронов был человек не такой, чтобы отступиться. Да и нельзя было возвращаться без подков. Приказание Доватора было категоричным, и Миронов сам понимал, что положение создалось катастрофическое: на раскованных конях воевать нельзя. Поведение полковника было ему совершенно непонятно. Обстановка сложилась так, что отступающие войска не успевали вывозить даже такие грузы, как боеприпасы и продовольствие. Пакгаузы были забиты всевозможным снаряжением. На путях стояли десятки неразгруженных эшелонов. Железнодорожная магистраль почти ежедневно подвергалась бомбардировкам. Все это Миронов с большим тактом старался внушить Холостякову, но его слова натыкались на тупое упрямство. Полковник был неумолим.

Тогда Миронов решился на крайнее средство. Порывшись в кармане гимнастерки, он извлек старое удостоверение штаба фронта и положил его на стол.

- Что это? - с прежней небрежностью спросил Холостяков.

- А вы прочтите. - Миронов принял сугубо официальный тон. - Мне, как представителю штаба фронта, необходимо ознакомиться с продвижением грузов.

- Так я не понимаю - вы разговариваете как представитель штаба фронта или как ходатай Доватора?

- И то и другое... - невозмутимо ответил Миронов. - Мне поручено обеспечить кавалерийские дивизии подковами.

- У вас должно быть официальное уполномочие... - почесывая переносицу, уже нетвердо заявил Холостяков.

- Земля мерзлая, снега нет. На раскованных конях ехать нельзя. Это совершенно официальный документ. А вы всю платформу загрузили такими второстепенными грузами, как подковы... Я сейчас буду телеграфировать в штаб фронта...

- Телеграфировать, конечно, можно... А вот вы попробуйте сядьте на мое место... Что я могу сделать?

Упрямство полковника иссякло. Он уже соглашался отдать подковы Миронову, но просил написать официальную бумажку "от представителя штаба фронта".

Такую бумажку Миронов написал и, погрузив подковы, покатил в штаб группы.

...Круглые сутки в полках шла ковка лошадей, а на следующую ночь конница двинулась к Ржевскому большаку.

Через несколько дней кавгруппа Доватора вышла на шоссе Белый - Ржев с задачей прикрыть отход наших частей. По приказу Главного Командования кавалерийские части после тяжелых оборонительных боев, свернувшись в походные колонны, провели стремительное по быстроте и исключительно тяжелое обходное движение свыше чем на тысячу километров (по кривой линии). Это было вызвано тем, что немцы, прорвав в октябре фронт в районе Холм - Белый, начали развивать наступление сразу в трех направлениях: Калинин, Волоколамск и Можайск.

В начале ноября кавгруппа Доватора вышла в район юго-западнее Волоколамска и завязала ожесточенные бои вдоль магистрали, на левом фланге знаменитой Панфиловской дивизии.

ГЛАВА 7

Продвижение гитлеровских частей к Волоколамску началось с утра. Волоколамск был накануне оставлен частями Красной Армии.

Перегруженные машины, надсадно завывая моторами, шли непрерывным потоком. По обеим сторонам исковерканной магистрали сиротливо курчавились заиндевевшие кусты. На снегу серыми пятнами лежали трупы. Над лесом тяжело повисли тучи. Желтые, вымытые осенними дождями сосны вздрагивали от тяжелого гула ползущих танковых колонн, осыпали с веток снежные кружева, обнажая изуродованные осколками снарядов верхушки.

Фронт приближался к Москве.

Неуклюжий, грязноватого цвета броневик с намалеванным над амбразурой чертом, обогнав колонну, свернул с шоссе и, переваливаясь по мерзлым кочкам, пополз к видневшейся у леса деревушке. За ним устремилась вереница штабных машин.

Генерал Штрумф, командующий армейской группой, за

последние десять дней менял командный пункт шестой раз. Его армии в быстром темпе одними из первых подходили к Москве. Несмотря на недавнюю болезнь и потерю сына, генерал был по-прежнему бодр и энергичен. Едва войдя в комнату, он приказал подскочившему адъютанту:

- Кофе и схему!

Адъютант Штрумфа был в новом кителе с капитанскими погонами и двумя Железными крестами. Левый глаз его был закрыт аккуратной черной повязкой. Одинокий правый глаз смотрел жестко и пытливо. Чтобы восполнить недостатки зрения, капитан выработал привычку часто и резко поворачивать голову. Можно было подумать, что адъютант ежесекундно ждет удара сзади и поэтому дергает головой. Генерал терпеть не мог этой привычки своего адъютанта, но держал его при себе потому, что считал незаменимым.

Сбросив с плеч бекешку, подбитую белым барашком, Штрумф внимательно осмотрел комнату и прошелся из угла в угол. В доме было тихо. За окнами, стуча сапогами о мерзлую землю, неторопливо ходил часовой. Глухо пофыркивали на деревенской улице автомобили. В отдалении щелкали одиночные выстрелы, изредка доносилась пулеметная очередь.

Неожиданно за спиной генерала где-то в углу звонко заверещал сверчок. Штрумф резко обернулся. Сверчок выводил неприятную трель с однообразным скрипящим высвистом. Заглянув во все углы, генерал досадливо крякнул и беспомощно остановился посреди комнаты, прислушиваясь к звукам единственного в доме обитателя, нарушавшего генеральский покой. Выругавшись вслух, Штрумф сел за стол и придвинул к себе чашку кофе. Хотел было приказать тотчас же ликвидировать надоедливого, раздражающего "зверя", но, отхлебнув глоток крепкого горячего кофе, раздумал. Такими вещами мог заниматься его бывший ординарец Вилли, но не капитан Прайс. Сверчок, точно угадав генеральские мысли, неожиданно умолк. Выпив кофе, Штрумф развернул лежащую на столе схему.

В центре разноцветной карты была советская столица. Почти со всех сторон бежали к ней железнодорожные магистрали: Киевская, Белорусская, Ленинградская... Они были зачеркнуты жирными черными крестами. Оставались нетронутыми Северная и Казанская, но туда уже были нацелены стрелы в направлении Рязани и Ярославля.

Штрумф взял цветной карандаш. Со стороны Волоколамска он провел жирную прямую линию в направлении Истринского водохранилища, размашисто вывел на голубом фоне яйцеобразный овал и мелко заштриховал его. Это был новый

район сосредоточения немецких войск. Именно туда и намечался следующий удар.

- Капитан Прайс! - медленно поворачиваясь на стуле всем туловищем, позвал Штрумф адъютанта.

- Я вас слушаю.

- Принесите мне последние сводки.

Капитан вышел и тотчас вернулся с пачкой бумаг.

- Вы слышали что-нибудь о Рокоссовском? - просматривая их, спросил Штрумф.

- Ничего! - коротко ответил адъютант.

- Передайте разведотделу, что мне нужны сведения о генерале Рокоссовском. Полные биографические данные!

Прочитав сводку Советского информбюро, Штрумф подчеркнул фамилию генерала Доватора и глубоко задумался. Фамилия кавалерийского генерала действовала на него раздражающе. Снова вспомнились Рибшево, неизвестно куда исчезнувший Вилли, труп сына, полковника Густава, и большие голубые глаза снохи Хильды. Все это было уже прошлым, но еще не забытым и поэтому жестоким. Скрипнув стулом, генерал медленно поднялся. Заложив белую большую руку за борт темно-зеленого кителя, он грузно прошелся до порога. Нащупав позолоченную, с орлом, пуговицу, внезапно открутил ее и зажал в кулаке. На толстых, плотно сомкнутых губах немецкого барона обозначились жесткие складки.

Совещание высшего немецкого командования началось точно в назначенное время. На нем присутствовали командующие армиями генералы Фогт и Гютнер, новый начальник штаба Штрумфа генерал-лейтенант Рихарт, пять генералов командиров армейских корпусов, три генерала - командиры танковых корпусов, несколько авиационных генералов и представитель главной ставки, уполномоченный Гитлера, генерал-лейтенант Лангер.

После гортанного приветствия "Хайль Гитлер!" генералы уселись за стол и со строгой методичностью стали развертывать карты.

Оперативную обстановку на фронте докладывал генерал Лангер.

- План наступательных операций в намеченный срок полностью осуществить не удалось, - глухим отрывистым голосом проговорил Лангер. Действием отдельных высших командиров и начальников фюрер недоволен!

Лангер выпрямил высокую костлявую спину и резко тряхнул поседевшей головой, подчеркнув этим и без того напряженную паузу. Узкие коричневые глаза генерала смотрели холодно и

вызывающе.

- Несмотря на колоссальные успехи германской армии, фюрер имеет основание быть недовольным, - продолжал Лангер несколько смягченным голосом, но по-прежнему резко и решительно. - Москва должна была пасть в октябре, а сейчас уже ноябрь. Германские войска находятся на расстоянии восьмидесяти километров от Москвы. Для того чтобы преодолеть это расстояние, главной ставке приходится в третий раз изменять план "Барбаросса". Захват Москвы решает исход всей кампании! Это должен знать не только каждый генерал, но и каждый немецкий солдат!

Снова пауза, напряженная, угрожающая.

Головы генералов склонились к военным картам. Серые топографические квадраты плана Москвы, окаймленные зеленью лесных массивов, раскинулись широко, мощно и загадочно. Красным кружком заштрихован Кремль. Отчетливо вычерченная рукой генерала Фогта, именно туда направлена самая крупная, черная, с острым концом стрела, такая же жирная, как и сам генерал Фогт.

Зажав толстыми коротенькими пальцами карандаш, он привычным умелым движением поправил острие стрелы, изящно вырисовывая боковые перья. Но от чересчур сильного нажима сердечко карандаша не выдержало и сломалось. Вместо острого жала стрелы на карте получилась неопрятная на вид, вихлястая загогулина. "Черт возьми! Это скверный признак!"

С сердцем отшвырнув карандаш, Фогт, отвечая на последние слова представителя главной ставки, сказал:

- Если мы не ускорим темп наступления, то русские, пользуясь условиями зимы, создадут вокруг Москвы непреодолимые оборонительные рубежи. Это восполнит их недостаток в танках.

Узкие глаза Лангера встречаются с хитрым бульдожьим взглядом Фогта понимающе, одобрительно. Усталое лицо сидящего напротив генерала Гютнера хмурится. Его автоматчики, одетые в легкие шинели, рвутся к Москве неудержимо. Рвутся как оголтелые и - гибнут тысячами. Поневоле приходится хмуриться.

"Да, сейчас, именно сейчас, - думает Гютнер, - надо атаковать большевистскую столицу, пока не остыли в руках гренадеров автоматические пистолеты-пулеметы. Фогт прав. Он умен, но чрезвычайно самоуверен. Конечно, имея в своем распоряжении 1300 танков, можно быть самоуверенным. Но почему так мрачен генерал Штрумф - хозяин левого крыла фронта?"

Покусывая толстые губы, Штрумф грузно сидел в кресле (возит его всегда в собой), неподвижно, как идол. "Кажется, он

потерял сына... полковника. Да, это очень неприятно..." Но сколько ни старается Гютнер наблюдать за выражением лица генерала Штрумфа, оно остается каменным. Угадать мысли ученика знаменитого Людендорфа невозможно. Это не удается никому. Даже такой прусской военной косточке, как генерал Гютнер.

- Русские никогда не смогут восполнить недостаток в танках, продолжал Лангер. - Промышленные районы юга России находятся в руках германской армии. Доблестные войска нашей армии под командованием генерала Клейста, овладев городом Ростов-на-Дону, открыли ворота Кавказа. Мы захватили центральный угольный район - Донецкий бассейн. Он теперь находится в надежных руках немецких промышленников. Российская житница Украина является губернаторством великой Германской империи. Скоро русские будут лишены самого важного стратегического сырья - кавказской нефти, без которой продолжение военных действий немыслимо. На юге наши границы объединятся с дружественной нам Турцией, на востоке - с Японией. Пушки Квантунской армии направлены на Сибирь. Они ждут сигнала. Россия проиграла войну. Она стоит накануне катастрофы.

Обрисовывая обстановку, Лангер, подражая Гитлеру, говорил быстро, отрывисто, сопровождая речь резкими поворотами головы и ожесточенно потрясая сжатыми кулаками. Одноглазый адъютант капитан Прайс едва успевал стенографировать.

Иногда на короткое мгновение Лангер замолкал и оглядывал сидящих перед ним генералов, чтобы определить по выражению их лиц, какое впечатление производит его речь. Он был не только ярым наци и генералом с высшим, академическим образованием, но и хитрым, прожженным политиком. Он был одержим властолюбием. Должность военного советника Гитлера досталась ему не так-то просто.

Лангер не случайно прибыл сюда. Всех сидящих перед ним генералов он не только помнил в лицо, но и знал всю подноготную каждого из них. Вот, например, толстый, круглый, с широким бульдожьим лицом Фогт, хитрец и интриган, он немножко либерал, немножко демократ, его очень любят солдаты, так же как он любит антикварные вещи... На бесчинства своих танкистов он смотрит сквозь пальцы. Зато не может равнодушно смотреть на женскую юбку. В каждом занятом его солдатами городе он прежде всего приказывает организовать увеселительные дома. Одним из человеческих пороков, как сказал фюрер, является совесть. Так чего же скромничать генералу Фогту?.. Он отличный вояка и умерен в употреблении коньяка...

Отличительные черты есть и у генерала Гютнера. Это прежде всего прусский солдат. Его усатая физиономия смахивает на кайзера Вильгельма. Гютнер умерен во всем. С его железной дисциплиной и таким же здоровьем можно прожить больше ста лет. Его сердце крепко, как добротная прусская каска. Гютнер увлекается спортом, но это не профессиональное увлечение, а гигиена. Гютнер исполнителен и точен. Правда, он чересчур строг... Солдаты и офицеры его крепко побаиваются, но зато он очень хороший семьянин. У него куча детей. Четыре сына; два из них уже офицеры. Генерал Гютнер на хорошем счету у фюрера именно за свою умеренность. Он даже пленных приказывает пристреливать только в том случае, если они ослабели на этапе и не могут идти сами.

Остальные генералы - это типичная армейщина, слоны на шахматной доске, только с той разницей, что некоторые из них упитанны, другие худощавы, с удлиненными головами, как у хищных озерных щук. Они подтянуты, гладко выбриты, напарфюмерены духами всех стран.

Они побывали везде и отлично делают свое дело, как раз то, что требует национал-социалистическое правительство "великой Германии".

Сейчас они с врожденным чувством субординации склонили перед уполномоченным фюрера головы, чего нельзя сказать о командующем генерале Штрумфе. Скрестив на груди холеные руки, он глядит перед собой сумрачным, тяжелым взглядом, как будто не замечает присутствующих. О нем Лангер знает, что этот человек обладает полководческим талантом высокого класса и огромными богатствами. Но Лангер знает и то, что этот черствый и мнительный человек сейчас глубоко уязвлен недовольством фюрера. Штрумф завоевал половину Европы, но был обманут и бит каким-то русским кавалерийским полковником с громкой фамилией Доватор. Этот Доватор за короткое время стал генералом и теперь вновь появился со своим кавалерийским соединением в полосе наступательного движения войск генерала Штрумфа.

Вчера Доватор неожиданно атаковал станцию Волоколамск и наделал там черт знает что. Взорвал и сжег несколько эшелонов, выпустил и увел с собой пленных, приготовленных к отправке в Германию, и ушел в лес безнаказанно, оставив одну убитую лошадь. Целый день авиация разыскивала его в лесу, а он со своей кавалерией словно сквозь землю провалился.

Советское командование, высоко оценивая действия этого генерала, ежедневно упоминало его фамилию в сводке Информбюро и результаты его походов широко освещало в

печати. По этому поводу фюрер бросил злую реплику: "Очевидно, движению танков генерала фон Штрумфа мешают брыкливые лошади Доватора". Когда Штрумфу передали эту фразу, он взбесился. Набрал в грудь воздуха, хотел что-то сказать, но только боднул головой, промычал и взмахом руки приказал своему адъютанту выйти вон.

Сейчас у него на лице надменная непроницаемая маска, жестокая и властная. Свои лучшие чувства генерал Штрумф проявляет только к кофе и к кушанью под названием "воробьиное гдездышко". Оно делается из мятого картофеля в форме птичьего гнезда; на дно этого сооружения кладется несколько круглых, поджаренных на сливочном масле котлет. Наверно, от этих "воробьиных гнездышек" так жирен генерал Штрумф.

Впечатление, которое Лангер вынес от генеральского совещания, он записал в свой дневник с полным убеждением, что эти его литературные упражнения станут когда-нибудь достоянием истории. И он не ошибся.

Подытоживая сложившуюся обстановку, генерал Лангер хвастливо и высокомерно заключил:

- Сейчас непобедимая Германия входит в сферу великих исторических событий. Все зависит от завоевания России. Страна с ее неисчислимыми богатствами может прокормить не только Германию, но и всю Европу. После капитуляции России главные силы германской армии нанесут молниеносный удар Великобритании и в течение самого непродолжительного времени поставят ее на колени. Этому станут способствовать русский хлеб и русская промышленность. А потом мы уже заставим развязать толстую мошну дядюшки Сэма. Когда у нас будут английский флот и германские бомбардировщики дальнего действия, нью-йоркские небоскребы повалятся, как карточные домики. Штурм Москвы - это залог мирового господства великой германской нации!

Генерал Лангер оборвал свою речь резко и повелительно.

В комнате стояла тишина, только за печкой весело и беззаботно верещал равнодушный ко всему сверчок. Он знал свое место.

После выступления генерала Лангера Штрумф приступил к изложению стратегического и тактического плана. По этому "третьему плану главного немецкого командования" центр тяжести удара переносился на левое крыло фронта, имея целью захват Волоколамской и Ярославской магистралей, Истринского и Московского водохранилищ.

Главные надежды в предстоящем наступлении возлагались на 3-ю танковую группу генерала Гоота и 4-ю танковую группу

генерала Хюпнера. Методическая разработка плана была исключительной по своей точности (вплоть до того, сколько и когда должна выпустить снарядов каждая пушка и где должен находиться ответственный лейтенант по приемке русских пленных) и потрясающей по своему жестокому и зверскому замыслу. Сопровождая оперативный план дополнительными комментариями, генерал Штрумф сказал:

- Стремительное продвижение германских танков дает нам возможность подтянуть крупнокалиберную артиллерию и начать методическую бомбардировку Москвы. Захват Сибирской железной дороги парализует подвоз боеприпасов и продовольствия. Захват водохранилищ позволит нам открыть шлюзы и лишить Москву водоснабжения. Овладение Каширской электростанцией прервет подачу энергии. Пусть шестимиллионная Москва, если она не хочет капитулировать, ест собак и кошек и пьет собственную мочу, - с грубым цинизмом комментировал генерал Штрумф. - Москва уже обречена. Это должен знать каждый германский солдат! Общее наступление назначено на шестнадцатое ноября. Районы прорыва намечены в направлениях Солнечногорск - Истра.

Когда совещание было закончено и генералы разъехались, Штрумф пригласил своего недавно назначенного начальника штаба - генерала Эрнста Рихарта - для решения текущих дел, приказав капитану Прайсу приготовить глинтвейн.

У Штрумфа болел зуб. Врач положил на больное место согревающий компресс и обмотал всю голову генерала бинтами.

Генерал Рихарт, усевшись против своего патрона в кресло, с величайшей непринужденностью завел разговор о политическом докладе Лангера.

- Начинается крупная игра, - медленно сказал он, обрезая кончик сигары.

- Да! Москва - это крепкий орех, - шевеля только одними губами, чтобы не тревожить больной зуб, ответил Штрумф.

- Не кажется ли вам...

Рихарт небрежно сунул в рот сигару и, наклонившись, щелкнул изящной никелированной зажигалкой, сделанной по форме маленького дамского браунинга.

Штрумф уже знал манеру своего начштаба в щекотливый момент сначала тянуть и мямлить, а потом огорошить собеседника такой репликой, от которой мог заболеть и совершенно здоровый зуб.

До нового назначения Рихарт занимал должность начальника штаба одного из армейских корпусов, подчиненных Штрумфу. Как генерал он имел огромный практический опыт штабной

службы. В деле он показывал исключительную работоспособность. В своих действиях был невозмутим и решителен. Он умел подхватывать мысли своего патрона на лету и мгновенно превращать их в безукоризненно отработанный приказ.

Особенностью его речи было косноязычие и насмешливость, переходящая в злую, откровенную иронию с неизменным чертыханием. Семьи он не имел и до пятидесяти лет прожил холостяком. Штрумф звал его пуританином. Он ценил его и доверял ему. При внезапной вспышке гнева своего начальника Рихарт всегда сохранял полное спокойствие, давая начальству возможность "перебеситься" и показывая этим, как должны вести себя в серьезный момент генералы, достойные этого высокого звания.

- Не кажется ли вам, генерал... - Рихарт отмахнул от себя сигарный дым и сунул зажигалку в нагрудный карман кителя. - Не кажется ли вам, что сильно натянутая струна в конце концов лопается?

- Говорите ясней, Рихарт.

- Я думаю, что генерал Лангер слишком натянул струну.

Штрумф не смог удержать сорвавшейся фразы:

- Я не политик, а солдат.

"Пуританин" весело засмеялся с сознанием того, как ловко он поддел своего патрона и заставил выдать себя с головой. Штрумф не только терпеть не мог политических разглагольствований Лангера, но и не выносил его самого. Чтобы сгладить неловкую паузу, Штрумф грубовато добавил:

- Мне нужно в достаточном количестве металла, живого мяса, пороха и хлеба. Тогда я могу завоевать еще одну Европу.

- Но ведь мы европейских рабов не заставили трепетать, а только набросили на них сомнительного качества ярмо, - с улыбкой заметил Рихарт.

Штрумф, поправив съехавший на глаза бинт, хмуро поморщился. Ему хотелось оборвать начальника штаба, но в то же время забавно было слушать смелые выводы "пуританина". Кинув на него тяжелый взгляд, он небрежно ответил:

- Раб не должен иметь воли.

- Но если он захочет ее иметь?

- Надо напоить автоматчиков хорошим коньяком и подкрепить на закуску танками. Все будет в порядке.

- Когда-то... в России... - вновь начал Рихарт, пережевывая каждое слово, - именно в России... деникинские офицеры имели в достаточном количестве водку, английские, французские корабли, пушки Круппа и американские штаны. А получилось

черт знает что! - добавил "пуританин" по-русски и широко развел руками.

Штрумф, жадно глотнув горячий глинтвейн, сильно закашлялся. Это было уже слишком. Бессмысленно возражать "пуританину", а показывать раздражение - и подавно! Но обратить все в шутку он не мог: ученик Людендорфа в скоморохи не годился. Да и глупо такому человеку не знать поучительной истории. Тогда хотели утопить Россию в народной крови. Ничего не вышло.

И вот новая игра, и во имя чего? Во имя чего ведет он эту кровавую игру с участием танков и живых людей и завершает поединок смертью? Во имя нации? Вздор! Во имя нового порядка? Чепуха! Может быть, во имя вестфальских имений? В прах разнесут его имения люди, которых он хочет сделать рабами. "Эрнст Рихарт прав", - думал Штрумф.

И тут генерал Штрумф задохнулся; задохнулся не от глотка глинтвейна, а от нахлынувших мыслей.

- Эрнст Рихарт, - глухо откашлявшись, заговорил Штрумф, играя низким, великолепно-презрительным голосом. - Эрнст Рихарт, скажите мне, вы воюете за великую Германию?

"Пуританин" встал и сделал несколько шагов по комнате. Затем, остановившись против Штрумфа, он положил руку на грудь и без рисовки сказал:

- Я не боюсь быть убитым, но не хочу быть дураком!

Зуб Штрумфа снова заныл, точно после хлесткой пощечины.

- Но я все-таки хотел бы знать, что вы носите за пазухой, Эрнст Рихарт? - спросил командующий тихо, усиливая ту великолепную ноту, от которой его прежнего денщика Вилли бросало в дрожь.

Но "пуританина" это не смутило.

- Если вы полагаете, что у меня там сердце, то ошибаетесь. У военных не должно быть сердца. Если думаете, что я спрятал там Москву, тоже нет... Там есть проект приказа по проведению частной операции в районе сосредоточения кавалерийских дивизий генерала Доватора, прикрывающих Волоколамское шоссе в направлении деревень Сычи, Матренино, Язвищи.

Ловким движением Рихарт извлек из кармана бумагу и положил ее на стол.

- Вы умный человек, Эрнст, но... я вижу, вы чертовски скверно настроены. Докладывайте. Мы слишком много проболтали... - после короткого молчания проговорил Штрумф, поглядывая на часы.

- Правый фланг армии Рокоссовского, как видите, при поддержке двух танковых бригад удерживает Волоколамскую

магистраль, - начал докладывать Рихарт.

Это уже был другой, совершенно преобразившийся человек. "Пуританин" мгновенно исчез, перед Штрумфом стоял твердорассудочный профессиональный вояка, холодный, упорный и расчетливый. Ни одного лишнего жеста, ни одного бесполезного движения.

- Центр армии, - продолжал он с каким-то мрачным, всевозрастающим возбуждением, - глубоко вклинился в район сосредоточения наших передовых частей. Кавалерийские отряды в районе Немирово, Шашково, Данилково тревожат наш авангард частыми налетами и разведывательными операциями, мешают нашему наблюдению за Волоколамской магистралью...

Далее Рихарт четко и подробно изложил весь ход операции. В основном план сводился к следующему: атакой на Сычи при поддержке танков и авиации захватить Матренинские и Язвищенские высоты. Подтянув артиллерию, начать систематический обстрел Волоколамского шоссе, тем самым парализовать движение всего армейского транспорта. В момент генерального наступления перерезать магистраль и поставить центр русской армии под угрозу полного окружения, что обеспечит беспрепятственный выход к Истринскому водохранилищу. А там уже и до Москвы рукой подать...

Удар, который замыслило немецкое командование, должен был принять полк Осипова. Антон Петрович теперь уже был в звании подполковника.

ГЛАВА 8

Кавалерийская группа Доватора после боев под Волоколамском сосредоточилась вдоль шоссейной магистрали, по ее северо-западной стороне.

После ожесточенных октябрьских боев на несколько дней установилось затишье. Захватив Волоколамск и Рузу, противник, подтягивая крупные резервы, сосредоточивал их в районе северо-восточнее Рузы. Вторая группировка противника накапливалась юго-восточнее Волоколамска с задачей наступать на восточной стороне шоссе и захватить Истринское водохранилище. В этом районе группировки должны были соединиться. Таким образом, по замыслу немцев, центр нашей армии, глубоко вклинившийся в наступающие части противника западнее Волоколамского шоссе, полностью попадал в окружение.

Передний, самый опасный выступ этого клина занимали дивизии кавалерийской группы генерала Доватора и дивизия генерала Панфилова.

Первый эскадрон осиповского полка под командованием "нежнейшего тихони", как называл Осипов лейтенанта Рогозина,

занимал оборону западнее деревни Сычи. Слева, глубоко зарывшись в землю, расположился эскадрон Биктяшева. Справа оборонялся третий эскадрон; командовал им лейтенант Орлов. Четвертый эскадрон находился в резерве. Здесь командиром был недавно прибывший в полк старший лейтенант Кондрат Шевчук - красивый саженный детина угрюмейшего вида, с серебряной шашкой, полученной им на кавалерийском состязании. Доватор сообщал в записке, адресованной Осипову:

"Шевчука знаю по Дальнему Востоку. Служил у меня в дивизионе старшиной. Я же рекомендовал его в партию. Дисциплина у парня железная. Отменный строевик и рубака. Получил призовую шашку. Имей в виду: упрям, как истый запорожец, и горяч. Из-за упрямства и вспыльчивости может полезть в пекло. Обламывать надо. Только смотри не перегни. С таким надо осторожно. Полагаю, что обойдется. Эскадрон ему дать можно. Посмотришь, каков будет в деле. Думаю, эскадронный из него выйдет хороший. Не понравится, откомандируй обратно. У меня найдется еще место".

Приняв командование эскадроном, Шевчук сразу же приобрел себе среди командного состава прозвание "мудреца". Первое, что бросилось в глаза, это его конь белой как снег масти. Приехал он на нем из штаба дивизии. Ничего в этом коне завидного не было, однако, препоручая его коноводу Симакову, эскадронный многозначительно сказал:

- Береги.

- Уж очень он блестит, товарищ старший лейтенант, - заявил Симаков.

- Генерал Скобелев тоже на белом коне воевал...

В первый же день знакомства с командирами взводов Шевчук рассказал им свою биографию и от них потребовал того же.

За политрука в эскадроне был младший лейтенант Вася Рябинин. Знакомство с новым командиром произошло при следующих обстоятельствах.

Подходя к хате, где помещался политрук, Шевчук услышал звуки гармошки. Отчаянно перевирая мелодию, кто-то наигрывал "Синий платочек". Постучав, Шевчук прислушался. Из комнаты не отзывались. Немного подождав, Шевчук открыл дверь. Посреди комнаты на стуле, спиной к двери, сидел черноголовый военный с баяном в руках. По перекрещенным на полушубке ремням и пистолету Шевчук угадал в нем командира. Напротив него, прямо на полу, не спуская с баяна глаз, в сбитой к уху шапке, на корточках сидел мальчишка лет девяти в новых кавалерийских брюках и в такой же гимнастерке, подпоясанной кавказским ремешком.

Увлеченный своим занятием, гармонист повернул голову, взглянул на незнакомого командира, приподнялся со стула, не выпуская из рук баяна. Широкоскулое, совсем еще молодое лицо его застыло в растерянной улыбке.

Сняв с плеча ремень, он передал баян пареньку:

- Смотри не урони. Да не растягивай тут. В баню иди, там тепло. Все гармонисты ходят учиться играть в баню.

- В бане черти помогают, - вставил Шевчук.

- Нету там чертей, - обидчиво заметил мальчуган, - сегодня бойцы мылись. И вовсе чертей не бывает. Не пугайте!

- Ишь ты, герой!

Шевчук, протянув руку, нахлобучил мальчику шапку на глаза и весело рассмеялся.

Мальчик, поставив на пол баян, поправил на голове шапку, восторженно поглядел на серебряную шашку и, дотронувшись до ножен, со вздохом проговорил:

- Эх, какая!

- Чем могу служить, товарищ старший лейтенант? - спросил черноголовый военный, тоже не без интереса разглядывая ловко сидевшую на крупных плечах прибывшего венгерку и кожаные леи на брюках.

- Мне нужен политрук Рябинин.

- Политрука как такового нет. Есть младший лейтенант Рябинин, исполняющий обязанности политрука. Это я. Будем знакомы.

Рябинин крепко пожал руку Шевчуку и придвинул стул.

- Так, значит, вы Рябинин? - переспросил Шевчук, садясь на стул. Добре. А я назначен в ваш эскадрон командиром. Давно политруком?

- Около месяца, - охотно ответил Рябинин. - Был командиром взвода. Политрука ранили, комиссар меня назначил. Ничего, воюем... - Достав из кармана газету, Рябинин оторвал кусок и предложил Шевчуку.

Поблагодарив, тот вытащил из кармана трубку с замысловатой резьбой и закурил. Сильно затянувшись душистым табаком, Шевчук со знанием дела начал расспрашивать Рябинина о состоянии эскадрона.

- Народ боевой. Кони справные. Недавно перековали... - односложно отвечал Рябинин. В душе он думал: "Службу знает, это уже добро". И радовался, что новый командир будет не хуже прежнего.

Тут же, ничуть не смущаясь, рассказал он о своем пристрастии к музыке, о том, что играет на рояле, на скрипке, а сейчас непременно хочет выучиться на баяне. "Ну и шел бы в

музыкантскую команду", - удивляясь легкомысленности Рябинина, подумал Шевчук.

Выходя из хаты, он услышал, как Рябинин сказал:

- Петя, где баян?

На другой день, доложив комиссару Абашкину о приеме эскадрона, Шевчук как бы вскользь заметил:

- Вот политрука надо бы...

- Какого политрука? - опросил Абашкин.

- В эскадрон ко мне.

- У вас политрук есть, Рябинин.

Абашкин медленно поднял от стола голову и взглянул на Шевчука.

Тот, не согнав с лица насмешливой улыбки и не смягчив иронии, проговорил:

- Из него, товарищ комиссар, политработник вряд ли получится... Сильно музыкой увлекается. Да хоть бы играл как следует, а то скрипит, що бричка неподмазанная.

- Молодой, поэтому и увлекается. Вы постарше его, больше в армии служите, помогите. С какого года в партии? С тридцать пятого? Вот и отлично. Поправляйте, где надо. Отругайте за дело. Без церемоний. Я всегда поддержу, можете быть уверены. Но только помните: надо все это делать тактично.

Абашкин старался говорить просто, но с предельной ясностью, чувствуя, что к этому великану нужен особый подход и особая мерка. Смело подбирая слова, он не выбрасывал их, а точно ввинчивал, сопровождая энергичным движением головы и цепким, требовательным взглядом.

Шевчук сразу это почувствовал и понемногу начал всерьез стыдиться своей чрезмерной поспешности, с которой он завел речь о политруке Рябинине. После того как ушел Шевчук, Абашкин вызвал Рябинина.

- Получили нового командира - и скорей на баяне пиликать? Ай-ай, как не стыдно, а еще политрук...

- Честное слово, товарищ комиссар, никогда больше не возьму в руки баян, - выпалил ошеломленный и смущенный Рябинин.

Абашкин рассмеялся и примиряюще сказал:

- Вот что, дружок: чтобы жить у меня с эскадронным душа в душу! И, кроме всего прочего, приказываю: выучиться играть на баяне по-настоящему. Тогда любой командир полюбит, а Шевчук непременно. Это я тебе говорю наверняка!..

Абашкин, улыбаясь, наклонился к Рябинину и вполголоса, с заговорщицким выражением на лице, продолжал:

- Гармонь, да еще в хороших руках, большая сила! Если

решил изучить какое-нибудь дело, то изучи его до конца! Уж растяни мехи так, чтобы у слушателей дух захватило и своя душа пела!

В дверь постучали. Согнувшись, вошел начальник политотдела Уваров. Едва не доставая верхушкой серого башлыка потолок, прошел на середину комнаты. Поздоровавшись с Абашкиным и Рябининым, он молодым быстрым движением размотал на шее башлык, сбросил с плеч бурку и стал рассказывать историю, случившуюся с приехавшими в соединение артистами.

Артистов вез связист Савва Голенищев на трофейной автомашине, которую он несколько дней чинил, смазывал и решил, наконец, использовать. Выехал он на железнодорожную станцию за имуществом связи, однако груза там не оказалось, и его уговорили доставить другой "груз" - московских артистов... Поехали... Сначала, пока ехали по Волоколамскому шоссе, все шло отлично. Но от деревни Малые Рамешки надо было свернуть на проселочную дорогу и проехать еще километров двадцать лесом среди множества колесных следов от машин и бричек. Было еще светло, и гости с интересом обозревали зимний подмосковный пейзаж, вдыхали довольно-таки прохладный воздух, не подозревая, что их водитель маршрут знает не очень твердо. Перед этим штаб соединения передислоцировался, о чем Савва не имел ни малейшего представления...

Вдруг машина застопорилась и остановилась, при этом так неожиданно и резко, что женщины и даже некоторые из мужчин вскрикнули. Оказалось, что Голенищев завез их на какие-то старые артиллерийские позиции. Поняв свою ошибку, Савва дал задний ход, но тут выяснилось, что "Бенц", как называл он свою автомашину, отремонтирован не так уж блестяще и назад не катится. Развернуться же нормально не было возможности: кругом густейший лес, деревья толщиной в два-три обхвата. Пришлось работникам искусства вылезать из машины и толкать ее руками. Начало смеркаться. На небе появились звездочки, что предвещало добрый морозец. Гости были одеты очень легко. Мороз усиливался. С "Бенцем" начались самые удивительные приключения. То он зловеще пыхтел, то давал такие выхлопы, точно из винтовки стрелял, заставляя людей шарахаться в стороны.

Первый сигнал "бедствия" подала известная актриса Р. Она перестала чувствовать, есть ли у нее ноги. Савва, подумав немного, снял свои чудовищного размера, с загнутыми носками валенки и надел их на миниатюрные ножки актрисы. После трех последующих километров другой гостье он отдал полушубок,

комику, несмотря на его протесты, навязал телогрейку, сам же он остался в одной гимнастерке. Баяниста, чтобы окончательно не заморозить, пришлось оставить у саперов соседней пехотной части. Теперь саперы завладели им и увезли куда-то в гости.

- Концерт срывается, - продолжал Уваров. - Нет ли у вас подходящего гармониста?

- Только сейчас говорил Рябинину: "Учись играть на баяне, учись" вот и пригодилось бы! - сказал Абашкин.

- Пробую... Да время такое... - пряча глаза, несмело проговорил Рябинин.

- Кто захочет, всегда найдет время, - возразил Уваров. - А баян есть?

- Инструмент отличный! Тульский, стобасовый!

- А ну-ка, принесите, посмотрим! - приказал начальник политотдела.

- Товарищ полковой комиссар, да я плохо играю!

- Тащи, тащи, не скромничай, - сказал Абашкин.

Принесли баян. Рябинин, играя, смущался, робел, путался и перевирал мелодии.

- Хороший баян. Разреши-ка, я попробую...

Уваров, улыбаясь, поставил баян себе на колени и, склонив голову, ловко владея пальцами, взял хроматическую гамму.

Рябинин, неплохо знавший музыку, почувствовал, что баян находится в умелых руках. Уваров заиграл марш "Перекоп", составленный из мелодий многих известных революционных песен. Они напомнили грозное время гражданской войны. Вот слышатся призывные звуки сигнала к наступлению, тревожные мелодии кавалерийской трубы... Пальцы Уварова легонько пробегают по ладам, кажется, что вокруг начинают перестукивать копыта, звенят колечки трензелей...

- Вот как надо играть! - многозначительно посматривая на молодого политрука, проговорил Абашкин.

Но Рябинин как будто не слышит его голоса. Ему кажется, что он не в подмосковной колхозной избе, а где-то на Сиваше форсирует пролив и атакует врангелевцев.

Уваров отложил в сторону баян и потянулся за папиросой. Прикуривая, он низко наклонил голову. Рябинин только сейчас заметил седину на его виске и синий рубец выше уха.

- Давно не играл, а вот не разучился, - сказал Уваров задумчиво. - У меня вся семья увлекается музыкой, два сына и дочка. Организовали свой домашний самодеятельный оркестр.

- Музыка! - взмахнув руками, горячо заговорил Рябинин. - Мне кажется, что только хорошие люди по-настоящему могут понимать музыку!

- Не всегда так, - возразил Уваров. - Встречаются большие знатоки музыки с самым черствым сердцем. Хорошие люди определяются не по музыкальным способностям, а по их отношению к своему человеческому долгу... Я вчера говорил с пленным немецким полковником. Он считает себя высокообразованным человеком, знает французский и английский языки, обожает, как он говорит, музыку, но, даже будучи в плену, пытается бить своего денщика... Самым порядочным человеком в Германии считает Круппа. Я его спросил: что он считает причиной войны между Германией и Советским Союзом? Он мне ответил: "У гитлеровцев самые благие намерения помочь русским культурно развиваться". Ведь немцы, как он выразился, добрые люди, и при этом упомянул, что они хорошие музыканты... Попадись-ка в лапы такому музыковеду, он тебе привьет культуру...

Уходя, Уваров посоветовал Абашкину и Рябинину почаще напоминать бойцам, что собой представляет фашистская "культура" и "новый порядок".

Участок, занимаемый полком Осипова, в полосе обороны дивизии считался самым ответственным. Сосед слева, кавполк соединения Медникова, за последнее время в одной из частных операций отбросил немцев на запад и достиг реки Руза. Подкрепленный свежими силами, полк прочно занял оборону по ее восточному берегу.

Правый сосед (кавполк Бойкова) имел впереди заболоченную лесистую местность и фланг дивизии генерала Панфилова.

Участок Осипова, начинавшийся под селом Верхне-Слезнево, глубоко вклинивался в оборону противника. Река здесь резко поворачивала на запад, затем, круто меняя направление, уходила на восток, образовывая подкову. Западный берег в этом месте представлял собой холмистую, поросшую лесом возвышенность и всецело господствовал над восточным, совершенно открытым берегом, от которого сразу же начиналась луговая низина, а за ней чистое, открытое поле.

Выехав вместе с начальником штаба и командирами эскадронов на рекогносцировку местности, Осипов остановился у опушки леса. Едва всадники показались между кустов, как тотчас же были обстреляны противником из минометов и орудий. Углубившись немного в лес, Осипов приказал спешиться и скрытно вывел командиров на край леса.

За речкой между нарядных, в золотом осеннем уборе берез вспыхивали блестки выстрелов. В окулярах бинокля Осипов видел мелькавшие фигурки немецких солдат. По косогору проехала, исчезая за деревьями, груженная лесом бричка. Опустив на грудь

бинокль, Осипов присел на колено и сделал отметку на карте. Снова поднялся, поставив ногу на сваленное дерево, и, приложившись к биноклю, отрывисто сказал:

- Обзор что надо!

- Зато позиция никуда не годится, - вставил майор Почибут, которого повысили в звании одновременно с Осиповым.

Командиры, вглядываясь в сторону противника, шелестя картами, напряженно молчали. Всем было ясно, что противник, используя лес и холмистую, господствующую над рекой высоту, устанавливает орудия и пристреливается к выступу леса, прикрывая огнем всю котловину. Мало того, расположенное на высотах восточного берега Рузы село Нелидово создало для противника естественное укрытие на случай переправы через реку.

Посвистывая, пролетел снаряд и разорвался где-то неподалеку. Стоявший рядом с начальником штаба лейтенант Рогозин вытер ладонью краснощекое, обветренное лицо, склонив голову над картой, и, отойдя в сторонку, присел на пень. Командир второго эскадрона Сергей Орлов, дернув за рукав командира батареи лейтенанта Ченцова, подмигнул в сторону Рогозина.

- Решает судьбу битвы... - шепнул ему на ухо Ченцов.

Ченцов был веселый и бесшабашный парень, но артиллерийское дело знал отлично. За это ему и прощалось многое.

Шевчук, согнувшись, заглядывал в карту через плечо командира полка, ежеминутно посасывая зажатую в огромном кулаке трубку.

Осипов, обернувшись, посмотрел на него снизу вверх и, улыбнувшись прищуренными глазами, насмешливо проговорил:

- Ты, брат, около меня не маячь: снаряд пригласишь...

- Рукой поймаю и назад кину... - отшутился Шевчук.

- Что ты скажешь насчет позиции, старший лейтенант Шевчук? Только короче.

Осипов присел на сваленное дерево и развернул на коленях карту.

- Немирово оборонять трудно. Стоит посередь поля, як парус на озере. Здесь, - Шевчук топнул по мерзлой земле ногой, - тоже нельзя строить оборону. Опушка леса... Обстреливать будет крепко.

- Что предлагаешь? - настойчиво посматривая на него, спросил подполковник.

- Що я предлагаю... - Шевчук помял в руках карту, пыхнул трубкой и тяжело передохнул: - Атаковать Верхне-Слезнево

вместе с пехотой и выровнять левый фланг.

Сидевший на пне Рогозин фыркнул. Обернувшись к нему, командиры сдержанно засмеялись. Оглянулся и Осипов.

- Ты чего там, Рогозин?

После волоколамских боев командир полка относился к нему с уважением. Но сейчас поведение молодого командира эскадрона ему не понравилось.

- Иди сюда ближе. Мы обсуждаем позицию, а ты отошел в сторону и не слушаешь.

Рогозин, вытянувшись, бойко ответил:

- Я слушал, товарищ подполковник, и сам думал...

- Что ж надумал?

- Я надумал строить оборону вдоль лесного дефиле, немного отступив от края, начинать от центра...

- Почему? - косясь на Осипова, спросил Почибут.

- Меньшая поражаемость будет, и танки противника все на виду!

Рогозин говорил убедительно, словно видел эти танки и готовился бить их.

- В конце просеки пушки укрыть в капониры. Все дефиле будем простреливать кинжальным огнем!

- Как ты думаешь, начальник штаба?

Осипов хитро улыбнулся, достал портсигар и протянул Рогозину.

- Закуривай...

- Спасибо, товарищ подполковник, не выучился.

- Ах да, ты ведь мещерский старовер. Я и забыл... А ты что думаешь, майор Почибут?

- Мысль, достойная уважения, - ответил Почибут, с ухмылкой потирая руки, стывшие на холоде после ранения.

- Правильная мысль, - подтвердил Осипов.

- Предложение старшего лейтенанта тоже верное! - неожиданно вставил Рогозин, взглянув на Шевчука, и нерешительно добавил: - Только я думаю: сил у нас пока маловато.

- Накопим, - глубоко вздохнув, проговорил Осипов. - Ну, а раз ты предлагаешь строить оборону в этом проходе, сегодня же начинай. Пушки Ченцова все отдаю тебе. Приедем в Сычи, приходи за приказом. Там еще кое-что уточним.

- Вы всерьез думаете строить оборону вдоль просеки? - спросил у Осипова майор Почибут, когда они приехали в штаб.

- Немножечко иначе... - усмехаясь, ответил Антон Петрович. Он развернул карту и, водя по ней согнутым пальцем, стал показывать во всех деталях намеченную оборону. - Смотри: по

этой просеке идет дорога на Данилково. Немцы, надо полагать, не оставят ее без внимания, так или нет?

- Не исключено, - подтвердил Почибут.

- Ясно! И в нашу прореху полезут непременно. Больше им нет выхода. Дефиле широкое и удобопроходимое для танков. Если они им овладеют, нам будет очень худо. Придется его крепко минировать и в самом конце устанавливать пушки. На дорогу Немирово - Данилково - заставу от эскадрона Орлова. Рогозин - в центре, слева - Биктяшев. Шевчук - в резерве. Вот и все.

- А план Рогозина?

- Что план Рогозина? Смелый план, но он не учел данилковскую просеку. Затылок подставляет. Там немцы могут пехоту двинуть. А ее-то и надо в засаду подловить.

- Почему же вы Рогозина на месте не поправили?

Почибут, как опытный штабной командир, давно оценил всю обстановку, но не понимал снисходительного отношения Осипова к молодому командиру.

- Вот он придет сюда, мы его здесь и поправим. А там нельзя было. Зачем лишать человека инициативы? Да и план его мне нравится. А засаду мы там все-таки посадим. Главное, хорошо говорил, с огоньком. Танки пропустить и сбоку кинжальным огнем! Здорово! Из него, честное слово, вот посмотришь, добрый выйдет комэскадрона. Раз человек думает, мыслит творчески - значит, у него есть способности. Надо только вовремя его поправить, указать на ошибку. А ведь каждый думает по-своему: один так, другой эдак. Ко всему надо прислушиваться. Мысль не новая, но мы часто забываем ее. И со мной это бывало, нечего греха таить. Я вот присматриваюсь к командирам и все время думаю, кто на какое дело способен, кому и что можно доверить. Скажем, тот же Рогозин. Он хорош в обороне, будет драться до последнего, но нельзя его пускать на марше в головную походную заставу. Неизвестное действует на него очень сильно и вызывает психологическую напряженность. Он будет обдумывать всевозможные варианты встречи с воображаемым противником, а при столкновении может забыть отдать команду спешиться, как это было под Крюковом. Не умеет еще руководить своей волей. Для ГПЗ*, чтоб ты знал, лучше Орлова нет. Осторожен, хитер и смел, да и опыта больше. Биктяшев, мастер засады, любит внезапность, при наступлении быстрей его никто не продвигается, но слишком бывает суетлив, мечется, горячится. А это не всегда хорошо кончается. - Осипов умолк, заложив руки за спину, прошелся из угла в угол.

---

* Г П З - головная походная застава.

- Что вы думаете о старшем лейтенанте Шевчуке?

- Шевчуке?

Остановившись посреди комнаты, Антон Петрович плотно сжал губы и задумался.

- Этот, пожалуй... - И, вспомнив записку Доватора и высказанное Шевчуком решение, подумал: "Эх, людей маловато, пушек бы да десяток танков!" - и, поймав устремленный на него взгляд начальника штаба, веско добавил: - Этот как глыба: ударь - искры брызнут...

ГЛАВА 9

В боях под Москвой наступило временное затишье. Рано утром генерал Доватор был неожиданно вызван в штаб армии. В приемной командарма к нему подошел небольшого роста средних лет человек в форме генерал-майора.

- Здравствуй, соседушка! - сказал он, протянув Доватору руку.

Лицо его с резко выдающимися скулами, несмотря на утомленный вид, было приветливым и ласковым. Это был прославленный генерал Панфилов, командир дивизии, сосед Доватора на правом фланге.

Доватор, взяв Панфилова за локоть, повел его к окну, шутливо выговаривая:

- Браниться сейчас буду, браниться! Что ж это - по-соседски? Обещал, а не появляешься!

- Не мог, Лев Михайлович! Совсем однажды собрался, белье приготовил, веник березовый... Ну, думаю, попарюсь... - Панфилов весело прищурил глаза и улыбнулся. - А тут немцы, как назло, такой душ устроили!

- Знаю, знаю. Жарко было.

- Земля трескалась! Мои разведчики обера притащили, командира штурмовой роты. Хлыщ такой. Говорит: "Москва окружена. Мы скоро будем в Кремле". А пока, видите ли, наш батальон, расположенный на высоте, мешает их наблюдателям, так они решили прогнать его... Я сначала маленько пострелял, а потом велел пропустить их. Ну, а заманив к себе, мы с твоим комдивом отрезали им отход и... Впрочем, остальное тебе известно... Молчат пока. Это перед бурей.

Поблескивая из-под густых бровей умными, спокойными глазами, Панфилов начал анализировать обстановку, подчеркивая сложность положения в центре расположения армии.

- Меня вызвали и говорят: "Приготовься отбивать атаки". А я всегда готов наступать. Немножко, говорю, резервов Подбросьте. Нет, отвечают, насчет резервов пока подождите. Есть сведения, что на нашем участке у врага действуют семь танковых дивизий и авиационный корпус. Как будем бить фашистов, генерал Доватор?

- Всем народом, - перехватывая цепкий, пристальный взгляд Панфилова, ответил Доватор. - Кто говорит, что у нас резервов нет? А Сибирь, Волга, Средняя Азия? Силища!

- Да, но и фронт у нас велик! В том-то и секрет, чтобы умно распределить и использовать резервы. А вот некоторые говорят, что, пока союзники не начнут военных действий, мы сможем вести только оборонительную войну, - усмехнувшись, проговорил Панфилов, искоса посматривая на начинавшего горячиться Доватора. Он уже покусывал губы и мял темляк шашки.

- Это что ж? К весне завести огороды под Москвой, петрушку выращивать, огурчики? Как французы на линии Мажино? - отчеканивая каждое слово, проговорил Доватор.

Панфилов с улыбкой посмотрел на него. Этот молодой, горячий кавалерийский генерал нравился ему.

- Вздор! Русские войска никогда не отсиживались, - горячо продолжал Доватор. - И никогда ни на кого не надеялись. Никакой заморский сосед защищать Москву не придет. Союзники сначала дали Гитлеру сломить Австрию, потом Чехословакию, а когда он пошел на Польшу, спрятались за линию Мажино. Может, мол, он с русскими сцепится, а мы пока отсидимся. Не вышло! Французские укрепления Гитлер объехал на танках через Бельгию и пожаловал прямо в Париж. А теперь заморские политики сидят небось на островах и в подзорную трубу посматривают: прихлопнет Гитлер Москву или нет. Только они забыли, что Советский Союз непобедим и у фашистов силенок не хватит, чтоб взять Москву. Нам сейчас тяжело, это верно, но в семнадцатом году было еще тяжелее. Выдержали. Выдержим и сейчас. Только не сидеть надо, не отсиживаться! Я вот прошусь... тылы немецкие тревожить. Попутал бы генералу Гютнеру его козыри. Да не пускают!

Доватор помолчал и, подмигнув Панфилову, добавил:

- А если я решу ночной ударчик сделать, поддержишь? План у меня разработан, передан командарму. Может, за тем и вызвали?

- Об этом вот с кем поговорить нужно. - Панфилов указал глазами на подходящего к ним члена Военного совета Алексея Андреевича Лобачева. - Я слышал, ему эта операция нравится, - и он кивнул головой. В этом движении Доватор уловил прямое обещание поддержки.

- Вы мне очень нужны, генерал Доватор. Очень! - мягким и звучным голосом проговорил Лобачев.

- Слушаю вас, товарищ бригадный комиссар!

Доватор, подтянувшись, слегка пристукнул шпорами.

- Я ознакомился с оперативным планом предлагаемой вами операции. Одобряю. Хорошо придумано. Дельно и остроумно.

Сейчас имеется много благоприятных случаев показать свое полководческое искусство.

Лобачев внимательно посмотрел на Доватора и одобрительно улыбнулся. По лицу Доватора разлилась радость.

- Вы, Лев Михайлович, именинник, - продолжал Лобачев. - Вам надо быстро подготовиться...

- У меня все готово, товарищ бригадный комиссар!

- Ну, к этому вы не можете быть готовы, - возразил Лобачев и как бы подчеркнул серьезность своего довода решительным взмахом руки.

Доватор почувствовал, что член Военного совета сейчас скажет что-то значительное и необыкновенно важное.

- Вы готовы к предстоящей операции, - отчеканивая каждое слово, продолжал Лобачев. - Но не готовы для участия в московском параде. Вы поведете на парад сводный кавалерийский полк. Должны быть в Москве через два дня.

Стоявший рядом с Доватором Панфилов поймал рукой его пальцы и крепко сжал их. Доватор почувствовал всю теплоту этого дружеского пожатия.

- Это великая честь вашим дивизиям, честь их командирам! - Лобачев выжидательно посмотрел на Доватора и, протянув руку, улыбнулся: Поздравляю. Искренне рад. Людям дайте отдохнуть. Не требуйте внешнего лоска и никакого щегольства. Форма обыкновенная, фронтовая: каска, шинель.

До Волоколамского шоссе Доватор и Панфилов ехали молча. Когда подковы коней звонко застучали по асфальту, Доватор натянул поводья, и высокий конь, стригнув острыми концами ушей, резко взял широкую рысь. Панфилов, надвинув поглубже генеральскую папаху на лоб, пустил своего коня коротким галопом. Сзади, рассыпая подковную дробь, скакали сопровождающие.

На развилке дорог они въехали в заснеженный лес и остановились. Доватору надо было сворачивать на Шапково. Из придорожного кустарника ветерок гнал на шоссе запах дыма. Стучали топоры и позванивали пилы. Оживленные человеческие голоса, треск валившихся деревьев, гул близкой артиллерийской стрельбы настораживали коней. Взмахивая головами, они беспокойно крутились на месте и требовали повода.

- Покурим на прощанье, - сказал Панфилов.

- Да, да, - согласился Доватор и ловко выпрыгнул из седла.

Подъехавшие коноводы увели лошадей.

- Парад в Москве. Это будет особенный парад, - снимая теплые кожаные перчатки, проговорил Панфилов тихим голосом. - Этот парад - уверенность в победе. Уверенность в правоте

нашего дела. Ты поедешь и услышишь, как забьется на Красной площади могучее сердце. А я его здесь почувствую... Это сердце армии, сердце советского народа, сердце Родины! А когда любишь ее больше жизни, тогда пойдешь на любой подвиг.

Они помолчали.

- Ну что ж, Лев Михайлович, - после небольшой паузы продолжал Панфилов. - Пора... А все-таки мы эту операций после праздника проведем. Ты приедешь с обновленной душой. Я это знаю. А сейчас разреши-ка...

Панфилов, скрипя кожей перчаток, неловко умолк.

- Разреши перчатки тебе подарить? Это мне, понимаешь, прислали... Очень хорошие перчатки...

Они обнялись и крепко поцеловались - троекратно, по старому русскому обычаю.

- Перчатки обязательно на парад надень! - ловя ногой стремя, крикнул Панфилов.

Когда приехали в Шапково, была уже ночь. Передав коня Сергею, Доватор прошел на квартиру комиссара.

Шубин сидел перед открытой печкой и помешивал тлеющие угли кочережкой. Отблеск огня освещал его ордена, ромбы на петлицах кителя, широкие согнутые плечи и крупную голову. Услышав голос Доватора, Михаил Павлович поставил кочережку в угол, встал и пошел навстречу.

- Почему, комиссар, сидишь без огня? - весело, здороваясь, проговорил Доватор.

- Мечтаю... у камина... "Луна на окнах серебрит узоры, в камине тлеют угольки", - шутливо продекламировал Михаил Павлович.

Он подошел к столу и зажег лампу.

- А хорошо эдак помечтать зимним вечерком, хорошо!

Под ламповым стеклом, потрескивая, разгорался фитиль. Комиссар был немного выше Доватора. Круглая, гладко остриженная голова была посажена на широкие плечи. Спокойным движением больших рук Шубин отодвинул лежавшую на столе объемистую полевую сумку. Посмотрев на Доватора внимательными серыми глазами, он пододвинул стул:

- Ты раздевайся, хочешь - к печке садись. Ужинать будешь? Новости расскажешь?

- Новости есть необыкновенные. Ужинать не хочу. У командарма угощался, - вешая на гвоздь бурку, проговорил Доватор.

- Командарм угостил, поэтому так весело и настроен? А меня командир дивизии, генерал Атланов, такой разведсводкой попотчевал!..

Михаил Павлович расстегнул полевую сумку и вытащил отпечатанную на машинке разведсводку и карту.

- Я даже аппетит потерял. Штабники утверждали, что противник нанесет удар непременно в стык дивизий Панфилова и Суздалева.

- Так оно и должно быть. Это мнение и штаба армии, - подтвердил Доватор и тут же встревоженно спросил: - А что в разведсводке?

- Вот, посмотри, - Шубин пододвинул Доватору карту. - Генерал Атланов - умница и, как настоящий военачальник, решил еще раз проверить полученные данные. Послал дальнюю разведку к ним в тыл и обнаружил, что сегодня ночью крупные силы танков и пехоты передвинулись в район Немирово, Тоболево, Сосновка. Его бронетанковая разведка демонстративно побывала в Сосновке. На самом же деле основные силы - танки и автомашины - вот здесь. Маскируются около домов, сараев, на гумнах. Все закрыто снопами ржаной соломы, сеном. Днем никакого движения. Гитлеровцы из армейской группы генерала Штрумфа ведут себя пока тихо. Даже не слышно обычной шумной пальбы. И авиация не появляется. Заметь! Что это значит, как ты думаешь?

Доватор, склонившись над картой, уперся локтями в стол. Затем быстрым движением руки выхватил из кармана карандаш, провел по карте черту и решительно заявил:

- Атаковать их надо во что бы то ни стало, вот что я думаю. И в штабе армии сказал и сейчас говорю. А у нас покой. Черт бы побрал этот дурацкий покой!

Доватор встал и глубоко вдохнул всей грудью. Взяв телефонную трубку, он вызвал начальника штаба. Михаил Павлович видел, что генерала уже охватило обычное трудовое напряжение. В самый короткий срок Доватор примет решение, сделает ясные выводы и не замедлит их высказать.

Взглянув на Шубина, Лев Михайлович внезапно засмеялся счастливым смехом:

- А все-таки, Михаил Павлович, мы не дадим им испортить нам Октябрьский праздник.

- Положим, фашисты нам подпортили немало, - удивленно посматривая на генерала и не понимая его необычной веселости, задумчиво проговорил Шубин.

- Что и говорить! Но мы в любых условиях, как бы нам тяжело ни было, будем торжественно встречать наш великий праздник, - с упрямством подтвердил Доватор.

- Ты что-то сегодня, Лев Михайлович, очень весел. Очевидно, пополнение обещали. Расскажи твои необычайные новости.

Обещали, да?

- Именно, только обещали! А настроение у меня действительно как у именинника. Да и есть отчего! Нам приказано приготовить сводный полк для участия в московском параде.

- Эх, брат! Тут в самом деле...

Шубин не договорил. Все происходило непостижимо странно. Но это нисколько не удивило его. Михаил Павлович посмотрел на Доватора. Взгляды их встретились, и, как бы проникнутые внутренним единством мысли, они сами себя спросили: "А почему не должно быть парада?" - и тут же ответили: "Должен быть парад!"

- Значит, готовимся к параду, - переспросил Шубин, - и гитлеровцев будем бить?

- Непременно, Михаил Павлович! Подожжем их маскировку. Спалим вместе с танками. Вот если они опередят нас, тогда будет труднее.

Доватор закусил губу и прищурил глаза. Он присел за стол и быстро стал набрасывать проект боевого приказа. Шубин составлял расчет по дивизиям, которые должны были выделить людей для участия в московском параде.

Обсудив боевой приказ вместе с Шубиным, Доватор ушел к себе и проработал всю ночь.

Его адъютант капитан Курганов слышал, как генерал несколько раз вставал из-за стола и, стараясь тихо шагать, чтобы никого не разбудить, выходил на улицу. Прислушиваясь к редким выстрелам, он подолгу стоял на крыльце. Потом снова возвращался в комнату и снова садился за стол. Он думал в эту ночь не только о предстоящем наступлении, но и о большой рейдовой операции, которую мечтал осуществить во что бы то ни стало. Он еще не знал, когда и где будет ее проводить, но был уверен, что она состоится, и в самом недалеком будущем.

А сейчас он обрадует людей, объявив им приказ о московском параде, и через несколько дней поведет их в Москву, на Красную площадь. Завтра же он нанесет фашистам удар, внезапный, беспощадный!

Но на этот раз противник опередил Доватора на несколько часов и атаковал полк Осипова.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ГЛАВА 1

Раннее ноябрьское утро. Над крышами подмосковной деревни Сычи лениво стелется серый дымок. На улицах - ни души. Иногда громыхнет у колодца бадейка, проскрипят по твердому снегу чьи-то валенки, глухо хлопнет дверь, и снова в утренней тишине начинает властвовать необычный для этого месяца мороз. На западной окраине деревни, глядя сквозь амбразуру дзота на убегающую в лес дорогу и зябко кутаясь в казачьи башлыки, бойцы дежурят у пулеметов. У одного из домов ходит взад и вперед часовой.

Здесь штаб полка. На фронте почти всю неделю стояло затишье. Командир полка приказал вытопить назавтра баню.

В окна вместе с морозом вползал белесый рассвет. Командир полка Антон Петрович Осипов и комиссар Алексей Данилович Абашкин давно уже проснулись. Осипов, хрустнув пальцами, потер ладони и по привычке потянулся было за папиросой, но Абашкин схватил его за руку:

- Не положено. Условия надо выполнять, товарищ.

- Виноват! Совсем забыл. - Антон Петрович встал, засучил рукава и, напружинив тренированные мускулы, приступил к зарядке. Накануне, просидев в штабе почти всю ночь, они с Абашкиным выкурили уйму папирос и, насквозь прокоптившись дымом, дали друг другу слово курить меньше, а до завтрака и вовсе не притрагиваться к папиросам.

На кухне, весело потрескивая, топилась печь. Хозяйка дома Елена Васильевна Русакова, перебраниваясь с чубатым курносым

поваром Сашкой, месила тесто для пирогов.

- Ты начинку готовь, а насчет теста не учи. Мы пироги можем загнуть безо всяких твоих поварских фокусов.

- Пироги, Елена Васильевна, должны быть красивые, с зажимочкой. Ведь не могу же я на стол подавать какие-нибудь лопоухие.

- Сам ты лопоухий! Готовь сковороды. А на стол я сама подам, не беспокойся.

У двери в горницу, где жили Осипов и Абашкин, заглядывая в щель, вертелись Маша, семилетняя голубоглазая дочка Русаковой, и Петя Кочетков. Осипов собирался усыновить мальчика и отправить его к сестре. Временно он попросил хозяйку взять Петю на свое попечение.

- Смотри, смотри, Петя, - шептала Маша, - дядя Антон как гусак ходит. А дядя Алеша вприсядку.

- Это называется гимнастика, - поучительно объяснял Петя.

- Смешно прямо, такие большие...

- И вовсе не смешно... - укоризненно проговорил Петя, оправляя на гимнастерке наборный ремешок. На самом деле ему тоже было весело, хотелось посмеяться, но он старался держаться настоящим казаком и не намерен был уронить свой авторитет перед какой-то девчонкой.

- Гимнастика нужна, чтобы быть сильным, - подтвердил он солидно.

- Да они и так сильные. Дядя Алеша вчера меня до потолка подбрасывал. А дядя Антон на лошадь верхом сажал. У него есть дочка Варя. Ей фашисты ножку отломили, и она в больнице лежит. Мы с ним туда поедем, я буду за ней ухаживать.

- А маму, значит, бросаешь? Так, так, доченька, - Елена Васильевна притворно покачала головой. Ее продолговатое, раскрасневшееся у печки лицо с голубыми, как у дочери, глазами было молодо и красиво. Овдовела она в финскую войну. От второго замужества отреклась и всю жизнь посвятила своей агрономической деятельности и воспитанию единственной дочери.

- Нет, мамочка, мы и тебя возьмем. У Вари нет мамы, вот ты и будешь ее мамой. Дядя Антон добрый!

Елена Васильевна растерянно улыбнулась и вдруг стала торопливо поправлять массивную, жгутом скрученную на затылке косу. Дочь как будто подкараулила ее мысли и вывернула их наизнанку. Уж очень по сердцу пришелся ей ласковый и внимательный подполковник с его тяжким несчастьем, о котором она узнала от повара Сашки. Так пришелся, что сама себе боялась признаться. Русской женщине свойственна особая чуткость к

чужому горю. Вот и к Пете за неделю так привыкла, что стал он ей будто родной. И Маша к нему привязалась, как к брату, и не отстает ни на шаг.

- А как же Петя?

- Да он же в казаках... Ему дядя Алеша коня обещал и ружье. А если хочет, пусть едет с нами. Но он не поедет. Я знаю. Он военный... - с серьезной деловитостью ответила Маша.

Все рассмеялись. У порога раздалось мычание. В углу, на свежеподостланной соломе, растопырив ноги, стоял пестрый теленок. Отпоенный молоком и выкормленный хлебом, он нехотя повиливал хвостом.

- Вот где котлетки-то, Елена Васильевна! - Сашка дал теленку шлепок. Тот засопел носом, боднул головой и снова сонно затих.

- Сколько тебе говорю, зарежь, да и все, - заметила Русакова, раскатывая на столе тесто. - Куда он мне?

- Не надо, мама. Зачем его резать? - жалостно проговорила Маша. - Он маленький...

На ее слова никто не обратил внимания. Петя стоял около стола и в сотый раз любовался своей формой. Елена Васильевна перекатывала на столе тесто. Сашка воровато посматривал на ее крепкие, оголенные по локоть руки и чуть-чуть приоткрыл рот. Он был влюблен в хозяйку, и вид у него в эту минуту, как у пестрого телка, был глупый и потешный.

Из горницы вышел Антон Петрович; потрепав Машу по пышным белокурым волосам, сказал:

- Умываться, стрекоза, будем?

- Опять холодной? - Маша смотрела на Осипова с озорным любопытством и нескрываемой детской восторженностью. Каждое утро она ему поливала на спину из ковшика, где плавали льдышки, а он только крякал и весело смеялся.

Антон Петрович подошел к тазу и подставил руки. Маша лила из ковша воду. Хозяйка, вытерев руки, прошла мимо, словно боясь взглянуть на оголенную, густо перевитую мышцами спину Антона Петровича, и проворно исчезла в соседней комнате. Минут через пять она вышла и, изгибаясь стройной фигурой, подала Антону Петровичу через голову Маши белое, расшитое цветами полотенце.

- Да вы не беспокоились бы, Елена Васильевна. У меня там есть... смущенно проговорил Антон Петрович.

- А это мягкое, домашнее. - Русакова ловким движением одернула белый передник и принялась резать ножом тесто.

- Благодарю. Домашнее все хорошо. Но мы уже как-то отвыкли.

Обернувшись к Маше, Осипов спросил:

- На лыжах поедем кататься?

- Поедем, дядя Антон! - радостно отозвалась Маша. - И Петю захватим, да?

- И Петю захватим.

- Ой, как хорошо! - Маша весело притопнула ножкой.

- Ух ты, стрекоза! - Антон Петрович подхватил девочку на руки, подбросил ее до потолка. Осторожно поставив на пол, склонился и поцеловал в лоб. Маша, обвив его ручонками за шею, тоненько вскрикнула:

- Ой, какой холодный!..

Часов в одиннадцать Осипов с Абашкиным сели завтракать.

- Ты смотри: пирожки, пампушечки, творожнички... Будто бы и войны нет. Роскошь! - говорил Осипов, закусывая.

- Добро, добро, - похваливал Абашкин. - Понимаешь, люди-то как жили! Смотри, колхоз-то какой был. Не дают, черт побери, спокойно пожить. А ведь нашу страну можно пшеницей засыпать, яблоками завалить, арбузами.

- Наши богатства Гитлеру и нужны, - вставил Антон Петрович.

Вошла Русакова. В одной руке она несла тарелку с солидной стопой блинов, а в другой - миску сметаны.

- Да вы нас совсем избалуете, Елена Васильевна! - воскликнул Алексей Данилович Абашкин.

- Кушайте на здоровье! Сегодня еще телка зарежем. Деваться с ним некуда. Время такое... - Елена Васильевна не договорила и тотчас же вышла.

- Да, время действительно... - раздельно проговорил Абашкин и тут же, словно спохватившись, шутливо добавил: - Что-то уж больно хозяйка-то старается.

- Н-н-да, - неопределенно промолвил Антон Петрович, запихивая в рот пирожок.

- А ведь замечательная женщина, Антон Петрович! - Абашкин перестал есть и взглянул на Осипова. Тот по привычке, как всегда, когда ему приходилось решать какое-нибудь щекотливое дело, крякнул и, нервно насупившись, спросил:

- Что из того следует?

- А следует вот что: посматривает она на тебя, ну как это сказать... С восхищением посматривает, точно влюбленная...

- Ну уж это ты, брат, оставь.

- Не оставь, а истина. Да ты и сам-то малость неравнодушен к ней, только боишься признаться.

- Да ты что, на самом деле! - Осипов скомкал в руках салфетку.

- Ничего, друг мой, ничего! Ты только не кипятись, будь

поспокойней и пойми: что плохого в том, если ты эту милую женщину всерьез полюбишь...

- Ты шутишь? Или считаешь меня за дурака! Да разве я могу! Нет, никак не могу...

- Не могу, не могу! Тогда садись вон к печке и сыпь себе на голову пепел... Только не притворяйся! Да это, брат, золото, а не женщина, если хочешь знать... Мне рассказывали, как она в колхозе хозяйство вела. А он одно свое - не могу да не могу. Ничего тут зазорного нет, если вас влечет друг к другу и если вы откровенно признаетесь в своих чувствах... Почему бы тебе не подумать об этом? - невозмутимо и настойчиво продолжал Абашкин, чем привел Осипова в полнейшее смятение. Если бы не вошел в этот момент начальник штаба полка майор Почибут, неизвестно, до чего бы они договорились.

- Есть удивительные новости, - присаживаясь к столу, проговорил майор. Всегда спокойное лицо его на этот раз торжествующе улыбалось.

- Новости? Выкладывай! - Осипов кинул на Почибута настороженный взгляд и нетерпеливо потянулся за папиросой. На душе у него было неспокойно и сумрачно.

- Сейчас звонил комдив и приказал... Угадайте, что он приказал? Почибут выжидающе посмотрел сначала на комиссара, потом на командира.

- Не тяните, начальник штаба! Мы ведь не чародеи, чтоб отгадывать ваши загадки, - сказал Абашкин, - говорите прямо.

- Командир дивизии приказал: выделить сводный эскадрон для участия в московском параде седьмого ноября. Подполковнику Осипову приготовиться командовать сводным полком.

Если бы майор сообщил, что на окраину деревни Сычи прорвались немецкие танки, Осипов не был бы так удивлен: на войне случаются самые неожиданные, невероятные вещи. Но это уж было слишком.

- На парад? В Москву? - выжидательно склонив голову набок, переспросил Осипов.

- Да! Форма обыкновенная, фронтовая, - подтвердил майор.

- Может быть, ты, начальник штаба, шутить изволишь? - заговорил Осипов.

- Какие там шутки! - майор пожал плечами.

- Нет, здесь не шутки! - сказал Абашкин, поднимаясь.

Осипов тоже вскочил из-за стола и взволнованно прошелся по комнате.

- Значит, надо вытаскивать людей из окопов. А вдруг немцы атакуют в праздник?

Антон Петрович вопросительно посмотрел на Абашкина. Оба они хорошо знали, что немцы будут наступать, но когда?

- К нам придет один батальон Панфиловской дивизии, - успокоил его Почибут.

- Ну, тогда все в порядке! Тебе, Антоша, просто везет!

- Будто бы? - Осипов хотел, но не мог скрыть острого чувства радости. Потирая руки, он ходил по горнице, не находя себе места. Потом вышел на кухню и послал Петю узнать, готова ли баня. Вернувшись в горницу, он застал комиссара и начальника штаба уже в дверях. Они собирались уходить.

- А когда выступать? - спросил Осипов у майора.

Почибут ответил, что на подготовку дано два дня.

- Добре, - кивнул Осипов удовлетворенно.

Почибут и Абашкин вышли.

- Елена Васильевна! - позвал Осипов.

Вошла Русакова.

- Вы меня звали, Антон Петрович?

- Я хотел поговорить с вами. Вы садитесь. - Осипов, заложив руки за спину, ходил из угла в угол. Лицо его было серьезным, даже строгим. Казалось, он решал сложную и ответственную задачу.

Сердце Елены Васильевны дрогнуло и заныло тревожной радостью. Ей показалось, что она поняла его без слов. Поняла своим женским чутьем и чистотой материнского сердца. Но это была ошибка.

- Вам надо уехать отсюда! - сказал вдруг Антон Петрович.

- Куда? Зачем? - спросила она чуть слышно.

- Не исключена возможность, что здесь начнутся сильные бои, - сказал Осипов. - Во что бы то ни стало надо отправить в тыл детей. По обстановке видно, что бои примут зимой затяжной характер, а с улучшением погоды начнется и бомбежка. Подвергать этому детей - преступление.

- Я бы давно уехала, но ведь никто не знал, что фронт так быстро приблизится к Москве. А теперь трудно выехать, все дороги забиты. Я никак не придумаю, как мне спасти дочь. - Русакова вдруг низко опустила голову и судорожно сжала руки.

- Если вы хотите, я вам могу помочь. Отвезете Петьку и Машу в Уфу, к моей сестре. Там у меня дочка. Ну и сами у нее останетесь. О билетах я похлопочу...

- Не знаю, как вас благодарить, Антон Петрович. - Елена Васильевна поднялась с места, наполненные слезами глаза смотрели доверчиво и ласково. Но Антон Петрович старался не замечать этого. На душе у него было совсем другое чувство.

Вошел коновод Федор Чугунов и доложил, что баня готова.

- А где Петя? - спросил Осипов.

- А он с ихней девочкой с горы на салазках катается.

- Добре, сейчас вместе пойдем. Комиссар уже там?

- Так точно. Он уже раздевается.

На краю села, под горкой, возле небольшой речушки, стояла баня. Маша с Петей, оседлав вдвоем салазки, хохоча и взвизгивая, катались вниз с горы.

Маша приветливо улыбнулась Осипову. Антон Петрович хотел было отослать детей домой, но жаль было нарушать их веселье. Кинув в ребят снежком, он вошел в баню.

Баня была вытоплена на славу.

- Ну и благодать! - Антон Петрович был в самом благодушном состоянии. Рьяно натирая мочалкой спину Абашкину, он говорил: - Понимаешь, Алеша, у людей бывает внешняя сторона жизни, которая, как коркой, покрывает настоящую жизнь.

- Понимаю, не все вещи таковы, какими они нам представляются. А ты не очень нажимай, а то шкуру сдерешь, - шутливо сказал Абашкин.

- А что, больно? Хорошо, буду осторожней. Ты прав, Алеша, прав. Я вот после четырех месяцев войны на все стал смотреть другими глазами. Жизнь во сто крат ценней стала. Видно, оттого, что на глазах гибнут тысячи жизней.

- Да еще каких! - вставил Абашкин.

- Ты знаешь, я нутром чувствую, что буду еще долго жить.

- Я догадываюсь, с какого часа это началось у тебя, - усмехнулся Абашкин.

- С какого?

- С того самого, как приглянулась хозяюшка...

- Ты вот все шутишь, а мне совсем не до шуток.

- Как раз я тоже не шучу. Может быть, я не так разговаривал, но мне от души хотелось помочь тебе разобраться в самом себе. Мне хотелось знать...

- Подожди! - перебил Антон Петрович. - Тебе хотелось знать, забыл ли я жену и как быстро залечивает жизнь раны?

- Да!

- Так я тебе должен сказать, что моя рана, пожалуй, не залечится никогда. Я понимаю, что прошлое невозвратимо, как и сама молодость, но это не забудется! У меня до того ярко перед глазами эта картина: Валентина прижимает к груди Витьку, а какой-то фашистский гад целится в них из автомата. Нет, этого я, брат, никогда не забуду! И тем более сейчас. Вот тут-то ты, милый друг, на прав со своим легкомысленным сватовством. Елену Васильевну я просто уважаю и болею за нее душой, как за всякую другую женщину, которую война застигла здесь врасплох.

Ведь их место с детьми в глубоком тылу.

- Прости, что я другое подумал...

Договорить Абашкину не пришлось. За окном хлестко затараторили пулеметы. Огромной силы взрыв так встряхнул баньку, что, казалось, она вот-вот развалится.

Осипов бросился в предбанник, накинул на плечи бурку и выскочил на снег. Фашистский истребитель, беспрерывно стреляя, шел вдоль речки на бреющем полете. Над лесом, в полосе обороны первого и второго эскадронов, разворачивалось около двадцати "юнкерсов".

- Давай, Алеша! - вернувшись, крикнул Осипов.

Быстро одевшись, Антон Петрович выбежал на улицу. Коновод Федор Чугунов с перекошенным от гнева лицом, запыхавшись, нес безжизненно висевшее на его руках тело Маши.

- Совсем? - хрипло спросил Осипов.

- В грудь, товарищ подполковник. Целую очередь. Я бежал, хотел в щель их сховать, но не успел, - виновато ответил Федор.

Елена Васильевна болезненно вскрикнула, когда девочку внесли в горницу. Потом она, прижав руку ко лбу, прислонилась плечом к стенке и смотрела на все происходившее с каким-то страшным безучастием. Так она простояла до прихода Осипова. Когда он вошел, Елена Васильевна опустила руку и посмотрела на него. Антон Петрович содрогнулся. В его сознании на мгновенье вспыхнуло воспоминание, и, как всегда в такие минуты, он вновь увидел беспомощную Валентину с сыном на руках перед кучкой озверевших фашистских солдат. Он знал, что в ту страшную последнюю минуту его жена, прижимая к сердцу Витьку, смотрела вот такими же опустошенными болью глазами, как и мать только что убитой Маши.

- Антон Петрович! Что же теперь делать? - тихо проговорила Русакова.

В эту минуту она ничего не знала и не понимала, кроме своего страшного горя.

Антон Петрович подошел к ней, взял за руку и осторожно, как больного человека, усадил на диван.

- Понимаю, все понимаю! - сказал он отрывисто и, схватив со стены шашку, пристегнул ее к портупее. Золото блеснуло на эфесе клинка тускло, холодно. Порывисто подойдя к Русаковой, он сжал ее голову ладонями и глухо, с болью в голосе сказал: - Заплачьте хоть...

- Не могу! - отозвалась она каменным голосом и, точно опомнившись, с испугом спросила: - А где Петя, Петя где?

- Петя с комиссаром. Оставляю вам его... - Отпустив ее голову, Антон Петрович подошел к лежавшей на скамейке Маше.

Сняв с головы папаху, он наклонился к бледному, с заостренным носиком личику и, целуя его, прошептал:

- Отомщу, дочка. За всех отомщу! - и так скрипнул зубами, что стоявший у порога адъютант - младший лейтенант Гриша Бранко - вздрогнул. Искаженное гневом лицо командира полка было страшным.

Выйдя из хаты, Осипов поспешно спустился с крыльца и, вскочив на коня, поскакал к штабу. Там его уже дожидались Абашкин, Почибут и лейтенант Головятенко, помощник начштаба по разведке.

- Донесение комдиву послали? - подъехав, спросил Осипов. Он уже был собран, подтянут. Из-под тяжелых век блестели суженные карие глаза, поражавшие своей остротой и волевой напряженностью.

- Да! - подтвердил Почибут.

- Ты, Алеша, неотступно наблюдай и командуй левым флангом. Если сейчас там тихо, это значит, ждут, пока не выявится успех на правом фланге. Резервный эскадрон Шевчука держи наготове на случай прорыва. Да предупреди Шевчука, чтобы горячку не порол и берег людей. Я буду на командном пункте батареи Ченцова. В зависимости от обстановки туда передвинем наблюдательный пункт. Связь держать непрерывно посыльными и по телефону. Начальнику штаба быть с комиссаром. Лейтенанту Головятенко - со мной. Распорядись тут, Алеша... - Антон Петрович не договорил и тронул коня.

Высокий, складный, в белом полушубке, Головятенко откозырнул и, придерживая шашку, побежал в сарай за конем.

ГЛАВА 2

По протоптанной связными тропке запушенные инеем кони шли охотно и резво. Лес, наполненный выстрелами, гудел. Вздрагивали висевшие на лапчатых елях комья снега и, оторвавшись, бесшумно скатывались на разгоряченных коней.

Осипов в сопровождении Головятенко, Антипова и нескольких конных разведчиков и связных подъехал к широкой просеке. Стоявший у минного поля часовой перегородил винтовкой дорогу и сообщил, что двигаться дальше в конном строю нельзя. Осипов приказал спешиться и идти всей группой пешком.

Когда подходили к командному пункту батареи Ченцова, бой был в полном разгаре.

Немцы наступали тремя группами, пытаясь овладеть лесными просеками. Первая группа наносила удар по левому флангу третьего эскадрона Орлова в направлении Сычи, вторая - в стык первого и третьего эскадронов, третья, более сильная группа

стремилась смять левый фланг соседнего кавалерийского полка под командованием Бойкова, чтобы зайти во фланг первому эскадрону и, изолировав его от третьего (при помощи другой группы, наступавшей в направлении Петропавловское), уничтожить каждый эскадрон в отдельности.

Таким образом, обеспечив себе выход на Сычевские и Матренинские высоты, гитлеровцы, угрожая левому флангу бойковского полка, вынуждали его покинуть занимаемые позиции и отходить почти к самому Волоколамскому шоссе. Руководить всей операцией прибыли генерал Гютнер и начальник штаба армейской группировки генерал Рихарт.

Командир полковой батареи лейтенант Анатолий Ченцов выкатил две пушки, приданные третьему эскадрону, к завалам на просеке и бил по появившимся танкам прямой наводкой. Две другие пушки под командованием комиссара батареи Валентина Ковалева были поставлены на левом фланге первого эскадрона - в стыке лесных дорог - с таким расчетом, чтобы в нужный момент быстро перебросить их на участок возможного прорыва.

До прихода командира полка эскадрон отбил две сильные атаки. Немецкие танки, выйдя из-под огня наших батарей, маскировались в ближайшем лесу, беспрерывно обстреливая завал. В конце просеки к небу поднимался черный столб дыма. Горел танк. Языки пламени вырывались из башни и разбрасывали по деревьям искры.

Лавируя между деревьями, Осипов добрался со своей группой до командного пункта и встретился с Ченцовым в небольшом, наскоро устроенном блиндаже.

- Значит, поздравили с праздником... Добре ты им ответил, - добре... - выслушав доклад Ченцова, похвалил его Осипов.

Комбат, по своему обычаю, говорил с усмешкой. В его серых ласковых глазах вспыхивал азарт; как будто он не атаки отбил, а проделал очередной, вполне удавшийся ему фокус.

- Когда налетели бомбардировщики, я приказал откатить пушки от завалов в глубь леса, - докладывал Ченцов, ухарски сдвинув кубанку набок. - Ясно было, что они будут рушить бомбами завал. Так оно и вышло. Когда улетели, немного подождал и обратно поставил пушки на место. Сейчас, думаю, танки полезут, растаскивать завал попытаются. Жду с нетерпением... Наконец вылезли, окаянные! Тут мы их и угостили.

- Хорошо! - подтвердил Антон Петрович.

Приказав Головятенко узнать обстановку в первом эскадроне, Осипов снова углубился в карту. Он не совсем ясно понимал, что намерены предпринять немцы дальше. Но очевидно было, что

противник в первую очередь будет стремиться овладеть просеками. С момента отъезда из Сычей Антон Петрович всю дорогу пытался подавить в себе нарастающее возбуждение, стараясь хоть немного унять давившее на сердце горе. Оно мешало ему сосредоточиться.

Адъютант не спускал с него глаз, пытаясь разглядеть на его суровом лице хоть какие-нибудь признаки взволнованности. Ведь только он, свидетель прощания с девочкой, мог понять, какие чувства одолевают этого человека.

- По завалу бьет? - по-прежнему не поднимая головы от карты, спросил Осипов, прислушиваясь к гулу выстрелов.

- Так точно, товарищ подполковник, - ответил Ченцов.

Зашуршала плащ-палатка, закрывавшая вход в блиндаж. В клубах морозного воздуха появился связной командира эскадрона Громов. Он подал командиру полка донесение.

Орлов писал о потерях, требовал медпомощи и боеприпасов, одновременно сообщая, что немцы усиливают нажим на левый фланг соседнего полка.

- Слушай, Ченцов... - Антон Петрович поднялся во весь рост. Откатывай пушки от завалов! - Осипов, прищурившись, смотрел на удивленного комбата.

- Зачем, товарищ подполковник?

- Откатывай быстрей! Вот сюда, - Осипов показал пальцем место на карте. Оно было в стороне от просеки, все поросшее молодым лесом и густым кустарником. Стрелять прямой наводкой оттуда было невозможно.

Ченцов снова переспросил.

- Не ясно? - Сузившиеся глаза командира полка глянули остро, пронзительно.

- Не ясно, - откровенно признался Ченцов.

Антон Петрович, крепко сжав челюсти, что-то соображал. Из донесения он понял, что немцы, подтянув тяжелые танки, готовятся к новой атаке. Он решил откатить пушки глубже в лес, первый завал, прикрывающий вход на просеку, бросить, а укрепить и заминировать второй, находившийся на расстоянии километра от первого. Пушки Ченцова Осипов решил оставить в засаде.

- Закати сюда пушки, - объяснил он Ченцову, - проруби сектор обстрела и встань на прямую наводку. Только как следует замаскируйся. Если немцы подойдут к первому завалу и начнут его растаскивать, не препятствуй. Впусти их на широкую просеку и тогда бей. А до этого ни одного выстрела! Эскадрон Орлова будет тебя прикрывать. А эскадрон Рогозина останется на месте. Ну, теперь понял, в чем дело?

Комбат все понял. В случае неудачи при этой рискованной операции батарея должна неминуемо погибнуть. Отводить пушки было некуда. Сзади были непроходимый лес и топь, впереди немцы. Уходить можно было с одними постромками. Комбат знал, что, если не удержится, эскадрону Орлова и Рогозина отступать тоже некуда.

- Все ясно, товарищ подполковник! - Ченцов не спеша с вывертом бросил ребрышко ладони к щегольски сидевшей на одном ухе кубанке и, резко оторвав руку, спросил: - Выполнять?

Осипов медлил с ответом. Порывшись в кармане, вытащил портсигар, Протянув его Ченцову, спросил:

- Ты, Ченцов, пушки свои очень любишь?

- Вы же знаете, товарищ подполковник!

- А коней?

- Жизнь отдам за коней...

- Дешево ценишь свою жизнь... А детишек любишь, а?

- Двух мальчиков имею. А почему вы интересуетесь, товарищ подполковник? - спросил Ченцов.

- Да вот сегодня в Сычах немецкий летчик девочку застрелил. Понимаешь, на моей квартире была, такая белокуренькая... - Осипов, закурив папиросу, поиграл пальцами около виска. - С кудряшками... такая. Может, вот за них лучше отдадим жизнь, а?

Комбат сверкнул добрыми глазами, отвернулся и хмуро посмотрел в темный угол блиндажа. Может быть, в эту самую минуту он вновь вспомнил своих озорников, оставленных на Кавказе?

Осипов глубоко затянулся папиросой; косясь на Ченцова, тихо продолжал:

- Ты это запомни, комбат. Хорошо сегодня дрался. Еще злее дерись. Но знай, что эскадрон Орлова я уже приказал отвести тоже глубоко в лес, поэтому на правый фланг тебе оглядываться не надо. Делай свое дело. Я пришлю прикрытие.

Ченцов облегченно вздохнул.

- Задача у тебя... - Осипов на мгновение замолчал. - Впрочем, ты знаешь сам. За геройство посулов сейчас не будет, а вот седьмого ноября, если выполнишь задачу, в Москву на парад поедешь. Обещаю. Ступай и подавай передки. Я перехожу на запасный командный пункт.

Спустя несколько минут Ченцов сидел на коне и распоряжался передвижением батареи. Гремя кольцами постромок, ездовые подводили засыпанных хвоей битюгов и ставили орудия на передки.

Немцы открыли по завалу и ближайшему к нему лесу убийственный огонь.

Высокий, богатырского сложения, круглолицый красавец сержант Анатолий Алексеев, командир орудия, дал перед этим несколько залпов.

- На, держи, гад! - крикнул Алексеев, посылая снаряд.

Противник, не подозревая, что батарея снялась, засыпал старые позиции тяжелыми снарядами. Шишковский лес гудел и трещал, словно его хлестала жестокая буря. Кругом с шумом и грохотом валились срезанные снарядами вершины деревьев. Остро пахло смолой и пороховыми газами.

Гитлеровцы решили стереть с лица земли батарею. Она мешала им, как заноза в пятке, не давала двигаться, валила их танки, разбрасывала во все стороны табунившихся за танками автоматчиков.

Один взвод эскадрона Орлова, прикрывая левый фланг, не успел вовремя отойти и попал под этот обстрел. Выполняя приказание Доватора о захвате "языка", старший лейтенант Кушнарев тоже очутился здесь. Он все время торопил бойцов, чтобы быстрей выйти из зоны обстрела. Но передвижению мешали раненые. Их было уже более десяти человек. Из санитарок здесь оказалась только одна молоденькая девушка. Она не успевала перевязывать.

Девушка действовала очень спокойно. После очередного разрыва она быстро вскакивала на колени и торопливо ползла к лежащим на снегу бойцам.

Когда Кушнарев упал перед визжащим снарядом, у него слетела с головы кубанка. И хотя снаряд разорвался слева, старший лейтенант получил в правый бок основательный толчок. Он ткнулся носом в снег. В ушах стоял звон, потом его кто-то схватил за волосы и приподнял голову. Сначала он хотел крикнуть от боли, но потом раздумал и только сморщился.

- Вы живы? - раздался голос возле правого уха.

- А? - Кушнарев повернул голову.

- Вы не ранены, я спрашиваю? - Девушка, смутившись, выпустила из своего кулака спутанную шевелюру и потянулась за кубанкой.

- Нет, - редко смеявшийся Кушнарев на этот раз готов был расхохотаться. "Крепкий кулак", - мелькнуло у него в голове и почудилось, что он где-то слышал этот голос.

- Если нет, ползите дальше! - Девушка нахлобучила ему на глаза кубанку и, не обращая внимания на приближающийся свист мины, двинулась было к застонавшему неподалеку раненому. Но Кушнарев, поймав ее за рукав, рывком притянул к себе и вдавил ее голову в снег. Мина с треском разорвалась в нескольких шагах, именно в том месте, где лежал стонавший боец. Из развороченной

воронки шел дым. Кругом валялись клочья окровавленной шинели. Девушка отвернулась и вытерла рукавичкой приставший к щеке комочек снежной грязи.

- Осторожней надо! - Приподнявшись, Кушнарев сел на снег.

- Ничего... - небрежно проговорила девушка.

Темные большие глаза девушки смотрели растерянно, густые ресницы вздрагивали. Только сейчас Кушнарев узнал Оксану, девушку из партизанского отряда. Она очень изменилась.

Двух казаков с перебитыми ногами пришлось тут же на снегу перевязывать. Одного понесли трое задержавшихся бойцов, другого, поменьше ростом, подхватил, как ребенка, на руки Торба. Оксана шла рядом, помогая Торбе нести раненого.

Кушнарев посмотрел сбоку на ее строгий профиль, на тонкий с горбинкой нос, и показалось ему, что она самая милая и мужественная на свете девушка.

- Когда ты приехала? - спросил он.

- Позавчера, - тихо ответила Оксана.

ГЛАВА 3

Батарея Ченцова выдвинулась на новые позиции благополучно, без потерь.

- Вовремя снялись... А командир полка сразу понял обстановку и повернул все по-своему, - заметил комбат, посматривая на веселых, коренастых батарейцев.

Это была единая, крепко спаянная семья, влюбленная в свои пушки и в своего отважного командира.

Сержант Алексеев, несмотря на мороз, сбросил полушубок и, проваливаясь в глубоком снегу, рубил молодую елку. Старший наводчик Максим Попов и заряжающий вислоусый Богдан Луценко, прозванный Хмельницким, рыли капонир.

Алексеев, схватив елку, хотел было откатить ее в сторону, но Ченцов приказал поставить на место, чтобы "росла" в снегу. Так поступили и с другими деревьями.

- Когда снаряд пролетит, - объяснил Ченцов, - такие елки сами попадают. Раз мы в засаде, то важна внезапность. На каждый танк даю три снаряда, хватит? - спросил он у Алексеева.

- На этом расстоянии бью с двух! - ответил Алексеев. - А сколько на пехоту?

- Пехотой будет заниматься комэска три. У него одиннадцать пулеметов, он их встретит, а мы подсобим...

Работа по установке орудий шла заведенным порядком, как в образцовом, отлично организованном хозяйстве. Плохо обстояло дело лишь с устройством временных укрытий. Для того чтобы выкопать в мерзлой земле небольшой окопчик, требовались невероятные усилия.

Стрельба начинала стихать.

На командном пункте связисты временно оборудовали телефонную станцию. Стены выложили из снега и мелких веток, сверху натянули плащ-палатку, внутри настелили еловых лапок.

- Связистам треба удобства, - подшучивая, заметил Богдан Луценко.

- Культура! У них в землянке всегда плакаты висят: "Не шуметь", "Курить в час полцигарки, а то дышать нечем", "Говорить вежливо. За крепкое слово бьем телефонной трубкой по пяткам", - отвечал ему в тон Максим Попов, отворачивая ломом глыбу мерзлой земли.

- Это все Савка Голенищев выдумывает у них. Знаешь, длинный такой...

А в это время Савка Голенищев уже сидел в своем убежище и басил в телефонную трубку: "Орел", "Орел", я - "Калуга", я - "Калуга". Рядом с ним на куче еловых веток в ожидании разговора прилег комбат Ченцов.

- "Орел", "Орел", - продолжал бубнить Савка, - дай "Огородника", "Бригадир" просит.

На командном пункте первого эскадрона, в глубокой, с пятью накатами землянке, комиссар батареи, двадцатитрехлетний политрук Валентин Ковалев, взял телефонную трубку.

Напротив него сидели командир первого эскадрона лейтенант Рогозин, а рядом политрук Гриша Молостов. В конце стола (крышкой его служила принесенная из села дверь) - командир разведэскадрона старший лейтенант Кушнарев. Он прибыл со своими разведчиками добыть "языка", которого ему никак не удавалось захватить. Сейчас, после боя, разбирали обстановку, спорили о международном положении и закусывали курами и жареной свининой. Кур и свинину доставил в огромных молочных бидонах председатель Данилковского колхоза Никита Фролов. Круглый, ширококостный, краснолицый председатель сидел рядом с Валентином Ковалевым. Разомлев от выпитой водки, он блаженно улыбался и с гордым самодовольством разглаживал густую, невероятной величины бороду, то и дело поправляя большие, в роговой оправе очки.

- "Орел" слушает! - крикнул Ковалев в трубку.

Он был тот самый "Огородник", которого вызывал "Бригадир" - комбат Ченцов.

- Толя, это ты, братуха? Здравствуй, милый! Так, так. Ага, значит, ворон караулишь? - Ковалев задорно хохотал, грызя белыми крепкими зубами куриную ногу. Серые глаза его поблескивали озорной удалью.

- Не выйдет, думаешь? - продолжал смеяться Валентин. -

Чтобы у тебя, да не вышло! Да таких колхозников, как у нас в огородной бригаде, во всем мире нет!

- Вот это верно! - кивнув бородищей, подтвердил Никита Фролов, понимая разговор совсем в другом смысле.

- Ты мне вот что объясни... - склонившись к политруку, спрашивал Рогозин. - Несмотря на разницу в политической платформе, может существовать у нас с капиталистическими государствами настоящий военный союз?

- Может, - твердо ответил Молостов.

- Миру угрожает фашизм, - вмешался Кушнарев. - Значит, для подавления фашистской агрессии нужен и должен быть военный союз.

- А какого черта они отсиживаются на островах! - возмущенно вспылил Рогозин. - Двинули бы оттуда, а мы отсюда! А то фашисты-то к Москве пожаловали...

- Тише! - крикнул Валентин и погрозил Рогозину обглоданной костью. Потом, склонившись к трубке, возбужденно спросил: - В Москву, говоришь, на праздник? На парад! Обещал? Ты брось загибать, Толя. Нет, всерьез? Ах, елки-палки! Я сегодня обязательно три черепахи подшибу. Знаешь, давай заключим договор: у кого больше будет, тот и поедет на праздник. Вместе нас все равно не пустят. Согласен? Вот и отлично! А сейчас приезжай курочек покушать. Тут нам папаша на всю артель принес. Замечательный батька!

Ковалев, отбросив кость, провел рукой по мягкой шерсти бурки. Его пальцы натолкнулись на твердую жилистую руку и крепко пожали ее. Старик расчувствовался и уронил очки.

- Замечательный батька! - продолжал Ковалев в трубку. - У него четыре дочки... Да, да! А девушки какие! Если бы ты знал! Обязательно женюсь. Непременно... На свадьбу приезжай! Алло! Алло! Толя! Чего ты там? Ковалев дунул в трубку, и вдруг его широкое густобровое лицо исказилось в напряженной гримасе. - Тише! - Он уже не просто крикнул, а скомандовал резко, отрывисто, с суровой властностью в голосе. Это был уже совсем другой человек, не тот весельчак Валя Ковалев, а командир, строгий, волевой и требовательный.

- Так, так, так... - повторил он полушепотом, словно боясь, что его подслушают. - Значит, теперь держись... Пошлю или сам приеду. Не волнуйся, отдам последний. Уж раз пошла такая свадьба, режь последний огурец.

"Ишь ты, какой колючий! - восторженно посматривая на Валентина, думал Никита Дмитриевич. - А хорош был бы зятек-то. Хорош!"

- Немцы пошли в атаку на первый завал. - Ковалев положил

трубку и бросил на командира тревожный взгляд.

- Товарищи, - крикнул Кушнарев, поднимаясь из-за стола, - немцы в атаку на эскадрон Орлова пошли!

- Да они сегодня несколько раз лезли. Удивил! - отмахнулся было Рогозин.

- На этот раз будет погорячее!

Валентин отодвинул тарелку с мясом, встал из-за стола. Он был небольшого роста, но широкоплеч и коренаст.

- Нам тоже приготовиться. Дело вот в чем... - немного помолчав, сказал Ковалев. - Там комбат Ченцов остался с пушками в засаде. Немцы сейчас растаскивают завал. Если комбат и Орлов не удержатся, то противник захватит и второй завал. Тогда нам будет худо. Полк Бойкова дерется с утра. Командир нашего полка сообщил комбату, что будет серьезная атака. Надо быть готовым... Я иду к пушкам.

- Ну, а я к Ченцову, - сказал Кушнарев.

- Вот это правильно, - поддержал Ковалев разведчика. - Там "языки" близехонько, бери, как барашков...

Кушнарев промолчал.

- Ты говоришь, завал растаскивают, а почему пушки Ченцова молчат? спросил Рогозин.

Стрельба в районе первого завала действительно слышалась редкая и вялая. Только на правом фланге у Бойкова хлестко переливались пулеметные очереди. Били немцы. Звук их пулеметов был жесткий и дробный.

- Почему молчит Ченцов, я спрашиваю? - Рогозин настойчиво теребил Валентина за острое плечо кавказской бурки. Но Ковалев сам не понимал, почему комбату стрелять не велено. Снарядов было достаточно.

- Командир полка запретил... - неожиданно ответил Ковалев и, чтобы прекратить дальнейшие рассуждения, добавил, обращаясь к старику Фролову: Вам, Никита Дмитриевич, надо собираться, а то здесь...

- Ты меня, комиссар, не пугай! Я ведь ту германскую отбарабанил, да и гражданской прихватил чуток. Все равно не боюсь смерти.

- Зачем, папаша, думать о смерти! - воскликнул Ковалев с прежней неудержимой веселостью. - Нам еще жить да жить! В Москву на парад через три дня поедем. Эх, и погуляем!..

- Крепко любишь жить, паренек. Уважаю таких, - застегивая полушубок, проговорил Никита Дмитриевич. - Ежели утихнет, вечерком загляну...

"А хорош, хорош! - не унимался нахваливать Ковалева старик. - Что это у них затевается с Зинкой-то? Два дня не был, а она уж

ходит по комнате, как птица в клетке".

Никита Дмитриевич не подозревал, что дело давно уже сладилось.

ГЛАВА 4

Несколько дней назад комиссар полковой батареи Валентин Ковалев со старшиной Алтуховым поехали в село Петропавловское за фуражом. Председатель колхоза Никита Дмитриевич Фролов встретил их, как самых дорогих гостей, и усадил за стол.

- Мать, собирай на стол! Живо! - засуетился радушный хозяин и вытащил припрятанную бутылку водки.

- Да мы не пьем, - отнекивались гости.

- На войне, да не выпить, как бы не так! - не уступал хозяин.

- В рот не берем. Даже крошечки, ни-ни... - проговорил лобастый, толстогубый, похожий на монгола Алтухов, придерживая в кармане горлышко от поллитровки, привезенной для угощения председателя.

- Не выпьете по стаканчику, клочка сена не дам, - отрезал обиженный Никита Дмитриевич.

Это была первая фронтовая часть, вступающая на территорию колхоза. Увидев добрых, крепких, лихих кавалеристов, Никита Дмитриевич еще сильнее почувствовал непоколебимую уверенность в том, что гитлеровцев не пустят дальше ни на шаг и закопают их в подмосковной земле. Накануне ему пришлось выдержать жестокий бой со своей хозяйкой. Пелагея Дмитриевна требовала подвод для немедленной эвакуации.

- Ты что ж это, хочешь, чтоб я тут с фашистами оставалась? - налетала на него дородная белокурая супруга. - Весь скот отправил, а мы, выходит, хуже животных?

- Скот велено было угнать, а мне уезжать не велено, - возражал Никита Дмитриевич. - Не пустят сюда германца, вот и весь сказ.

Он уже давно записался в партизанский отряд и включил в него всех дочерей, но держал это в строжайшем секрете.

Председателем колхоза его избрали недавно, во время войны. Он очень гордился оказанным ему доверием и отдавал все силы, чтобы сохранить колхозное имущество и помочь Красной Армии.

- Объясните, товарищи командиры, моей почтеннейшей супруге: разобьем мы германца иль нет? - торжествующе поглядывая на Пелагею Дмитриевну, спросил Никита Дмитриевич.

- А сам ты как думаешь, папаша? - хитро прищуривая монгольские глаза, спросил Алтухов.

- Мы люди русские, советские, фашистское ярмо никогда не

наденем. Наполеон тоже вот приходил сюда. Трус всегда из-за угла бьет, нахрапом лезет, а получит сдачу, бежит без оглядки. Дадим мы ему сдачу, дадим! Я вот тоже... - старик едва не проговорился о партизанском отряде, но, спохватившись, умолк.

- Вот это правильно, папаша! - подтвердил Ковалев.

Из горницы выглянуло девичье лицо и тотчас же скрылось. За дверью послышался сдержанный смех.

- Не прячьтесь, все равно отыщем! - шутливо крикнул Ковалев.

- Да выходите, трусихи. Не съедят вас... - Никита Дмитриевич встал и распахнул дверь.

Из большой светлой комнаты одна за другой вышли три одинаково одетые, разительно похожие друг на друга девушки. Следом, точно шарик, выкатилась самая младшая, розовощекая, с синими, как у матери, глазами девочка лет тринадцати. Она смело подошла к командирам, подала руку и солидно отрекомендовалась:

- Серафима.

- Вот смотрите какие. Запрягай и паши. Никаких тракторов не надо! А эта, четвертая - куцавка. - Никита Дмитриевич поддал ей легонького тумачка.

- Папка, не дразнись! - шаловливо крикнула Серафима. - Он меня Ефимкой-куцавкой зовет, потому что я маленькая и коротенькая. Ну и пусть... А то дали какое-то имя - Серафима. Это в Язвищах попадья живет Серафима. Лучше уж я буду куцавенькая.

Все рассмеялись. В просторной чистой комнате с приходом девушек стало еще уютней и праздничней. Солнечно плескался за окнами морозный день. На массивный буфет из окна падали косые солнечные лучи. Открыв стеклянные дверцы буфета, синеглазая красавица, первая выглянувшая из горницы, достала груду тарелок и стала их перетирать. Это была самая старшая дочь, двадцатилетняя Зина, строгая и красивая.

Вторые две - Ольга и Евдокия - были близнецы. Это были добродушные, славные, миловидные девушки. Сейчас они вышли на кухню и помогали готовить закуску.

Ефимка со свойственным всем подросткам любопытством подсела к Ковалеву и заинтересовалась сначала его орденом, потом буркой.

- Замечательная! - восторгалась девочка. - У Чапаева тоже такая была. Можно померить?

- Пожалуйста! - Ковалев, сняв с гвоздя бурку, накинул ей на плечи.

Бурка, коснувшись пола, стала коробом.

- Ну, теперь совсем похожа на куцего Ефимку... - шутил Никита Дмитриевич.

Зина покосилась на сестренку блеснувшими глазами, строгие губы ее дрогнули в ласковой улыбке.

Ковалев, наблюдая за девушкой, понял, что внешняя суровость ее только маскировка, желание отличить себя от других. Было ясно, что семья Фроловых - крепкая. К Ефимке относятся снисходительно и любят больше всех.

Ефимка, подметая полами бурки крашеный пол, маршировала по комнате, задрав кверху нос.

- На огород бы тебя поставить заместо пугала, - смеялся отец.

- Очень даже хорошо, только немножко длинная... - не обращая внимания на шутки, заметила Ефимка. - Вот Зиночке будет как раз. А ну, померяй! Красота будет! - приставала сестренка.

- Как тебе только не стыдно! Ведь ты же настоящий мальчишка, Ефимка, - строго проговорила Зина, расставляя на столе тарелки.

- Ну и мальчишка! Что ж из этого?

Зина, ничего не ответив, вышла на кухню.

- Отчего она у вас такая сердитая? - тихонько спросил Ковалев у Ефимки.

Такой вопрос подстрекнул Ефимку к таинственности и расположил к откровенности. Оглянувшись на отца, который увлекся с Алтуховым разговорами о колхозных делах, Ефимка подсела к Ковалеву и начала шепотом рассказывать сестрины секреты:

- Наша Зина такая ученая, такая ученая, и не знаю, как вам сказать. Книжки читает по целым ночам и на скрипке играет. Она у нас в Москве училась, а теперь сюда приехала. Ей папаша новую скрипку купил. Лакированная, а Зина говорит, что инструмент никуда не годится. Привередница она у нас, гордая, но хорошая. А Ольга с Дуней плясать любят и песни петь. Они на трактористок учились. Мы все вместе спим. Они сказки любят рассказывать. От папаши научились. Ох, сколько он знает сказок! Всю ночь не уснешь. Хороший у нас папаша! Правда?

- Замечательный батька! - восторженно откликнулся Ковалев.

- А мы прошлый год заработали две тысячи трудодней. Все работали, и Зина тоже. Она только зимой учится, а летом приезжает в колхоз. Папаша говорит: кто меньше двухсот трудодней заработает, тому никаких подарков не полагается.

- А ты сколько заработала?

- У меня ничего нет, я учусь! - важно произнесла Ефимка. - Папаша говорит: "Ты наш единственный паразитик. Пока учись, а

там видно будет... Может, я тебя в трактор запрягу..." А мне не хочется в трактор, я хочу в летчики. А он говорит: "Ноги у тебя короткие. Не примут". Может быть, еще подрастут, а?

Ковалев, улыбаясь, смотрел на Ефимку. Ему хотелось схватить ее на руки и бесконечно носить по комнате. После грубых и тяжелых испытаний войны ему не верилось, что все это реальное: и светлая, чистая горница, и веселый щебет Ефимки, и строгая красота Зины. Три месяца беспрерывных боев, бесчисленные и мучительные заботы! Люди, живые и мертвые, раненые и больные, кони и пушки, снаряды и сухари, марши по колено в грязи, блиндажи и щели, свист мин и удушливый, отвратительный запах пороха...

А сейчас все точно в сказке: мир и уют. Все сидят за гостеприимным столом, и Никита Дмитриевич, важно поглаживая бороду, подкладывает гостям лучшие куски. Пелагея Дмитриевна, раскрасневшаяся, улыбающаяся, несет из кухни шипящую яичницу. Она рада гостям. Она верит, что эти плечистые, крепкие, опоясанные ремнями молодые парни не дадут врагу надругаться над Родиной, над ее цветущей Ефимкой, над строгой красавицей Зиной, над веселыми и добродушными близнецами Ольгой и Дуней.

Зину, как нарочно, посадили рядом с Валентином в передний угол, и они оба, молодые и сияющие, сидят, точно новобрачные. Какие нелепые мысли лезут в голову. А что, если сейчас Ефимка крикнет "горько"... Поцеловал бы он Зину или нет? Вероятно, сначала посмотрел бы в глаза, а потом... Нет, в глаза смотреть страшно. Жгучие, синие, недоступные в своей строгости.

Валентин неловко тычет вилкой в яичницу, рушит желток, а захватить не может. Рядом теплое дыхание Зины. Он чувствует аромат ее васильковой шелковой блузки и видит, как мелькает сильная, покрытая бархатным пушком загорелая рука. Вдруг эта рука подхватывает с его тарелки ломтик яичницы и подносит к его губам.

- Пили за мое здоровье, а вы и не слышали! Закусите хоть! - укоряюще говорит Зина.

- Простите, задумался, - отвечает невпопад Валентин.

- О чем вы думали? - Слегка прищуренные глаза девушки светятся ласковым сиянием.

Валентин смотрит в это сияние и не может оторваться. Молчит. "Разве ты не знаешь, о чем я думаю?" - спрашивают его глаза.

- О чем я сейчас думал, расскажу в другой раз, - произносит он вслух и почти резко. А потом, точно испугавшись неуместной резкости, тихо добавил: - Иногда приходит на ум такое, что даже

самому себе стыдно признаться.

Зина вспыхнула и ничего не ответила.

После завтрака Никита Дмитриевич повел Алтухова показать колхозное сено. Молодежь заняла горницу. Зина извлекла из футляра скрипку. Хорошая, волнующая мелодия зазвучала в горнице.

- Почему вы не эвакуировались со школой? - спросил Ковалев Зину.

- Нашу школу не эвакуировали, а распустили.

- Ну, а что же будете делать, если фашисты придут?

- Как это придут? А вы на что? - Зина тряхнула головой и выжидательно посмотрела на комбата. Такие вопросы задавали Ковалеву и в Белоруссии, и на Смоленщине, задавали всюду, куда приходила его часть. И всем он отвечал: "Дальше не пройдут". Он и сам верил в это, а немцы все шли и шли, занимая город за городом, а он отступал и упорно говорил: "Дальше не пройдут". Выходит, обманывал он и себя и всех, кто задавал ему этот страшный вопрос.

- За каждый клочок земли, который нам приходится отдавать, мы зубами готовы держаться и бьемся насмерть! - зло проговорил Ковалев и неожиданно смолк.

Да, тяжело было говорить об этом сейчас, когда фашисты заняли Волоколамск и находились в семидесяти километрах от Москвы.

Но Ковалев, как и все его боевые друзья, твердо верил в то, что наступит перелом и они погонят гитлеровские полчища прочь от Москвы.

ГЛАВА 5

В эти дни полк Осипова стоял в резерве и готовил второй оборонительный рубеж в районе Язвищенских высот. Ковалев навещал Петропавловское почти ежедневно. Фроловская семья встречала его, как родного. Особенно рада была его наездам Ефимка. Веселая и непоседливая, она требовала музыки, песен и пляски, но в доме с некоторых пор поселились тишина и скука. Ольга и Евдокия ушли в Ивановскую МТС угонять тракторы и застряли где-то по дороге. Зинаида, закутавшись в теплую оренбургскую шаль, куда-то исчезала на целые дни, а вечерами читала. Иногда она запиралась с отцом в горнице, они шушукались и гнали Ефимку от замочной скважины. Только с приездом Валентина все озарялось ярким светом, как любила говорить Ефимка. Начиналась стряпня, игры и всякие интересные разговоры.

В такие дни Ефимка была наверху блаженства. Но самое интересное началось с того момента, когда она совсем случайно

подслушала странный разговор между Валентином и Зинаидой. В этот день батарейцы топили у Фроловых баню. Сначала мылся Валентин с солдатами, потом Ефимка с Зинаидой. Родителей дома не было, они уехали в Москву навестить больную тетку. После бани Ефимка забралась на лежанку и, свернувшись калачиком, незаметно заснула. Разбудил ее негромкий голос Зинаиды. Она кому-то говорила:

- Я все поняла и все обдумала. Голову прятать под крылышко не буду.

- Но ты знаешь, что это очень опасно. К тому же ты такая красивая, возразил мужской голос, и Ефимка узнала Валентина.

- А почему разведчица должна быть дурнушкой? - рассмеялась Зинаида.

Ефимка едва сдержалась, чтобы не крикнуть, у нее больно сжалось сердце, когда узнала она, что Зина собирается быть разведчицей.

- Я повторяю - это смертельно опасно!

- А ты разве ежедневно не подвергаешь себя опасности?

- Я - другое дело. Я принимаю смерть в бою как должное.

- А почему же мне нельзя принять смерть в открытом бою, лицом к лицу с врагом?

- Там будет другая смерть...

- Думаешь, не знаю? - тихим голосом спросила Зина.

- Несколько дней назад ты сказала мне, что любишь, а сейчас объявила, что уходишь по заданию к немцам в тыл. У меня, понимаешь, такое состояние, как будто меня обманули, дали в руки счастье, а потом отняли.

- Я не подозревала, что ты так... - вдруг голос Зины зазвучал, как металлический. - Подожди! Предположим, что у нас есть ребенок. И вот ты, комиссар батареи, во имя спасения других жизней мог бы меня послать на смерть? Мог бы или не мог? Скажи.

- Смотря по необходимости... - глухо и нерешительно проговорил Ковалев с явным намерением оттянуть ответ на этот неожиданный и жесткий вопрос.

- Значит, при необходимости послал бы? - не унималась Зина.

- Знаешь, я тысячу раз пошел бы сам, но тебя не послал бы, - ответил он с твердой мрачностью.

"Ах, дура, дура, и что же она мучает его!" - кусая подушку, всхлипывала за печкой Ефимка.

- Нет! Такая возможность исключена, милый. - Зина встала и, заложив руки за спину, широкими шагами прошла по комнате. Ее тонкий профиль с нахмуренными бровями был недоступно красив. - Да, да, такая возможность исключена, мой милый, -

продолжала она медленно и громко, словно любуясь своим сильным, гибким сопрано. - Исключена потому, что твоя жертва в данном случае напрасна, бесполезна и даже вредна. Представь, ты, как командир батареи, находишься около своих пушек, а я, как разведчица, сижу в Шитькове в маленьком подвальчике около рации. И вдруг верхний этаж моего подвальчика занимает немецкий штаб. Предположим, приехали генералы, полковники и дюжины три лейтенантов. Я тебе передаю: "Валя, второй дом от края подними на воздух". А ты отлично знаешь, что в подвале этого дома я, Зина. Поднимешь или не поднимешь?

На несколько минут комнату заполнила напряженная тишина. Валентин слышал, как бьется у него сердце, а слова, нужные слова уплывали куда-то все дальше и дальше.

- Поднял бы! - наконец решительно произнес он, но, немного подумав, оговорился: - Наверное, поднял бы! Ну, довольно об этом. - Он едва сдерживался, и голос его начинал срываться.

Зина подскочила к нему, обняла и расцеловала. Ефимка, не вытерпев, заплакала за печкой. Успокоив сестренку, Зина взяла скрипку и заиграла. Скрипка тихо и нежно пела. Видно было, что в песню эту Зина пыталась вложить всю свою молодость и то новое, глубокое чувство любви, которое она впервые переживала. Ей было приятно видеть, что Валентин слушает ее и, может быть, сейчас, в эту минуту, думает о том же, о чем думала и она.

- Какой сегодня день! Если бы ты только знал, какой день! восторженно произнесла Зина, оборвав горячий голос скрипки.

Она подошла к Валентину, села рядом и, положив голову к нему на плечо, тихо сказала:

- Сожми мою руку... Крепче, крепче... Вот мы с тобой съездили сегодня в сельсовет. В течение пяти минут из Фроловой меня превратили в Ковалеву и отдали тебе в полную власть. Это шутка, конечно, но знаешь, мне сейчас так стыдно, так стыдно, будто я совершила самый бесчестный поступок. А все оттого, что я бессовестно счастлива. Нашим пока не скажем. Время сейчас тревожное, а мы, здравствуйте, - поженились! Честное слово, глупо. Мне, значит, завтра же надо идти к своему начальнику и заявить: "Знаете, товарищ начальник, ваша разведчица Зина вышла замуж". Просто какой-то дурацкий водевиль! А все ваша милость виновата. Вскружил голову девчонке...

- Ну, положим, поездка в сельсовет не моя затея... А ты что, начинаешь раскаиваться? - улыбнувшись, спросил Валентин.

- Нет, нет! Я сама не знаю, что говорю! Валенька, милый, я ведь любовь знала только по книжкам. А вот пришла же она, и так неожиданно и в такое время, что даже как-то страшно за все. А сейчас я нарочно и себя и тебя испытывала, хотя и знала, что ты

сильнее меня. В последние дни я много думала и перебирала в памяти все твои рассказы о войне. Это так страшно и так горько. Какие испытания несет наш народ! Так разве после этого я могу остаться в стороне? Нет, не могу. Ты понимаешь меня: и я вместе с тобой хочу нести все тяжести воины и биться до конца, до победы.

В окно кто-то громко и настойчиво постучал.

- Кто бы это мог быть? - спросила Зина.

- Да вояки какие-нибудь. Я сейчас приду.

Валентин, подхватив бурку, исчез за дверью.

Зина взяла скрипку и снова хотела играть, но дверь распахнулась, и в комнату вошли трое военных и за ними Ковалев.

- Уж не нас ли, красавица, собираетесь встретить с музыкой? проговорил, улыбаясь, передний.

На нем была длинная, ловко сидевшая кавалерийская с серебристой опушкой бекеша и коричневая барашковая папаха.

- Генерал Доватор. Знакомьтесь, - отрекомендовал Ковалев.

"Так вот он какой, знаменитый генерал Доватор, о котором так много говорил Валентин!" Зинаида растерянно протянула руку вместе со смычком. Лев Михайлович сначала взял у нее смычок, а затем пожал руку. Вторым поздоровался широкоплечий, с веселыми глазами бригадный комиссар Шубин. Выше всех ростом был третий, тоже в бурке, с продолговатым, сухощавым кавказским лицом - командир дивизии генерал-майор Атланов. Он попросил сыграть что-нибудь.

- Нет, нет, не буду, - горячо замахала руками Зина, - как-нибудь после. Да и какой я музыкант...

- Жалко, что откладываете, - огорченно вздохнул Лев Михайлович. - А мы затем и заехали, чтоб послушать. Да и дельце маленькое подвернулось. А насчет игры не скромничайте. Хорошо играете. Мы долго слушали, даже стучать не хотелось. Вот хоть и у комиссара спросите, и у генерала Атланова. Всем понравилось.

Зина, все еще смущенная, поблагодарила и предложила садиться, но все стояли и смотрели на нее. Доватор следил за ней острым, колючим взглядом, намереваясь, казалось, влезть в самую душу.

"Да что они рассматривают меня? - с чувством внутреннего протеста подумала Зинаида. - Уж не потому ли, что я красивая, как говорит Валентин?" И первый раз в жизни Зина пожалела о том, что она женщина, и подумала о себе с неприязнью.

Валентин с Атлановым, разговаривая вполголоса, вышли в другую комнату.

Доватор, повертев в руках смычок, присел на диван и,

переглянувшись с Шубиным, пригласил его занять место рядом с собой.

- Так, значит, вы та самая Зина Фролова? - присаживаясь на диван, спросил Шубин.

- Не совсем так... - загадочно ответила Зина, смущаясь и краснея.

- То есть как? - Шубин, видя ее замешательство, смотрел с удивлением. - Может быть, мы не по тому адресу попали?

- Нет, адрес правильный. - Зина энергично тряхнула головой.

Да, девушка действительно была красивой, и Шубин уже с сожалением успел подумать, что она, очевидно, не блещет умом.

Доватор, не скрывая, любовался Зиной. Ему просто не хотелось начинать серьезный разговор. Однако, не желая обременять свою будущую разведчицу излишним волнением, он сразу перешел к делу. Отстегнув планшетку, достал какую-то бумажку, прочел ее и, взглянув на Зину в упор, спросил:

- Вам знаком майор Викторов?

- Нет. Я не знаю никаких майоров Викторовых, - резко ответила Зина. На самом деле после получения специальной подготовки она находилась в распоряжении майора Викторова и ждала назначения со дня на день. Но майор почему-то медлил. Фамилию майора Викторова она могла открыть только по соответствующему паролю.

- У меня беда случилась: заболел брат, - тихо проговорил Доватор.

- Обратитесь к доктору... - после небольшой паузы ответила Зина.

Это был пароль. Теперь она поступала в полное распоряжение соединения генерала Доватора. "Значит, вместе с Валентином. Хорошо", - мелькнуло у нее в голове.

Во все детали разведывательного дела Доватор вникал лично. Отправляя людей на задание, беседовал с каждым человеком в отдельности. Сейчас шла подготовка к очередной разведывательной операции по тылам противника. Было решено предварительно забросить за линию фронта группу специально подготовленных радистов-разведчиков и систематически получать точные данные об обстановке.

- Вас рекомендовал майор Викторов, - продолжал Лев Михайлович. - Вы не изменили своего решения?

Майор хоть и рекомендовал Зину, но откровенно признался, что жалеет посылать девушку на опасную работу. Это-то и толкнуло Доватора наведаться к разведчице. Да и комиссар настаивал.

- Скажи мне, деточка моя, чистосердечно... - Шубин не спеша

расстегнул на груди бурку, снял ее и положил на валик дивана. В кожаной безрукавке и фетровых сапогах он оказался стройным и моложавым, но движения его были удивительно медлительные и расчетливые. Зине показалось, что вся его спокойная и крепко сбитая фигура только и создана для того, чтобы придумывать хитрые вопросы, для вида сдобренные отеческой лаской. Только серые вдумчивые глаза под сросшимися бровями говорили другое. В них светились теплота и добродушие. Эти проницательные и умные глаза смотрели сейчас на Зину как на человека, с которым случится несчастье и который вряд ли выпутается из беды. - Скажите чистосердечно, вас очень увлекает романтика профессии разведчика?

- А кого это не увлекает, Михаил Павлович? - вступился Доватор.

- Подожди, Лев Михайлович. Пусть она сама ответит!

- Если говорить чистосердечно, увлекает! - возбужденно ответила Зина. Она чувствовала, что комиссар собирается экзаменовать ее, и, собрав всю свою волю, решила дать отпор. - Но дело не только в одной романтике, товарищ комиссар, - заключила Зина.

- А в чем же еще?

- Прежде всего без увлечения не сделаешь ни одного дела. Если уж что захотел сделать, отдай всю свою силу и душу. А люди сейчас отдают для защиты Родины все. Вот и я хочу сделать так же, как и все. Буду разведчиком. Вы мне сейчас скажете, что это очень опасно, попадешь к гитлеровцам, будут пытать, огнем жечь. Отлично знаю, не одну ночь думала об этом, но не трушу. Я готова сейчас перенести любую муку, любую пытку.

- Горячо, очень горячо! - кивая головой, повторял Шубин. - Я, честно признаюсь, вначале подумал, что вы только на скрипке пиликать умеете, бантики завязывать. Ничего не поделаешь, ошибся. Только у меня есть еще один чистосердечный вопрос. Можно задать?

- Слушаю вас, товарищ комиссар.

- Кто вас так ретиво настропалил? Ничего не бояться, не ужасаться, а прямо с места в карьер хоть на виселицу. Я подозреваю, что Ковалев. Хвастал, поди, рейдом в тыл, где сплошной героизм! Запорожская сечь! Не война, а песня! Но если так говорил, то он пустой и вредный хвастунишка! Излишнее увлечение и романтика - это усыпление бдительности. У разведчика должен быть трезвый и холодный расчет. На каждом шагу он подвергается опасности, и если не выдержит, то нанесет общему делу непоправимый вред. Умереть нетрудно, но надо дело сделать! - Комиссар говорил резко, напористо, не обходя

острые и опасные положения.

Доватор, откинувшись на спинку дивана, наблюдал за девушкой. Зина сидела на краешке стула около опрятно убранной кровати и смущенно покусывала губы. Слова Шубина о Валентине не только не были оскорбительны, а наоборот, поднимали в глазах девушки любимого человека. Ведь он ей говорил то же самое, и казалось, что комиссар подслушал сегодня их разговор с Валентином и сейчас передает его слово в слово. Удивительное совпадение.

- Можно отвечать? - спросила Зина, когда Шубин закончил.

- Да, да, отвечайте! Чему вас учил Ковалев во время музыкальных вечеров?

- Запугивал. Говорил самые ужасные вещи... - Зина возбужденно взмахнула руками и рассмеялась.

- Запугивал? - переспросил Доватор. По тону его чувствовалось, что он не одобряет этого. - Вот что, комиссар: запретите ему сюда ездить, добавил он властно, скрывая появившуюся на губах усмешку.

- Определенно запретим, - безапелляционно подтвердил комиссар.

- Нет, вы этого не можете сделать! - Зина умела выражаться коротко и решительно. - Вы не можете запретить! - повторила она сердито.

- Мы не только запретим, но и переведем его в другую дивизию, сказал Шубин.

- В резерв отчислим, - вставил, улыбаясь, Доватор. - Отговаривать человека от выполнения ответственнейшей задачи...

- С целью извлечения личной выгоды... Заметь - в военное время! Шубин внушительно поднял указательный палец.

- Да, да! - подхватил Доватор. - Здесь, брат, трибуналом пахнет!

В слове "трибунал" Зина смутно ощутила нечто суровое, но совсем не опасное и ничем не угрожающее. Доватор проговорил его с шутливой беспечностью.

Зина начала понимать, что в их посещении помимо делового разговора кроется еще что-то другое. Не ускользнуло от нее и подозрительное между ними перемигивание.

- До трибунала-то, положим, далеко... - проговорила она убежденно, и в ее синих глазах, строго смотревших на Доватора, блеснула лукавая улыбка. Гости чувствовали, что девушка начинает вникать в их коварный замысел.

- Должен вам заметить, товарищ Фролова, что у вас крепкие нервы, вполне серьезно заметил Шубин.

- Должна вам заметить, товарищ бригадный комиссар, что вы

ошибаетесь. Моя фамилия не Фролова, а Ковалева.

На губах Зины играла насмешливая улыбка.

- Вот видишь, генерал Доватор! Я тебе сразу же заметил, что непочтительно разговаривает девушка, непочтительно! Вместо того чтобы по такому высокоторжественному случаю, как бракосочетание, пригласить к столу, посадить в передний угол, она нас держит чуть не у порога, и не смей тронуть, колется, как ежик!

- Прошу, прошу! - Зина по русскому обычаю низко поклонилась.

После шуток и поздравлений сели за стол. Комдив Атланов произнес торжественную речь. Он говорил увлеченно и страстно, в словах его звучала упрямая, неистребимая жажда жизни.

- Никакие невзгоды, никакие исторические трагедии, - сказал он между прочим, - не могут остановить движение жизни. В гражданскую войну после тяжелых, изнурительных походов в полках конницы Буденного устраивались такие веселые свадьбы, что от песен и пляски в хатах лампы гасли. А это значит - люди были сильны духом и крепко верили в победу. Никакие невзгоды не могли сломить человеческую волю и отвратить любовь к жизни. Я поднимаю бокал за победу, за любовь, за человеческое счастье на земле!

После этого Доватор попросил Зину сыграть на скрипке. Она смущенно отказывалась. Но Лев Михайлович настойчиво уговаривал, вылез из-за стола, сам принес и подал смычок и скрипку.

...Тихая торжественная мелодия зазвучала так проникновенно, так по-человечески внятно и одухотворенно, что у Зины самой дрогнуло сердце, она точно слилась с этими звуками и больше ничего не видела и не слышала. Скрипка пела, и живой чудесный голос ее наполнил комнату теплом и блеском каких-то необыкновенных лучей; и всем на минуту показалось, что на улице не зима, а весна - повсюду цвели сады, цвела вся земля, и с шумом падали на нее теплые дожди, и все вокруг радовалось и пело.

Скрипка, как и страстные слова Атланова, славила жизнь и, может быть, больше всего человека. Так думали все; о том же думала Зина. Вдруг звуки смолкли, но в комнате все еще не угасало тепло весны, дыхание цветущей земли...

Лев Михайлович внезапно встал. Он постоял несколько минут, глядя на семейную фотографию Фроловых, о чем-то глубоко задумавшись.

Музыка произвела сильное впечатление на всех, а на Атланова в особенности. Взглянув на него, Шубин с изумлением

заметил, как крупные суровые черты лица этого далеко не сентиментального человека разгладились, разительно помолодели и глаза ярко поблескивали. Шубин налил в рюмки коньяку и, пододвинув Ковалеву и Атланову, сказал:

- Выпьем, Иосиф Александрович. - И, кивнув на Валентина, добавил: За его счастье выпьем. Это не девушка, а сокровище!

- Да, Михаил Павлович. Поберечь ее следовало бы, - задумчиво проговорил Атланов. - Талантливая.

Доватор, повернувшись, позвал к себе Шубина, о чем-то тихо с ним заговорил. Михаил Павлович согласно кивнул, и они вместе вернулись к столу.

- Заканчиваем, товарищи, - присаживаясь к столу, сказал Доватор, кинув на Зину внимательный взгляд. - Зинаида Никитична, мне нужно еще кое о чем переговорить с вами.

- Я вас слушаю, Лев Михайлович.

Зина, видя изменившееся лицо Доватора, насторожилась.

- Мне кажется, всю затею с разведкой придется отставить.

- Почему?

Голос девушки зазвенел и дрогнул.

- Видите, какое дело...

Лев Михайлович, застегнув верхнюю пуговицу генеральского кителя, порывисто встал и прошелся по комнате.

- Учиться вам надо, - проговорил он решительно. - Вы не имеете права... - Он хотел сказать "губить себя", но, спохватившись, поправился: - Не имеете права не учиться. Вы очень способны. Поезжайте в Москву. Хотите, я напишу куда следует?

- Правильно! - горячо подхватил Атланов. - Вы будете выступать по радио для всей Красной Армии! Для всего народа! Вы же знаете, что такое хорошая музыка и песня. У меня кавалеристы воюют с песней, кашу варят с песней. Спать ложатся - поют, а встанут и снова запевают: "И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет..." Хорошие слова!

Зина не моргая смотрела на левый носок туфли, точно капризный ребенок. Уговаривали ее все наперебой, но она упорно молчала.

- Я ей тоже все время толкую. Даже слушать не хочет! - кипятился Ковалев.

- Погоди, Валя, - не вытерпела Зина и досадливо замахала рукой.

Подняв на Доватора умные, строгие глаза, она спросила:

- У вас, Лев Михайлович, есть дети?

- Да. Сын Саша и дочь Рита, - ответил Доватор.

Шубин прищурил правый глаз, нарочно громко кашляя,

склонился к столу. Он понял, что, отмалчиваясь, Зина готовилась к меткому удару. Вот она обдумала все и хочет что-то сказать.

- Если бы ваша дочь Рита, - твердо и медленно начала Зина, - в тысячу раз имела больше способностей, чем я, и вдруг решила идти воевать. Вы, член партии, генерал-майор, запретили бы ей или нет? Или бы уж, на худой конец, взяли в штаб, под свое крылышко? Она бы вам по вечерам на гитаре тренькала или, как я, на скрипке играла? Как бы вы поступили, интересно мне знать?

- Вот это, я понимаю, соль-мажор! - Шубин широко развел руками. - Что я тебе говорил, генерал Доватор, не умеет быть почтительной, не умеет! А еще артистка, художник! - Шубина распирало от восторга, казалось, что у него треснет на спине туго затянутый китель.

- Да у нас, Михаил Павлович, таких художников, - звонко крикнула Зина, - половина колхоза! Вот если бы сейчас кто-нибудь из нас новый порох придумал или какую пушку, тогда другое дело! Можно было бы такую девушку отправить в глубокий тыл, в лабораторию или на завод. За вами, Лев Михайлович, ответ!

- Брось, Доватор, - снова вмешался Шубин. - Ее все равно не переспоришь. А то, чего доброго, тряхнет своими кудряшками и улетит в штаб армии, а там - будь здоров! - на самолет - и в твою Белоруссию. Оттуда еще привет отстукает.

Вместо ответа Доватор взял Зину за руки и поцеловал в губы.

- Молодец! Это я так поступил бы с моей дочерью, - сказал он взволнованно и, оглядев присутствующих грустным, задумчивым взглядом, тихо добавил: - Пора по коням!..

Когда вышли, на дворе стояла глубокая ночь. Редкие выстрелы рвали тишину и вспугивали мигающие на небе звезды.

- Ну как, комиссар, разведчица? - садясь на коня, опросил Лев Михайлович.

- Геройская, - ответил Шубин коротко.

ГЛАВА 6

Автоматчики противника подходили к оставленному завалу с большой осторожностью. Сначала разминировали подступы к нему, за этим последовал обычный для немцев круговой обстрел леса. Но в ответ не последовало ни одного выстрела. Казалось, густой Шишковский лес вымер, только сороки кружились над деревьями и беспокойно выщелкивали свои немудреные назойливые песенки.

Построчив из пулеметов, фашисты наконец решились подвести к завалу бронетранспортер и начали растаскивать деревья. Сперва батарейцы слышали звук работающего мотора, треск ломающихся сучьев, затем гитлеровские солдаты,

успокоившись, обнаглели, подняли галдеж и принялись действовать в открытую.

Наблюдавший за ними сержант Алексеев, сидевший у пушки, чувствовал себя как на иголках. Его подзадоривали Луценко и Попов, находившиеся у другой пушки.

- Да якого же черта мы дивимось на цю поросячью породу? Бачь, волокут корягу, щоб тоби, сукину сыну, на мину наступить лапою и полететь вверх тормашками. Ну что ж, товарищ сержант? - молящими глазами посматривая на Алексеева, спрашивал Луценко.

- Нельзя, - шептал Алексеев. - Без приказа комбата нельзя.

- Дай, товарищ сержант. Я с первого снаряда у этой серой черепахи кишки выну, - говорил Попов, потирая от нетерпения руки.

И в самом деле, для того чтобы стоять у заряженного орудия, видеть перед собой врага и молчать, надо было иметь адскую выдержку и терпение.

Алексеев это хорошо знал, имел достаточную выдержку, но все равно у него сейчас руки зудели и невольно тянулись к пушке. Он то и дело бегал к связистам в их снежное укрытие, где сидел у телефона Ченцов, и докладывал:

- Во весь рост ходят, товарищ комбат. Что мы на них любуемся?

- Иди и наблюдай, сто раз тебе говорить! Скажу, когда будет нужно.

Алексеев пробирался обратно к пушкам и молча садился за щит. По лицу его все догадывались, что стрелять не разрешено, но все-таки надоедливо лезли с расспросами:

- Ну как?

- Идите к шутам! Надоело. Сто раз вам говорить, да? Суетятся, пристают, а потом промажут. Я вам промажу... Я вам так промажу - до самого Берлина будете ехать, не забудете. Марш по местам! Когда будет нужно, дам команду. Да не выглядывать из укрытий, а то пулю проглотишь, - ворчал Алексеев.

К полудню с большим трудом немцам удалось сделать в завале небольшой проход. Затем они вновь начали методически обстреливать подступы ко второму завалу с намерением взорвать мины и выявить огневые точки русских. Убедившись, что просека не заминирована, они решили пустить для разведывательных целей около сорока автоматчиков.

Орава подвыпивших молодчиков, строча на ходу из автоматов, двинулась вдоль просеки.

Командир эскадрона Сергей Орлов и Ченцов немедленно донесли об этом Осипову. Второй взвод эскадрона Орлова

находился за завалом, два других расположились вдоль просеки и, выдвинувшись правым флангом почти к центру завала, прикрывали батарею Ченцова. Таким образом, оборонявшийся эскадрон представлял собой уступ влево в виде буквы "Г". Впустив автоматчиков в глубь просеки, Орлов имел полную возможность истребить их продольно-лобовым огнем второго взвода, а также фланговым огнем первого и третьего взводов, имевших в распоряжении, кроме батареи Ченцова, восемь пулеметов и до тридцати автоматчиков. С левого фланга его мог поддержать хорошо укрепившийся эскадрон Биктяшева. Однако Осипов отдал неожиданное распоряжение: второй взвод от завала отвести и впустить туда немецких автоматчиков.

- Да ведь они зайдут в тыл Биктяшеву! - говорил Орлов в трубку.

- А ты об этом не беспокойся. Ты что, в самом деле испугался каких-то сорока пеших автоматчиков? - спокойно говорил Антон Петрович.

Он уже предупредил комиссара и командира эскадрона Биктяшева: огня не открывать, ждать его приказа и неотступно наблюдать. Он понял, что, бросив вперед автоматчиков, противник задумал обычный трюк: ворваться в тыл, наделать шуму, поднять панику и демонстрировать окружение. Ему же надо было выманить из укрытия танки и истребить их.

Всегда спокойный и выдержанный, старший лейтенант Орлов наблюдал за противником с волнением. Его сосед Хафиз Биктяшев то и дело подтягивал ремешок каски, ругался на чем свет стоит и звонил в штаб полка.

- У меня на затылок мухи сели, а мне запрещают их спугнуть, жаловался он начальнику штаба майору Почибуту.

- Сиди и не рыпайся! - отвечал майор и тотчас же переводил разговор на другую тему: спрашивал, не болит ли у командира эскадрона голова и не прислать ли ему бутылку вина или порошок пирамидона. Интересовался, хорошо ли он вымылся позавчера в бане и почему так мелко и неразборчиво пишет донесения, словно блох в строчку сажает.

- Черт знает что такое! - бранился Хафиз, швыряя трубку. - Я ему дело говорю, а он о пирамидоне и про каких-то блох говорит! - Но тем не менее после разговора он чувствовал себя спокойней и уверенней. Потом снова брал трубку и вызывал соседа, Орлова.

- Ну как, Сережа, а? Я считал, что ты самый первейший друг, а ты мне на затылок блох напустил. Нехорошо, ай-ай, как нехорошо! Эти блохи сидят у меня на шее, как скорпионы. Если ты их жалеешь и не бьешь, то я из них живо дух выпущу. Посмотри, как я их буду атаковать.

- Ты хорошо знаешь характер нашего хозяина? - спрашивал Орлов.

- Отлично, - вздыхал Хафиз, склоняясь над телефоном.

А командир полка сидел в блиндаже с трубкой возле уха, слушал все эти переговоры и не вмешивался ни единым словом, только глуховато откашливался и коротко вздыхал.

Настроение командиров и бойцов его радовало. Все нити предстоящего боя он уже забрал в свои руки, отчетливо понимал и чувствовал замысел противника. Теперь оставалось подчинить дальнейшие события своей собственной воле и управлять ими. Не выпуская из рук трубки, он бросал сосредоточенный взгляд на карту или на склонившегося в конце стола Головятенко, занятого составлением оперативной сводки. В блиндаж то и дело спускались связные и осторожно клали на стол свернутые в трубочку донесения.

- Как добрался? - коротко спросил одного Осипов, развертывая бумагу.

- Хорошо, товарищ полковник, - бодро ответил Вася Громов. Это был совсем молодой паренек, недавно прибывший на фронт.

- Ты меня скоро в генералы произведешь? А? В полковники уже зачислил. - Антон Петрович, прищурив глаз, лукаво улыбался.

- Виноват, товарищ подполковник!

- То-то... По снегу полз?

- Полз.

- А почему не отряхнулся?.. Сходи, милый, к оперативному дежурному и скажи, что я велел тебе стакан водки дать.

- Да нет, товарищ полковник, товарищ под... не пью я... - смущенно бормотал Вася.

Присутствующие давились от хохота. Вася Громов водки терпеть не мог и отдавал свою порцию товарищам. А однажды скопил целый литр и принес в подарок командиру полка. Это теперь служило предметом постоянных шуток.

- Да что вы смеетесь? - едва скрывая усмешку, спросил Осипов. - Мы же все с ним делим пополам... даже шинель...

Тут хохот еще больше усилился.

С шинелью у Васи произошла такая история. Назначил его командир эскадрона Биктяшев в штаб посыльным. Дежурный по полку определил его в землянку командира полка и заставил топить железную печь. Вася выполнял свои обязанности очень добросовестно. Бдительно следил за печкой, бегал в штаб, колол дрова. Осипову старательный паренек понравился. Один раз Антон Петрович застал его в страшном смятении и растерянности. При появлении командира полка Вася всегда

вскакивал и становился "во фрунт". Но сейчас он этого не сделал. Лицо его было выпачкано в саже и выражало самую отчаянную растерянность.

- Ты что, милок, кособочишься? - удивленно посматривая на паренька, спросил Осипов.

- Разрешите, товарищ подполковник, в эскадрон отправиться, - совсем подавленно проговорил Вася.

- Зачем?

- Наказание отбывать...

- Какое наказание?

- Наряд. Комэска товарищ Биктяшев, старший лейтенант, дал, - унылым голосом отвечал Вася.

- За что?

- За шинель... - Вася повернулся и показал. Левая пола шинели почти наполовину была сожжена и являла собой очень печальный вид. - Растопил жарко и нечаянно уснул маленько. Комэска мне сказал: "Ты самый первостепенный лентяй, спишь все время, шинель спалил..." - и велел откомандироваться в эскадрон на кухню картошку чистить.

Вася докладывал с такой наивностью и искренним огорчением, что Осипову трудно было скрыть улыбку.

- Как же теперь быть-то? Нехорошо ведь получается! - Антон Петрович присел на стул, написал записку и, подавая ее Васе, сказал: - Ступай к моему помощнику, капитану Федосееву, и отдай. А потом вернешься сюда.

Через два часа Вася явился к Осипову в новенькой, ловко пригнанной шинели и готов был броситься подполковнику на шею. С тех пор он был зачислен постоянным связным командира полка.

- Младший лейтенант Братко, проводите Васю... - уже без шуток приказал Осипов своему адъютанту. - Да кстати скажите, чтобы на батарею Ченцова подбросили снарядов. А Орлову - патронов. Кухню туда чтобы не возили. Обед доставить в термосах, без всякого шума и звона... Лейтенант Головятенко, напишите реляцию на орден Красной Звезды санинструктору Гончаровой. И вообще потребуйте от командиров всех подразделений списки отличившихся.

Голос Осипова прервал сильный гудок зуммера. По телефону звонил комбат Ченцов. Он сообщил, что в конце просеки показались немецкие танки. Осипов так сжал телефонную трубку, что, казалось, хотел раздавить ее. С хрипотой в голосе, но четко и раздельно приказал:

- Подпустить ближе. Бить наверняка, чтобы не ушел ни один. Как только ошеломишь внезапностью, Орлов будет атаковать

пехоту. Спокойно, спокойно, милый. Я держу резерв, в случае нужды помогу. Ну, в добрый час, в добрый час! Все будет хорошо.

Внушительная и крепкая уверенность командира полка подбодрила Ченцова, как самая живительная дружеская ласка. Ченцов был храбр и смел, никогда не терялся. К этому приучил и своих артиллеристов. Полуторакилометровую просеку он измерил до последнего вершка и со скрупулезной точностью высчитал ориентирные данные.

В конце просеки, из завала, вымазанный какой-то серой краской, показался тяжелый танк, за ним второй, средней величины, третьим выполз бронетранспортер. Он, как и башни танков, был облеплен автоматчиками.

Передняя машина, тяжело переваливаясь на неровностях, громыхая гусеницами и покачивая длинным хоботом орудия, медленно приближалась. Над лобовой амбразурой отчетливо вырисовывался череп со скрещенными костями.

- Ну!.. - посматривая на комбата блестящими глазами, придушенно крикнул Алексеев.

Ченцов, нажимая плечом на кудрявую пышную елку, то плавно поднимал, то опускал руку, словно собираясь дирижировать оркестром:

- Подожди, подожди...

На середине просеки, обходя торчащие пни, тяжелый танк уклонился вправо, подставляя левый бок в полный профиль.

- По первому основному... - протяжно заговорил Ченцов. - Угломер двадцать - десять... бронебойно-зажигательным, огонь!

Танк дрогнул, сверкнув ослепительной вспышкой. Затем раздался оглушительный грохот, и все окуталось черным дымом. Удачно посланный снаряд взорвал весь комплект находившихся в машине боеприпасов вместе с сидевшими вокруг башни автоматчиками.

Ехавшие на других машинах солдаты беспорядочно спрыгивали в снег и тут же падали под пулеметным огнем Сергея Орлова. Последующими выстрелами был уничтожен второй танк и изуродован бронетранспортер. Находившиеся у второго завала автоматчики бросились удирать. Выскочившие из засады кавалеристы расстреливали их из автоматов, кололи штыками и рубили шашками. Разгром был полный. Подоспевшие разведчики Кушнарева - Торба, Павлюк и Буслов - повели в штаб несколько десятков пленных.

- Эскадрону Орлова занять старый рубеж обороны, - командовал Антон Петрович. - Пушки скрыто передвинуть вперед на старые позиции, быстро! Людей кормить! Поздравляю с наградами! Мне немедленно доставить сведения о потерях и пленных.

Настроение командира полка было приподнятое, бодрое. Рогозин и Ковалев также успешно отбили все атаки.

- Хорошо! - произнес Антон Петрович. Короткое это слово прозвучало итогом напряженных дневных событий.

ГЛАВА 7

Сведения о неудавшихся атаках генерал Штрумф получил от своего штаба в тот же час.

"Изучение оперативных сведений, - писал Рихарт своим четким убористым почерком, - позволяет сделать весьма неприятные выводы, а именно: малое понимание командирами отдельных частей тактики лесного боя. Подвижные, выбрасываемые вперед группы автоматчиков, как это было в Белоруссии и в районе города Смоленска, не дают положительных результатов, а, наоборот, полностью истребляются противником. Узкие лесные просеки ограничивают

свободный маневр танковых подразделений и позволяют противнику сдерживать продвижение малым количеством полевых орудий. Спешенная русская конница обороняется успешно, даже при отсутствии танковых частей и самоходной артиллерии..."

Изложив в общих чертах создавшуюся обстановку, генерал Рихарт предлагал немедленно усилить группу "Клоппенбург" и прорываться в направлении Данилково (левый фланг полка Бойкова). В других местах демонстрировать атаки, сковывая русских массированными артиллерийскими налетами. План этот был принят, и немцы начали его осуществлять.

После короткой, но сильной артподготовки два батальона немецкой пехоты, подкрепленные танками, навалились на левый фланг бойковского полка и начали его теснить.

...После боя Ковалев прилег отдохнуть. На рассвете его разбудил командир эскадрона лейтенант Рогозин и сообщил, что полк Бойкова начинает отходить.

- С час тому назад там началась стрельба, - рассказывал Рогозин. - Я послал связного, он вернулся и говорит: "Отступают". Доложил командиру полка, он приказал оставаться на месте и приготовиться к бою.

- Чего же ты сразу не разбудил! - Ковалев подхватил автомат и застегнул крючки полушубка: спал он одетым.

- Жалко было! Спал больно хорошо. Туда пошел со взводом политрук Молостов. Связи с Бойковым уже нет.

- Эх, голова! - Валентин бросился к телефону и приказал подводить к орудиям лошадей. Сам же с четырьмя автоматчиками на конях поскакал в направлении соседнего эскадрона.

Там во всю мощь грохотала машина боя. Немного не доехав, Валентин спешился, оставил коней в густом ельнике и с тремя батарейцами спустился в лощинку.

По руслу небольшой речушки, нагибаясь и прячась в кустарнике, гуськом уходили разрозненные группы бойцов. По ту сторону на окраине села ярко пылал сарай. Неподалеку виднелась брошенная пушка, около нее на снегу лежали убитые, - очевидно, бойцы расчета.

Вдоль речушки со зловещим свистом один за другим пролегали снаряды.

- Стой! - крикнул Ковалев отступающим казакам Бойкова.

Бойцы остановились. Их было человек шесть. Пробираясь по кустам, подходили новые. Некоторые из них были ранены.

- Где командир? - спросил Ковалев, подходя ближе.

- Не знаем. Убили, говорят... - неуверенно, вразнобой ответило несколько голосов.

По звуку выстрелов Валентин понял, что впереди еще шел бой.

- А ну, заворачивай назад и занимай оборону! - приказал Ковалев.

- Куда заворачивать-то?.. Вон они, танки... - сказал чернявый круглолицый паренек в разорванном на плече полушубке.

Хотя танков не было видно, а только доносился из деревни рокот моторов, Ковалев понял, что, если сейчас не поставить здесь заслона, другие эскадроны его полка вместе с батареей будут отрезаны.

- Стакопа! - крикнул Валентин одному из сопровождавших его автоматчиков. - Быстро, аллюр два креста, кати сюда пушку.

- Есть катить пушку!

Низкорослый, плечистый, с рыжим залихватским чубом Стакопа, круто повернувшись, побежал к оставленным в ельнике лошадям.

Командный окрик Ковалева и бодрый ответ Стакопы подействовали на бойцов отрезвляюще. Они посматривали на незнакомого командира с неловкой подавленностью и некоторым затаенным любопытством.

- А кто вы такой будете? - спросил чернявый.

- Комиссар батареи. А твоя как фамилия? - в свою очередь спросил Ковалев, сдерживая бешенство.

- Борщев, а что? - ответил чернявый.

- Ты, Борщев, будешь за командира. - Ковалев уставился на него острыми неморгающими глазами и решительно продолжал: - Назначаю тебя командиром. Быстро занимай оборону. Вот здесь, в кустах, - Валентин показал место.

- Подмога, что ль, придет? - спросил Борщев.

- А как же ты думал?

- Да я ничего... Айда, ребята, располагайся...

Бойцы, переваливаясь в снегу, повернулись и, немного отойдя, заняли на ближайшей высотке позицию. Для выявления обстановки Ковалев послал несколько человек вперед. Вскоре они вернулись вместе с политруком Молостовым. Он тоже завернул человек тридцать и положил неподалеку в оборону.

- Что же здесь, Гриша, творится? - подходя к нему, спросил Ковалев.

- Не выдержали. Командира эскадрона ранило. Политрук убит. И все полетело к черту. Я нашел командира взвода, кое-как собрал людей... На тот конец деревни ворвались танки, больше десятка. Да вот, гляди!

Из кустов было видно, как по деревне, стреляя из крупнокалиберного пулемета, прошла тупорылая танкетка и

завернула в ближайший проулок. Сквозь выстрелы и шум мотора доносились крики гитлеровцев.

Разбрасывая хлопья снега, тяжелые артиллерийские кони, похрапывая, подвезли противотанковую пушку. Батарейцы ловко и слаженно развернулись на узенькой лесной дорожке и моментально сняли орудие с передков.

Ковалев подал команду. Вынырнувшая из проулка немецкая танкетка завертелась волчком и, ломая плетень, осела набок. После двух других снарядов она загорелась. Остальные танки попятились и укрылись за дома на западной окраине деревни. Натолкнувшись на сопротивление, немцы замолчали.

Ковалев и Молостов решили соединить обе группы, окопаться, подтянуть из первого эскадрона взвод своих людей, вытащить брошенную пушку и встретить гитлеровцев по-настоящему, а дальнейшее будет зависеть от приказа командира полка. Надо было действовать быстро и решительно.

- Борщев, ко мне! - приказал Ковалев.

- Есть! - Борщев нехотя приподнялся, заложив ладони в рукава полушубка с болтающейся на плече винтовкой, рысцой подбежал к Ковалеву.

Валентин знал, что властный, повелительный окрик не всегда достигает цели. Иногда это вредно действует на психику, озлобляет человека, толкает его на гибельный шаг; в другом случае внушает страх и выбивает из нормальной колеи. Спокойствие, волевая, суровая выдержка действуют лучше.

- Товарищ Борщев, у вас замерзли руки. Очень жалею, что вы потеряли свои рукавицы, - слова были неожиданны, как выстрел над ухом.

- Обронил... - Борщев опустил руки по швам и, виновато отведя глаза в сторону, прятал подбородок в воротник полушубка.

- Ты вообще-то храбрый или так себе? - спросил Ковалев.

Бойца от такого вопроса покоробило.

- Не знаю... как и все... - ответил он неопределенно, мрачно посматривая на носок сапога.

- То есть как это "все"? Как и мои пушкари?

Борщев подавленно молчал.

- Ты чего дрожишь?

- Озяб, холодно...

- Пробежаться надо, - с въедливой настойчивостью проговорил Ковалев. - Видишь, на берегу сарай горит?

Ковалев показал на него. Сарай находился за рекой на расстоянии трехсот метров. Неподалеку стояла брошенная пушка. В стороне горела подбитая танкетка.

- Беги к этому костру, обогрейся, кстати на пушку взгляни. Если она исправна, подними винтовку прикладом вверх и жди. Мы подадим туда передки. Если она повреждена, погрейся - и назад. Понял?

- Понял... Но там, товарищ комиссар... - заговорил было Борщев, но Ковалев его прервал безоговорочным повелением:

- Бегом марш!

Очевидно, страх не мог убить в человеке представление о дисциплине. Борщев, нахлобучив на глаза ушанку, неуклюже повернулся и, спотыкаясь, побежал к речке. Бойцы, слышавшие и видевшие все это, настороженно покосились на комиссара и с застывшим на лице напряжением стали наблюдать за Борщевым. Он уже пробежал мостик и торопливым шагом поднимался на бугор. Пока еще он находился в мертвом пространстве, и пули его не доставали.

- Стакопа, приготовить орудие, - спокойно приказал Ковалев, хотя на душе у него скребли кошки. Он ясно отдавал себе отчет в том, что Борщева могут убить, а его, Ковалева, могут обвинить в преднамеренной жестокости, не уяснив того, что спасение пушки - это спасение сотен людей.

- Человек, значит, дешевле пушки... - послышался чей-то голос.

Ковалев не знал, кому принадлежит эта реплика. Его подмывало оглянуться, но он удержался и продолжал наблюдать за Борщевым. В душе его все кипело. "Неужели тот, кто сказал это, не понимает, во имя чего я это делаю?" - думал Валентин. Он готов был вскочить на коня, помчаться туда, осмотреть пушку и крикнуть: "Передки, ко мне!" Но вместо этого он подозвал рыжеволосого, всегда веселого Стакопу и приказал держать упряжку наготове, подробно объясняя, как надо брать пушку и снаряды.

Стакопа понимает все с полуслова. Это закаленный, обстрелянный боец. Кубанец, комсомолец, пограничник. Его подобрали раненого во время августовского рейда в лесах Смоленщины. Вылечили и поставили в строй. Он стал образцовым командиром отделения.

Ковалев не без восхищения любуется им; и всегда, когда он слышит четкие слова Стакопы: "Есть, товарищ комиссар!", ему кажется, что никто так не понимает его, как этот исполнительный и верный солдат.

Над головами просвистел снаряд и разорвался где-то в лесу. За деревней клокочет густая пулеметная стрельба, постепенно уходящая на северо-восток.

"Неужели и там отходят?" Но об этом не хочется думать.

Политрук Молостов привел остальных людей и ставит им задачу. Он даже не наблюдает за Борщевым. Для него это обыкновенное дело. Он действует не только как политический руководитель, но и как строевой командир. Кадровую службу он провел артиллеристом, а демобилизовавшись, был инструктором Тамбовского обкома партии.

Не дойдя до пушки метров пятьдесят, Борщев почему-то упал на снег. Полежав минуту, он пополз, часто останавливаясь и приподнимая голову. Очевидно, на бугор прилетали шальные пули, так как близкой стрельбы слышно не было. Через несколько минут он добрался до орудия, долго около него копался. Наконец знак был подан. Орудие оказалось исправным.

- Пошел, Стакопа! - Валентин, круто повернувшись, побежал следом за ним. Он задыхался от волнения и радости. Торопил, подбадривал садившихся на коней ездовых.

- На галопе туда и обратно. Если все снаряды не осилите взять, часть оставьте. Быстро, Стакопа, быстро!

Артиллеристы на двух выносах, гремя колесами передков, на рысях проскочили деревянный настил моста, а дальше галопом помчались на пригорок. Через несколько минут пушка была поставлена на передки, но немцы открыли по окраине сильный артиллерийский огонь. Скат к речушке закипел черными взбросами земли и окутался клубящимся дымом.

Ковалев увидел, как конь левой пристяжки переднего выноса повалился в снег. Около него копошились ездовые: очевидно, отстегивали постромки. Повернувшись к своему орудийному расчету, он приказал открыть по деревне огонь.

Казалось, что могла сделать единственная сорокапятимиллиметровая пушка против нескольких немецких батарей, стоявших за деревней! И все-таки она отогнала немецкие танки и выручила из плена свою подругу. Пушку привезли на трех оставшихся в живых лошадях. Держась за ствол, на ней сидел раненный в плечо Борщев. Лицо его стало темно-зеленым. Пытаясь улыбнуться, он тихо сказал подошедшему Ковалеву:

- Ваше приказание выполнено, товарищ комиссар. Обогрелся...

- Сильно царапнуло? - спросил Ковалев, помогая ему слезть с пушки.

Санитаров поблизости не оказалось, и Ковалев начал сам перевязывать его.

- Да не знаю... Пальцы вроде как шевелятся - значит, не очень. Там наши батарейцы, - Борщев сморщился и часто заморгал глазами. - Побитые... Клименко, Печников... Беляев. Земляки мои... Ох!.. - Борщев трудно вздохнул и покачал головой. Так он

сидел с полминуты, затем, вскинув на комиссара глаза, продолжал: - Мы, товарищ комиссар, ей-богу, не виноваты!.. Командиры вышли из строя. А тут немецкие танки подошли... Неразбериха пошла... Нет, виноваты! - вдруг сказал он твердым, изменившимся голосом. - Виноваты! А трус я или нет, вы сами видели.

- Не могу этого сказать... - неопределенно ответил Ковалев, начиная понимать этого неуравновешенного и горячего парня.

- Нет! Я самый настоящий трус, товарищ комиссар. Мои земляки дрались, как герои, а я их бросил. Они погибли. Конечно, вы вправе считать, что я подлый трус.

- А ты сам как считаешь?

- Знаете, что я вам скажу, товарищ комиссар. Я работал на ипподроме жокеем. Объезжал самых непокорных лошадей, считал, что у меня железный характер, и все это оказалось вздором. На деле вышло, что я боюсь смерти больше, чем другие... Э-эх! Противен сам себе.

Он помолчал.

- А признаться по совести, вы меня здорово в шенкеля взяли. Я ведь все сделал не от страха, что вы накажете, а от стыда. Слушайте, товарищ комиссар, возьмите меня к себе ездовым.

- А рана?

- Пустяки, вы ведь сами говорите, что не опасная. Возьмите, я вам докажу, что я не трус. Самых диких объезжал!

- Война - это не ипподром. А по чести сказать, не взял бы я вас. Не нужны вы мне... - Но на самом деле Ковалеву этот человек начинал положительно нравиться. Однако он и виду не показал. Спокойно докончив перевязку, он добавил: - Философией заниматься сейчас некогда. Видите, начинают шевелиться.

Немцы снова повели интенсивный обстрел. Ковалев, установив пушки на позиции, пока не отвечал.

Было одиннадцать часов утра. День выдался облачный. Над лесом шапкой нависла морозная туманная мгла, мешавшая полетам бомбардировщиков. Ковалев протянул от первого эскадрона связь и доложил командиру полка обстановку. Осипов уже все знал. Он похвалил Ковалева за сообразительность и приказал беречь снаряды. На вопросы Ковалева он отвечал коротко и явно что-то не договаривал.

К двенадцати снова показались вражеские танки, и опять они были отбиты. Озлобленный неудачей, противник начал забрасывать обороняющуюся группу массой снарядов. Неожиданно Осипов отдал приказание отходить в глубь леса.

Навстречу Ковалеву и Молостову выехал лейтенант Головятенко с приказом и схемой для занятия круговой обороны.

Вести были самые неутешительные. Связь с находящимся в Сычах штабом оборвалась. Немецкие танки, прорвав оборону полка Бойкова, заняли Петропавловское. Немцы потеснили эскадроны Орлова и Биктяшева и захватили оба завала. Таким образом, полк Осипова был рассечен пополам, и два эскадрона вместе с батареей и командным пунктом оказались запертыми в Шишковском лесу.

На новом командном пункте первого эскадрона Ковалев встретил нескольких партизан во главе со своим тестем Никитой Дмитриевичем. Ковалев был изумлен, когда на куче разных узлов рядом с Ефимкой увидел Зину. Ведь она должна была вылететь на задание. Здесь же, укутанная в теплую шаль, восседала Пелагея Дмитриевна. Ефимка, увидев Валентина, бросилась к нему.

- Что ж теперь будет-то, зятек? Знаем, всем знаем, - ворчала мать. А ты меня в бок-то не пихай, - обернувшись к Зине, сказала она. - Ах, бессовестные, ах, негодники! Чего же это удумали, без родительского благословения...

- Да перестань ты! Вот ведь какая оказия! - вступился Никита Дмитриевич, поправляя на плече берданку. - Ты не слушай ее, комиссар... Он хотел было назвать зятя по-семейному, но не решился. - Она у нас известная командирша!

Старик что-то не договорил, схватил лопату и побежал рыть землянку.

- Ох, вояка! Нешто он мне не зять? Зять! Хоть и скоропалительный, а зять. Что хочу с ним, то и сделаю. На то я и теща!..

Ковалев растерянно улыбнулся.

- От попа да тещи не спрячешься и в роще... Так вот, дорогой зятенька, - продолжала Пелагея Дмитриевна. - Прибыли на твое иждивение и жену тебе доставили. Принимай.

- Милости просим, мамаша. Располагайтесь, как дома... У нас просторно под каждой елочкой. Но как вы здесь очутились? Почему не уехали в Покровское? А ты почему не улетела? - обращаясь к Зине, спрашивал Валентин.

- Погода, видишь, какая... Мы только проснулись, а танки уже в деревне, в окна из пулеметов бьют. Едва успели схватить кое-какие узлы, да через огороды - и в лес... Как все это случилось, я, Валечка, ничего не понимаю. - Зина подняла на него тревожно блестевшие глаза.

- Пока трудно сказать. Обыкновенная на войне история. Во всяком случае, ничего страшного.

- Как же, милый, ничего страшного? В деревне немцы, кругом немцы... Взгляд Пелагеи Дмитриевны выражал болезненное напряжение, на лбу резко углубились морщины. Она хоть и

старалась внешне приободриться, но видно было, как растерялась.

В ее сознании все перепуталось и перемешалось. Вся налаженная и привычная жизнь полетела кувырком. Дочь неожиданно оказалась замужем и должна была куда-то лететь. Две другие находились бог знает где. Сама она бросила все свое хозяйство на произвол судьбы и неизвестно каким путем очутилась в лесу. Кругом стреляли пушки, а люди в касках ходили как ни в чем не бывало, валили лес, рыли окопы, о чем-то спорили, бранились, грызли сухари и даже смеялись. Пришел какой-то широкоплечий командир в бурке. За ним - целая толпа других, опутанных ремнями, с револьверами. У каждого в руках была карта.

Валентин вскочил и побежал туда. Он встал перед прибывшим командиром в струнку и козырнул. Тот протянул ему руку и улыбнулся.

- Кто это? Самый главный, что ли? - спросила Пелагея Дмитриевна у Зины.

- Командир полка, подполковник Осипов.

Зина как-то приходила в Сычи к Русаковой. Там она познакомилась с Осиповым. Да и Валентин немало рассказывал о нем.

- Наверное, очень хороший - гляди, руку подал, смеется.

- Очень хороший, мама, - подтвердила Зина. - Знаешь, у него жену и сына фашисты расстреляли. Одна дочка осталась, безногая. Бомбой оторвало...

- Господи! - Пелагея Дмитриевна тяжело вздохнула. - Как же это, и детей? Изверги проклятые...

- А ты думаешь, тебя бы они помиловали? Три дочери комсомолки, четвертая пионерка, а муж - член партии.

- Я - другая статья... А детишки-то, детишки-то тут при чем?

- Да ведь ты сама сказала, что изверги. Разве фашисты могут быть иными?

- А как зовут эту девочку? - спросила Ефимка. Она как-то сразу переменилась, притихла, повзрослела и смотрела на окружающих с встревоженным любопытством. Для нее открывался совершенно новый мир, страшный, неведомый, но, должно быть, очень интересный.

Пелагею Дмитриевну сообщение Зины ошеломило. Она негодовала, и вместе с тем странное и непонятное успокоение овладевало ею. Сообщение о несчастье других людей поглощало собственную беду и делало ее менее значительной.

- Зиночка, миленькая, узнай, пожалуйста, как ее зовут. Мы письмо напишем. Обязательно напишем.

В густом лесу было темно, сыро и холодно. Над деревьями повисло сумрачное, неприветливое небо. Под елками ютилось еще несколько семей. Это были местные жители.

Валентин Ковалев прошел по тылам противника Белоруссию, Смоленскую область, Калининскую, Московскую и всюду наблюдал одну и ту же картину народного бедствия. Под дождем, под снегом, в лютую стужу в лесах жили тысячи советских людей. Они собирали по ночам с собственных огородов мерзлую картошку, голодали, но не сдавались.

ГЛАВА 8

Антон Петрович собрал к себе в блиндаж всех командиров. Голос его звучал уверенно и громко:

- Блиндажи рыть глубже, накаты делать толще. Заставляйте людей работать, не смотрите, что они устали. Будете жалеть - погубите. Точки располагайте реже: меньшая будет поражаемость от артиллерии. Подпускать фашистов на верный выстрел. Не бойтесь близости. На случай прорыва я буду держать резерв.

Он закурил. На минуту в блиндаже наступила тишина.

- Дисциплину поддерживать строжайшую, но без нервозных тиков-криков. Командирам выбрать такое место, чтобы не только слышать бой, но и видеть его и иметь возможность вовремя предотвращать всякие неожиданности. Связь держать, как вожжи в руках. Донесения присылать без всяких панических подробностей. Людей всячески ободрять и внушить им, что Доватор и комдив нас непременно выручат. Там остался комиссар, у него в резерве эскадрон Шевчука, а у комдива полк Жмякина.

Осипов глубоко затянулся и прошелся по блиндажу из конца в конец.

- Раненых всех поместить в надежное укрытие. Я просил комиссара любым путем перебросить фельдшеров, врача и медикаменты. Помните, что эти люди пролили свою кровь за Родину и теперь беспомощны. Если кто-нибудь посмеет оставить раненого без внимания, того буду строго наказывать. Население, ушедшее от фашистов, тоже надо всячески оберегать и поддерживать... Бой в окружении мы принимаем не впервые. Опыт у нас уже есть, вспомните наш августовский рейд! Я убежден, что люди моего полка не потеряют заслуженной тяжким трудом и кровью наших товарищей славы. Товарищи командиры, коммунисты и беспартийные большевики! Я не требую от вас никакой клятвы, потому что убежден, что вы останетесь верными священной присяге.

- Выполним, товарищ подполковник.

Лейтенант Рогозин встал и рубанул ладонью воздух.

- Выполним! Спасибо за доверие. Я так считаю, и характер у меня такой: если мне с полным доверием поручили дело, жизни не пожалею, а сделаю. Можете надеяться, товарищ подполковник.

Настроение у всех командиров было уверенное, бодрое. Никто не сомневался, что Доватор поможет им выйти из тяжелого положения. Однако, несмотря на это, Осипов почти всю ночь не спал. Не оттого, что его пугало окружение, недостаток боеприпасов и пищи. Фашистов он вообще не боялся.. Он их ненавидел люто, страшно. Даже во сне его мозг перебирал многочисленные планы, как он должен воевать и ставить врага в самые невыгодные положения. Он уже не кидался, как это было в рейде, в безрассудный риск. Теперь он действовал продуманно, хитро, но смело и дерзко...

На Ржевском большаке его полку было приказано занять оборону по обочинам широкой рокады. По сведениям оперативной армейской сводки, немцы находились в двадцати пяти километрах; однако высланные Осиповым конные разъезды донесли, что противник на двадцати трех машинах с четырьмя танками во главе движется в село Толстиково без всякого боевого охранения.

Обнаглевшие гитлеровцы спешным порядком двигались на Москву. Плевать им было на всякие головные дозоры. Они врывались в смоленские деревни, до обалдения накаливали печи, резали скот и птицу, обжирались. Потом раздевались донага и, выбив насекомых, валились спать.

Передовой отряд немцев, численностью до четырехсот человек, на двадцати трех автомашинах, занял село Толстиково и расположился на ночлег. Через час во всех избах задымили трубы и началась стрельба по свиньям и курам.

Полк Осипова, накануне перековав коней на зимние подковы, находился от Толстикова в пятнадцати километрах. Впереди лежала "ничейная" земля, на которой бывалые казаки, разведчики Осипова, считали себя полными хозяевами. Охрана немцев была до крайности небрежной.

Осипов имел приказ командира дивизии: "В бой вступать только в исключительных случаях". Но упустить такой момент!.. Это было не в характере Антона Петровича.

Темной октябрьской ночью он подтянул к деревне восемь пушек, столько же пулеметных тачанок и около тридцати ручных пулеметов. На заре полк напал на фашистов с трех сторон, а с четвертой немцев встретили два эскадрона на свежих, только что подкованных конях. Рубка была жаркая. От всего немецкого гарнизона уцелели единицы. Немецкого капитана, недурно говорившего по-русски, Осипов взял в плен. Он привез его в штаб,

заперся с ним и потребовал подать бутылку коньяку. О чем он беседовал с немецким капитаном, осталось неизвестным.

Гитлеровский офицер вышел оттуда бледный, как мертвец, подавленно повторяя одно слово: "Стыд... стыд..." Ночью он перерезал себе вену оконным стеклом. Часовой это заметил. Осипов вызвал врача. Жизнь немца спасли. На другой день Антон Петрович отослал его к командиру дивизии с запиской: "Поговорите с ним о совести: очень интересный экземпляр".

В другой раз, также находясь в арьергарде, Осипов подпустил вплотную колонну автомашин и разгромил ее до основания. Машины он приказал стащить в одну кучу и поджечь. Потери гитлеровцев были весьма значительными.

Доватор сначала не поверил этим сведениям, но командиры штаба подтвердили их достоверность.

...Отправив связиста Голенищева в штаб за рацией, Осипов прилег отдохнуть. Ворочаясь с боку на бок, Антон Петрович терзался воспоминаниями. В его воображении вставали живые картины недавнего прошлого: начало войны, семья, смерть жены и сына, недавняя гибель Маши. Отчаянный крик Елены Васильевны отдавался в сердце Антона Петровича жгучей болью. Не хотелось думать об этом, а мысли лезли в голову навязчиво и угнетающе.

ГЛАВА 9

Не спал в Сычах и комиссар Абашкин. Он сидел за столом. Напротив него - майор Почибут. Перед ними стояли комсорг Сергей Бодров и связной Осипова Вася Громов. Он привез очередную сводку, но, когда поехал обратно, потерял коня и вернулся.

- Значит, тебя обстреляли неожиданно? - спрашивал Абашкин.

- Только на просеку выехал - трах-тах, и давай строчить. Конь упал... Я назад...

- Иди сейчас к связистам. Оттуда радист Голенищев пойдет. Может быть, вместе пройдете. А если нет, быстро возвращайтесь обратно, - приказал Абашкин.

Громов, повторив приказание, вышел.

- Тебе, Бодров, придется пробиваться с группой медработников. Задача - помочь раненым.

Абашкин на минуту задумался. Все шло вначале хорошо. Отбили все атаки, и вдруг подвел сосед. Остро шевельнулась досада.

- Вы, начальник штаба, объяснили товарищу Бодрову задачу, сказали, когда выступать? - спросил он у майора.

- Так точно. В четыре ноль-ноль, - лаконично ответил

Почибут.

На его губах играла неизменно спокойная, подкупающая своей добротой улыбка. Казалось, ничего в жизни не может удивить, расстроить и вывести из терпения начальника штаба.

Все, что случается на войне, ему давно уже было известно, так же как и все винтики сложной штабной машины, которые он отлично регулировал и заставлял работать с предельной точностью. А винтики эти начинались с войсковой разведки и кончались лошадиными подковами и пушками на переднем крае. Все проходило через голову этого невозмутимого, исполнительного, кристально честного и справедливого человека.

"Честное слово, когда майору придется умирать, - думал про него Абашкин, - он, наверное, ляжет в гроб, приоткроет крышку и скажет: "Пока до свиданья, голубчики. Не забудьте в восемнадцать ноль-ноль послать строевую записку".

- В четыре ноль... - что-то взвешивая в уме, повторил Абашкин. Хорошо. Так вот, Бодров, ты должен пробиться к командиру полка любым путем. Разумеется, самым хитрым путем. Действуй так, как тебе приказал майор Почибут. Надо помочь раненым и доставить взрыватели. Все.

- Разрешите идти? - спросил Бодров, ловко и отчетливо козыряя.

- Да, - разрешил комиссар.

Бодров вышел.

- Почему же все-таки штаб дивизии не разрешает помочь Антону Петровичу своими средствами, хотя бы четвертым эскадроном? - спросил Абашкин у начштаба. - Мы можем пробить брешь и вывести Осипова с людьми. Ведь там почти вся батарея. Разве можно бросить на произвол судьбы четыреста человек вместе с командиром полка!

Вошла Русакова. На ее побледневшем лице было выражение тоскливого недоумения. Взглянув на замолчавшего, взволнованного комиссара, она тотчас же быстро вышла. За кухонным столом, что-то мурлыча себе под нос, сидел над книжкой Петя.

- Я вам нужен, Елена Васильевна? - подойдя к двери, спросил Абашкин.

- Нет, нет... Благодарю... Я так просто, - послышался извиняющийся голос Русаковой. Она уже давно не выходила из комнаты.

Абашкин вернулся к столу.

- Ты знаешь, как она переживает, - продолжал он. - А теперь будет страдать вдвойне. Услышала... Лучше уж на передовой быть, чем за женщинами ухаживать. Ну, что думает штаб

дивизии?

- Штаб дивизии не позволяет оголять левый фланг. Там скапливаются войска противника. Если бы даже и нашелся выход, комдив категорически запрещает Осипову покидать Шишковский лес. Иначе немцы могут вырваться на Волоколамскую магистраль.

Почибут четко, по-военному, с исчерпывающей ясностью изложил создавшуюся обстановку. Она была неутешительной. Гитлеровцы маневрировали превосходящей силой танков, артиллерией и авиацией.

- Да, это верно, - согласился Абашкин и в десятый раз спросил: - Но все-таки будут они что-нибудь предпринимать?

- Говорят, будут. Этим занимаются лично генерал Доватор и комдив Атланов.

- Доватор? В самом деле?

- Да.

- Ну что ж... Ему можно верить. Он сделает все возможное. Будем ждать. Иди, майор, отдыхай. Дел нам предстоит много.

Почибут собрал карты и, попрощавшись, вышел.

Едва начальник штаба, прозвенев шпорами, спустился с крыльца, к комиссару, постучавшись, снова вошла Русакова.

Машу похоронили два дня назад. Коновод командира полка и повар Саша сколотили гроб, обтянули его красной материей. В похоронах приняло участие все население, бойцы и командиры.

- Мы никогда не простим фашистам смерти наших детей! - говорил Абашкин, стоя над могилой. - Врагов ожидает справедливое возмездие. Мы клянемся в этом!

На непокрытую голову Абашкина и воротник его белого полушубка падали крупные хлопья снега.

Казаки саперными лопатками засыпали могилку. Русакова, сжав обеими руками голову, только стонала, но не плакала.

Сейчас Абашкин смотрел на ее худое, измученное лицо и не узнавал ее. Перед ним стояла суровая, но странно и неожиданно помолодевшая женщина. Нервное движение рук и дрожь голоса говорили о тяготеющем над нею горе.

- Вы будете ужинать, Алексей Данилович? - спросила она тихо и, не дожидаясь ответа, добавила: - Я хотела вареного мяса Антону Петровичу послать, можно?

- Можно было бы и послать. Я из виду упустил... - Абашкин искоса взглянул на Русакову и заметил, что она не спускает с него пытливых, тревожных глаз. Комиссар понял, что в жизни этой женщины прибавилась еще одна мучительная тревога. Она чувствовала и догадывалась о случившемся с Осиповым и страдала. Абашкин видел это.

- Проберутся туда разведчики, как вы думаете?

Плотно сжав губы, Елена Васильевна с глубоким напряжением ждала ответа.

- Пока ничего страшного нет. На войне это часто бывает. Давайте-ка лучше вместе ужинать, Елена Васильевна, - весело проговорил Абашкин, стараясь перевести разговор на другую тему. Он знал, что никакие слова утешения сейчас не помогут. Да и у него самого на душе было тревожно и тяжело.

За окном в морозной ночи послышались шаги. Напустив в комнату холода, вошел посыльный и передал вызов в штаб дивизии.

ГЛАВА 10

Комдив генерал-майор Атланов в накинутой на плечи бурке сидел за столом, перечитывая донесения. Он делал на карте отметки и словно не замечал стоявшего перед ним полковника Бойкова.

Высокий и бравый Бойков с чувством досады мял в руках кожаные перчатки и ждал приглашения сесть. Вот уже несколько минут комдив держит полковника на ногах, как провинившегося школьника. Зная Атланова, Бойков понимал, что, просматривая донесения, комдив обдумывает сейчас, как поступить с ним, с полковником Бойковым, полк которого отброшен с занимаемых позиций, в результате чего поставлены в катастрофическое положение другие части.

Виноват ли в этом он, полковник Бойков?

Его полк не выдержал внезапного удара немецких танков и в беспорядке отошел. Полк Осипова почти целиком попал в окружение. Левый фланг дивизии генерала Панфилова загнулся фронтом на юг. Там идет сейчас ожесточенный бой. Если панфиловцы не выдержат, то немцы расчленят армию пополам, перережут Волоколамское шоссе и войдут в тыл всей армии.

- Мне ничего не остается делать... - после длительного молчания жестко говорит наконец комдив, - кроме одного - передать тебя военному трибуналу. А я-то ценил, уважал, доверял тебе, как самому себе! Понимаешь или нет?

Такой неожиданный переход к делу ошеломил Бойкова, но внешне он остался спокойным. Атланов поднял от карты крупную, лобастую голову и посмотрел на полковника сузившимися от усталости глазами. В них Бойков увидел бередящий душу укор и непримиримую беспощадность.

Хрипло откашлявшись, Бойков почувствовал, что ему нужно сейчас что-то сказать, объяснить, но гневный и возмущенный взгляд командира дивизии совершенно обескуражил его и лишил всех необходимых для объяснения слов.

- Ты ведь не безусый мальчишка, не цыпленок желторотый и

не трус. Я это твердо знаю. Как же ты мог допустить? - Атланов потрогал рукой крупный, с горбинкой нос и продолжал: - Ты мне скажешь, что у фашистов было превосходство в танках, в авиации, удар был внезапным... Все это мне известно. Но ты знаешь приказ: назад ни шагу! Если не выдержал один эскадрон, загибай фланги, бей с тыла, займи, наконец, круговую оборону и дерись до последнего казака. Да что ты, не знаешь, как действовать?

Бойков устало поглядел на бритую щеку комдива и сумрачно молчал. Напряженно раздумывая, тщетно искал он причину совершенной им ошибки. Ему казалось, что все произошло из-за несущественных на первый взгляд мелочей. В момент атаки блиндаж, где помещался узел телефонной связи, разбило снарядом. Управление было потеряно. На третий эскадрон обрушилась лавина немецких танков. Командир эскадрона и политрук вышли из строя. Люди растерянно заметались, а штаб молчал. Последний связной по дороге был убит.

Все цеплялось одно за другое, перемешалось, перепуталось. В результате, отбросив полк Бойкова, немцы заняли Морозово и Петропавловское.

Собрав разрозненные эскадроны, Бойков пытался было контратакой восстановить положение, но успеха не имел. Командиру дивизии все это было известно из оперативной сводки. Два часа назад Атланов подкрепил полк Бойкова двумя резервными эскадронами из полка Жмякина. Атаки противника были отбиты, но обстановка оставалась напряженной.

Скрипнула дверь. В комнату вошел начальник штаба дивизии подполковник Жаворонков и доложил Атланову, что комиссар Абашкин должен сейчас прибыть.

- От Осипова ничего нет? - взглянув на часы, спросил комдив.

- Пока ничего!

Стрелки часов показывали полночь.

Атланов взглянул на Бойкова, медленно поднялся. Свалившаяся с плеч бурка повисла на спинке стула. Подойдя к белевшей в углу печке, комдив прислонился к ней спиной и, скрестив на груди руки, коротко бросил:

- Садись, Бойков.

Поскрипывая ремнями, полковник устало опустился на лавку. Он не ожидал такого жестокого решения со стороны комдива. Его будет судить трибунал? А ведь только неделю назад он получил из рук Атланова второй орден Боевого Красного Знамени.

Бойков глубоко вздохнул и ощутил твердое прикосновение к груди орденов. Ему сразу стало жарко и душно. Опустив голову, он смутно слышал, как командир дивизии отдавал начальнику штаба приказание по разведке, настоятельно требуя непременно

достать "языка".

- Надо добыть свежего пленного, и желательно офицера, но не какого-нибудь вшивого и бестолкового балду. Вчера привели одного, а он хлопает глазами, как баран, и ни черта не смыслит.

Атланов неожиданно умолк.

На улице раздались громкие голоса, четкий топот копыт. У ворот игриво взвизгнул конь. Через минуту в широко раскрытой двери показался Доватор. Вместе с ним приехали военком Шубин и генерал Панфилов. На их папахах серебрился морозный иней. А у Панфилова даже и брови заросли седыми, блестевшими при свете лампы сосульками. Комната наполнилась оживленными голосами и свежим воздухом.

- Мы сегодня, как цыгане, кочуем, - развязывая на груди ремешок бурки, говорил Доватор. - Из штаба армии - к Панфилову. От него - прямо сюда. Ты, комдив, поласковей нас встречай. Смотри, каких я тебе гостей привез. Самые дорогие и голодные. Так протряслись дорогой, что чуть коням уши не поотгрызли... Генерал Панфилов каши предлагал - отказались. Торопились... А сейчас за котелок каши я готов полдюжины песен спеть.

- И мы с Панфиловым тоже не отстанем, - улыбнулся Шубин. - Подпоем, Иван Васильевич?

- Специально целый батальон ведут генералу Атланову подпевать, хитро подмигнув Доватору, сказал Панфилов и, обращаясь к Атланову, весело добавил: - А поют так, что фашистские солдаты спать перестали! Да-а!..

Панфилов, приподняв подбородок, отогнул от шеи воротник полушубка, поправил на поясе кобуру пистолета и, поглядев на Бойкова, тепло улыбнулся.

Душевное состояние Ивана Васильевича Панфилова было отличное. Его полки не только отбили все атаки противника, но все время серьезно беспокоили врага. Сейчас положение Панфилова было настолько прочным, что он охотно согласился помочь Доватору батальоном пехоты. О неудачах Бойкова он был хорошо осведомлен, но старался не показывать вида.

Бойков почувствовал это и посмотрел на Панфилова благодарными глазами. Пока приехавшие приводили себя в порядок, комдив Атланов отдал какое-то распоряжение начальнику штаба. Тот, откозырнув, поспешно удалился.

Доватор, раздевшись, стоял у зеркала и поправлял на вороте генеральского кителя белоснежный подворотничок. Шубин вполголоса разговаривал с Бойковым. Атланов, взяв Панфилова за локоть, подвел его к столу.

- Посмотри, Иван Васильевич, правильно ли здесь

расположены твои полки? - пододвинув карту, спросил Атланов.

Острый выступ прорвавшейся танковой колонны был помечен на карте синим карандашом и почти упирался в Волоколамское шоссе. Красные стрелы панфиловских батальонов были нацелены противнику во фланг. Полоса обороны была обозначена подковками.

Бросив внимательный взгляд на карту, Панфилов одобрительно кивнул головой.

- Клинышек-то надо, Иосиф Александрович, отрубить, - проговорил он после минутного молчания.

- Да, - подтвердил Атланов. - Но мне одному трудно. Всю ночь думал об этом. Сил маловато.

- Поможем. Затем и приехали! - Панфилов, отодвинув рукав полушубка, посмотрел на часы. Уверенно, тряхнув головой, он продолжал разговор: Скоро подойдет батальон моих "песенников". Мы с Доватором все уже согласовали.

В коротких словах Панфилов с удивительной простотой и ясностью изложил план предстоящей операции.

Атланов, понимавший все с полуслова, относился к этому на редкость мужественному человеку с чувством глубокого уважения.

- Отлично! Правильно! - говорил он, бегло набрасывая карандашом схему.

Доватор, присев на лавку рядом с Бойковым, поглаживая колени, слушал его объяснения. Шубин, закинув ногу на ногу, сидел по другую сторону Бойкова.

- Войну сколько ни изучай, а в бою всегда находятся непредвиденные обстоятельства, - взволнованно оправдывался Бойков.

- Надо предвидеть и предугадывать всякие обстоятельства, - возразил ему Доватор.

- Это верно, - согласился Бойков. - Я не оправдываюсь, товарищ генерал. И несу полную ответственность за свои действия.

- Безответственных командиров у нас нет, - спокойно заметил Шубин.

- Не в этом дело, - поднявшись со скамьи, продолжал Доватор. - Ты понял, в чем заключается твоя ошибка?

- Да, понял. Только, к сожалению, поздно. Когда накануне немцы в течение дня непрерывно атаковали полк Осипова, мне надо было сделать короткий встречный удар. Или хотя бы организовать ночную вылазку. Я бы тогда разбил их планы.

- Вздор, - убежденно заключил Доватор. - Опять ошибки, промахи, а потом снова станешь ссылаться на обстоятельства...

И, помолчав, задумчиво добавил:

- Когда же, наконец, мы перестанем совершать ошибочки и расплачиваться за них кровью?

В комнату с тарелками и стаканами на подносе вошел ординарец Атланова Охрим. Заметив сердитый взгляд Доватора, он нерешительно остановился.

- Подождите. Это потом, - Лев Михайлович махнул рукой и приказал все унести обратно. Проводив глазами удаляющегося ординарца, он подошел к стоявшим у стола генералам, пододвинул себе стул, кивнул Шубину и Бойкову, приглашая их тоже занять места. Когда все присутствующие сели вокруг стола, он шутливо сказал:

- С вашего позволения, генерал-майор Атланов, я плута Охримку выпроводил. Он, вероятно, приготовил целую батарею бутылок и намерен всяким зельем помутить нам мозги. А мне хочется дело сделать и каши поесть.

- Я тоже так разумею, - согласился Панфилов. - Потерпим.

- Добро. Скоро придет батальон панфиловских орлов, - продолжал Лев Михайлович. - Надо их поплотней накормить и дать по чарке. За это время приготовим боевой приказ, а потом можно и самим немного подкрепиться. А теперь, Иосиф Александрович, поделитесь с нами вашими планами и предложениями.

Доватор, навалившись грудью на стол, впился глазами в карту.

Атланов в ожидании начштаба часто бросал взгляды на дверь. Но Доватор нетерпеливо приказал начинать.

Доклад командира дивизии был прерван приходом подполковника Жаворонкова и комиссара Абашкина.

Лев Михайлович давно заметил отсутствие начальника штаба дивизии, но промолчал.

Приветливо поздоровавшись с Абашкиным, Лев Михайлович усадил его рядом с собой. На Жаворонкова он только взглянул, но ничего не сказал. Это было хуже всякого выговора.

Коротко изложив план предстоящей операции, Атланов просил разрешения немедленно ее осуществить. Обосновывая все детали атаки вескими доводами, Атланов предлагал нанести противнику три одновременных удара. С юго-востока - остатками полка Осипова с приданным батальоном панфиловцев; с востока, в лоб, в направлении Морозово, полком Бойкова; с северо-востока наступление должен поддерживать левофланговый полк дивизии Панфилова. Все детали предстоящего боя были основательно продуманы и взвешены. Однако все чувствовали, что операция предстоит тяжелая.

На участок Петропавловское - Морозово противник подтянул до семидесяти танков и мог в любой момент бросить их в бой. Подкрепить наступление танками штаб армии отказался, но в то же время категорически требовал немедленно любыми средствами ликвидировать прорыв и восстановить прежнее положение. Спешенной кавалерии совместно с батальонами панфиловцев предстояло атаковать бронетанковые части противника. Единственно, что обещал штаб армии, - это подбросить артиллерии, но тоже в очень ограниченном количестве. Когда Доватор, разговаривавший со штабом армии по телефону, сообщил участникам совещания цифру пушек, все переглянулись. Это была до смешного маленькая цифра. Ее даже неудобно было называть, а принимать в расчет и подавно.

- Что-то уж очень мало, Лев Михайлович, - с недоумением сказал Панфилов. - Может, ты ослышался?

- Какое там! Раза три переспросил... Хотел выругаться, да сдержался. Начальник штаба армии со мной разговаривал и сообщил, что этими пушками распоряжается сам командарм и дал их нам только потому, что считает операцию весьма важной...

Панфилов, многозначительно откашлявшись, отрывисто сказал:

- И то хлеб...

- Ну что ж... - Доватор отвел глаза от карты, секунду помолчал и продолжал: - Сделаем все возможное, но выползти противнику на шоссе не позволим. Постараемся отбросить его назад. У тебя, генерал Панфилов, командиры надежные?

- Мои никогда не подведут, - с твердой убежденностью ответил Иван Васильевич.

- Хорошо! Тебе, Абашкин... - Доватор поймал за руку пытавшегося встать Абашкина, усадил на место и, сдавливая его локоть, сказал: - Тебе, военком Абашкин, придается батальон вот его орлов, - кивком головы Лев Михайлович показал на Панфилова. - Это настоящие молодцы! Сегодня я их видел в деле. Богатыри! Армейские пушки тоже тебе. И четыре наших дивизионных. Ты должен выручить своего друга Осипова. А полковнику Бойкову передадим резервные эскадроны...

- Бойков мною отстранен от командования полком, - проговорил Атланов. - Я не успел вам доложить, товарищ генерал.

Иосиф Александрович сутуло согнул широкие костлявые плечи, словно на них легла непомерная тяжесть. Он любил Бойкова за его смелость, кавалерийскую удаль, горячий темперамент и острый ум, и ему тяжело было выговорить это. Но Атланов характером был крут и от своих слов и приказаний

отступать не умел.

Все примолкли, ожидая, что скажет Доватор.

Лев Михайлович понял это и, сузив остро поблескивающие глаза, сурово нахмурился, зная, что от его решения зависит не только человеческая жизнь, но и судьба многих людей. Доватор чувствовал, что сидящие здесь люди уважают его, верят в его полководческий талант, но и ценят авторитет командира дивизии, который непосредственно подчинен ему, генералу Доватору, и ответствен за свои действия не только перед ним, но и перед Родиной, перед партией.

- Да! Это замечание существенное. Командир дивизии прав. Полковник Бойков совершил ошибку, - начал Доватор с суровой властностью в голосе. Может быть, даже и не ошибку, а преступление, за которое следует жестоко наказать.

Панфилов, крякнув, потянулся за папиросой. Комиссар Шубин, покосившись на ордена Бойкова, опустил голову. Атланов по-прежнему сутулился и ни на кого не глядел. Бойков широко открытыми глазами смотрел на Доватора. Абашкин что-то чертил на листке бумаги. Только начальник штаба дивизии подполковник Жаворонков, неторопливо порывшись в полевой сумке, извлек пачку бумаг и, взяв нужную, запросто сказал:

- За такую ошибку, что совершил полковник Бойков, нельзя, товарищ генерал, наказывать.

- Почему? - круто повернувшись к нему, спросил Доватор.

- В ночь перед наступлением в полосе обороны полка немцы сосредоточили до сорока танков. Вот разведсводка, - Жаворонков положил перед Доватором отпечатанную на машинке бумагу.

- Хоть четыреста, но драться он должен был насмерть! - с глубокой, непоколебимой решимостью проговорил Панфилов.

Слова его прозвучали как суровый безапелляционный приговор.

- Плохую вы делаете услугу Бойкову, товарищ подполковник, защищая его подобным образом, - гневно сверкая глазами, сказал Доватор.

- Я не защищаю Бойкова. - Жаворонков со смелым упрямством смотрел Доватору в глаза. Побледневшее, с острыми скулами лицо его нервно подергивалось. Человек он был вспыльчивый, но умевший в нужную минуту брать себя в руки, опытный, честный и волевой командир. - Дело не в защите полковника Бойкова.

- А в чем же? - вмешался все время молчавший Шубин.

- Скажу, товарищ бригадный комиссар, - ответил Жаворонков. - Дело в простой человеческой справедливости. При том соотношении сил, какое сейчас у нас, полковник не мог бы

удержать свои оборонительные рубежи. Если мы худо воевали, то надо нас всех отстранить и назначить других командиров. А мы дрались неплохо. Это вы все знаете. Я прошу командование учесть не только заслуги полковника Бойкова, но и наши ошибки. А они у нас были. Бойков просил подкрепления, мы не дали. Просил пушек, дали только две. Ни для кого не секрет, что это очень мало. - Жаворонков, поправив на плече ремень, полез в карман за папиросами.

Все напряженно молчали.

Каждый в эту минуту чувствовал себя ответственным за то, что враг был близок к Москве.

"Действительно, как могло случиться, что фашисты очутились у самой Москвы?" - напряженно думал Доватор. Разве, в самом деле, плохо дрались его дивизии? Вспомнить хотя бы августовский рейд. Ведь он со своими полками мог пройти всю Смоленщину и Белоруссию. Но ему приказали вернуться обратно. Разве плохо дрались они раньше? Да и теперь вот уже две недели кавалеристы, не вылезая из окопов, ведут тяжелые бои с противником, численно превосходившим их вдвое.

Начальник штаба дивизии коснулся самого больного места. Нужны дополнительные резервы и усиление материальной части. Об этом Доватор и Шубин говорили целые ночи напролет. В какой же степени в этой обстановке виноват полковник Бойков?

Выпрямившись на стуле, Лев Михайлович решительным движением руки отодвинул разведывательную сводку в сторону и, усилием воли преодолевая нахлынувшее волнение, начал говорить:

- На войне, товарищи, сущность поведения солдата и командира определяется воинским долгом и приказами вышестоящих начальников. Если командир дивизии решил отстранить командира полка - значит, тому и быть. Ему вверены кавалерийские полки, он хозяин своего положения и ответствен не только перед командованием, но и перед своей совестью и честью.

Доватор, вглядываясь в лицо Атланова, давно понял, что комдив погорячился с отстранением Бойкова и теперь мучается. Лев Михайлович решил накалить атмосферу пожарче, надо было дать прочувствовать, что приказы даются для того, чтобы их исполняли.

- Я не могу отменить приказ комдива, да и не собираюсь. Наоборот, прикажу направить дело в трибунал и потребую разжалования Бойкова. И впредь недостойных командиров буду смещать и судить независимо от рангов и положений. - Доватор не говорил, а чеканил каждое слово.

Атланов морщил лоб и покусывал губы. Взглянув на Бойкова, он вдруг изумился. На лице полковника млела страшная в своей бессмысленности улыбка.

- Строговато, но мудро, - резко кивнул головой Панфилов.

- Бригадный комиссар Шубин, за вами слово, - пытливо посматривая на военкома, проговорил Доватор.

Лев Михайлович чувствовал, что они с Шубиным хорошо поняли друг друга.

- Да что здесь говорить. - Михаил Павлович поднялся со скамьи и оправил китель. - Я не хочу сейчас говорить, кто прав и кто виноват. От нас Родина требует напряжения всех сил. Нам партия приказала не только отстоять Москву, но и разгромить врага. Задача трудная. Нам, старшему командному составу, это хорошо известно. Но мы ее выполним, потому что у большевиков невыполнимых задач не существует.

Михаил Павлович, качнув крепкое туловище, заложил руки за спину, медленно прошелся из угла в угол.

- Я думаю, полковник Бойков не трус. Он опытный и волевой командир, не раз доказывавший это на деле. Мне кажется, следует дать ему возможность загладить свою вину. Пусть докажет, что он настоящий советский офицер. Над исправлением ошибок в первую очередь должны трудиться мы, начальники, веско заключил он.

Атланов кивнул головой и облегченно вздохнул. Бригадный комиссар все подытожил с неумолимой правдивостью. Доватор с торжествующей улыбкой посмотрел на Жаворонкова, явно гордясь своим комиссаром. Он мужественно заявлял не только о чужих ошибках, но и о своих собственных.

Панфилов, подойдя к Шубину, крепко пожал ему руку и, изменив своему правилу говорить коротко, сказал с шутливым-многословием, ни к кому не обращаясь:

- Это называется сначала попотеть, а затем попеть... Хорошее правило. Умереть и вновь воскреснуть!..

Подойдя к растерянному Бойкову, он с присущей ему откровенной простотой добавил:

- Не обижайся, полковник. Моральное взыскание для честного человека страшнее смерти. Пойми, друг, что генерал Доватор не пугал тебя, а пытал страшной пыткой. Думаешь, нам легко посылать полковника в солдаты?

- Знаю, Иван Васильевич! Мне доверяет командование, и мне больнее всего потерять это доверие. Страшна не смерть - страшен позор.

- Это верно, - подтвердил Панфилов.

Бойков, вытерев папахой влажный лоб, надел ее на голову и,

подойдя к генералу Атланову, попросил разрешения немедленно выехать в полк. Атланов молча вывел его на кухню и, взяв за пряжку ремня, спросил:

- А почему не хочешь ужинать? - Комдив устало улыбнулся. В уголках его губ резко обозначились морщинки. Глаза смотрели мягко и добро. - Тебе надо выпить стакан водки и отдохнуть. Так или нет?

- Так, Иосиф Александрович. Стакан водки выпью, но ужинать не могу, поверь...

- Верю. Однако на рассвете атака. С голодным желудком много не навоюешь. Предупреждаю, Виктор! Действовать надо без фокусов. Людей беречь и самого себя тоже. Иначе я тебе пропишу и валерьянку... Никаких обещаний мне не нужно. Я тебе доверяю по-прежнему. За дружбу нашу кровь отдам!

- А ведь это, Иосиф Александрович, для меня самая лучшая ласка.

И, только выехав на коне из ворот, Бойков понял все значение последних слов командира дивизии. Конь пошел широкой, плавной рысью. В лицо полковнику ударил морозный воздух. Казалось, он освежал не только прокуренное горло, но и облегченно забившееся под полушубком сердце. Бойков дал коню свободный повод. Мелькали дремавшие под снежным покровом избы. На окраине, по лесной проселочной дороге, изломанным строем, гремя снаряжением и хрустя по свежему снегу, еще не растоптанному валенками, входила в село пехота.

- Какой части, товарищ? - придерживая повод, крикнул Бойков.

- Панфиловцы!..

Охваченный усилившимся чувством радости, Бойков, пригнувшись к шее коня, пустил его полным галопом.

ГЛАВА 11

Возвратившись из штаба дивизии, комиссар Абашкин подготовил с начальником штаба боевой приказ о наступлении и в ожидании подхода артиллерии и батальона панфиловцев пошел отдыхать, приказав старшему лейтенанту Шевчуку:

- Разбуди в шесть. Два часа надо поспать, а то в голове туман и барабанщики стучат.

Выходя из землянки, он добавил с порога:

- Батальон подойдет, расположи его. Пусть люди немножко вздремнут. Если что-нибудь будет от Осипова, буди немедля...

Проводив комиссара, Кондрат Шевчук вернулся в блиндаж. Расстелив на столе карту, стал наносить обстановку. В углу на растрепанных снопах ржаной соломы, укрывшись буркой, спал коновод Гриша Симаков. Широкая, просторная землянка,

служившая колхозникам бомбоубежищем, была теперь приспособлена под командный пункт. На столе рядом с полевым телефоном чадно дымил в консервной банке круто насоленный бензин. Мелкие хлопья сажи, порхая в воздухе, падали на листы карты и от малейшего прикосновения жирно размазывались. Свирепо посмотрев на такое освещение, Шевчук зажег обрывок газеты и концом карандаша хотел было убавить фитиль, но неловким движением погасил его. Клочок бумаги, догорев, обжег ему пальцы и тоже погас. Шаря в темноте рукой по столу, он чуть было не опрокинул банку и громко позвал:

- Симаков!

- Сейчас, товарищ старший лейтенант. А почему темно? - шурша в углу соломой, спросил Симаков.

- Потому что у тебя "светило", як у худого слесаря форсунки. Шипит, чадит, трещит и гаснет. Иди ко мне и неси спички. Зажигай. Да смотри, не повали мне эту чертову машину, тут на столе карта. Чуешь?

- Чую, - хрипло откашливаясь спросонья, ответил Симаков. - Зараз все будет в порядке. - Он чиркнул спичкой. Но едва пламя спички коснулось фитиля, как бензин, фыркнув скопившимися в консервной банке газами, со взрывом отбросил банку в угол. Землянка снова погрузилась в темноту.

- Что же ты наделал? - задыхаясь от запаха перегоревшего бензина, крикнул Шевчук. - Да я тебе за карту, знаешь, що сделаю?!

Свою боевую карту Шевчук содержал в идеальном порядке. Он никому не позволял к ней притронуться, и вдруг такое несчастье.

Но разразиться вспыхнувшим гневом Шевчуку не удалось. За дверью послышался разговор, вошел дежурный.

- Где же огонек? - проговорил он из темноты.

- А, с его огнем! Взорвался, як фугас. Ты с кем тут? В чем дело? беспокойно спросил Шевчук.

- Пушки прибыли, - ответил дежурный.

- Командир батареи капитан Мхеидзе, - раздался от порога голос с сильным кавказским акцентом.

Вспыхнувший свет карманного фонаря скользнул по бурке Шевчука, а потом по его нахмуренному, закопченному лицу и, мгновенно перепрыгнув на стол, осветил залитую бензином и испачканную сажей карту. Шевчук, подавляя гнев, заметил, как густые черные усы капитана шевельнулись в сдержанной улыбке. Рядом с вошедшим стояла рослая молодая девушка в белой сибирской кухлянке.

- Командир эскадрона старший лейтенант Шевчук, - сухо

отрекомендовался Кондрат. - Располагайтесь...

- Мне нужно видеть командира полка. - Капитан, прижимая руку с фонариком к груди, освещал землянку. Симаков, вынырнув к свету, торопливо налаживал освещение. Дежурный, пообещав добыть лампу, вышел.

- Командира полка здесь нет. Командует комиссар. Он отдыхает. Сколько у вас пушек?

- Две. Нельзя ли все-таки разбудить командира полка?

- Зачем его будить? Он только что прилег. Подумаешь, событие: две пушки! Человек не спал...

- Да, это событие. Настаиваю на том, чтобы доложили комиссару, требовательно проговорил капитан. - Я прибыл в ваше распоряжение всего на сорок пять минут.

- На сорок пять минут? - Шевчук удивленно поднял глаза. - Вы что это, серьезно говорите?

- Вполне серьезно.

- Что же можно сделать за это время?

- Что нужно, то и сделаем, товарищ, - уверенно ответил капитан. - Мы только напрасно теряем время. - Порывшись в полевой сумке, он достал какую-то бумажку и протянул Шевчуку. - Прочтите.

- Симаков! Мы что, до утра будем в темноте кукарекать? - принимая от капитана бумагу, спросил Шевчук.

- Все готово, товарищ старший лейтенант. - Ставя зажженную коптилку, Симаков с отчаянием поглядел на стол, где взрыв наделал страшный беспорядок.

Шевчук, прочитав бумагу, быстро вскочил и окинул глазами улыбающегося капитана. Он перевел взгляд снова на бумажку, а потом на ординарца и изменившимся от волнения голосом крикнул:

- Гриша, а ну, скоро до комиссара, буди его! Хотя нет, я сам. Вы меня извините, товарищ капитан, я зараз. А ты, Гриша, открой нам консервы и давай на стол, що там - вино, закуску. Это же, браток, праздник!

Надвинув на глаза кубанку и размахивая широкими полами бурки, Шевчук исчез в темноте.

Войдя в комнату, где, не раздеваясь, на кровати спал Абашкин, Шевчук осторожно тронул его за плечо и, склонившись к его уху, тихо сказал:

- Товарищ комиссар, вставайте: "катюши" прибыли...

ГЛАВА 12

Комсорг полка Сергей Бодров полз к широкой просеке. Временами, словно купаясь в снегу, он переворачивался на бок и оглядывался назад. За ним, в нескольких шагах, с фельдшерской

сумкой на спине белым комочком перекатывалась через кочки Нина Селезнева. Сзади нее, пыхтя и отдуваясь, полз Яша Воробьев, а вслед за ним радист Савва Голенищев и связной Вася Громов.

Ночная попытка пробраться к Осипову не удалась. Всюду они натыкались на заслоны противника и подвергались обстрелу.

Под утро комсомольцы вынуждены были вернуться обратно. Вторично вызвав комсорга Бодрова, Абашкин приказал взять с собой Голенищева с рацией и связного Громова и пробиваться всем вместе. Рацию надо было доставить во что бы то ни стало.

- Антону Петровичу скажи, что план операции разработан. Сегодня непременно будем атаковать. Наступлением руководит сам Доватор. Как только соединитесь, немедленно радируйте. Схему с моими пометками береги. В случае чего уничтожь. Все, что я тебе говорю, запомни и передай в точности.

Вспоминая наказ комиссара, Сергей остановился. Вот она, просека. Предутреннюю морозную тишь разрывают длинные пулеметные очереди. Гитлеровцы почти беспрерывно стреляют вдоль просеки трассирующими пулями. Изредка бьют пушки. Самое главное - проскочить стометровую просеку. Место почти открытое. Мелкая поросль осинника - чудесное место для красноголовых грибов... Сергей разгребает рукавицей снег и, укрепив локти, кладет перед собой автомат.

Приближается рассвет. По верхушкам деревьев шаловливо пробегает ветер, с веток летят пушистые хлопья снега. На просеке тонкими белыми ручейками бежит поземка. Сергей накручивает на руку ремень автомата и сильным движением посылает тело вперед. Его примеру следуют и остальные.

Впереди пулеметная очередь подняла снежный вихрь. Сергей ныряет головой в снег. Он слышит, как над головой с шипящим звоном проносятся снаряды и с оглушительным треском рвутся между деревьями. Ползущие сзади окунаются лицами в снег и недвижимо замирают на месте. Сергей, первым подняв голову, оборачивается назад. Из-под упавшего на лоб спутанного чуба поблескивают черные навыкате глаза. На тонком, с красивой горбинкой носу подтаивают снежные крупинки. Смахнув их рукавицей, он поправляет на плече автомат и ощупывает противогазную сумку, наполненную дополнительными зарядами для мин.

Абашкин приказал доставить их Осипову еще утром, но связь с ним прервалась. Если Сергей не взлетит с этими штучками на воздух, они крепко пригодятся.

Убедившись, что у двигавшихся сзади товарищей все в порядке, Сергей ползет дальше. Остается преодолеть совсем

небольшое расстояние. Впереди, на краю просеки, ровный густой рядок молодых кудрявых елочек, таких пушистых, хоть вешай игрушки и зажигай свечи... А вот что там, за этими прелестными елочками? Может, засада немецких автоматчиков? Подумав о возможности такой встречи, Сергей останавливается и манит к себе Нину.

- Слушай, сестричка... - говорит Сергей, отводя взгляд куда-то в сторону. - Пока я не дойду до елок, вам лежать на месте и ждать моего сигнала - подниму автомат дулом вверх.

- А почему бы не всем вместе? - спрашивает Нина, поправляя на голове беличью, с длинными ушами кухлянку - подарок сибирских охотников фронтовикам. В этом уборе ее молодое раскрасневшееся лицо с характерным изгибом бровей по-детски мило и выразительно.

- Так надо, - улыбнувшись, твердо говорит Сергей и, слизнув языком комочек снега, ползет дальше. Он весь тонет в снегу, видна только колыхающаяся на спине противогазная сумка.

По просеке ветер сильнее крутит поземку. Чуть выше спины Сергея проносится очередь трассирующих пуль. Пока ползли все вместе, Нина не испытывала отвратительного чувства страха, но, когда над Бодровым просвистели пули, Нина вздрогнула. Иногда ей казалось, что она уже привыкла видеть смерть, но, как только приходилось приблизиться к ней вплотную, начинало сжиматься сердце.

Отгоняя вспыхнувшие в голове тревожные мысли, Нина неотступно следила за ползущим Сергеем. Вот он, упорно бороздя головой снег, выполз на край просеки, нырнул в канаву и скрылся. Нина облегченно вздохнула.

Тяжело посапывая носом, подполз Яша Воробьев и, тронув Нину за носок валенка, шепотом спросил:

- Ну как, Ниночка Петровна?

За это шутливое прозвище Яше не раз попадало от Нины, но отучить его не было никакой возможности. Зато сейчас эти слова прозвучали как-то особенно тепло и дружески.

- Переполз... - прошептала Нина. - Как автомат поднимет дулом кверху, поползем и мы.

- Ага, - понимающе кивнул Яша и, счищая приставший к карабину снег, добавил: - Смелый парень. Правильно делает.

- Не шевелись, - зашипела на него Нина, продолжая вглядываться в кусты, за которыми исчез комсорг.

Но кудрявые елочки стояли неподвижно. Казалось, они манили к себе не только своим веселым видом, но и относительной безопасностью. Однако сигнала не было. Несколько минут показались Нине бесконечностью. Колючая

поземка подула сильнее.

Нине остро захотелось встать и зашагать во весь рост, как она часто делала, подбирая на поле боя раненых. Но сейчас она не одна и не имеет права не только встать, но и пошевелиться. На короткое мгновение глаза Нины застилает туманное облачко. Она вспоминает, что где-то за этой просекой, стиснутые немцами со всех сторон, насмерть дерутся эскадроны. Кровью истекают раненые бойцы. Кажется, что кто-то укоряющими, зовущими глазами заглядывает ей в самую душу. От этого еще больше хочется рвануться вперед, туда, где ждут ее истомленные жестоким боем люди.

Прошло еще полчаса. Нина начала шевелить застывшими пальцами. Яша посапывает, у него насморк. Савва трет прихваченное морозом ухо. Вася Громов жует что-то посиневшими губами. Занесенный поземкой, он выглядывает из сугроба, точно сурок из норки.

Наконец впереди между вздрогнувшими елочками показалась коренастая фигура Сергея Бодрова с поднятым вверх дулом автомата.

- Вперед! - скомандовала Нина, оттолкнулась локтями и сильными, юркими движениями поползла через просеку.

Достигнув ее края, Нина белым комом скатилась под елочку в канаву. За ней следом один за другим кувыркнулись на дно канавы и остальные.

Бодров встретил их предупреждающим знаком.

- Дальше нельзя двигаться, - тихо проговорил он, сдвигая на затылок серую ушанку. - Впереди еще одна просека. Там сейчас немецкие саперы снимают мины.

- И много их? - спросил долговязый телефонист Савва. Он был знаменит на всю дивизию тем, что в любое время дня и ночи, в любую погоду каким-то одному ему известным чутьем мог отыскать самое незаметное повреждение, исправить его, связать, как он говорил, "в веревочку". А провода он умел так прятать, что их сами связисты не могли обнаружить, не только разведчики противника. Разговаривал он только "кодовым" языком, изобретенным им самим и вызывавшим у товарищей неописуемое изумление и хохот. Свой "код" он пересыпал такими словечками, от которых, как говорил Яша Воробьев, даже лошади начинают пофыркивать.

- Значит, одиннадцать колбасников с пулеметом и лягушка, то есть танк, вперед попрыгали? - повторил Савва ответ Сергея.

- Да, и лягушка, - подтвердил Бодров, хмуря черные, вразлет ушедшие к вискам брови.

- Грустно, и весьма, - отозвался Савва.

Остальные, посматривая на задумавшегося Сергея, притихли.

В лесу, нарастая и усиливаясь, закипал бой. Вася Громов, белокурый паренек маленького роста, переступая с ноги на ногу, потирал застывшие руки. Нина, сняв привязанные на шнурках рукавицы, что-то искала в фельдшерской сумке. Яша отряхивая от снега свой полушубок.

- Что, Громов, озяб? - покуривая в рукав, спросил Сергей.

- Угу! - промычал Вася посиневшими губами.

- Папироску хочешь? - предложил Бодров.

На двадцать третьем году жизни, после двухлетней службы в армии, Сергею казалось, что он имеет солидный жизненный опыт. Ему сейчас хотелось приласкать, ободрить этого закоченевшего голубоглазого восемнадцатилетнего паренька.

- Я не курю. Спасибо, - кутаясь в серый казачий башлык, смущенно ответил Вася, точно стыдясь, что он, такой опытный вояка, связной командира полка, и вдруг не курит.

- Тогда ешь сухарь, на! - Савва вытащил из-за пазухи сухарь и протянул Громову. Тот взял.

- Слушай, Громов, - мягко сказал Бодров, - ты хорошо помнишь, в каком месте шел вчера с донесением?

- Помню, товарищ старший сержант!

- А где ты обходил минное поле?

- Не здесь, а правее, там! - Громов показал на восток и, кивнув на Савву, добавил: - Мы с ним было пошли туда, но нас обстреляли.

- Точно! - отгрызая крепкими зубами сухарь, подтвердил Савва. Сначала рассыпали на головы автоматный горох, а потом плюнули из самоварной трубы. Весьма было грустно покидать местечко, на котором обычно все спокойные люди сидят.

От Саввиных слов стало как будто теплей и даже немножко весело. Яша, пряча усмешку, покачал головой. Улыбнулись и остальные. Смешно было смотреть на этого неуклюжего, в коротком полушубке верзилу с его катушками, карабином и огромными серыми, вдрызг растоптанными валенками.

- Где вы, Савва, работали до войны? - спросила Нина.

- Гм-м... Видите ли, товарищ сестричка, я сам деревенский интеллигент...

Вася Громов прыснул в рукавицу.

- Это что, должность такая? - улыбнулась Нина.

- Как вам сказать... Мы, Голенищевы, со времен "оказии" гоняли почту. Мой дед и папаша были почтальонами. По их стопам пошел и я. А раньше, как вам известно, в царской деревне интеллигентами были учитель и почтарь. Вот, значит, я принадлежу к этому высокочтимому сословию. В наши дни по

своему беспокойному характеру, а рожден я в самое неспокойное время, в семнадцатом году, я по совместительству был в колхозном драмкружке артистом, режиссером, постановщиком, гримером, художником, музыкантом. Если посмотреть на театральную афишу, то мне будут принадлежать все нижние подписи. Таланты меня распирали, как мерзлую бочку лед...

- Замолчи ты, дьявол! - Яша, заткнув рукавицей рот, корчился от смеха.

- Вот, Ниночка Петровна, что значит невежественные люди, - серьезно и укоряюще проговорил Савва, засовывая в рот остаток сухаря и кивая на Яшу. - Культурного словца не могут выслушать. Все аханьки да хаханьки...

Нина тоненько прыснула в кухлянку. Савва, отряхнув с полушубка хлебные крошки, снял с плеча карабин и, пряча в глазах бесовскую лукавую улыбку, почтительно спросил, обращаясь к Сергею:

- Будем назад держать свои стопы, товарищ старший сержант?

- А как вы думаете, товарищ деревенский интеллигент?

Бодров почувствовал, как у него начинало подниматься в душе необыкновенное доверие к этому чудаковатому парню. От него веяло той крепкой русской силой, которая раскрывается неожиданно, точно широкий, мощный взмах гигантских крыльев.

- Ведомо мне, что от конца вот этой медной веревочки, - протяжно, с расстановкой заговорил Савва, показывая на телефонный провод, - зависят многие жизни наших товарищей. Поэтому мы должны во что бы то ни стало протянуть ее туда. Вот что я думаю.

- Попробуем, - твердо и решительно сказал Сергей и, крякнув, словно пробуя поднять большую, тяжесть, добавил: - Двум придется остаться на этой стороне просеки и отвлечь немцев. Остальные должны быстро проскочить.

- А как же эти двое? - запинаясь, спросила Нина.

- Там видно будет... - Бодров, покусывая губы, быстро вскочил и, повесив на сук сумку с взрывателями, продолжал: - Мы с Яшей сейчас выдвинемся вперед и откроем огонь. Вы будете перебегать правее - вот по этому моему следу, чтобы не угодить на мину. Первым Савва, за ним Нина, Громов прикрывает сзади.. Ясно, товарищи?

Все молча кивнули.

- Ничего, ребята, там встретимся, - ободрил их Сергей. - Вы только смелей. Савва, возьми мою сумку.

Подоткнув рукавицы под поясной ремень и перехватив автомат голыми руками, он глухо добавил:

- И не беспокойтесь. Мы все сделаем, как надо. Ну, идем, Яшенька.

- Идем, Сережа. - Яша, словно стараясь прикрыть вдруг заблестевшие глаза, нахлобучил ушанку на самый лоб и нырнул под ветви вслед за Бодровым.

Когда отошли метров на двести, Сергей неожиданно остановился, присел на снег и, подозвав к себе Яшу, тихо сказал:

- Здесь! Совсем близко! Прислушайся.

За кустами слышались звуки немецкой речи. Иногда раздавался резкий металлический стук. Отзвук его далеко разносился по лесу.

- Вот тут неподалеку есть сваленное дерево, - тихо говорил Сергей. Видишь следы? Это я лазил! Сейчас поползем туда. Только осторожно. Если обнаружим себя, тогда все. Я буду бить по пулеметчику первым.

Свернув с тропки, медленно, с величайшей предосторожностью поползли налево. Как только шум на поляне прекращался, оба мгновенно замирали, словно подстерегали токующих глухарей. По верхушкам деревьев свистел ветер. Иногда, тревожа на ветках седые морозные кружева, падала шишка. Впереди путь преграждался большой сваленной елью.

Подползли вплотную и укрылись под вывороченным бомбой корневищем. Просунув ствол автомата между сучьями, Бодров глазами показал Яше место рядом с собой. Там была неглубокая ямка и открывался удобный сектор обстрела.

Группа немецких саперов в касках и желтого цвета комбинезонах топталась на просеке шагах в пятидесяти. По ту сторону просеки, в кустах, замаскированный еловыми ветками, стоял вездеход с работающим на малых оборотах мотором. Из кузова торчал ствол пулемета и виднелась каска солдата. Саперы неторопливо раскапывали снег и вытаскивали наши противотанковые мины.

Сергей с застывшей на посеревшем лице улыбкой медленно, почти не дыша оттянул затвор автомата. Он не чувствовал страха, а только слышал учащенное биение сердца. Яша, слегка посапывая носом, с присущей ему методичностью сибирского охотника, выбрал высокого, плечистого немца, присевшего на корточки, и прицелился в висевшую на его поясе гранату.

Резкая длинная очередь автомата Бодрова хлестнула Яше в левое ухо. В лицо, обдирая щеку, брызнули вылетевшие из магазина гильзы.

Яша, потеряв точку прицеливания, выстрелил наугад. В какие-то доли секунды последовали один за другим два оглушительных взрыва. Над верхушками деревьев взвихрился

черный огненный смерч; сильно встряхнув и подбросив Яшу, вырвал из его рук карабин. Ошеломленный, Яша поднял голову и оглянулся по сторонам. Между деревьями плавал едкий, вонючий дым, застилая поляну. Оттуда доносились пронзительные крики и стоны.

- Вот черт, а? - приглушенно выговорил зашевелившийся рядом Сергей.

- Ты ранен?

Яша, подхватывая карабин, рванулся к Бодрову.

Сергей отрицательно качнул головой и, не оборачиваясь, вяло спросил:

- Ты куда, Яша, стрелял?

- В того, который на корточках, с гранатой на пузе, да только...

- Ты в мину попал. Она и ахнула... и граната. Здорово! М-молодец, Яшка!

Он помолчал.

- Меня немного оглушило, тошнит... А так ничего!

Сергей повернулся и изумленно раскрыл рот. Вся щека Яши была залита кровью.

- Э-х, как тебя! Подожди, я сейчас достану бинт. - Саргей полез в карман за санитарным пакетом, но Яша остановил его.

- Чепуха, это царапины. След твоих гильз из автомата...

Яша тыльной стороной ладони смахнул со щеки кровь. Там действительно были царапины, но основательные. Однако перевязать щеку Яша не успел.

Ветер быстро разогнал дым. На почерневшем от взрыва снегу лежали семь изуродованных гитлеровцев. Оставшиеся невредимыми, истошно крича и бранясь, тащили раненых. С вездехода вдоль просеки яростно бил пулемет.

Бодров короткой очередью убил еще одного немца, Яша свалил второго. Пулемет замолк.

Понаблюдав несколько минут, Бодров решил, что гитлеровцы ушли, и высунул из укрытия голову. Тотчас он был обстрелян шквальным пулеметным огнем. Пули, шлепаясь о мерзлую землю, о корневище, пронзительно взвизгивали.

- Заметил, гад! Теперь голову не даст поднять. - Яша потихоньку ругнулся.

Пулемет, не переставая, вел огонь.

- Разреши мне подползти с другой стороны. Я его нащупаю.

Но Яша не успел договорить. За просекой неожиданно защелкали частые выстрелы. Несколько, раз прострочил пулемет, и сразу все стихло.

Над лесом дымчатой каемкой проплыли низкие облака. Где-

то в небе прогудел самолет.

Яша настороженно поднял голову. Неподалеку от вездехода с кустов посыпался снег, затем во весь рост появилась с карабином в руках неуклюжая фигура Саввы.

- Саввушка... - прошептал Яша с нежностью. С его щеки падали на снег капельки крови.

- Он, он, миляга! Ну и дылда...

На обветренном скуластом лице Сергея разлилась улыбка.

Выскочив из укрытия и отряхиваясь на ходу, Сергей с Яшей побежали к нему навстречу.

- Кар-тина! - завидев товарищей, крикнул Савва, широко распахнув длинные, могучие руки. Короткий кавалерийский карабин казался в них детской игрушкой. Сзади него шли Нина и Вася. Последний тащил немецкий пулемет.

Подбежав к Савве, Бодров обнял его и расцеловал.

- Спасибо, друг! Сказать тебе, что ты молодец, мало. Ты просто герой, Савва!

- А сами-то что натворили, - смущенно говорил Савелий. - Да ты брось меня тискать, я там этот автоматический трайтайтам завел. На нем ехать можно.

Все поспешили к бронетранспортеру.

Голенищев сел за руль и дал газ. Вездеход дрогнул, заскрежетал гусеницами и тронулся. Однако отъехать пришлось недалеко. Гитлеровцы, опомнившись, выскочили на просеку и отрезали дорогу. Сидя в кабине, Бодров увидел, как серые фигурки вражеских солдат, согнувшись, перебегали через просеку и тащили на руках минометы; сбоку и сзади загрохотали пулеметные очереди.

- Голенищев, тормози! - крикнул Сергей.

Но Савва и сам понял, что ехать было некуда. Убрав газ, он уже отстегивал от пояса ручные гранаты. Выскочивших впереди бронетранспортера немцев Громов срезал пулеметной очередью. Яша короткими очередями бил из автомата.

- Вылезайте быстро! - Бодров выскочил из машины, бросил две гранаты. Немцы немного отхлынули.

- Занимаем круговую оборону! - крикнул Бодров, прихрамывая, бросился в кусты и лег под дерево. Он был ранен в ногу. К нему с пулеметом в руках подполз Громов. Нина с Яшей изготовились в неглубокой канавке. Саввы Голенищева около них не оказалось.

Гитлеровцы, громко крича, пошли в атаку.

ГЛАВА 13

На рассвете в блиндаж подполковника Осипова пришел командир разведэскадрона старший лейтенант Кушнарев. Ночью

он с группой разведчиков пытался прорваться на Сычи, но безуспешно. Немцы сжали эскадроны Осипова плотным кольцом и усиливали напор со всех сторон. Артиллерийский обстрел шел о утра до вечера. Несмотря на плохую видимость, лес систематически подвергался бомбардировке с воздуха.

Днем атаки пехоты повторялись через каждый час. Но кавалеристы, зарывшись в снег, встречали фашистов шквальным огнем. Только ночью утих бой и наступила передышка.

- Где ты хотел пройти? - склонившись над картой, спрашивал Осипов.

- В нескольких местах пытался, - Кушнарев показал маршруты и устало присел на чурбак. От неудачи он был зол и до боли жмурил глаза.

- Н-да... - постукивая по карте карандашом, протянул Антон Петрович. - Патронов маловато. Я бы им устроил кордебалет... Все равно пробиваться надо любым путем. Хоть координаты дать, чтобы самолет боеприпасов сбросил. Без патронов пропадем.

Наступила небольшая пауза.

- Ну что ж... - задумчиво продолжал Осипов. - Если такой опытный разведчик, как ты, не мог проскочить, значит, плохи наши дела... или твои разведчики никуда не годятся. Кликну добровольцев. У меня найдутся хлопцы. Подвел ты меня, старшин лейтенант. Надеялся я на тебя крепко...

- У меня разведчики замечательные, товарищ подполковник. Подходили вплотную. Но что делать: куда ни сунемся, не спят. В одном месте можно было бы, да...

- Ну и что же? - раздраженно перебил Осипов.

- "Языка" решили прихватить. Ну, взяли, а он заорал как резаный. Шум такой поднялся, пришлось вернуться.

- Где же пленный?

- Лейтенант Головятенко допрашивает. Только ничего от него не добьешься. По-русски ни одного слова.

- Почему сюда не привел? И молчал, голова садовая!

Осипов, поднявшись из-за стола, подошел к завешенной плащ-палаткой двери и приказал ординарцу позвать Головятенко. Лейтенант сейчас возглавлял его штаб.

- Да пусть немца сюда приведет, - добавил Антон Петрович.

Минуты две спустя Осипов оглядывал высокую плотную фигуру гитлеровского солдата. Взял со стола фонарь и поднес к его лицу. Немец отшатнулся.

- Ну, что он? - спросил Осипов у Головятенко, подавляя нарастающее волнение.

- Не знает по-русски. Бормочет черт знает что... Подтверждает всякую чепуху. - Головятенко безнадежно махнул рукой, кляня

себя в душе за то, что отлынивал в школе от уроков немецкого языка. - Плохо без переводчика!

Осипов начал допрос с немногих известных ему слов, но дело подвигалось туго. Это сразу понял пришедший комиссар батареи Ковалев.

- Товарищ подполковник! - обратился он. - Разрешите пригласить переводчика?

- Какого переводчика? - нахмурившись, спросил Осипов.

- У меня есть! - Ковалев, нахлобучив на лоб кубанку, быстро ушел.

- Откуда у Ковалева переводчик? - Антон Петрович знал не только в лицо всех батарейцев, но и помнил их биографии. Это были его самые любимые солдаты и собеседники. В часы отдыха он приходил на батарею и разговаривал с каждым.

Когда Зина вошла в блиндаж, Осипов, твердо сжав губы, удивленно кашлянул.

- Так вот какой у тебя переводчик... - проговорил он смягченным голосом. - Прошу, прошу. Поговорите с этим разбойником! Смотрите, увидел хорошенькую девушку и глаза косит, улыбается, а дай ему автомат, он так улыбнется...

Зина пристально смотрела на немца. Это был первый настоящий фашист, которого ей пришлось видеть. Немца усадили против Зины. Слащаво улыбаясь, он подобострастно глядел ей в лицо и отвечал на все вопросы.

- Он говорит, что полк, в котором он служит, - волнуясь, переводила Зина, - входит в состав армейского корпуса генерала Гютнера. Им приказано быть в Москве первыми. Но он опасается, что их опередят танкисты...

- Скажите ему, чтоб он о Москве забыл и не упоминал это слово, иначе будет сегодня же расстрелян. Пусть точно называет номера частей и количество танков, - проговорил Осипов.

Услышав переведенные Зиной слова, фашист недоумевающе раскрыл рот и испуганно заморгал глазами. Далее пленный сообщил, что в районе Морозово сосредоточено около восьмидесяти танков и два полка пехоты. Им приказано уничтожить кавалерийские части Доватора.

Уточнив схему расположения частей противника, Осипов выяснил, что гитлеровцы в первую очередь будут стремиться покончить с его окруженной группой, а затем всей массой навалятся на Медникова и могут прорваться к Волоколамскому шоссе. Сейчас, как никогда, надо было связаться со штабом дивизии, сообщить эти ценнейшие данные и разгромить скопление немецкой пехоты сильным артиллерийским обстрелом или же массированным налетом авиации. Располагая пушками и

минометами, Осипов почти совсем не имел снарядов. В лесу нашлось большое количество мин, но не было дополнительных зарядов к ним.

Переписав начисто оперативную сводку для штаба дивизии, Головятенко с унылой улыбкой сказал:

- Все готово, только отправлять придется голубиной почтой.

- Ну что ж, поймай в лесу дикого голубя и пошли... - мрачно ответил Осипов.

- Разрешите мне, товарищ подполковник, доставить это донесение, неожиданно сказала Зина. Разговаривая с немцем, она поняла, что сведения, которые он дал, очень важные и сообщить о них командованию надо немедленно.

- Как вы это сделаете? - круто повернувшись к ней, спросил удивленный Осипов.

- Я знаю этот лес вдоль и поперек. Под деревней Шишково есть болото, там нет немцев. Через него хоть и трудно, но пройти можно.

Антон Петрович, развернув карту, отыскал синие штрихи болота и задумался. Непроходимая низина узким дефиле уходила от Шишкова на север, а потом острым клином поворачивала на юго-восток и тянулась почти до самых Сычей.

- Так, так... - проговорил он медленно. - Хорошо, я дам вам провожатых. Доставьте в штаб дивизии донесение и пленного немца.

Землянку неожиданно тряхнул недалекий сильный взрыв, затем началась яростная пулеметная стрельба. Все настороженно притихли.

- Начальник штаба, быстро узнать, в чем дело! - крикнул Осипов, свертывая карту.

Кушнарев, схватив автомат, выбежал вслед за Головятенко. Стрельба то утихала, то вновь гулко усиливалась. Прислушиваясь к шуму боя, Антон Петрович взглянул на Зину. Лицо ее было спокойно, только черные ресницы слегка вздрагивали.

- Если вы мне доставите это донесение... - сказал Антон Петрович и секунду помолчал, не отводя упорного взгляда от Зины, - я представлю вас к ордену Красного Знамени, даже свой сниму и привинчу вам. Это мое честное партийное слово. Наденьте маскировочный халат. Возьмите оружие. Вы понимаете, как это важно и как опасен ваш маршрут?..

Зина молча кивнула головой. Кушнарев вместе со своими разведчиками и группой бойцов во главе с лейтенантом Головятенко двинулись в направлении выстрелов. Впереди шли Торба, Буслов и Борщев. Приближался морозный ноябрьский рассвет. Между деревьями, отсвечивая потухающими искрами, догорали замаскированные ветками ночные костры. Два казака несли на палке закопченный, наполненный дымящимся варевом молочный бидон.

Стрельба стихала. На переднем крае, где эскадрон Рогозина занимал круговую оборону, пока все было спокойно. Командир эскадрона и политрук стояли около блиндажа, кого-то поджидая и тревожно посматривая в сторону немцев.

- Что, опять лезли? - спросил Головятенко у Рогозина.

- Вчера, после нашей встречи, больше не лезли, - ответил Рогозин.

- А что это за стрельба была и взрыв?

- Видно, кто-то потревожил немцев с той стороны, - сказал политрук Молостов. - Мы с Рогозиным послали разведку, ждем. Слышна была работа мотора, а теперь все затихло.

Однако разведчиков они так и не дождались. За передним краем в районе расположения немцев с прежней силой возобновилась стрельба.

- Ну, конечно, наши пробиваются, - поправляя на голове каску, возбужденно проговорил Кушнарев. - Я пошел. Вперед, ребята! - Кушнарев, пригибаясь, направился навстречу гремевшим выстрелам.

Головятенко приказал Рогозину выбросить прикрытие и пошел со своими людьми вслед за разведчиками.

...Бой шел на самом краю просеки. Окружив группу Сергея Бодрова, гитлеровцы решили взять советских бойцов живыми. Лежа за кустами, они кричали, что сохранят им жизнь, и предлагали сдаваться. В ответ на это Сергей давал из трофейного пулемета очередь, а Вася с Яшей били из автоматов. Нина с пистолетом в руках бдительно смотрела по сторонам и одиночными выстрелами давала знать о приближении немцев. Савва Голенищев, позже всех выскочивший из вездехода, захватил с собой крупнокалиберный пулемет, но не знал, как с ним обращаться.

Пулемет молчал, словно заколдованный. Положение оборонявшихся с каждой минутой становилось безнадежней. Патроны кончались. Оставались в резерве только три гранаты, но Сергей придерживал их на крайний случай. Немцы наступали с трех сторон. Тылом для горсточки храбрецов была та просека, где саперы противника только что обезвреживали мины и были атакованы Бодровым.

Пока имелись патроны, Сергей, несмотря на ранение, переползал с места на место и отбивал атаки короткими очередями. Сейчас немцы приблизились метров на сто пятьдесят и, беспрерывно ведя обстрел лежа на снегу, криком и гамом демонстрировали атаку.

Подозвав к себе Голенищева, Сергей сказал:

- Патроны кончаются. Что будем делать, Савва?

Голенищев подвигал заострившимися скулами и ответил не сразу.

- Подпустим на самое близкое расстояние - и в атаку. Была не была! Только одному... Одному придется остаться у пулемета. Прикрыть, так сказать...

Глухо кашлянув, он добавил:

- Я остаюсь. Может, пулемет налажу.

- Нельзя тебе. С тобой рация, - твердо проговорил Сергей и, превозмогая острую боль в ноге, продолжал: - Мне все равно быстро двигаться нельзя. Я и прикрою.

- Выходит, мы тебя раненого оставим? Ну, это ты брось! Тогда будем все вместе...

Помолчали. Голенищев, облизывая обветренные, почерневшие губы, сурово нахмурился.

- Я старший, - сказал Бодров, - и даю такой приказ, понял?

Бодров, повернувшись к Савве, увидел, как тот, будто не слыша последних слов товарища, напряженно вглядывался вперед.

За кустами, метрах в пятидесяти, в желтом маскировочном халате мелькнула фигура немецкого солдата. Голенищев, тщательно прицелившись, выстрелил. Солдат, ткнувшись в снег лицом, замер на месте.

Немцы, галдя и выкрикивая ругательства, открыли минометный огонь. Ломая запорошенный снегом молодой ельник, кругом рвались мины.

Немецкие минометы стояли на небольшой открытой поляне. Высокий офицер с черным, болтавшимся на груди биноклем взмахом руки отдал приказ прекратить огонь. Потом из землянки вышел другой офицер. Сложив ладони трубкой, он крикнул:

- Рус, слушай!

На минуту все смолкло. Вдруг раннее сумрачное утро огласилось мелодией кафешантанного танго. Затем голос на ломаном русском языке вместе с хриплым шипением патефонной пластинки известил "о доблестных победах германской армии", далее следовало сообщение об окружении Москвы, о падении Ленинграда и "прелестях" немецкого плена.

Лежавший в кустах рядом с Павлюком Торба, ткнув его локтем в бок, тихо сказал:

- Веселятся... Погодите, гадюки, зараз мы вам покажем Москву. Ползи быстро до командира. Пулемет сюда. Я буду наблюдать. Скажи ему, що атаковать самый раз.

Павлюк, разгребая руками снег, торопливо пополз назад. Торба остался на месте. Фашисты снова завели пластинку. Захар, сжимая в руках автомат, следил за противником, как охотник, выслеживающий зверя. Над головой Торбы, шелестя желтыми от мороза листьями, высился коренастый молодой дубок. Из-под серой, висевшей лоскутами, пощербленной пулями коры выглядывало его бурое крепкое тело.

Прислонившись к твердому шершавому стволу плечом, Торба ощутил в себе волнующий азарт предстоящего боя и зрелую непреоборимую силу. Подползший к нему старший лейтенант Кушнарев, тяжело дыша, лег рядом. Сзади лежали остальные разведчики. Кушнарев, откинув со лба чуб и вглядываясь в галдевших немцев, коротко произнес:

- Начнем! - И, оттянув затвор автомата, отрывисто добавил: - Бить прицельно, короткими очередями, а потом по моему сигналу - в атаку.

Укрепив локти, Кушнарев поднял ствол автомата. Буслов подмигнул Захару и вцепился в приклад ручного пулемета.

- За мной! - Кушнарев, выскочив из-под дубка и разбрасывая сапогами снег, побежал вперед. Вслед за ним бросились остальные разведчики. Справа по лесу прокатилось несколько артиллерийских выстрелов. За ними прогремело "ура"...

...Через полчаса группа Бодрова уже находилась в штабе полка Осипова.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

ГЛАВА 1

На командном пункте эскадрона Шевчука комиссар Абашкин и капитан Мхеидзе, склонившись над картой, уточняли данные о противнике. Прибывшие в распоряжение эскадрона первые по тому времени "катюши" Абашкин решил использовать с наибольшим эффектом.

- Вы мне точно покажите площадь самого большого скопления пехоты противника, а остальное - мое дело, - говорил

Мхеидзе.

- Значит, вы можете бить только по площади? - спросил Абашкин.

- Повторяю, товарищ батальонный комиссар. Где больше фашистов, туда и ударю!

- Но ведь вы мне говорите, что ваши пушки способны накрыть большую площадь. Значит, вы можете угодить по боевым порядкам наших окруженных эскадронов? - возразил Абашкин.

- Надо исключить такую возможность, а для этого укажите границы переднего края, - невозмутимо отвечал капитан.

Он требовал как раз того, чего Абашкин не мог сделать. Связи с Осиповым не было. В каких границах оборонялись его эскадроны, он не знал, а ему в первую очередь и надо было помочь Осипову. Абашкин не видел выхода из затруднительного положения.

- Я могу указать вам только границы своего переднего края, - после минутного размышления ответил он.

- Можно ударить по Данилкову. Туда вошли немецкие танки, посоветовал молчавший до сих пор Шевчук.

- По Данилкову нельзя бить, - категорически возразил Абашкин. - Из-за четырех танков поднимать на воздух целую деревню не резон, к тому же там не успело эвакуироваться наше население.

- Это ужасно! - тихо промолвила незаметно сидевшая в углу девушка.

Командиры оглянулись. Закинув за плечи длинные пушистые уши сибирской кухлянки, она смотрела на Абашкина настороженными глазами.

- Извините, товарищ батальонный комиссар. Я не успел вас познакомить, - поднимаясь, сказал Мхеидзе. - Это представитель завода. Она прикомандирована к нашей батарее для контроля за приборами в применении их на практике. Привезла это оружие в подарок фронту от комсомольской бригады уральских рабочих.

- Спасибо за такой подарок!

Абашкин, подойдя к девушке, крепко пожал ей руку.

- Старались, товарищ батальонный комиссар, всем коллективом. Как будут работать, увидите сами... - смущенно ответила девушка.

Только вчера она выгрузилась со своими пушками под Москвой, а сегодня уже очутилась на переднем крае. Все было как во сне. Она сидела в землянке и с замирающим сердцем слушала, как гудит от артиллерийских выстрелов земля, словно на их заводском полигоне, но ощущение здесь, на фронте, было совсем иное.

- Пушки-то хорошие привезли, а мы, видно, плохие начальники, если не знаем, куда стрельнуть... - невесело пошутил комиссар. - Ничего! Найдем, куда послать ваши подарки.

В землянку вошел майор Почибут и, показывая Абашкину вдвое свернутый лист бумаги, с радостным возбуждением сказал:

- Радиограмма. От Антона Петровича.

- Есть связь? - рванувшись к Почибуту, спросил Абашкин.

- Получена радиограмма. Группа Бодрова пробилась, но сам он ранен.

- Тяжело?

Начальник штаба пожал плечами.

- Не сообщает об этом. В районе Морозово - Шитьково противник сосредоточил до двух полков пехоты с танками. Командир полка просит авиацию, - докладывал майор Почибут.

- Вот мы их и накроем! - обрадованно произнес Мхеидзе, отыскивая на карте только что названные деревни.

- Совершенно правильно, - подтвердил Почибут.

- Наконец-то для вас нашлась работа, - улыбаясь, заметил Абашкин капитану Мхеидзе.

Собрав командиров подразделений и зачитав приказ командира дивизии, Алексей Абашкин сказал:

- У нас сегодня, товарищи, необыкновенный день. Наша партия и правительство, рабочий класс и весь советский народ прислали нам грозное, невиданное в мире оружие - реактивные минометы. Враг сосредоточил под Москвой огромные силы. Он стремится во что бы то ни стало захватить нашу столицу. Но не бывать этому! Фашисты окружили в лесу наших товарищей и пытаются их уничтожить. Но это им не удастся. Сейчас мы получили радиограмму. Наши боевые товарищи во главе с командиром полка отбили все атаки противника. Они принимают на себя удары трех гитлеровских полков. Через несколько минут мы идем в наступление. Поможем им разгромить фашистские полки и достойно встретим наш всенародный праздник Великой Октябрьской революции!

Узкая лесная тропинка уводит в глухую, мрачную тишину леса. Под ногами, предательски хрустит снег и заставляет вздрагивать. Зина, часто поглядывая на светящийся циферблат компаса, идет впереди. За ней шагает пленный гитлеровец. Зине кажется, что немец нарочно громко скрипит подкованными ботинками. Ей хочется обернуться, ткнуть ему дулом пистолета в зубы.

Идущие следом Вася Громов и Стакопа тоже еле сдерживают возмущение. Наконец Стакопа, опытный пограничник-разведчик, не выдерживает и дает знак остановиться. Подойдя к Зине, он

тихо говорит:

- Скажи ему, чтоб он не ступал ногами, как слон... Иначе я его тюкну прикладом по шее.

- Осторожно шагайте, - подходя к пленному вплотную, говорит Зина по-немецки. В темноте она не видит его лица, но чувствует блеск устремленных на нее глаз.

- Благодарю. Я чувствую себя прекрасно. Вы очень любезны. Мои ноги в полном порядке.

Немец бормочет еще какой-то вздор о признательности.

Зина с досадой сжимает в кулак озябшие пальцы.

- Я не о ваших ногах забочусь, - говорит она резко, - я предупреждаю, чтобы вы соблюдали тишину. Осторожней ставьте ноги и не скрипите.

- Я понимаю... извините... Но это невозможно, мадам... Моя обувь...

- Я вам не мадам, а боец Красной Армии. Выполняйте то, что я говорю, - сердито перебивает Зина, с трудом подыскивая нужные слова.

Цепочка людей в белых маскировочных халатах движется по лесной тропинке. Где-то неподалеку хлестко бьют автоматы, вспыхивают ярко-зеленые ракеты. Когда они гаснут, мрак сгущается еще больше.

Очертания деревьев принимают фантастические формы. Зине кажется, что это не ее родной лес, а глухая, незнакомая тайга. Ныряя под нависшие над тропинкой ветки, она упрямо двигалась вперед, настороженно прислушиваясь к каждому лесному шороху. Но все опасения оказались напрасными. Через полчаса они вышли к домику лесника.

Заметив впереди огонек, Зина остановилась и, немного постояв, свернула в кусты. Подозвав Стакопу и Громова, тихо проговорила:

- Вот здесь недалеко проходит зимняя тропа. Когда болото замерзает, по ней напрямик колхозники возят хворост. Пойдемте здесь. Только надо узнать, есть ли в хате немцы. Вы тут подождите, а я схожу.

- Вам нельзя, не приказано. Я сам пойду, - возразил Стакопа.

- Как это - не приказано? - точно не зная, в чем дело, спросила Зина, хотя сама отлично понимала, откуда могла исходить такая команда.

- Комиссар Ковалев приказал.

- Комиссар Ковалев может приказывать у себя в батарее, а здесь как старшая приказываю я! - резко перебила Зина, но трогательная забота Валентина не только не огорчила, а, наоборот, придала ей больше отваги и смелости.

Однако осмотреть дом лесника не пришлось. Зина услышала, как скрипнула дверь, затем раздался кашель и ругань на немецком языке. Она судорожно сжала рукоятку пистолета, вытащила его из кармана и, обернувшись к пленному, вполушепот сказала:

- Молчать, а то смерть!

Хлестнул одинокий выстрел. Над деревьями взвилась осветительная ракета. Пленный, увидев наведенное на него оружие, отшатнулся и кивнул головой. Снова послышался скрип двери, а затем все стихло.

Зина, осторожно ступая, вышла на дорогу и повела группу в обратную сторону. Теперь она уже твердо знала, в какую сторону нужно идти. Пройдя несколько шагов, она свернула на едва заметную тропинку и, пригибаясь, юркнула в кусты. За ней двинулись остальные. Через несколько минут они уже были на краю широкой поляны. Перед ними лежало поросшее мелким кустарником и занесенное снегом болото.

Зина первая шагнула в болото и тотчас же почувствовала, как нога, провалившись в снег, свободно уходит в мягкую, податливую жижу. Пройдя шагов тридцать, она услышала сзади себя тяжелое дыхание пленного и хлюпанье воды. Грузный немец шел напрямик, увязая выше колен. Вытаскивая из грязи ноги, он производил, как ей казалось, ужасный шум. Зина, предупредив его по-немецки, снова показала пистолет. Немец пыхтел и тяжело отдувался.

Неожиданно яростный лай овчарки заставил всех прижаться к земле. Над болотом вспыхнули ракеты. Предутреннюю тишину нарушили ожесточенные пулеметные очереди. Пули с тонким свистом вспарывали мохнатые болотные кочки. Было ясно, что их заметили.

Где-то глухо ударили минометы. С пронзительным визгом мины пролетали над головами и, не разрываясь, шлепались в болото. Гитлеровцы, бросая ракеты, выскочили было на край болота, но Стакопа автоматными очередями загнал их в кусты.

Обернувшись к товарищам, он крикнул:

- Уходите быстрей!

Немцы залегли и продолжали обстрел из пулеметов. Стакопа, не давая им подняться, хлестко бил короткими очередями.

Зина и Вася, непрерывно меняя направление и подталкивая пленного, вязли в болотной грязи, но упорно продвигались вперед.

Через несколько часов, измученных, продрогших, в замерзших валенках и одежде, их встретил конный разъезд и доставил в штаб полка.

Громов был ранен. Стакопа остался в болоте.

О прибытии группы немедленно было сообщено Доватору.

Когда Лев Михайлович приехал в дом Русаковой, Зина, укрывшись буркой, сидела на печи и пила чай. Глаза ее слипались.

- Где тут знаменитая разведчица? Дайте на нее посмотреть, - входя в избу, шутливо проговорил Доватор.

- Я здесь, товарищ генерал, отогреваюсь, - дрогнувшим голосом отозвалась Зина.

Воспоминание о Стакопе сдавило ей сердце. Она только сейчас почувствовала, как дорог ей этот славный парень.

- Так это вы? - словно не доверяя своим глазам, тихо спросил Лев Михайлович.

Сняв папаху, он присел на лавку около стола. Неторопливо расстегнул планшетку и, достав блокнот, что-то записал.

Зина заметила, как лицо генерала на секунду осветилось скрытой улыбкой и вновь стало задумчиво-строгим. Внезапно вскочив, Доватор быстрыми шагами подошел к печке и, ухватившись рукой за приступок, мягко сказал:

- Знаете, милая девушка, я никогда не удивлялся подвигам наших советских людей, а только радовался. Вот и сейчас я искренне радуюсь вашему смелому поступку. И благодарю вас от всего сердца. Вы даже сами не знаете, какой подвиг вы совершили.

- Да что вы, товарищ генерал. Разве я одна это сделала?.. Там остался командир отделения... Стакопа. Вы знаете?

- Мне все известно, - кивком головы остановил ее Доватор. - Не нужно рассказывать. Я говорил с Громовым... Молодцы! Немца допросил. Сведения, которые вы принесли, дадут нам возможность сохранить сотни жизней.

Взглянув на девушку, Лев Михайлович вдруг замолчал.

Зина сидела над остывшей чашкой чая, склонив голову, с закрытыми глазами.

- Вы очень устали? - негромко спросил Доватор.

Густые брови Льва Михайловича сошлись у переносицы.

Зина не слышала его вопроса. Невнятно что-то проговорив, она прислонила голову к печной трубе, улыбнулась, по-детски всхлипнула и заснула. Из упавшей набок чашки по черному ворсу бурки бежала струйка малинового чая.

Лев Михайлович осторожно взял чашку и поставил ее на стол. Он отлично понимал, что здесь дело не только в усталости. Он сам не спал уже третьи сутки. Однако для военного человека это было обычно. Здесь он видел другое: сильное душевное напряжение Зины сменилось неодолимой слабостью, похожей на

забытье.

В сопровождении адъютанта вошел генерал Атланов. Увидев Доватора, он громко сказал:

- Лев Михайлович, все готово! Осталось только перекусить.

- Тише, - Доватор предупреждающе махнул рукой и показал глазами на печь.

Зина, шевеля губами, спала, как ребенок.

- Все равно сейчас придется разбудить, - проговорил комдив. - Скоро начнется артподготовка, а пока надо покормить ее. Ведь ей придется вести людей на то место, где остался Стакопа. Может, он еще жив. Она отлично знает дорогу. Шевчуку поставлена задача - сбить заслон и прорваться в тыл. Там противник не ожидает удара.

- Пусть хоть десять минут поспит, - взглянув на часы, тихо проговорил Доватор.

- Да я, товарищ генерал, не сплю, - неожиданно раздался голос Зины.

Путаясь в неуклюжей широкополой бурке, она спрыгнула на пол и, повернувшись к Доватору, сказала:

- Я и не спала, так немножко только задремала. Извините меня... Очень озябла. Я все слышала.

- Вот и отлично, раз слышали! - сказал Доватор. - Вы только покажите дорогу. Я знаю, что вы устали, измучены, но понимаете, как это необходимо. Там человек... его надо выручить.

- Я все понимаю, товарищ генерал! - горячо проговорила Зина. - Это такой отважный парень!

Она неожиданно смолкла и посмотрела на генералов. Потом, превозмогая душевную боль, добавила:

- Я только сейчас поняла, как благородно он поступил.

- Да, он поступил как настоящий воин! - лицо Доватора стало суровым и задумчивым. - Ну что ж, на войне как на войне. А сейчас начнем новый день.

На улице брезжил рассвет, и в окна, чуть пламенея от далекой зари, входило новое утро.

ГЛАВА 2

Перед началом артиллерийской подготовки Доватор послал Шаповаленко за командиром батареи капитаном Мхеидзе. Одновременно он приказал зайти к офицерам связи и передать лейтенанту Поворотиеву, чтобы он срочно явился в штаб.

Филипп Афанасьевич теперь находился в личной охране Доватора, всюду его сопровождал, часто выполняя обязанности связного, посыльного и ординарца.

В комнате, где должен был находиться комбат, Шаповаленко застал только девушку и пожилую женщину - хозяйку дома.

Девушка в расстегнутом полушубке сидела за столом и аппетитно грызла армейский сухарь, запивая его молоком.

- Здесь находится капитан Михеидзев? - молодцевато придерживая рукой шашку, спросил Шаповаленко.

- Да, здесь. Но его сейчас нет. Он на наблюдательном пункте, скоро должен быть, - обернувшись, бойко ответила девушка, с любопытством рассматривая седоусого бородатого казака в крутоплечей бурке.

Взглянув на девушку, Филипп Афанасьевич широко открыл глаза. Перед ним сидела Феня Ястребова, он узнал ее по фотографии, которую бережно хранил вместе с письмами.

- Что это вы так смотрите на меня?

Феня смущенно отодвинула недопитый стакан молока.

- Да потому, что не доверяю своим очам. Чи это вы, чи в мои очи черт песку кинул!

- А откуда вы меня знаете?

- Ось, як знаю! - Филипп Афанасьевич поднял кверху большой палец. Да кто же вас не знает? Вся дивизия знает. Потому что вы прислали подарок и карточку. А достались они одному хлопчику... Ничего хлопчик, бравый... Он цю карточку всякому поперечному показывал. Он вам письма пишет. Фамилия ему Шаповаленко. Есть у нас такой ловкач...

- Правильно! А вы его знаете? - Феня вскочила со скамьи и шагнула к Шаповаленко. - Знаете?

- Да як же не знаю! - Филипп Афанасьевич широко развел руками. - Як же не знаю! Вместе живем. Цего дружка я добре знаю...

- А лейтенанта Поворотиева тоже знаете? У вас ведь одинаковый номер полевой почты.

- Поворотиев? - настороженно спросил Шаповаленко. - Он вам тоже пишет?

- Все время. Даже фотографию прислал. Очень славный парень. А Салазкина вы не знаете? Он тоже часто пишет.

- Ну, той, звестно, писарь. У него и должность писарская.

- А Шаповаленко чудной, наверное, да?

- Як это чудной? - опешил Филипп Афанасьевич.

- Да знаете... - Феня весело рассмеялась. - Очень забавные и странные письма присылал. В любви объяснился, предлагает приехать на фронт и пожениться. Правда, одно письмо прислал очень хорошее. За подарок поблагодарил, а второе такое глупое...

- Ну, це брехня... - возразил Филипп Афанасьевич, багровея.

Он уже начинал понимать, что во всем этом кроется чей-то подвох, но ему и в голову не приходило, что с ним могли сыграть такую злую шутку.

- Не может того быть! - заявил он категорически.

- Честное слово! - подтвердила Феня. - Я даже хотела отослать его обратно или направить командиру части. Пусть бы он такое письмо прочитал вслух его товарищам, чтоб посмеялись над ним хорошенько. А потом раздумала. Не хотелось обижать фронтовика... Я когда прочитала подружкам, так они чуть со смеху не умерли. Если бы вы знали, что он там написал!

- Да это же знаете, знаете... - Шаповаленко от возмущения даже не находил слов.

- Конечно, нехорошо писать такие письма, - согласилась Феня. - Вы, значит, хорошо знаете Шаповаленко? Так передайте ему это письмо. - Феня достала из кармана гимнастерки конверт и передала Шаповаленко.

Вошел капитан Мхеидзе. Передав ему записку Доватора, Филипп Афанасьевич смял в кулаке письмо Фени и выскочил из хаты точно ошпаренный.

Придя в штаб и быстро доложив генералу о выполнении приказания, он ушел на конюшню и, присев около своего Чалого на кормушку, достал из конверта смятое письмо. Разгладив его на коленке, он приступил к чтению.

С первых же строк по обороту речи, замысловатым выражениям и ловко подделанному почерку Филипп Афанасьевич понял, что письмо - дело рук писаря Салазкина. Письмо начиналось так:

"Разлюбезная моя лапочка, синеглазая лесная птичка Фенечка! Примите от меня мое фронтовое кохание, от чистого сердца и храбрейшей души, як мой конь Чалый принимает от меня торбу с ядреным овсом..."

Прочитав такое излияние, Шаповаленко крякнул и зажмурился. Если бы сейчас попался ему писарь Салазкин, то он, наверное, не только бы вывел его за воротник из палатки, как это сделал, будучи три дня на должности каптенармуса, но надавал бы еще по шее.

- В глотку тоби горсть сухой половы, бумажная твоя душа!..

"Дорогая моя пышечка, сибирочка. Ваши губки так же, наверное, сладки и вкусны, як сибирские пельмешечки, - закипая гневом, продолжал читать Филипп Афанасьевич. - Чует ли ваше серденько, як ожидает вашего на фронт приезду любезный вашим глазкам краснознаменный герой, гроза фашистов и всей ихней империи, а может, и более, - Филипп Шаповаленко? Як вы только приедете, он назовет вас своей охвициальной подругой жизни до спокон веков и второго происшествия аль открытия второго фронта.

Низко кланяюсь, целую вас. Ваш нареченный супруг

Ф и л я".

- Щоб тоби, писарий сын, який-нибудь бык покохал рогами в бок! Вот, Чалый, послухай... - Филипп Афанасьевич погладил коня по загривку, послухай, як поросячья душа, Салазкин, прописал нас вместе с тобою. Ну ж, подожди, халява проклятая, я же тоби пропишу пельмешки з перчиком! А писульку эту мы побережем. Пригодится...

Лейтенанта Поворотиева адъютант командира дивизии задержал на кухне.

- Подождите немного, завтракают, - сказал адъютант.

- Меня вызвал генерал Доватор. Может быть, доложите, что я прибыл, настойчиво проговорил Поворотиев.

Доватор услышал разговор, приоткрыл дверь и позвал лейтенанта в горницу. Там кроме генерала Атланова за столом сидели капитан Мхеидзе и Феня Ястребова.

Узнав девушку, Поворотиев резко остановился. Не замечая протянутой руки Доватора, он широко, по-детски улыбнулся.

- Здравствуйте! - наконец громко проговорил Лев Михайлович.

- Да, да, извините! Здравствуйте, товарищ генерал.

Чувствуя всю нелепость своей выходки, Поворотиев вспыхнул и замолчал.

- Вы не с похмелья ли, милейший?

Доватор легонько отвел руку лейтенанта от козырька и, не выпуская ее из своей, пытливо посмотрел растерянному лейтенанту прямо в глаза.

- Нет, в самом деле, Иосиф Александрович? - обернувшись к Атланову, спрашивал Лев Михайлович. - Может, он запивает?

- Не замечал...

И комдив, не удержавшись, громко рассмеялся.

- Но почему у него такая меланхолия? Я ему руку подаю, а он...

- На девушку засмотрелся, - лукаво объяснил Атланов.

- Здравствуйте, товарищ Поворотиев, - поднимаясь из-за стола, неожиданно проговорила Феня и, протянув руку, шагнула навстречу лейтенанту. - Вот мы и встретились!

Лицо Фени горело ярким румянцем. Она сразу поняла, в чем дело, и пошла на выручку лейтенанту.

- Вот оно что! - улыбаясь, протянул Доватор. - Когда же вы успели познакомиться?

- А мы, товарищ генерал, давно знакомы. Учились вместе, - быстро ответила Феня, решив маленькой неправдой сразу же покончить с неловким положением.

- Да, товарищ генерал, давно знакомы. Какая неожиданная

встреча... бормотал Поворотиев, пожимая руку девушки.

- Ну, так бы и сказали сразу, - перебил его Доватор. - А то стоит, улыбается... Ну что ж, добре. Не забывайте этих встреч. После войны припомните, будет еще радостнее, еще веселее... А сейчас...

Лев Михайлович оглядел ловко сидевшую на офицере кавалерийскую венгерку, тронул его за локоть и спросил:

- Знаки различия имеешь?

- Имею, товарищ генерал, полностью. Четыре на воротнике, четыре в НЗ.

- Это хорошо, что в запасе имеешь. Командующий войсками Западного фронта присвоил тебе звание старшего лейтенанта. Привинти еще два кубика. Да быстренько к полковнику Бойкову. С наблюдательного пункта будешь следить за атакой. В боевые порядки идти запрещаю. Сфотографируй момент атаки. Донесение со связным немедленно. Оно должно быть коротким, толковым и с выводами. Оттуда на высоту 147 к Абашкину. Вместе с эскадроном Шевчука прорвешься на соединение с Осиповым. Задача: немедленно эвакуировать всех раненых. Командир полка утомлен. Ему надо помочь. Когда будешь на месте, составишь донесение. Со связным пришлешь его сюда. После этого мы срочно направим машины. Ну, а сейчас, - посматривая на притихшую Феню, сказал Лев Михайлович, - позавтракай с нами и поговори с землячкой. Ты, наверное, знаешь, какие подарки она привезла. Ординарец у тебя есть?

- Нет, товарищ генерал. Был, да ранили.

Доватор задумался. Он знал, что сейчас каждый человек дорог. Людей не хватало.

- Ладно, возьмешь моего Шаповаленко.

"Шаповаленко!" - чуть не вырвалось у Фени, но она вовремя сдержалась.

Наблюдательный пункт Абашкина находился на высоте 147. Густое мелколесье осинника приглаживал резкий напористый ветер, а за отдаленной кромкой темного леса начинало ярко пламенеть восходящее солнце. Было холодно.

Абашкин стоял с начальником штаба под высокой густой елью, вздымавшейся над молодой порослью. Старший лейтенант Шевчук, слушавший распоряжение комиссара, отмечал на карте ориентиры и уточнял маршруты движения.

- Я, товарищ батальонный комиссар, не вижу на карте дома лесника, проговорил Шевчук, стуча карандашом по планшетке.

- Если бы он там был, то мы не давали бы тебе проводника, - ответил Абашкин. - Эта карта выпущена в тридцать девятом году, а дом, очевидно, построен позднее, поэтому и не угодил сюда.

- Откуда проводник? - спросил Шевчук.

- Женщина из соседнего колхоза, - ответил Почибут.

Заметив на лице командира эскадрона презрительную гримасу, начштаба усмехнулся.

- Мужчин нема, чи що? Затрусится баба, що з нею буду робыть?

- Не баба, а девушка. Смотри, влюбишься, - лукаво подмигнул Абашкин, с нетерпением поглядывая на часы.

- Не шуткуйте, товарищ комиссар. У меня же задача, а вы мне якусь дивчину... Коли вона злякается - в карман я ее запихну, чи що?

Резкий переход на чисто украинский язык служил признаком того, что Шевчук раздражен.

Незаметно подошедшая Зина, услышав последние слова, настороженно остановилась.

- Можешь быть спокоен. Не испугается, - возразил Абашкин и, увидев Зину, пошел ей навстречу. - Здравствуйте, товарищ Ковалева.

- Здравствуйте, товарищ комиссар.

Зина неловко пожала протянутую руку, искоса поглядывая на высокого в кавалерийской венгерке командира.

- Это вы будете Шевчук? - в упор спросила она.

- Вы не ошиблись. Именно так прозываюсь с детства, - ответил Кондрат, оглядев Зину с головы до ног. "Полушубок чистенький, сапожки новенькие. Форсишь, дивчина, хоть бы валенки надела, замерзнешь, як на бережку рыбка", - думал он, забыв о том, что только два дня тому назад сменил щегольские со шпорами сапоги на белые огромных размеров валенки.

Зина, заметив их и вспомнив предстоящий поход через болото, молча усмехнулась. Абашкин отозвал ее в сторону и примирительно сказал:

- Не обращайте внимания, что он так покосился на вас. Товарищ резковат, с женщинами ладить не умеет. Но командир опытный, а главное смелый. Только вы с ним поменьше спорьте.

- Ничего, товарищ комиссар, поладим. Разрешите двигаться?

- Ну что ж, пора.

Обернувшись к Шевчуку, Абашкин спросил!

- У вас все готово, товарищ старший лейтенант?

- Так точно, товарищ батальонный комиссар.

- Так вот... - заговорил строгим голосом Абашкин, - действовать быстро, напористо, но осторожно и умно. В остальном, как написано в приказе, понятно?

- Понятно, товарищ батальонный комиссар.

А в приказе было написано коротко: "Четвертому эскадрону

наступать в направлении на северо-запад. В 6.00 выйти болотом к дому лесника, сбить противника и в 9.00 сосредоточиться в районе отметки "147", установив связь с командиром полка".

- Дорогу знаете? - обращаясь к Зине, спросил Шевчук.

- Хорошо знаю, - ответила Зина резко. Ее начинал раздражать недоверчивый, полупрезрительный тон этого заносчивого верзилы. Хотелось наговорить дерзостей. "Как он смеет после такого похода не доверять мне!" - возмущенно думала Зина.

- Вот так и надо отвечать, - не оборачиваясь, заметил Шевчук.

О ночном подвиге он знал. Но то, что его совершила эта самая девушка, ему и в голову не приходило.

- Если я была на том месте час назад, то, наверное, помню его и найду, - все более раздражаясь, проговорила Зина.

- Вы были там час тому назад?

Шевчук остановился, круто повернувшись.

- А вы что, с неба упали? - резко ответила Зина, давая понять, что больше не хочет говорить на эту тему.

Еще до рассвета эскадроны Шевчука и Биктяшева сосредоточились на высоте 147. Эту заросшую густым кустарником высотку противник несколько раз пытался захватить и установить на ней пушки для обстрела Волоколамского шоссе, но был отбит. Теперь он полукольцом охватывал ее с двух сторон, намереваясь войти в стык между дивизиями Панфилова и Атланова, не подозревая, что в центре его наступающей группы к контратаке готовились эскадроны Шевчука и Биктяшева. Правее, в направлении Шитьково, должны были нанести удар батальон панфиловцев и полк Бойкова. В наступлении принял участие резервный полк Жмякина.

Всей операцией руководил генерал Атланов. Атака должна была начаться после залпа гвардейских реактивных минометов.

Весть о прибытии каких-то необыкновенных и страшных по своей силе пушек мгновенно облетела все подразделения. Политрук Рябинин, обходя расположившиеся вдоль лесной проселочной дороги взводные колонны, слышал самые разноречивые толки.

- Бьет эта самая штуковина без всякого грохота и шума, - говорил черночубый кубанец Мишка Сидоренко. - Ты сидишь и ничего, стало быть, не чуешь, вдруг на голову тоби чемодан, раз - и все растерзало... Ни кишочков, ни потрошочков...

- А ты откуда знаешь? - спросил кто-то с сомнением в голосе.

- От батарейцев слыхал. Им, браток, все известно. Народ ученый.

- Неправда. Мне рассказывали не так, - возразил пулеметчик Криворотько. - Сделана эта пушка, и даже не пушка, а прибор,

самым простым манером - вроде обыкновенной железной бороны "зигзаг" с ребрами. Кладется на эти ребра снаряд, похожий на гриб. Ну, конечно, само собой, все работается электричеством. Включается рубильник, и снаряд летит в воздух. В снаряде, стало быть, имеется стабилизатор и небольшой, с пропеллером, моторчик, который начинает работать и везет снаряд, куда положено. Прилетает этот гостинчик до определенного места, снижается, и трах - все вдребезги...

- Тю! От же брехня! - Мишка Сидоренко смачно сплюнул и отвернулся.

- Брехня не брехня, но почище будет твоего чемоданчика...

Рябинин улыбнулся и удовлетворенно заметил, что настроение у людей бодрое. Увидев политрука, бойцы притихли.

Начинало светать. По верхушкам деревьев пробежал ветерок и швырнул с веток на каски бойцов и за воротники полушубков рассыпчатые хлопья снега.

Привязанные кони, почуяв приближение утра, встряхивая седельными вьюками, беспокойно переступали с ноги на ногу. Рябинин присел около станкового пулемета.

- Долго еще ждать-то, товарищ политрук? - спросил Криворотько.

- Еще немного, - посмотрев на часы, ответил Рябинин.

- Разрешите, товарищ политрук, обратиться. Говорят, будто бы нам прислали какие-то необыкновенные пушки и разят они фашистов под чох. Правда это или нет? - приглушенно, давясь махорочным дымом, спросил Сидоренко.

- Так точно, товарищи, эти новейшие пушки здесь. Они будут поддерживать нашу атаку.

Политрук оторвал от газеты четвертушку бумаги, свернул цигарку и закурил.

- Что же это за пушки? Как они бьют? - продолжал расспрашивать Сидоренко.

- А вот сегодня увидим.

Рябинину самому не терпелось посмотреть на работу "катюши". Вдвоем с Шевчуком они пытались подойти к закрытым брезентом машинам, но часовой строго окликнул их и скомандовал "кругом". Сейчас Рябинин чувствовал некоторую неловкость перед бойцами, потому что не знал, как на самом деле действуют новые орудия.

- Пушки эти строжайше засекречены, - сказал он внушительно, - и гитлеровцы скоро узнают их силу...

Но договорить он не успел. Предутреннее лесное затишье разорвал страшной силы гром. Над лесом с тихим шелестом пронеслись ослепительные молнии. Стоявшие под деревьями

кони, точно от непомерной тяжести, склонили головы, а некоторые присели на колени; даже назойливый ветер, словно чему-то удивившись, перестал качать верхушки деревьев.

Бойцы, ничего не понимая, оторопело смотрели друг на друга.

- Это что же такое, братки, делается? - зябко пожимая плечами, спросил Сидоренко.

- Новые пушки бьют... без шуму и буму... как ты рассказывал, приподнимаясь, ответил Рябинин и, отряхнув с полушубка снег, с радостным возбуждением добавил: - Приготовиться к движению!

Два оглушительных залпа резкими толчками встряхнули землю, и ослепительные молнии снова пронеслись над лесом. Казалось, что и земля и небо разрываются на части.

Прилегший было отдохнуть Осипов подскочил и, крякнув, бросился к телефону. Он долго не мог вызвать командный пункт батареи Ченцова. Дежуривший на командном пункте сержант Алексеев почувствовал, как ползет земля и трещит накат. Он едва извлек телефонный аппарат, как блиндаж обвалился. Снаряды рвались в трехстах метрах от блиндажа.

- Ченцов, - кричал Осипов в трубку, - Ченцов!

Но телефон молчал. Схватив другую трубку, Антон Петрович быстро соединился с эскадроном Рогозина. Там никто не спал.

- Вы слышите? - хрипло кричал Осипов Рогозину. - Чуете?

- Слышим, товарищ подполковник, - отвечал Рогозин. - Что это? Землетрясение? Ничего не понимаем! Немцы галдеж подняли, как будто у них под ногами вулкан извергается.

- Это Родина поздравляет нас с добрым утром. Будь, милый, наготове: скоро начнем. Почему молчит ваша батарея? Пошли людей узнать, в чем там дело.

Антон Петрович, положив трубку и потирая озябшие руки, крикнул адъютанту, приказав разбудить лейтенанта Головятенко.

Осипов бодрствовал, и усталое сердце его вновь забилось облегченно и радостно. Весь он загорелся той необыкновенной решимостью и отвагой, которые творят чудеса.

Наступило утро новой битвы.

ГЛАВА 3

Анализируя после допроса пленного создавшуюся обстановку, Доватор понял, что гитлеровское командование сейчас поставлено в критическое положение. Передвигаться на узком участке прорыва, имея у себя в тылу активно действующие эскадроны Осипова, для противника было опасно. Действующая против кавалерийских полков генерала Атланова дивизия полковника Готцендорфа понесла значительные потери и имела слабо обеспеченные фланги и тыл. Ее левому флангу угрожали

части генерала Панфилова, на правом устойчиво оборонялась кавалерийская дивизия генерала Медникова.

Пленный немецкий офицер показал, что его командование вынуждено срочно изменить весь оперативно-тактический план. Корпус генерала Гютнера имеет задачу развернуть активные действия на флангах дивизии Готцендорфа против дивизии Панфилова и Медникова. Туда сейчас подтягиваются свежие резервы. Для обеспечения генерального наступления немецкое командование намерено закрепиться на Язвищенских высотах и захватить господствующее положение над Волоколамской магистралью. Для того чтобы сорвать этот замысел немцев, Доватор предложил штабу армии свой план.

По этому плану в момент наступления его полков одна из резервных танковых бригад должна произвести демонстративный маневр в районе расположения тылов корпуса и тем самым заставить гитлеровцев начать новую перегруппировку. Командование приняло план Доватора.

В начале ноября наши танки, парадно пройдя по Волоколамскому шоссе, сосредоточились в районе Гряды - Чисмено... Днем их засек немецкий самолет-разведчик и сфотографировал, а ночью они ушли. К тому времени немцы начали срочную перегруппировку и приостановили атаки. Все имеющиеся в резерве подвижные группы стянули в направлении Шитьково - Морозово.

Нанося частые, одновременно в разных местах, контрудары, Доватор вводил немецкое командование в заблуждение, вынуждая гитлеровцев делать ненужные передвижения, сковывал крупные силы, давая возможность своему командованию скапливать армейские резервы.

Упорное сопротивление Красной Армии под Москвой вызвало в среде германского командования серьезные колебания и разногласия. Несмотря на громогласное заявление Гитлера о скором взятии Москвы, влияние сторонников "молниеносной войны" падало. Но гитлеровцы еще верили, что с падением Москвы они получат удобные зимние квартиры, отдохнут, пограбят, попьянствуют, как в Париже, а там, глядишь, и война кончится.

Для успешного завершения начавшейся два дня тому назад операции на командный пункт немецкой дивизии, осуществившей прорыв в районе Петропавловское, прибыли начальник штаба Штрумфа генерал Эрнст Рихарт и командир пехотного корпуса генерал Гютнер.

- Если мы до сего времени не овладели высотой 147, то захват ее в дальнейшем будет еще более затруднительным, -

слушая доклад командира дивизии, проговорил Рихарт.

Высокий, длиннолицый, гладко выбритый полковник Готцендорф утвердительно кивнул головой и, взглянув своими кабаньими глазами на молчавшего генерала Гютнера, продолжал:

- Части моей дивизии в данный момент занимаются ликвидацией окруженной в лесу группировки красных. Сплошной лес и заболоченная местность не позволяют развернуться и активно действовать танковым подразделениям. Пользуясь преимуществом маскировки, противник упорно сопротивляется. Нужна основательная обработка с воздуха...

- Бомбардировка огромного лесного массива не всегда дает положительные результаты, - сухо заметил Гютнер. Он был недоволен ходом всей операции и нервничал.

Дивизия Гютнера при поддержке танков вначале имела успех, но дальнейшее продвижение затормозилось. Окруженные эскадроны сильными контратаками нанесли дивизии значительные потери и срывали весь ход планомерно задуманной операции. Выдвинувшемуся к Волоколамскому шоссе клину угрожала фланговая контратака дивизии Панфилова. Вводить в бой резервы корпусный командир не решался, имея в виду, что со стороны Красной Армии может последовать мощный оборонительный контрудар. Но генерал Рихарт не соглашался с его доводами.

- Это не может изменить положения, - возразил он. - Русские не замышляют большого контрнаступления в настоящий момент. Или, лучше сказать, они к нему сейчас недостаточно подготовлены. Имея в наличии такие подвижные части, как танки и кавалерия, отлично зная природные условия подмосковных лесных массивов, они обладают способностью быстрого маневра. Поэтому могут успешно отражать все наши частичные атаки. У меня создается впечатление, что мы совершаем крупную стратегическую ошибку. Мы позволяем русской армии залечивать раны и даем возможность перегруппироваться. Сейчас необходимо лишить русских этой возможности, то есть быстро нанести удар на более широком фронте, например от Орла до Волоколамска.

Большой военный опыт научил генерала Рихарта угадывать создавшуюся обстановку не только по оперативным и разведывательным сводкам, но и по внешним признакам хода военных действий. Чем дальше фашистские армии продвигались в глубь России, тем отчетливей генерал Рихарт понимал и чувствовал непрочность тыла на оккупированных территориях. Непрерывно растущее партизанское движение создавало неумолимо страшную угрозу коммуникационным линиям на

протяжении тысяч километров.

Партизаны, а также попавшие в окружение бойцы и командиры не только истребляли гитлеровцев тысячами, но и срывали их важнейшие экономические и стратегические мероприятия. Партизаны уничтожали продовольственные базы, разрушали железнодорожные магистрали, отвлекали на себя огромную массу войск, более всего необходимых на растянутом фронте. Вот и сейчас небольшая группа окруженных в лесу кавалеристов сорвала важнейшую, хитро задуманную операцию, осуществление которой ставило под удар весь центр русской армии. Провал этой операции поставил начальника штаба в затруднительное положение. Он вызвал неоправданные потери и сводил на нет все достигнутые на этом участке успехи.

Но генерал Рихарт в трудный момент не боялся размышлять даже вслух... Он продиктовал категорический приказ: Петропавловское и Морозово во что бы то ни стало удержать, высоту 147 немедленно атаковать, подкрепив дивизию Готцендорфа резервными батальонами с сорока танками, а окруженную в лесу кавалерийскую часть непрерывно обстреливать и бомбардировать с воздуха, лишив ее возможности каких бы то ни было активных действий.

Подписав приказание, генерал Рихарт выехал на рекогносцировку местности в районе расположения наблюдательного пункта дивизии Готцендорфа. Через час он уже видел, как небольшой лесной массив юго-западнее Морозова стал наполняться колоннами солдат. Батальоны сосредоточивались на исходном положении.

Разведчики старшего лейтенанта Кушнарева Захар Торба и Павлюк, забравшись на елку, наблюдали, как в лес вместе с войсками, скрежеща гусеницами, втягивались перекрашенные в бледно-серый цвет тупорылые громады танков. Пересчитывая их, Захар аккуратно записывал данные в блокнот и продолжал смотреть в бинокль.

В редком сосновом лесу между деревьями вспыхивали костры. Вокруг них в желтых маскировочных халатах, ежась от холода, подпрыгивали немецкие автоматчики, крича и размахивая руками. Вдоль опушки леса толстоногие куцехвостые битюги тащили орудия и высокие фуры с боеприпасами. Урча моторами и подпрыгивая на кочках, артиллеристов обгоняли мотоциклисты.

Вдруг странные, ярко вспыхнувшие молнии ослепили Захара. Завывающий, непомерной силы вихрь придавил его к стволу дерева и едва не сбросил на землю. На мгновение он ощутил странную пляску ствола, словно под его корнями заработал

мощный мотор. Огромная старая ель, на которой сидели разведчики, дрожала, как в лихорадке. Каска тяжело давила на виски, и казалось, вот-вот расплющит голову. Захар приоткрыл глаза. Павлюк, оседлав толстый сук, держался за ствол и глядел на Торбу широко открытыми, ничего не понимающими глазами. Он хотел что-то сказать, но не успел... Сумасшедшие вихри и грохочущие молнии летели через короткие промежутки. Теперь они проходили дальше, стороной.

Когда Захар немного опомнился и, приподняв со лба каску, посмотрел в район скопления немецких батальонов, он увидел, что там клокотал сплошной огненный водоворот. Разрывы, точно ураганы, поднимали на воздух разбитые в щепы деревья. Темные каскады земли взвивались выше леса. Над вздыбленными танками поднимались ворохи черного дыма. Ошеломленные гитлеровцы в ужасе, в паническом исступлении падали навзничь и зарывались в потемневший от копоти снег.

- Что это значит? - стоя на наблюдательном пункте, спросил генерал Рихарт у полковника Готцендорфа.

Побледневший седой полковник, отвернув теплый воротник бекеши, только пожал плечами.

- Что это значит? - дергая Захара Торбу за ногу, спросил Павлюк.

- А это значит... - с волнением подбирая слова, отвечал Захар, - это значит - обыкновенное явление, русские пушки. Коллективно работают... Штук тыща, а может, и поболее.

- Добре сработали, - тихо отозвался Павлюк, - у меня даже каска набок съехала.

- У тебя набок съехала, а у гитлеровцев они слетели вместе с головами.

В блиндаже подполковника Осипова радист Савва Голенищев, склонившись над передатчиком, передавал радиограмму:

- "Координат 46/90 отлично. Полное истребление батальона пехоты противника. Координат 48/96 движение запад. Прошу несколько залпов. Координат 44/88 мое сосредоточение, иду охват Петропавловское. Меняю командный пункт. Передачу временно прекращаю".

- Нет еще, товарищ подполковник, не все, - повернув голову к Осипову, проговорил Савва. - У аппарата генерал Доватор, он спрашивает: где будем завтракать?

- Где будем завтракать? - На лице Антона Петровича теплилась радостная и веселая улыбка. - Передай генералу, что завтракать будем в Петропавловском.

- Генерал спрашивает, а где будем обедать? - передавал Голенищев.

- Если генерал хочет, - отвечал Осипов, - можно пообедать в Немирове или Козлове.

- Генерал согласен пообедать в Козлове и спрашивает, что будет на закуску.

Савва, лукаво подмигнув Осипову, напряженно ждал.

- Передай, что на закуску обещаю Шитьково. А если будет тот же повар, который утром заварил всю эту кашу, то ужинать будем еще дальше.

ГЛАВА 4

Ординарец старшего лейтенанта Виктора Поворотиева вывел из калитки коня и подвел к крыльцу. Виктор стоял на нижней ступеньке и обматывал шею серым с голубыми клетками башлыком. Феня внимательно следила за всеми его движениями.

- Обождите, дайте я!

Стянув с рук беличьи рукавички, она зажала их под подбородком и, расправив концы башлыка, аккуратно завязала их на шее Виктора. Виктор всем существом своим чувствовал ее дыхание и теплоту пальцев.

Затянув концы башлыка, она отпустила их и несколько раз повторила одно и то же движение. Оба они молчат. Феня, прищурив глаза, размышляет, какой бы еще придумать узелок и завязать его пооригинальнее.

Виктору становится жарко. Он чувствует блуждающий в крови огонек, который зажгла два месяца тому назад эта известная ему только по фотографии девушка. Теперь она стоит рядом и с нежной заботливостью неторопливо поправляет концы его башлыка.

- Так лучше и красивее, - говорит она, любуясь на свою работу.

- Да, да, так лучше... благодарю... - соглашается Виктор, не видя и не зная, как там заправлено.

- Так это ваш конь? Ты всегда на нем ездишь?

Виктор смотрит на нее и прислушивается, правильно ли он расслышал это простое, ласковое и сближающее "ты".

- Да. Это мой конь. Его зовут Лысянкой, потому что, видите, у него весь лоб белый.

Конь нетерпеливо переступает ногами. Его рыжую шерсть взъерошил мороз. Ординарец выезжает уже верхом.

- Мне пора, - коротко замечает Виктор. - Мы еще увидимся?

- Да, конечно... - задумчиво отвечает Феня. - Впрочем, не знаю, мы ведь на одном месте никогда не стоим..

- Ну что ж, до свидания. - Виктор, откинув полу бурки, протягивает руку. Он хотел еще что-то сказать, но не сказал, а только с улыбкой пошевелил губами. От кухлянки Фени пахнет

чем-то домашним, милым, забытым теплом и уютом.

- Там очень страшно, куда ты едешь? - спросила она тихо.

- Немного страшней, чем здесь. Но теперь мне будет не страшно, говорит он, пожимая ее мягкую, горячую руку.

Торопливо разобрав поводья, Виктор вскочил в седло. Отъехав немного, он снова вернулся. Успокаивая коня, сказал:

- Мне не страшно, потому что я вижу тебя. Только не забывай, пиши. Если бы ты знала, что это такое... что такое получать на фронте письма!

- Я знаю, Виктор... - Феня с трудом перевела дыхание. Брови ее дрогнули.

Виктор, отпустив поводья, дал коню волю. Рыжий дончак, разбрасывая ошметки снега, помчал его вдоль проулка.

Уже светлело утро. Подходил холодный ноябрьский день. Скоро за краем леса ослепительно брызнет солнце и зажжет снег серебряными искрами.

Феня не подозревала, как мучительна может быть короткая радость встречи...

Удары "катюш" застали Поворотиева на проселочной дороге. Что-то ахнуло ошеломительно, гулко, буйно и пошло гудеть, перекатываться по лесу. Лес трещал, словно от налетевшего урагана. Конь начал спотыкаться и клонить голову к земле.

Когда Поворотиев прибыл в полк Бойкова, спешенные кавалеристы, подтянув подбородники касок, напряженно ожидали сигнала атаки. Над головами бойцов густо поблескивали привинченные к самозарядным винтовкам ножи штыков. По лесу шумно передвигались резервные эскадроны конницы, приданные Бойкову на случай конной атаки. Полковник, сбросив бурку, задирая разгоряченному коню голову, мчался от эскадрона к эскадрону. Штабные командиры едва успевали записывать его распоряжения.

"Батарею передвинуть на высоту 112, - диктует Бойков усатому, остроскулому, в мохнатой папахе капитану. - Как только очистим Морозово, немедленно туда старшин с кухнями и водкой. Автомашины для раненых на просеку. Вывозить в санэскадрон в Покровское. Командирам эскадронов повторное, требовательное напутствие: передвигаться как можно быстрее, короткими бросками, не задерживаться долго".

Полковник вскидывает большие черные глаза и смотрит в упор на собеседника. Белки его глаз от напряжения и бессонницы покраснели, а в самых зрачках упорная, твердая решимость. Она подхлестывается перекатным гулом гвардейских минометов, возбужденными голосами людей, готовых по первому сигналу ринуться в бой.

Неожиданно артиллерийский гул замирает. Сознание давит непривычная тишина, напряженная, налитая суровой угрозой.

- Ракету! - коротко бросает Бойков усатому капитану.

В воздухе с треском лопаются сигнальные ракеты. Над лесом взвиваются ярко-красные вспышки, и хриплый протяжный голос рвет напряженную тишину:

- Первый эскадрон! Вперед!

- Второй эскадрон!..

Старший лейтенант Поворотиев стоит на наблюдательном пункте рядом с полковником Бойковым и, не отрываясь, смотрит в бинокль.

По полю с громким криком "ура" густо растекаются цепи наступающих. Темные на снегу фигуры бойцов скатываются с бугорка в низкорослые изодранные снарядами кусты ольшаника к небольшой речушке. За нею на изволоке виднеется немецкая оборона.

Лихорадочно-торопливые пулеметные очереди то вспыхивают, то замолкают, то вновь разгораются с бешеной силой. Справа от атакующих эскадронов, из леса, в белых маскировочных халатах, волна за волной появляется панфиловская пехота.

- Панфиловцы пошли! - громко выкрикивает Бойков.

Он стоит в расстегнутом полушубке, с раскрасневшимся лицом и наблюдает в бинокль.

- Хорошо идут, хорошо!

В окулярах бинокля мелькают серые группки немецких солдат. Они поспешно отходят к зеленеющим на пригорке елям.

Полковник, оторвав от глаз бинокль, круто повернувшись к усатому капитану, приказывает:

- Эскадронам приготовиться к атаке!

Сунув бинокль в футляр, Бойков сбрасывает с плеч полушубок. Полевые ремни ловко обтягивают его крупную, в темно-зеленой телогрейке фигуру. Придерживая рукой шашку, он сходит с наблюдательного пункта и направляется к своему коню.

Офицер связи старший лейтенант Поворотиев, опустившись на колено, пишет генералу Доватору немногословное донесение...

Артподготовка все еще продолжается.

Над болотом белесая мгла. В удушливых облаках тумана едва заметно чернеет редкий искривленный сосняк. Шевчук и Рябинин вышли вперед обследовать местность. Зина привела эскадрон Шевчука на то место, откуда они вышли ночью. В глубоких следах разворошенного снега и земли уже стекленел молодой ледок. От болота веяло мертвой тишиной и затхлостью.

Шевчук попробовал встать валенком на мшистую кочку и тут

же провалился по колено в воду.

- Тю-ю!

Кондрат, сплюнув, отошел в сторону и, присев на пень, начал перематывать портянку. Скосив глаза на добротные сапоги Зины, он кивнул головой и улыбнулся. Поманив к себе старшину, отдал какое-то приказание.

- Пока туман не разошелся, надо войти в болото и отыскать Стакопу. Может, он ранен... - говорила Зина Рябинину.

- Да, надо торопиться, - согласился Рябинин, всматриваясь в туманную муть.

Подошел Шевчук и, посасывая трубку, вынул из полевой сумки карту.

- Ну, как думаешь, Кондрат Харитонович? - спросил Рябинин.

- Пока никак... - уклончиво пожал плечами Шевчук.

Решение у него созрело еще дорогой, но он, глядя на карту, продолжал что-то обдумывать. Зину возмущала эта медлительность.

- Быстрей нужно. Там же человек... - проговорила она отрывисто.

- Там один человек, а у меня сто. Вы не волнуйтеся, барышня. Все будет в порядке, - ответил Шевчук, сипя потухшей трубкой.

- Имеет сто человек и медлит. Мы, трое... - не унималась Зина.

На ее реплику эскадронный не обратил ни малейшего внимания.

- По-моему, надо разбить эскадрон на несколько групп, - предложил Рябинин.

- Совершенно верно. Я тоже так думаю, - подтвердил Шевчук. - Малую группу направим по этому следу. Три группы по десять человек пойдут вот здесь, - командир эскадрона показал на нарисованные красным карандашом стрелки. - Большая группа с пулеметами останется здесь для прикрытия, а зараз можно отдохнуть и перекусить.

Шевчук полез в карман за кисетом и начал спокойно набивать трубку.

- Да когда же мы пойдем? - с сердцем спросила Зина.

Ей казалось, что командир эскадрона нарочно тянет, чтобы вывести ее из терпения.

- Еще успеем... - нехотя отозвался Шевчук и, обернувшись к Рябинину, продолжал: - Тебе, Костя, придется остаться с пулеметами. Я пойду с первой группой.

- Зачем тебе идти с первой группой, можно послать командира взвода, возразил Рябинин.

- Мне надо быть там самому, чтобы побыстрей ликвидировать

этот домишко. Когда я это сделаю, дам сигнальную ракету. Ты поднимешь вторую группу и двинешься.

- А если у тебя не выйдет?

- Должно выйти. Они здесь не ждут нападения. Они полагают, что в болото никакой дурак не полезет.

- Полезли ночью, да еще пленного провели, - заметила Зина.

- Це, барышня, другое дило. Когда из тыла идут, согласны в игольное ушко лезть - немцы это знают.

Не дожидаясь окончания артподготовки, Шевчук, выделив группу, двинул их к дому лесника в четырех направлениях; одну из них он возглавил сам.

Зина только теперь поняла, как умно и осторожно действовал Шевчук. Пока он обдумывал решение, бойцы связали из ржаных снопов маты. Когда вошли в болото, их клали на топкое место и бесшумно переползали по ним.

Посреди болота нашли убитого Стакопу; неподалеку лежала застреленная немецкая собака. Зина видела, как Шевчук, приблизившись к Стакопе, закрыл его лицо вязаным подшлемником и, не оглядываясь, пополз дальше.

Первым достигнув края болота, он залег в кустах. Артиллерийская подготовка закончилась. Немецкий часовой, настороженно прислушиваясь к грохоту пулеметной стрельбы, медленно ходил вдоль стены. Здесь находилась специальная немецкая застава, охранявшая проложенный через заболоченную речушку мост в направлении Данилково, через который немецкое командование переправляло войска на Морозово.

Выстрелом из автомата Шевчук сбил часового и поднял тревогу. Находившиеся в избе немцы стали выбегать во двор, но тут же были перебиты.

Быстро переправив через болото весь эскадрон, Шевчук овладел мостом и сжег его. Немцы, теснимые полком Бойкова и панфиловцами, были прижаты к речке и почти полностью уничтожены. Южнее Морозова и северо-западнее Петропавловского "катюши" накрыли до трех батальонов вражеской пехоты.

Полк Осипова контратаками с тыла наносил гитлеровцам сильные удары.

Фашисты оставили на поле боя сотни убитых. К исходу дня положение на всем участке было восстановлено.

Бой кончился. Эскадрон Шевчука занял оборону по западной окраине села Петропавловского. Тут же батарейцы Ченцова расположили свои пушки. Криворотько, очистив старый окоп, установив свой пулемет, принимал гостей. По старой дружбе пришли Буслов и Павлюк. Явился и Савва Голенищев, тянувший

на артиллерийские позиции связь.

- Будущей гвардии километровый привет! - влезая в просторный, застеленный соломой окоп, проговорил Голенищев.

- Здорово, герой! - крикнул Буслов, освобождая место рядом с собой.

- Да какой же я герой!

- А кто бронетранспортер захватил?

- Пропади она пропадом, эта чертова коробка! - Савва презрительно сплюнул. - Из-за нее чуть на тот свет не зашифровали. Пришлось бы родичам на мою физиономию черную каемку наводить. А все за глупость мою. Если батьке рассказать, он, наверное, меня выстегал бы.

- Что так? - хохоча, спрашивал Криворотько.

- Да, понимаешь, уселся я в этот дурацкий вездеход, завладел этой машиной, думал, буду на ней телефонные катушки возить. Штука весьма удобная. А тут немцы - раз, и причесали. Если бы не разведчики вот с моим землячком... - Савва толкнул Буслова локтем в бок. - Если бы не землячок, быть бы мне на стенке в черной окоемочке... Слушайте, землячки, а из какого это вы грохала фашиста колошматили?

- Да, да, в самом деле? - поддержал Буслов. - Летит какая-то огненная туча.

- Да не туча, - возбужденно продолжал Голенищев. - Мне показалось, будто черти всю адскую механику наизнанку вывернули. Пошел чинить повреждение, ка-ак загугулили!.. Я носом в землю. Головы не чую. Снесло, думаю, вместе с каской, шут дери...

- Слушайте, землячки, дружка моего Васю Громова не встречали?

- Встречали. Ранен Громов, - ответил Сидоренко.

- А Захар Торба? - спросил Криворотько.

- Захар жив. Чего ему делается! Десятка три гитлеровцев ухлопал.

- А Михаил Хлыстунов? А Стакопа?

- Убили Мишу сегодня, а Стакопу вчера...

На минуту как будто солнце нырнуло за тучу. На лица бойцов легла хмурая тень. Это было короткое, но великое молчание, полное печали и гнева.

- Сухарика, хлопчики, нет ли у кого? - спросил Голенищев. - У меня есть бутылочка. Поминки справили бы.

- Нет ничего, - ответил Криворотько. - Я свой НЗ на патроны променял. Сухари выйдут, можно обойтись, а вот если патроны кончатся...

Вдруг кто-то, быстрый и ловкий, прыгнул в окоп, накрыв

Буслова и Голенищева полами бурки.

- Вот леший! - ворчливо крикнул Савва. - Что мы тебе, цыплаки, что ли?

- Не цыплаки, а орлы!

Голенищев поднял голову - и ахнул: в окопе стоял Доватор.

- Смирно! - исступленно гаркнул Голенищев, вскакивая.

- Вольно, вольно! - усаживая его на место, проговорил Лев Михайлович. - Ну, где твоя бутылка? Давай чокнемся!

- На узле связи, товарищ генерал. Я мигом...

- Когда привезли? Порционная? - спросил Доватор.

- Никак нет. Трофейная, - смущенно ответил Савва.

- Трофейную гадость не пью и тебе не советую. Ну как, ребята, значит, кухни нет и горилки нет? Плохо дело! Дрались вы отлично, а вот старшины вас голодом морят. Это никуда не годится. Ну да ничего, мы это дело поправим. Председатель колхоза Никита Дмитриевич Фролов жертвует нам корову. Закатим пир! А сейчас вот что, орлы: окопы надо превратить в надежные укрытия. Побольше навалить бревен, углубить ходы сообщений. Сегодня мы прогнали фашистов, завтра они снова полезут, надо их по-настоящему встретить. Знаете кавалерийскую поговорку: пока не кончилось сражение, коней не расседлывают...

- Скажу я вам, землячки, от чистого сердца, - промолвил после ухода Доватора Савва, - генерал у нас свойский.

- А ты что думал? - сказал Буслов, поднимаясь с земли. - Будем, хлопцы, крепкую оборону строить.

Через несколько минут застучали топоры, зазвенели пилы, на снег полетела белая смолистая щепа.

Заняв Петропавловское, подполковник Осипов остановился в доме Никиты Дмитриевича Фролова. Вскоре туда приехали Доватор и Абашкин. Увидев шагнувшего через порог Доватора, Антон Петрович, соскочив с кровати, пошел ему навстречу.

- Здоров? - с неожиданной мягкостью в голосе спросил Лев Михайлович.

На почерневшем, изнуренном лице Антона Петровича засияла радостная улыбка.

- Вполне здоров, товарищ генерал, - ответил он негромко.

- Это хорошо, Антон, хорошо, что дело сделал и себя сберег. Знаете, что мне сейчас хочется, товарищи? - обратился Доватор ко всем находившимся в горнице. - Сказать вам, что вы молодцы и отличные командиры. Нет, мало. Вы не только командиры, а настоящие люди. Мне хочется сегодня вас чем-нибудь особенным порадовать. Вы знаете, что нам приказано быть на московском параде? Радует вас это?

- Лев Михайлович, - тихо, с дрожью в голосе проговорил

Осипов, неужели правда?

- Точно. А ты рад?

- Как же иначе...

- Ну, раз так, готовьте сводный эскадрон.

Доватор взглянул на Абашкина и с усмешкой сказал:

- А ты, комиссар, не забудь проследить, чтобы командир полка надел на парад сапоги, а то и в Москву ускачет в одних носках.

- Простите, товарищ генерал! Честное слово, опомниться не могу.

- Нет, голубчик, это непростительно! Внеочередной наряд за плохую встречу генерала я тебе все-таки влеплю.

- Очень уж строго, Лев Михайлович, - заметил Абашкин.

- Подумаешь, защитник нашелся! Все равно наряд получит.

- Заслужил, товарищ генерал, - надевая серые армейские пимы, согласился Осипов.

- Конечно, заслужил! На параде будешь командовать сводным кавалерийским полком.

- Принимаю, Лев Михайлович. Дисциплина прежде всего. Благодарю за доверие! - молодея от вспыхнувшей радости, сказал Антон Петрович.

- Ну, а теперь... - Доватор прошелся до двери, открыл ее и, посмотрев в другую комнату, спросил у Абашкина: - Старшины еще не пришли?

- Скоро должны быть, товарищ генерал. Я приказание отдал.

- Добре! А теперь... будем браниться. Вы уж на самом деле не подумайте, что вы идеальные начальники и у вас нет никаких недостатков! Прежде всего остановлюсь на промахах. У бойцов отсутствует постоянный неприкосновенный запас продуктов питания и конского фуража. В результате эскадроны, оторвавшись от хозчасти, в первый же день остались без пищи. А командир полка тотчас же потерял связь со штабом дивизии, так как телефонную линию немцы перерезали, а рацию полковник Осипов захватить не удосужился. Правильно?

- Правильно. Моя ошибка, - покусывая губы, согласился Антон Петрович.

- С минометами все было в порядке, а взрыватели для мин остались... в штабе... Просеку, идущую от деревни Шишково, отлично заминировали, а противника прозевали и дали ему возможность сделать в ней проход. Значит, охранительная разведка никуда не годилась.

Доватор взволнованно прошелся по горнице.

- Оборону по всей полосе строили спустя рукава, - продолжал он. - Без накатов и укрытий. Разве это не беспечность? Жалеть

труд людей и не понимать, что этим вы их губите, несете неоправданные потери. Противник готовится к атаке, перегруппировывается, мы ведем разведку, и тем не менее он застает нас врасплох. Позор! Где инстинкт, где командирская прозорливость? Внушите себе раз навсегда, что командная должность обязывает контролировать не только личные приказы, но и свои собственные мысли. Выиграть бой - это задача трудная, но самая трудная битва не та, которую ты ведешь с врагом, а та, которую ты ведешь сам с собой. Именно в то время, когда добываешь и прикладываешь теорию к опыту, к практике. Иногда на войне сражение выигрывает и проигрывает случай - мелочной, незаметный факт, вроде скверно вычищенного оружия или плохо подкованного коня. Конь спотыкается, командир разбивает голову, и сражение летит к черту...

Доватор остановил острый, проницательный взгляд на Осипове.

- На войне нет мелочей, запомните это, подполковник! Вот ваши люди два дня вели тяжелый, изнурительный бой, а старшины до сего времени не могут подвезти горячей пищи. Как это называется?

Абашкин слушал и поражался осведомленности генерала, точно он неотлучно находился в полку и отмечал все до мельчайших подробностей.

С приходом старшин во главе с помощником командира полка капитаном Худяковым и начальником продфуражного снабжения лейтенантом Щурбой разговор прервался.

Вошла Пелагея Дмитриевна. Видя скопление гостей, она выдвинула было на середину горницы стол и накрыла его белоснежной скатертью, намереваясь угостить прибывших свежей говядиной. Так, по крайней мере, понял это приготовление старшина батареи Алтухов, губастый, широкоплечий парень с крохотными хитрыми глазками, успевший шепнуть об этом старшине четвертого эскадрона великану Старченко. А ему об этом намекнул Никита Дмитриевич Фролов, председатель колхоза, приготовивший для бойцов целую корову.

- Садитесь за стол, - коротко приказал Доватор.

Старшины, помявшись, гремя шашками и стуча сапогами, стали усаживаться.

- А вы, хозяйственное начальство, почему стоите? - кивнул Лев Михайлович Худякову. - Занимайте места.

- Да непривычно как-то, товарищ генерал. Всегда нам приходится угощать, а тут... - попробовал пошутить тучный Щурба. Он был навеселе и потому был доволен собой.

- Сегодня я вас буду угощать, - предупреждающе заметил

Доватор и многозначительно добавил: - Так же, как вы угостили сегодня бойцов...

Худяков, свирепо шевельнув лохматыми бровями, искоса глянул на глупо улыбающегося Щурбу. В переводе это означало: "Спущу шкуру". Старшины настороженно притихли.

- У вас, лейтенант Щурба, что было сегодня на завтрак? остановившись, спросил Лев Михайлович.

- Готовили, товарищ генерал, мясные щи. Это, так сказать, на обед... А завтрак, понимаете, был ночью... А потом бой.

- Я вас спрашиваю, какой завтрак был у вас, лично у вас. У бойцов я знаю, что было на обед и на завтрак: немецкая шрапнель да вонючий порох. А вот чем закусывали вы, мне не известно. Доложите.

- Обыкновенно... ну, это самое, - растерянно пожимая плечами, пробормотал Щурба.

- Ну что "обыкновенно"? Консервы, колбаса, водка? Так?

- Примерно так, товарищ генерал.

- А вас, капитан, чем кормил повар? - круто поворачиваясь к Худякову, спросил Доватор.

- Да мы с ним вместе завтракали, - услужливо поспешил ответить Щурба.

Алтухов, наклонив голову, хмыкнул и, чтобы удержать смех, закусил зубами конец рукавицы. Абашкин незаметно погрозил ему.

- А ты что, Алтухов, хихикаешь? Вкусно позавтракал? Говори, только без вранья.

- Так точно, товарищ генерал, сало кушал... - вытянувшись, признался батареец.

- Хорошо, что хоть один правду сказал, - удовлетворенно заметил Доватор.

- Мы, товарищ генерал, решили приготовить на месте, - оправдываясь, сказал Худяков. - Вот корову забили.

- Корову пожертвовал председатель колхоза. Вы тут ни при чем. Вы на готовое приехали, - заметил Доватор. - Ну, а если бы нам пришлось наступать еще дальше, - запомните: мы скоро двинемся, погоним фашистов на запад, - тогда как вы нас будете кормить, товарищи хозяйственники?

- Больше не подкачаем, товарищ генерал... Мы... - Худяков приподнялся, хотел было что-то сказать, но Доватор перебил его на полуслове:

- Ладно! Там будет видно. А сейчас... Подполковник Осипов!

- Я вас слушаю, товарищ генерал. - Антон Петрович по выражению лица Доватора угадал, что он принял какое-то необычное решение.

- Для того чтобы наши снабженцы... - пряча в изломе губ улыбку, продолжал Доватор, - для того чтобы наши кормильцы научились отечески заботиться о людях, надо им помочь, дать возможность прочувствовать, что означает хороший походик, километров на тридцать, что представляет собой система немецкой обороны, как надо ценить людей, которые умеют схватывать вовремя толкового "языка".

Доватор несколько секунд помолчал.

- Надо вот этих молодцов, - Доватор кивнул-на старшин, - послать в разведку. Пусть срисуют нам расположение противника и кстати притащат "языка". А в качестве специалиста по "языкам" назначить за старшего начальника продфуражного снабжения лейтенанта Щурбу. Посылать каждую ночь до тех пор, пока не выполнят задания. Все! - решительно закончил Доватор.

- Я всегда готов, - грузно повернувшись на затрещавшем стуле, в полной растерянности пробормотал Щурба.

- Добудем "языка", товарищ генерал! Офицера притащим, - задетый за живое, заявил старшина батареи Алтухов.

Щурба, склонившись к Худякову, хорохорясь, доказывал, что может взять в плен даже самого немецкого генерала.

Осипов, глядя на воинственно настроенного начальника снабжения, сдержанно посмеивался.

Отпустив хозяйственников, Доватор уступил настойчивой просьбе Никиты Дмитриевича и остался ужинать. За стол сели было одни мужчины, но Лев Михайлович решительно запротестовал. Пришлось усадить всех женщин и даже Ефимку. Доватор посадил ее рядом с собой.

- Гордись, Ефимка, первый раз рядом с генералом сидишь, - добродушно посмеиваясь, говорил Никита Дмитриевич.

- Да я генерал-то молодой... - отшучивался Лев Михайлович.

- А что, молодой нешто не настоящий?

- Нет, настоящий, советский.

Никита Дмитриевич ухмыльнулся и, лукаво прищурив глаз, не без достоинства сказал:

- А ежели бы не советский, я б еще подумал садиться рядом-то...

Осипов, сидя напротив хозяина, поощрительно кивнул головой.

- А хорошо быть генералом, правда? - с искренней, детской восторженностью спросила Ефимка. Она весь вечер пыталась заговорить с генералом, но на нее шикала мать, а Доватором как-то сразу завладел отец.

- Правда, деточка. Генералом быть хорошо, но трудновато, милая, погладив Ефимку по голове, задумчиво проговорил

Доватор и, взглянув на Никиту Дмитриевича, спросил: - А если бы вас на самом деле пригласил немецкий генерал?

- Да он скорей меня на кол посадит, чем рядом с собой. Мне колхозницы рассказывали: были в соседней деревне два ихних генерала. Так прежде чем зайти в хату погреться, ребятишек на мороз выгнали. У колодцев часовых поставили. Боятся, чтоб колхозники отравы туда не кинули. Видно, имеют они понятие, как их встречают русские люди. Так-то, товарищ генерал! Вы меня извините, что я с вами по-простому разговариваю. От чистого сердца, как говорится...

- А я люблю, Никита Дмитриевич, простых, хороших людей.

- Это я вижу, Лев Михайлович. Да и дочь мне о вас много рассказывала. По-чудному так передавала: "Генерал, - говорит, - очень по характеру на тебя похож..."

- Что ж удивительного? Разве у нас с вами не может быть сходства?

- По душе это, пожалуй, верно. Мысли у нас одинаковые, потому что мы не о себе, а обо всей России думаем. В этом дочка моя права. Она людей нутром угадывает.

- Замечательная у вас дочь, Никита Дмитриевич. Но почему ее дома нет?

- Пошла раненых навестить да мужа проводить. На парад, что ли, собирается в Москву. А я, признаться, не стал об этом расспрашивать. Может, секрет...

- Никакого секрета нет. Седьмого ноября в Москве на Красной площади будет парад.

- А вот немцы тоже собирались устроить парад. Листовки бросали, да, видать, не вышло!

- И не выйдет никогда! - твердо сказал Доватор.

ГЛАВА 5

В штабе Доватора, расположенном в селе Деньково, жизнь кипела, как в муравейнике. Кавалеристы готовились к параду. Со всех сторон подскакивали ординарцы, посыльные, офицеры связи, снабженцы. У кузницы всхрапывали в станках подвешенные на подпругах кони. Ковали, выдергивая изо рта гвозди, с гаканьем вбивали их в копыта. Кони гулко били ногами, зло фыркали и повизгивали.

В особенности долго не давалась коваться Урса старшего лейтенанта Кушнарева, переименованная теперь в Ракету. Она взвивалась на дыбы, по-собачьи рыча, грызла стальные трензеля и, разбрызгивая пену, пыталась цапнуть зубами кузнеца. Смирилась Ракета только после ноздревой закрутки.

Пройдя весь курс кавалерийского обучения, эта степная красавица подчинилась только коноводу-киргизу Калибеку и хозяину. Косясь на посторонних умными фиолетовыми глазами, она предупреждающе хрипела и круто поворачивала словно выточенное бедро, намереваясь хлестнуть насмерть копытом. Однажды Петя Кочетков, залюбовавшись Ракетой, подошел к коновязи и решил погладить красивую лошадь. Кобылица, изогнув тонкую шею, настороженно фыркнула, но Петя не обратил на это внимания. Ухаживая за своим смирненьким монголом, он лазил ему под брюхо, чистил щеткой. Да и другие кони относились к нему ласково. Петя подошел сзади и смело протянул руку. Дневальный от ужаса потерял дар речи. Но тут произошло нечто поразительное. Ракета, повернув голову, легонько отшвырнула мальчика задней ногой на середину прохода и, сунув морду в кормушку, спокойно продолжала жевать сено. Петя обалдело сидел против соседнего станка и осторожно щупал пальцами ушибленный нос.

- Ну что, Кочеток? - подскочил к нему дневальный. - Цел, а?

- Ничего. Ишь пинается, окаянная. Озорует... - смущенно ответил Петя и, погрозив кулаком, добавил: - Все равно на тебе проедусь. Честное пионерское, проедусь! Подумаешь, брыкнула. Видали таких!

Петя, отряхнув полушубок, вышел из конюшни.

Сейчас Ракета, стремительно выскочив из станка и играя на поводу, пружинила тонкими ногами и, цокая по мерзлой земле стальными подковами, покорно бежала за Кушнаревым, словно собака.

- Как бы она, товарищ старший лейтенант, на параде нам

строй не поломала, - заметил Захар Торба, идя рядом с Кушнаревым.

- Ничего. Мундштука дам. Не подведет! - успокоил его Кушнарев, окинув коня горделиво-влюбленным взглядом, и задумчиво добавил: - Знаешь, как проеду по Красной площади? Искры разбрызгаю! Душу, Захар, вложу и сердце.

- Правильно! Пусть наши руководители посмотрят, как мы бережем и выхаживаем коней. Да на таких конях, как наши, можно и до Берлина дойти, заражаясь горячей возбужденностью командира, проговорил Захар и вспомнил, как в конной атаке под Крюковом Ракета вынесла Кушнарева вперед и он первым ворвался в самую гущу немецкой пехоты.

Торба, зная дикий характер кобылицы, направлял своего обладавшего огромной скаковой силой кабардинца вслед за Кушнаревым, намереваясь в случае опасности прикрыть его с тыла. Ракета неслась птицей. Над ее вытянувшейся спиной крылато нависала черная бурка командира. Узкая полоска кушнаревского клинка мелькала в воздухе свистящей молнией. Мгновенными взмахами он наносил ужасные по силе удары. После атаки некоторые слабонервные люди отворачивались и жмурили глаза. Да и сам он, проезжая мимо, никогда не оглядывался на свою работу.

Когда в занятой деревне кавалеристы спешились, Кушнарев отозвал Захара в сторону, до боли сдавив ему локоть, и, глядя в лицо черными, горящими от возбуждения глазами, тихо сказал:

- Спасибо, Захар. Я тебя чувствовал сзади, поэтому и шел смело. В атаке оглядываться некогда. Всегда так держись. А кто за тобой шел?

- За мной всегда Шаповаленко, Буслов, а за ними Павлюк. Он не рубит, из автомата с ходу бьет. Ловкий!

- Ах да, Буслов, Павлюк. Да, да... это настоящие, понимаешь, настоящие товарищи. А Шаповаленко! Нам у него следует учиться. Мы еще слепнем от ярости и теряем инстинкт самозащиты, а он в атаке все видит. Старик имеет опыт. Он давно обкурил свою люльку.

После той атаки Кушнарев два дня ходил сумрачный, похудевший, вяло ел, мало разговаривал и много курил.

Торба как-то зашел к командиру в хату. Кушнарев сидел, опустив голову на стол, как будто давил лбом крышку. Захар вообразил, что командир сильно выпил, но Кушнарев, повернув к нему побледневшее лицо, молча указал глазами на стул. Задав два-три незначащих вопроса, он снова замолчал. Только по выражению беспокойных глаз его было видно, что он жестоко борется с мучительно тяжелыми мыслями.

Догадавшись о причине раздумья своего командира и не умея кривить душой, Захар без обиняков спросил:

- О немцах думаете, товарищ старший лейтенант?

- Думаю, комвзвода. О немцах и о другом думаю, - шумно передохнув, согласился Кушнарев.

- А що ж о порубанных думать?

- О каких порубанных? - недоуменно пожимая плечами, спросил Кушнарев.

- Да о тех, що под Крюковом стоптали. Да що о них, товарищ старший лейтенант, думать! Фашистская падаль. Згинуть, да и все - туда им и дорога. Только жалко - русскую землю поганят. А вы о них душу ломаете. Торба разгневанно закусил мундштук папиросы и ожесточенно смахнул с бурки упавший на шерсть пепел.

- Я ломаю о них душу? О порубанных?

Перегнувшись через угол стола, Кушнарев приблизил лицо ближе к Захару. Оно было хмурое, утомленное и неузнаваемо страшное. Но Торбу, обладавшего железными нервами, смутить было трудно.

- Да есть такие хлипкие: побывал в бою, и начинает его сумность одолевать. А вы разве хлипкий? На войне батек да мамок нема.

- Вздор ты говоришь, Захар Торба!

Кушнарев резко положил руку на стол и, облегченно вздохнув, продолжал:

- Я бы не только батальон, а всю эту проклять гитлеровскую сжег и пепел по ветру пустил. У меня не то, браток, на душе. Пойдем погуляем, я тебе расскажу.

И увел Кушнарев Захара Торбу в лес. Сели под тень молодого размашистого дубка.

- Ты напомнил мне о батьке, о маме. А я как раз о них и думал. Были у меня и батька, и мама, и девушка Настя, и братишки маленькие, глупенькие... На берегу Азовского моря голяком бегали, крабов за клешни вытаскивали, батьке моему рыбацкие сети путали. А когда я приезжал в отпуск, верхом на меня садились и фуражку мою пограничную примеривали. На войну со мной просились. А вот пришла война, батька ушел с партизанами. Явились гитлеровцы, мать повесили, над девушкой Настей надругались и в море со скалы бросили, а за ней и братишек. Вот о чем я думаю, младший лейтенант Захар Торба. Старик мне пишет: "Осиротели, сынок. Ты не забудь, что нам с тобой надо долго отплачиваться, а фашизму расплачиваться". Вот, комвзвода, мы и отплачиваем. Да разве есть в мире такая цена, чтобы смыть детскую да материнскую кровь? Скажи мне, Захар,

есть такая цена, за которую бы вернули тебе любимую девушку?

- Нет такой цены, товарищ старший лейтенант! - глухо отозвался Торба. - Вы меня извините, что я плохо о вас подумал. Зараз вы мне такое рассказали - у меня внутри все жгутом крутится. К клинку тянет, рубав бы еще страшней, чем рубали вы под Крюковом. Зараз мне хочется вас за брата считать. Давайте, Илья Петрович, побратаемся. У нас такой, у казаков, обычай есть: поменяемся шашками, вы возьмите мою, а я вашу, и будет у нас кровное побратимство, нерушимое до самой смерти.

Встали два советских воина друг против друга, торжественно поцеловали клинки и передали друг другу.

После этого Захар стал относиться к Кушнареву не только как к своему командиру, но и как к старшему брату - с глубоким уважением и чуткой заботливостью. Он по-хозяйски следил за его двумя конями, тренировал Ракету, бранил коноводов за всякую нерадивость. Приглядываясь к умному и требовательному командиру, он перенимал и быстро осваивал военный опыт кадровика. Взвод, которым он командовал, стал лучшим в эскадроне по дисциплине и боевой готовности. В бою, если предстояло выполнение сложной задачи, Захар охотно шел первым. Если Кушнарев готовился проводить разведку лично, Торба тотчас же собирался вмеете с ним.

- Нет, ты останешься, - пробовал возражать Кушнарев.

- Почему я должен оставаться?

- Потому, что ты со мной на днях ходил, а командир второго взвода отдыхал.

- Тю! - Торба презрительно сморщился. - Не отдыхал. Або мы сюда на курорт приехали?

- Но людям-то отдых должен быть?

- Это Павлюку-то с Бусловым? Подите и скажите, чтоб они оставались. Подите!.. - угрожающе кивал Торба через плечо. - Они уже сидят, ждут, колысь вы придете и бай-бай их уложите. Если не возьмете, тогда они меня загрызут. Я один раз так зробил. Ушел со вторым отделением в разведку. Да и работенка-то попалась так себе: грузоподъемность мостов проверял и броды через реку Ламу. Ушел, а их не побудил. Прихожу, а они мне бойкот устроили: не разговаривают, официальный рапорт подали - в отставку, значит. В другой взвод решили перейти. А если, говорят, просьбу нашу не уважат, пойдем к генералу Доватору и попросимся к Осипову в полковую разведку. Мы, говорят, без дела сидеть не привыкли и работу везде найдем. Вот ведь какой народ! Но, конечно, я умею варить с ними кашу... Иногда и солененького подсыплю, но зря ни-ни.

За короткое время пребывания в эскадроне разведчиков

Кушнарев крепко полюбил в своем побратиме не только смелую кавалерийскую удаль, но и сумел понять все своеобразие его расчетливых повадок командира-самородка. Торба, как и сам Кушнарев, был прост в личных отношениях, но требователен и неумолим по службе. Сейчас, в минуту мучительных переживаний, Кушнареву особенно был необходим чуткий товарищ. Он помогал ему втянуться в суровый и тяжелый труд разведчика, отдавая без остатка все силы, чувства и знания.

- Я понимаю, Илья, как лихо может окутать человека. Вот до тебя у нас командир был Алексей Гордиенков. Погиб он. Да ты, наверно, слыхал. А у него жена, Нина, военфельдшером работала. Я, бывало, як ее побачу, так у меня сердце припекать начнет. Зараз она в полку. Немного легче стало. Дивчина такая... Если бы ты знал...

- Если она тебе по душе... зачем же ты ее отпустил? - зорко приглядываясь к Захару, спросил Кушнарев.

- Да ты меня не так понял. Я говорю, что мы лейтенанта так любили, и ее вместе с ним. У них была такая дружба! А про меня ты плохо не думай. Я для своей Аннушки зараз готов себе вырвать сердце, потому що был до войны великий дурень. Я тебе все начистоту выложу.

И поделился Захар со своим побратимом всеми житейскими радостями и тревогами и рассказал, что он уважает Оксану, которая его лечила в партизанском отряде.

- А вот Нину действительно отпустили напрасно. Тут ей, конечно, было бы легче. Да вот як-нибудь поедем в полк, я вас познакомлю. Эх, и дивчина, щоб вы знали! Не будет же она вечно горевать.

Захар, как бы ненароком, забросил в душу Ильи Кушнарева зернышко надежды. Кушнарев без лишних и ненужных слов понимал, что Захар сильно и страстно любит Аннушку, маленького сына и не стыдится своего молодого счастья. Когда человек счастлив, он должен того желать и другим.

Отведя Ракету на конюшню, Кушнарев и Торба направились к себе в хату. Квартировали они вместе. В большой, празднично убранной комнате за столом перед нераспечатанной бутылкой вина сидел слегка подвыпивший Шаповаленко. Он держал за руку Буслова и говорил:

- Почему ты не хочешь со мной трохи горилки выпить? С праздником меня поздравить? У меня такой праздничек, хоть волос рви на своей плешивой голове.

- Нехорошо, Филипп Афанасьевич, - урезонивал его Буслов, - ты самый у генерала первейший человек. Он тебе жизнь охранять доверяет, а ты опять что-то такое сотворил.

- Это бог Адама с Евой сотворил да штабных писарей, щоб им пусто было! Но все равно я тому письменному стрекулисту такое лихо зроблю, щоб у него в глазах буквы гопак затанцевали! - бушевал Шаповаленко.

- Что случилось, Филипп Афанасьевич? - войдя в комнату, спросил Кушнарев.

- А случилась така история, що зараз я самый що ни на есть подлец, недисциплинированный человек. Побоявси отрубать голову одному злыдню.

- Кому же это?

- Писарю Салазкину, - покручивая ус, мрачно ответил Шаповаленко.

- За что же?

- За то, що вин меня осрамил перед всем рабочим классом и трудящейся республикой.

На дальнейшие расспросы Шаповаленко отвечать отказался.

Выпив рюмку вина, он попрощался и ушел.

А произошло вот что: вернувшись вместе с Доватором с передовых позиций и расседлав коня, Шаповаленко, угостившись стопкой горилки, пошел отыскивать Салазкина. Нашел он его в одной из хат. Писарь стоял у зеркала, расчесывая пышную шевелюру, и напевал какую-то чувствительную, сочиненную им самим песенку.

- Товарищ Салазкин, - официально начал Шаповаленко, - вам придется написать одну бумаженцию.

- Какую, Филипп Афанасьевич, бумаженцию? - посматривая на сумрачное лицо Шаповаленко, встревоженно спросил Салазкин.

- Ты пиши, а я продиктую. Це треба для самого генерала.

Писарь, зная, что Шаповаленко исполняет обязанности ординарца, перечить не стал и, взяв лист бумаги, уселся за стол;

- Пиши так, - начиная играть убийственного вида плетью, диктовал Филипп Афанасьевич: - "Генералу Доватору от писаря Салазкина рапорт".

- Ты мне не морочь голову. Только скажи, что тебе нужно? - возмутился Салазкин.

- Я тоби скажу. Ты слухай и пиши: "Я, писарь Салазкин, подлец. Написал одной девушке фальшивое письмо с разными такими глупостями и подписался фамилией своего товарища. Прошу за мой недостойный поступок наложить на меня взыскание".

- Да я же, Филипп Афанасьевич, шутейно! Ну, понимаете, пошутил, оправдывался растерявшийся Салазкин, удивляясь, каким образом узнал о его проделке Шаповаленко.

- Я старый партизан, а не шут! Вместе с Котовским белых гадов рубав! Пиши! - багровея от гнева, рявкнул Шаповаленко. - А не то... - продолжал он хрипло, обрывая на шашке кисточки темляка, - не то зараз пойду до генерала, покажу ему твою цидульку. Вот она! - Филипп Афанасьевич, чтобы достать письмо, резко отбросил эфес клинка и сунул руку в карман. Салазкину показалось, что разъяренный Шаповаленко хватается за шашку. Недолго думая, он стремительно бросился к двери. Выскочивший вслед Шаповаленко нагнал его около сеней и, поймав за подол гимнастерки, слегка придержал за пышно расчесанную шевелюру. Писарь не выдержал и громко крикнул:

- Пусти!

Проходивший мимо Доватор, услышав крик, завернул во двор.

- Это что такое? - сдерживая усмешку, спросил Лев Михайлович.

- Да шуткуем, товарищ генерал, играем, - ответил Шаповаленко, изображая на покрасневшем лице добродушную улыбку.

- Пошутили малость по-дружески, товарищ генерал, - подтвердил Салазкин, приглаживая растрепавшиеся волосы.

Но Льва Михайловича обмануть было трудно.

По их возбужденным лицам он видел, что здесь не просто шалость. Попытка генерала узнать истинную причину ссоры успеха не имела. "Друзья" упорно отмалчивались. Рассердившись, Доватор наградил каждого внеочередным нарядом, а Филиппа Афанасьевича вдобавок лишил поездки в Москву.

- Это безобразие, товарищ Шаповаленко. Вы, почетный, старый служака, лучший кавалерист, таскаете мальчишку-писаря за чуб! Никуда не годится. А если бы увидели люди? Ну, скажут, и войско у генерала Доватора. За чуприны друг друга треплют. Позор!

- Да вин же, товарищ генерал... - начал было оправдываться Филипп, но тут же, вспомнив о письме, умолк.

- Ну, что он тебе? - допытывался Доватор.

- Да ничего такого, товарищ генерал. Шутковали трохи.

- Вот за такое шуткование в Москву на парад не возьму.

- За такое, товарищ генерал, дело следует мне, старому дурню, усы повыдергать, - глубоко вздохнув, оказал Филипп Афанасьевич.

На квартире Доватора поджидал бригадный комиссар Шубин. Он только что вернулся из дивизии Медникова, где проверял состояние обороны и следил за подготовкой сводных эскадронов к участию в московском параде. Все детали предстоящего

выступления Михаилом Павловичем были продуманы и взвешены совместно с командирами полков и комиссарами, обсуждены на партийно-комсомольском собрании. Во всех подразделениях уже проведены митинги. Участники парада должны показать советскому народу, что Красная Армия не только отстоит Москву, но и разгромит фашистских захватчиков наголову.

- Вот так, Лев Михайлович. Все подготовлено. Можно выступать.

- Очень хорошо, Михаил Павлович. Спасибо!

В глазах Доватора весело затеплились огоньки. Он был рад предстоящей поездке и не мог скрыть этого чувства.

- Ты знаешь, этот парад войдет в историю, - крупные мужественные черты лица Шубина стали торжественными. - Из поколения в поколение, из уст в уста будет передаваться, как партия большевиков в тяжкие для Родины дни уверенно и непоколебимо показала всему миру, что своих великих завоеваний она никому и никогда не уступит. Гордись, генерал Доватор, что ты участник этих великих событий.

- Горжусь, Михаил Павлович, горжусь нашей партией, горжусь тем, что мне выпало счастье защищать Родину. Всем советским народом горжусь!

Как клятву, как присягу произнес эти слова Доватор. Его невысокая, в новом кителе с генеральскими звездочками стройная фигура была мужественна и энергична. Светлые, остро поблескивающие глаза и движения густых широких бровей выражали радость и в то же время озабоченность.

Шубин подметил это и, незаметно приблизившись к Доватору, взял его за пуговицу кителя.

- Ты о чем сейчас думаешь, Лев Михайлович?

- Я думаю о той ответственности, которую возлагает на нас участие в этом параде. Мы обязаны еще глубже продумать свое отношение к делу, которое сейчас совершаем, не с точки зрения долга и чести - это мы выполняем как граждане своей Родины, - а с точки зрения наших полководческих способностей.

- Разве ты не уверен в своих способностях?

- Не в этом дело, Михаил Павлович. Если бы я не был уверен, я бы не надел генеральский мундир. Звание советского военачальника для меня священно. Я должен оправдать его перед народом, перед партией. Разве это не ответственность? Про меня говорят, что Доватор берет храбростью. А что такое храбрость? Храбрость - это до конца осознанная ответственность. Я до революции, когда мальчишкой был, босой ходил по узенькой полоске за деревянной сошкой и заставлял ее родить жито, ибо знал, что иначе семья моя умрет с голоду. В двадцатом году

вступил в комсомол, стал секретарем ячейки и понял, что сошку надо в печь, а заводить железный плуг. В двадцать седьмом, когда был уже членом партии, твердо осознал, что плуг это мало, надо трактор, и надо еще перепахать узенькие полоски, превратить их в широкое общественное поле. Пошел я в армию рядовым бойцом, потом стал командиром отделения, химинструктором, командиром взвода, политруком эскадрона, комиссаром дивизиона, начальником штаба кавалерийского полка, бригады, потом окончил военную академию...

Доватор закурил.

- Много лет партия большевиков прививала мне чувство ответственности за все мои поступки. Теперь я в генеральском мундире. За мной шагают вверенные мне кавалерийские полки!

Шубин слушал его напряженно и понимал даже то, что не было досказано. Все мысли Доватора были поглощены чувством ответственности перед Родиной.

- Весь советский народ взялся за оружие. Ты смотри-ка, уральские рабочие прислали нам гвардейские минометы, кубанские колхозники везут в наше соединение тридцать вагонов подарков. Только что получил телеграмму из Военного совета фронта. Шлют, понимаешь, персональные подарки кавалеристам генерала Доватора. Завтра сами будут здесь, - заметил Михаил Павлович.

- Да ну! Надо же встречу организовать. Выходит, гости приедут, и самые дорогие, а хозяев дома нет. Неловко получается. Как же быть-то, Михаил Павлович, а? - с искренним огорчением проговорил Лев Михайлович.

- Ничего. Причина уважительная. Мы встретим их, как полагается, успокоил его Шубин.

- Это все хорошо, но ведь они тебя сейчас же спросят: где командир соединения? Покажи! Неладно получается.

- Ну, что ж поделаешь! Я им все объясню. Извинюсь.

- Правильно, обязательно извинись и непременно задержи их до моего приезда. Как только парад кончится, я быстренько прикачу. Нельзя, нельзя не встретиться. Люди за тысячи километров ехали.

Вечером, выйдя из избы, чтобы ехать в Москву, Доватор заметил стоящего на посту Шаповаленко. Филипп Афанасьевич, четко пристукнув каблуками, отдал положенное по уставу приветствие. Доватор, козырнув, молча прошел мимо и сел в машину. Закрывая дверцу, Лев Михайлович почувствовал на себе пристальный взгляд казака и на секунду смутился. Оттого, что он лишил этого бесконечно преданного ему человека праздничной поездки, Льву Михайловичу стало как-то неловко. Мгновенная

вспышка человеческой жалости переросла в чувство досады. Уезжая, он как будто оставлял за собою неприятный, огорчающий кого-то след. Машина, фыркнув, уже двинулась, когда Доватор, тронув шофера за рукав, приказал остановиться. Открыв дверцу, он подозвал Шаповаленко.

- Вот что, Филипп Афанасьевич. Завтра к нам приезжают твои земляки, кубанские колхозники. Надо встретить их, как полагается. Ты тут помоги бригадному комиссару, понятно?

- Понятно, товарищ генерал.

- Насчет помещения позаботься. Гармонистов пригласи. Повару передай, чтоб обед хороший приготовил. Песни сыграйте, да так, чтобы немцы в Волоколамске слышали, как поют кубанцы. Вот так. До свидания.

- До свидания, товарищ генерал!

Горло Филиппа Афанасьевича сжала спазма. "Землячки с Кубани... помочь бригадному комиссару... гармонисты". Все спуталось, смешалось в голове бывалого казака. Колючий ус, щекоча губы, лез в рот. А ветерок ноябрьского вечера трепал бороду и что-то напевал на ухо.

Шаповаленко не слышал, как подошел гарнизонный патруль. Одним из патрульных был Салазкин.

- Ты подожди, мне надо дружку словцо сказать, - шепнул Салазкин своему напарнику и подошел к Шаповаленко. - Филипп Афанасьевич!

- Ну!

- Филипп Афанасьевич! Ты, батька, на меня не серчай. Извини. Я рапорт написал. Вот он, возьми. Я все здесь изложил. Не серчай, батька, понимаешь?

Салазкин, сунув растерявшемуся Филиппу Афанасьевичу лист бумаги, поскрипывая по снегу валенками, побежал догонять товарища.

Шаповаленко недоуменно вертел рапорт в руках, не зная, куда его девать, потом порвал на части. Через минуту порывистый ветер вырвал из его рук бумажные клочья, зашвырнул их под коновязь и смешал с сыпучим снегом.

ГЛАВА 6

По Ленинградскому шоссе со стороны Волоколамска двигалась кавалерия. Это были кавалеристы генерала Доватора. Прямо с передовых позиций ехали они на парад.

Рослые сухоголовые кони, закудрявленные инеем, казались седыми. Они настороженно косились на серые затемненные громады зданий. Всадники в длинных, свисающих до стремян шинелях не имели обычного щегольского кавалерийского вида.

Несмотря на утомительный переход, кавалеристы были

веселы. У одного из командиров, ехавшего впереди эскадрона, широкие полы бурки закрывали круп лошади до самого хвоста. Высокий красавец конь, откидывая назад голову и горячась, цокал подковами, рассыпая по мостовой искры, словно красуясь перед собравшимся на панели народом круто выгнутой шеей и тонкими, сухими ногами.

- Фронтовики едут! Фронтовики! - раздавались голоса в толпе. - Да неужели пустят немцев в Москву?!

- Не пустим, товарищи! Не пустим! - ответил командир в бурке и, обернувшись к колонне, протяжно крикнул: - Бус-лов!

Всадники, скрипя седельной кожей, подтянулись. Звонкий тенор, перекрывая дробный цокот подков, дружно подхваченный сотнями молодых голосов, взвился над мостовой, разносясь по улицам и переулкам Москвы. Могучая песня врывалась в зияющие темнотой двери, проникала сквозь оконные стекла, рвалась ввысь.

Стоявший на панели высокий седой старик в каракулевой шапке протирал очки, часто покашливал и кряхтел. Его поддерживала под руку молодая девушка.

- Вот вспомни потом и оцени мои слова, - говорил старик взволнованным голосом. - Могут ли эти люди-богатыри пустить врага в нашу Москву? Не могут. Этого никогда не случится. А сегодня, возвращаясь из университета, я видел танки. Тысяча танков. Да!

- Их, папа, была не тысяча, а меньше, - возразила девушка.

- Это не имеет значения. У нас есть тысячи. Надо всегда основательно мыслить. Я видел пушки. Огромные пушки, величиной с двухэтажный дом. Есть орудия, выпускающие в минуту больше сотни снарядов и...

- Таких пушек не бывает, - перебила девушка. - Ты, папа, преувеличиваешь.

- Ты разговариваешь со мной, как с мальчишкой.

- Ты, папа, иногда поступаешь, как мальчик.

- Например?

- Например, ты послал на фронт в подарок свой голубой шарф. Его нельзя носить, потому что это демаскирует. Может заметить снайпер.

- Вздор! Его можно надевать под шинель, - решительно заявил старик. Ты, милочка, трусиха!

- Нет, папа, это неправда.

- Как же неправда? Если бы я тебя послушал, то мы были бы в Средней Азии. А я вот остался в Москве и желаю строить баррикады.

Спор отца и дочери заглушил тревожный вой сирены. Сотрясая здания, загрохотали зенитные батареи. Над

затемненной Москвой бороздили небо огненные мечи прожекторов. Собравшийся на панели народ без всякой суеты и торопливости расходился по домам. Кавалерия свернула в ближайший переулок и исчезла в темноте ноябрьской ночи.

Поздней ночью на Фрунзенском плацу патрули встретили медленно идущего военного, одетого в широкополую кавказскую бурку. Это был генерал Доватор.

Разместив прибывших на парад кавалеристов, Лев Михайлович зашел к себе домой. В квартире все было на месте. На диване лежала румяная кукла, забытая дочкой. Казалось, что сейчас из спальни выскочит Рита и, вскрикнув от радости, обнимет теплыми ручонками отца за шею. Но в комнате было тихо. В окна заглядывала холодная чернота ночи. За стенами гремела танковыми гусеницами и гудела сиренами предпраздничная военная Москва сорок первого года.

Лев Михайлович подержал в руках улыбающуюся куклу, пригладил ей взъерошенные волосы и посадил в уголок дивана между валиком и стенкой. Подойдя к столу, написал на листе бумаги:

"Был дома 6 ноября 1941 года".

- Откуда так поздно, Лев Михайлович? - спросил подполковник Осипов неожиданно зашедшего к нему Доватора.

- Да, понимаешь, домой заходил... - задумчиво ответил генерал, снимая с плеч бурку.

Осипов догадался, что Доватор никого дома не застал, и захлопотал было с приготовлением ужина, но Лев Михайлович отказался. Присев на кровать, он устало улыбнулся. В строгих глазах Доватора дрожали светлые искорки. Смотря на командира полка внимательным, спрашивающим взглядом, он заговорил:

- Уехали. Знал, что их нет, а все-таки пошел... Куклу на диване забыли. Дочурка оставила... Огорчилась в дороге, наверное; может быть, и всплакнула. Мне тоже захотелось заплакать, да ничего не вышло. Давно не плакал, разучился, что ли...

Лев Михайлович покачал головой, точно сожалея о том, что ему не удалось заплакать.

- Знаешь, Антон Петрович, я в жизни никогда так не волновался, как сегодня. К Москве подъезжал с таким чувством, словно не был в ней десяток лет. Откровенно признаюсь: хотелось мне выпрыгнуть из машины, подбежать к людям, обнять их. Оглядываюсь кругом, ищу следы бомбежек, не вижу. Все стоит на месте. Трамваи гудят, троллейбусы, машины и народ кругом... И вдруг воздушная тревога. Зенитки бьют, а люди спокойны. Вот это люди, это москвичи!

- Герои! - проговорил Осипов. - Когда мы подъезжали к Москве, встретились около Покровского-Стрешнева с добровольцами. Укрепления строят. Девушки, парни, женщины, старики, подростки. Все кричат: "Ура фронтовикам! Бейте насмерть фашистов!"

Ранним утром седьмого ноября столичные мостовые засыпал мягкий снежок. Прибывшие на парад кавалерийские части вместе с другими войсками выстроились на Красной площади. Справа от Мавзолея перед рядами своих кавалеристов на породистом коне сидел генерал Доватор.

Лицо Доватора под тенью барашковой папахи горело возбужденным румянцем. Он не чувствовал онемевших на эфесе клинка пальцев и не замечал падавшего за ворот шинели снега. В груди поднималось острое чувство радости и гордости.

Буслов находился в переднем ряду на правом фланге. Ему казалось, что каска слишком давит ухо и мешает слушать то, что говорят с трибуны. Концом лежащего на плече клинка он слегка приподнял каску и затаил дыхание.

На Мавзолее, у микрофона, в слегка запорошенной снегом шинели стоял И. В. Сталин.

"Товарищи! - говорил он. - В тяжких условиях приходится праздновать сегодня 23-ю годовщину Октябрьской революции".

Он поднял голову и обвел глазами выстроившиеся войска. На его фуражку и воротник шинели пушистыми звездами падал снег.

"Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении, - говорил Сталин. - Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов... Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад... Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад".

Мощное раскатистое "ура" заставило Буслова вздрогнуть. Конь, взмахнув головой, переступил с ноги на ногу. Буслов крепко придержал повод и с радостным вдохновением громко крикнул "ура", не замечая, что он опоздал и своим опозданием нарушил стройность приветствия. Этого никто не заметил, кроме Доватора.

Лев Михайлович понимал, какое чувство обуревает Буслова и всех присутствующих на параде людей. Тысячи бойцов и командиров проходили мимо стен древнего Кремля, и все, как один, в строгом равнении повернув голову, смотрели на трибуну,

где стояли руководители партии и государства.

Проезжая по улицам Москвы, Буслов глубоко задумался и ничего не замечал вокруг. Он не слышал даже окрика знаменосцев, на которых наехал.

- Не ломай строй, - оглянувшись, сказал ему Торба, - объезжай слева.

- Зачем объезжать? - не понимая, спросил Буслов.

- Генерал вперед вызывает, сколько раз тебе говорить?

Буслов дал коню шпоры и в несколько резвых скоков подъехал к генералу.

- Буслов, почему "ура" один кричал, а после команды "Смирно" клинком за ухом чесал? - весело глядя на опешившего разведчика, спросил Доватор.

Посмотрев на генерала, Буслов ответил не сразу. Слегка наклонив голову, черенком нагайки он счищал с конской спины снег. Обычно, когда он говорил или пел, по движению его бровей и улыбке, по блеску голубых глаз можно было читать его истинные мысли и чувства. Сейчас по его лицу скользила радостная и застенчивая улыбка. Квадратный, с мелкими морщинками лоб хмурился. Казалось, что этот богатырский детина собирается заплакать...

- Спасать надо... - поджав губы, отрывисто проговорил Буслов.

- Спасать? - настойчиво спросил Доватор.

- Да, спасать Родину. Я теперь могу все что угодно сделать. Не сробею.

- По-моему, ты никогда не робел, - поощрительно улыбаясь, сказал Доватор.

- Нет, маленько бывало. Теперь этого не будет.

Вскинув на Доватора влажно поблескивающие глаза, с проникновенной убежденностью он добавил:

- Сроду не будет, товарищ генерал. Сами увидите, говорю вам просто...

"Да, это на самом деле сказано просто", - подумал Лев Михайлович. Он знал силу такой простоты! Просто говорить, просто вести себя, просто улыбаться, уважать себя и людей. В этом "просто" содержится самое драгоценное, что есть в сердце человека.

- Правильно говоришь, Буслов, очень правильно!

Доватор кивнул головой и, опустив загоревшиеся глаза, думал о том же, чего Буслов не смог передать своими словами.

- Буслов, у тебя в Москве есть родственники или знакомые? - спросил вдруг Доватор.

- Есть, товарищ генерал, профессор один...

- Профессор? Родственник?

- Нет, знакомый. И даже не знакомый. Подарок я от него на фронте получил. Теперь переписку имеем.

Буслов назвал фамилию профессора и адрес.

- А ты сходи к нему. Обязательно сходи и поблагодари.

Доватор подробно объяснил ему, как разыскать по адресу профессора, и разрешил отпуск на целый день. При этом спросил, есть ли у него деньги.

Буслов поблагодарил генерала, но от денег отказался.

По приезде в казармы, убрав коня, Буслов начал собираться в гости.

Ординарец Доватора предложил ему свою щегольскую кавалерийскую венгерку, но с непременным условием надеть профессорский шарф. Буслов категорически отказался: подарок имел уж очень яркий цвет.

- Понимаешь, дружочек мой, какая это вещица? Это ж подарок! - говорил Сергей. - Красота! Художественная работа. Я бы сам не отказался иметь такой.

- Нельзя надевать. Нарушение формы. До первого патруля, - упорствовал Буслов.

- Кавалерийская форма, чудак! Верх на твоей кубанке синий, а вместо башлыка шарф! Бесподобно! Усы закрутишь, красота! А не хочешь, снимай венгерку. Ничего ты не понимаешь, скромник.

Буслов вынужден был согласиться. Посмотрев в зеркало, он убедился, что шарф действительно идет ему. Большой любитель всякого оружия, Сергей прицепил ему шашку и пистолет.

На площади Свердлова, у витрины кинотеатра, толпился народ. Подошел и Буслов. Увидев как-то по-особому одетого кавалериста, люди почтительно расступились. Буслов смущенно подвинулся к витрине, но тут же с изумлением остановился. За стеклом крупными буквами было написано:

"Атака кавалеристов генерала Доватора".

Внизу на увеличенной фотографии был изображен момент атаки. Под одним из всадников Буслов сначала узнал коня Захара Торбы, немного позади скакал он сам. "Вот, смотрите", - хотелось сказать ему, но он сдержался, почувствовав, как по всему телу пробежала пульсирующая дрожь и, словно электрический ток, начала отдаваться в концах пальцев. Он вспомнил атаку на Рибшево, гибель любимого командира и крепко сжал кулаки.

- А вы там не участвовали, случайно, товарищ кавалерист? - спросил кто-то из толпы.

К щекам Буслова прилила кровь, и дрожь прекратилась в сжатых пальцах, но он ничего не ответил и отошел в сторону...

- Что вы, уважаемая, на это скажете, хотел бы я знать? - проговорил высокий старик в каракулевой шапке и погрозил

стоящей перед ним девушке суковатой палкой. - Что вы на это скажете, сударыня?

- Я скажу, что вы, сударь, правы.

Девушка, не замечая пристального взгляда Буслова, задорно подмигнула старику.

- Озорная девчонка! Когда ты станешь серьезной?

Старик огляделся по сторонам, и взгляд его остановился на Буслове. Старик, словно поперхнувшись, клюнул носом и поверх очков стал пристально вглядываться в высокого, щегольски одетого кавалериста. Склонившись к девушке, он тихо сказал;

- Васса, смотри!

- Что, папа? - близоруко щуря глаза, спросила девушка.

- Погляди, что у него на шее.

- Вижу, шарф. Очень похож...

- Не только похож, а это он. Работу, работу нашей милейшей Анны Никифоровны я узнаю из тысячи. Я сейчас...

Старик шагнул к Буслову.

- Извините великодушно. Вы не с фронта?

- Так точно, - Буслов почтительно и четко звякнул шпорами.

- Разрешите узнать, откуда у вас этот шарф?

- Фронтовой подарок. От профессора Ивана Владимировича Сопрыкина.

- Совершенно верно! - Старик протянул руку Буслову и внушительно добавил: - Благодарю за письмо. Очень рад, очень рад. Вы, наверное, догадываетесь, что я и есть Иван Владимирович. А это моя дочь Васса, а проще Васенка. Вы, значит, тот самый разведчик Буслов? Мы про вас в газетах читали.

Обрадованный профессор говорил возбужденно и громко.

- Значит, трудно на войне? - И, не дожидаясь ответа, продолжал: Разумеется, я так и предполагал. А вот она этого не понимает. Двадцать три года, а все прыгает, скачет, как девчонка. В Азию от бомбежки скакать хотела. Я отговорил. На фронт хотела уехать - не взяли. "У нас, - говорят, - без вас близоруких много". Теперь ни с того ни с сего пошла окопы рыть. Парадоксальная девица!

На такую характеристику "парадоксальная" девица и бровью не повела. С лукавой усмешкой посматривала она на отца и со смелым любопытством на Буслова. Близорукие глаза ее пытливо, по-девичьи щурились и, казалось, говорили: "Не обращайте внимания на старика. Он ворчун и придира, но в сущности человек самый добрейший".

Подхватив Буслова под руку и заглядывая ему в лицо, девушка засыпала его вопросами:

- Вам нравится шарф? А шоколад получили? Это очень питательно. Страшно на войне? Шашка у вас очень острая? Сколько немцев зарубили?

- Вздорных вопросов, сударыня, не задавать, - перебил ее Иван Владимирович. - Прошу, любезнейший, в это парадное. Мы уже дома.

Едва успевая отвечать на вопросы, Буслов очутился в квартире профессора на улице Горького.

Васса отцепила у Буслова шашку и куда-то унесла. Иван Владимирович снял с него шарф и кликнул Анну Никифоровну.

Из соседней комнаты торопливо вышла черноволосая невысокая женщина. Буслов угадал, что это мать девушки.

- Ты видишь?

Профессор, держа шарф обеими руками, поднес его к лицу жены.

- Вот кому попал!

- Здравствуйте, мой дорогой. Мы от всей души собирали фронтовикам подарки. Хотелось положить самое лучшее, - проговорила Анна Никифоровна.

Буслову она напомнила сельскую учительницу, у которой он когда-то учился. Такая же спокойная, мягкая и строговатая.

- Садитесь, дорогой товарищ Буслов, - пригласила она.

Иван Владимирович бережно накинул шарф Буслову на шею и, расправляя его, повесил бахромы голубых кистей на плечо так, чтобы не закрыть два ордена Красного Знамени. Обняв растерявшегося разведчика, он повел его к столу.

Сначала Буслов чувствовал себя неловко, но радушное и дружеское отношение этих людей быстро устранило замешательство и неловкость. Этому способствовал Иван Владимирович. Он расспрашивал Буслова о войне. Но сам говорил больше всех.

- Значит, вы говорите, побывали в тылу у немцев? Приказ выполнили и обратно вышли? Хорошо! Каждый день сводка Информбюро сообщает: "Кавалеристы генерала Доватора отбивают атаки гитлеровцев". Молодцы! А мы с Вассой, признаться, в октябре тут...

- Подожди... - перебила жена.

Анна Никифоровна рассказала, как Васса обивала пороги военкоматов и просилась на фронт, но ей всюду отказывали из-за близорукости. Ей удалось записаться в строительный батальон. Когда узнал об этом Иван Владимирович, он, несмотря на свои шестьдесят пять лет, тоже загорелся. Обманув Анну Никифоровну, они украдкой исчезли из дому и несколько дней копали противотанковые рвы.

- Я боялась с ума сойти, - продолжала Анна Никифоровна, - тем более что один ученый, а другая - аспирантка. Вечно крик, спор. Не квартира, а дискуссионный клуб.

- Мы спорим принципиально. Два зоолога никогда не уживутся мирно, усмехнувшись, сказал Иван Владимирович.

- А окопы - это тоже зоология? - спросила Анна Никифоровна.

- Нет, не зоология. Это называется полевая фортификация. Ну ладно, милочка, ты меня перебила. Так, роем мы окопы. Ополченческий добровольный батальон. Васса моя лопатой орудует. Мы с одним инженером профили высчитываем, вымеряем и тому подобное. Дело это мне немного знакомое. В один прекрасный день катит из Москвы грузовая машина. Останавливается около нас этакий субъект с дамочкой и говорит: "Бросайте копать, немцы в Можайске". "А это мы и без вас знаем", - отвечает инженер, хоть человек совсем не военный, но основательный. "А вы, собственно, кто такой будете? - спрашивает он субъекта. - Почему панику поднимаете?" Тот достал в палец толщиной папиросу и, форменно обидевшись, говорит: "Я ответственный работник торговой сети и требую надлежащего обращения!" А мы без лишних формальностей потребовали от него документы, на каком основании он на грузовой машине эвакуируется. Таких документов, разумеется, не оказалось. "Почему, - спрашиваем, - вы так неорганизованно уезжаете?" - "Я, говорит, - занимаю определенное положение". - "Значит, по этому самому положению вы имеете право затащить в кузов рояль и шифоньерку?" Подружка его начала носик пудрить и вступилась за мужа. "Сегодня, - говорит, - к вечеру немцы в Москве будут".

- Они никогда здесь не будут! - с глубокой внутренней убежденностью тихо проговорил Буслов.

- Совершенно верно! - подхватил профессор. - Так и народ сказал, который с нами оборону строил. Да, да, так и сказал: никогда им здесь не быть! Вот дочь моя - свидетель!

- А мы вам верим, Иван Владимирович, верим, - подтвердил Буслов.

Распрощался с ними Буслов под вечер.

Над затемненной Москвой в облачном небе мирно покачивались аэростаты воздушного заграждения. Гудели тяжело нагруженные автомобили, звенели трамваи. По Волоколамскому шоссе на фронт шли войска...

ГЛАВА 7

Длинный состав тяжело груженного товарного поезда, громыхая на стыках рельсов, мчался в направлении Волоколамска. В отдельном купе единственного пассажирского вагона сидели пожилой человек в полувоенной форме с орденом

Ленина и депутатским значком Верховного Совета Союза ССР и две женщины. Одна из них была пожилая, дородная, с полным и красивым лицом, с сильными, по-мужски развитыми руками и с заметной проседью в волосах. Она была в темно-синем костюме и в новых юфтевых сапогах.

Другая была молодая женщина, в белом кавказском платке, ярко оттеняющем ее черные, ушедшие к вискам брови и темно-синие глаза. Она была хороша не только своей молодостью, чистыми линиями лица, но и умным выражением больших строгих глаз, статной, крутоплечей фигурой и ласковой звучностью певучего голоса.

- Сколько машин! Вы только ж гляньте, Полина Марковна! Сколько пушек! Вы только ж посмотрите, Константин Сергеевич!

- Да я бачу, Аннушка, всю громаду бачу, - густым протяжным голосом отвечала Полина Марковна.

Вдоль линии железной дороги по Волоколамскому шоссе на предельной скорости катился непрерывный поток автомашин. Брезент, ящики, бочки, пушки на прицепах, штыки над круглыми касками, серые шапки-ушанки над белыми маскхалатами, пулеметы с торчащими вверх дулами... А по обочинам с тяжелой неторопливостью, как бы уверенные в своей силе, гусеничные тракторы тянули длинноствольные орудия.

У Полины Марковны немеют колени и в горле застревает воздух. У Аннушки восторженно расширяются глаза, на лице появляется гордая, уверенная улыбка.

- Силища-то прет, силища!

А они, простые русские женщины, вместе с членом правительства депутатом Верховного Совета Союза Смеловым - везут советским воинам тридцать вагонов подарков от кубанских колхозников и наказ жителей Кубани отстоять столицу Москву - сердце социалистической Родины. Тысячи бурок, полушубков, папах, валенок, рукавиц, перчаток, заботливо сработанных советскими людьми. Тысячи килограммов сала, окороков, колбас, сухих фруктов. Тысячи литров вина с обильных колхозных виноградников, Вот что везут фронтовикам представители Северокавказского края.

- Скоро, наверное, фронт, да, Константин Сергеевич? - нетерпеливо спрашивает Аннушка.

- Скоро, Анна Дмитриевна, скоро.

Константин Сергеевич, расправив широкие плечи, подходит к окну.

- Смотрите-ка, конница, казаки. Может, своих признаем.

Навстречу бесконечному потоку машин, покачиваясь в седлах в такт размеренной поступи, движутся стройные колонны

всадников. Они едут к столице Москве. На лошадиных крупах крылато стелются широкоплечие бурки.

- Да це ж наши, наши! Родимые!

Полина Марковна хватает Аннушку за руку.

- Бачь, ось твой Захар! Бачь, Аннушка!

Стройный могучий казачина в круглой кубанке, задирая разгоряченному коню голову, словно прирос к седлу, как будто в нем и родился. Аннушка узнает знакомую гордую посадку головы, властный взмах поднятой руки. Купе вагона неожиданно застилает серый полумрак. За окном бежит раздробленная стена горной выемки. Поезд мчится вперед, в город Истру.

Не то сон, не то мучительная явь, не то взбудораженная приближением фронта фантазия рвут сердце Аннушки бурной радостью и в то же время неизмеримой печалью. Радость - от встречи, печаль - от томительной неизвестности.

- Захар! Ось и побачили Захарку. А моего нема, - захлебываясь слезами, говорит Полина Марковна.

- Да, может, это не Захар. Ну что вы, тетя!

Но Аннушка знает, что проехал Захар, она не только увидела, но и почувствовала это всем своим существом.

- Вы, голубушки мои, сейчас в каждом кавалеристе будете угадывать Захара, Филиппа, Михаила. Надо успокоиться. Все будет хорошо, - ласково уговаривал женщин Константин Сергеевич.

- Да як же не Захар? Ну що вы мне кажете! - горячо протестовала Полина Марковна. - Да я ж его бачила, колысь он ось такой вот, без штанив собак гонял и с баштанов кавуны скатывал. Сама не раз крапивой стегала. Да я же знаю, як вин на коне держится. Що був маленький, батька возьми его на коня, вин за гриву - цап! А вы мне кажете, не он. А Филиппа нема. Если бы вин був туточки, я б его сердцем почуяла. Ну де ж вин, чертяка, сховавси? Неужто, старый дурень, германцу голову подставил? Я ж его тогда! Ховай боже... А куда ж зараз наши казачки поихалы? Мы туды - воны сюды... Вы, может, знаете, Константин Сергеевич?

- В Москву поехали, Полина Марковна.

И опять за окном по Волоколамской магистрали текут к фронту потоки машин. И в холодный метельный полдень, и в звездную морозную ночь, и в румяное раннее утро не замирает гул на полях и в лесах Подмосковья.

В Истру поезд прибыл под вечер. Аннушка вышла из вагона первая. Кругом было много военных. Своих земляков, выгружавших из вагона прессованное сено, она узнала по их серым с зелеными окоемками башлыкам, по крупным кубанкам и узким наборным поясным ремням. У Аннушки тревожно сжалось

сердце...

- Это наши, тетя Полина, - прижимаясь к своей спутнице локтем, проговорила она тихо.

- Зараз, Аннушка, тут все наши, - строго ответила Полина Марковна, вглядываясь в подходивших военных.

Впереди в широкой кавказской бурке быстро шел Михаил Павлович Шубин и кого-то искал глазами. Поравнявшись с Шубиным, Константин Сергеевич назвал свою фамилию. Михаил Павлович, остановившись, посмотрел на него вспыхнувшими глазами и, не говоря ни слова, обнял и трижды поцеловал в губы. Остальные сопровождавшие Шубина командиры и казаки, окружив женщин плотным кольцом, крепко жали им руки. После короткого приветственного митинга гостей посадили в автомашины и повезли в штаб кавгруппы.

Вечером в празднично убранной комнате, где квартировали уехавшие на парад Кушнарев и Торба, сидя между Полиной Марковной и Аннушкой, Шаповаленко сортировал привезенные из станицы письма: одни откладывал влево, другие вправо...

- Стакопа. Гм! Петр Стакопа...

Филипп Афанасьевич повертел письмо в руках и отложил влево.

- Ему же посылку жинка прислала, - проговорила Аннушка. - Надо завтра отдать...

- Некому отдавать посылку. Погиб Стакопа, - хмуро проговорил Шаповаленко. - Недавно, яких мабудь три дня тому назад, убили вороги Петра Стакопу.

Аннушка, придвинув к себе стопку писем, которые Филипп Афанасьевич откладывал влево, впилась в адреса.

- А Потапенко? - спросила она побелевшими губами.

- И Потапенко...

- Да у его ж хлопчик тилько що народився! - широко открыв еще не высохшие от слез глаза, сказала Полина Марковна.

- Да ты и Клименко тут положил!

Аннушка с ужасом вспомнила, как она получила письмо, в котором ей сообщили, что Захар пропал без вести. Тогда она купала сына в корыте и так растерялась, что едва не бросила его в воду. Пришла жена Клименко, сидела до утра и все успокаивала, что Захар найдется.

И действительно, Захар нашелся. А вот Клименко не найдется. Теперь уже самой ей придется утешать его жену, чернобровую веселую Настю. А чем она может ее утешить?

Аннушка сидела за столом смутная, потерянная.

Собрались казаки, выпили вина. После многочисленных расспросов о доме запели родимые песни. Аннушка, положив

руки на уставленный закусками стол, слушала.

Шаповаленко пододвинул ей стакан красного цимлянского. Песня ширилась, становилась все полнозвучнее и властно захватывала Аннушку. Что-то гордое, непреоборимое слышалось в густых, мощных голосах, сильное, утверждающее жизнь. Она сидела не шевелясь. Потом запела и она. Сначала подтягивала тихо, а потом ее звучный голос поднялся выше и слился в общем могучем хоре.

Филипп Афанасьевич, посматривая на нее, заметил, как, захватив рукой стакан, она держала его у подбородка. По ее красивому лицу текли крупные слезы; скатываясь по щекам, падали в стакан, в искрящееся вино.

На другой день, срочно вызванные по телефону, возвратились Торба и Кушнарев. Вместе с ними вернулась Оксана, ездившая в Москву за получением ордена. Когда за окном протопали кони, Шаповаленко с Аннушкой выскочили на крыльцо. Увидев Захара, Аннушка почувствовала, что радость заслонила в ней все другие мысли.

Кушнарев услышал сначала тихий крик, потом мелькнул кто-то в белом с крыльца. Женщина, закутанная в кавказский платок, уже была в сильных руках Захара. Не отрывая глаз от ее лица, он почти бегом внес ее в хату.

Поздно ночью, проводив последних гостей, Захар и Анна остались вдвоем. Взглянув на мужа, она улыбнулась мягкой, ласковой улыбкой, взяла веник и начала подметать пол. Захар топтался рядом, засыпал ее вопросами и все время мешал.

- А скажи, почему ты тогда не сказала, що у нас сын?

- Да потому, що дуже была сердита на тебя. Проститься не заехал.

- Да я ж был! Замок висел, да Полкан меня облаял...

- Колы б я знала...

Аннушка, стыдливо пряча розовеющие щеки в белый платок, низко склонила высокую статную фигуру и гнала табунок окурков к порогу.

- Заканчивай быстрей, погутарим спокойно, родная!

- Погоди трошки, Захарушка. Я хочу зараз, щоб все кругом чисто было, щоб ни одна соринка больше не встрела в нашу жизнь. Все щоб было на доброе здоровье. Вымету и далеко-далеко кину, щоб николы назад не верталось.

- Верно, Аннушка. Пусть никогда не возвращается.

Потом Аннушка, полулежа на кровати, глядя Захару в лицо, рассказывала, что ей пришлось за последнее время пережить. Торба перебирал ее мягкие струящиеся косы и слушал, покусывая горячие губы, и все никак не мог припомнить ощущение той

далекой ночи, сопоставляя ее с настоящим, неожиданно возникшим счастьем! Неужели его принесла война?

- Аннушка, ягодиночка моя!

Захар крепко обнимает ее и чувствует у своего лица счастливое дыхание.

- Ты знаешь, Захарушка, я кушать хочу. Сколько было гостей, всех мы угощали, а сами только друг на друга смотрели и ничегошеньки не ели. У меня есть яблоки, що мама положила, и холодный поросенок. Сробим так, як будто наша настоящая свадьба.

- Тайная? - тихо спросил Захар.

- Тайная. - Анна почувствовала его улыбку, засмеялась.

Ее смех прозвучал в тишине ночи молодо, желанно. Это был счастливый смех любящей и любимой женщины.

Они сели за стол. Захар разрезал желтоватое яблоко на две половины, одну подал жене, другую положил около наполненного вином стакана.

- Ты, Захар, ничего не рассказал мне о Москве. Наш эшелон прошел по якой-то окружной дороге, и мы ничего не побачили. Темнота кругом. Константин Сергеевич сказал, будем ехать обратно...

Аннушка надкусила яблоко и умолкла.

- А немцы, Захар, отсюда далеко? - неожиданно спросила она.

- Километров пятнадцать.

Торба выпил вино и закусил яблоком. Он видел в блестевших глазах жены скрытое напряжение, тревогу.

- А сюда они не могут?..

Аннушка поперхнулась и силилась улыбнуться.

- Нет, Анюта, не могут, - стараясь придать голосу обычную твердость, ответил Захар. - Там фронт. Передовая.

- И вы их не пустите в Москву?

- Никогда не пустим.

- Смотри, сколько они городов забрали! Почему же вы их сюда пустили? Что же будет дальше?.. Они же, подлые, и на Кубань придут. В Ростов уже пришли. Что же будет дальше?.. Захарушка! Як же я приеду домой, меня колхозники спросят...

Вопрос жены был настойчивый, требовательный. В каждом селе тогда задавали такие вопросы.

Захар молча встал, прошелся по комнате, в глубокой задумчивости заговорил:

- Вот вы привезли от кубанских колхозников подарки фронтовикам. Сибирские рабочие шлют десятками эшелонов танки, самолеты, пушки, едут сотни тысяч добровольцев! А сколько движется на фронт людей, техники, разве ты не видела?

Разве можно победить такой народ?

- Видела, Захар. Ой, много я видела силищи!

Анна поднялась, положила руку на плечо мужа и взволнованно, умоляюще проговорила:

- Захар, ты знаешь що, милый? Я тоже останусь здесь! Що я, не могу на коне? Що я, не знаю, як стрелять? Ты сам учил нас в военном кружке...

- Подожди, Аня!

Захар осторожно снял ее руку с плеча и усадил на стул. Что-то магически сильное было в этой гордой кубанской женщине. Оно притягивало упорно, непреодолимо. "Ведь воюют же Оксана, Нина", - на мгновение вспыхнула в голове Торбы мысль, но он тотчас же отогнал ее.

Анна чувствовала происходившую в нем борьбу и напряженно молчала. Захар понял ее мысли. Едва не вырвавшееся из его уст согласие он посчитал проявлением слабости, желанием постоянно иметь около себя самого близкого и дорогого человека. Присев рядом, решительным движением руки подхватил нож и разрезал второе яблоко. Подавая ей половину, ласково сказал:

- За то, что ты хотела бы остаться здесь, я для тебя ничего в жизни не пожалею. Но у нас, Аня, тут есть кому стрелять. Зараз, если все жинки приедут на фронт, некому будет землю пахать, пацанов нянчить. Зараз тебя народ послал. Ты приедешь и расскажешь, якими ты нас видела.

За окном послышался конский топот, Анна вздрогнула и тревожно прижалась к Захару. Бережно отстранив жену, Торба вышел в сени.

Через минуту он вернулся. На короткое мгновение за стеной цокнул подковами конь. Анна, удерживая зябкую дрожь, встревоженно посмотрела на Захара.

- Ехать треба, Аня, - ответил он коротко и, сняв висевшую на спинке стула гимнастерку, быстро надел ее.

Ни о чем не расспрашивая, Аннушка подала ему сначала полушубок, потом полевые ремни, шашку. Он быстро и ловко надел все это и уже завязывал на груди ремешки бурки.

- Можно проводить тебя, Захар? - смущенно и грустно спрашивает Анна.

- Не можно, Аня. Там кони готовы. Да и холодно, и пропуска ты не знаешь. Побереги сына, Аня, - обернувшись от порога, медленно выговорил он последние слова и скрылся за дверью.

Все было похоже на тяжелый сон.

Аннушка расслабленно присела на скамью. Вяло протянув руку, взяла оставшуюся половину яблока, но, поднеся ее к губам, вдруг уронила голову на стол и тихо заплакала.

На улице стояла морозная светлая ночь. Точно во сне, Анна слышала протяжную команду:

- Справа рядами, ма-а-арш!!!

Потом от конского топота долго вздрагивали стены хаты. На дворе горланил петух и, так же как на Кубани, лаяли собаки. Были слышны одиночные выстрелы, шум моторов, скрип санных полозьев и приближающийся гул артиллерийской стрельбы.

В комнате было уютно и тихо. На столе ярко горела лампа, и свет ее, ровный, немеркнущий, звал к жизни и счастью.

ГЛАВА 8

Разведчики уже выводили из колхозной конюшни лошадей, когда подошел Торба. У широко открытых дверей он встретил Кушнарева. Какая-то женская фигура шмыгнула мимо него и скрылась за стеной. Разглядеть ее Захар не успел. Здороваясь с Кушнаревым, спросил:

- Куда будем двигаться?

- Пока со штабом. Кажется, пойдем на Чесмино.

Кушнарев придавил брошенный на снег окурок и, обернувшись к Захару, словно извиняясь, добавил:

- Тут Оксана была... Хотела с нами ехать, но нет свободного коня. Пошла в медэскадрон. В полк ей надо.

- А разве она вчера не уехала машиной? - спросил Торба.

- Да нет, осталась... - как-то неопределенно ответил Кушнарев. - Ну, как жинка? Попрощались? - И, не дожидаясь ответа, участливо сказал: - Ты, пожалуй, можешь, остаться. Завтра догонишь...

- Нет, Илья, вертаться я не люблю, - сухо возразил Торба и подстегнул нагайкой чью-то неохотно идущую на поводу лошадь, как бы подхлестывая этим жестом свою бунтовавшую волю, укрощая вспыхнувшее желание вернуться, побыть еще два часа вместе, а потом с измятым сердцем рвать коню губы и в бешеной скачке догонять товарищей. Он быстро овладел собой и, оправляя под буркой скрипящие ремни, сказал:

- Вместе поедем, Илья.

- Вместе, Захар, - в тон ему отозвался Кушнарев.

Он понимал состояние своего друга. Хотелось сказать многое, но подходящие слова в эту минуту куда-то разлетелись.

Метя полами широких бурок снег, они неторопливой, вразвалочку, кавалерийской походкой, плотно, плечом к плечу, пошли к поджидавшим их коням.

Подав команду, Кушнарев вывел эскадрон за околицу. Конница мерной поступью двинулась к ближайшему лесу. В непрекращающемся гуле отдаленной артиллерийской канонады ракетные вспышки бросали в небо голубоватые отсветы. Впереди

слышался грозный шум, скрежет танковых гусениц сливался с грохотом выстрелов, криками солдат, стуком топоров, топотом конских копыт и с треском падающих деревьев.

- Ты говоришь, Захар, что вам было тяжело расставаться? - спросил Кушнарев Торбу, когда они днем остановились кормить лошадей. Друзья сидели в лесной землянке в ожидании дальнейших приказаний и грелись около походной железной печки.

- Слов нет, як тяжело. О себе я даже мало, Илья, думаю...

- А ты когда-нибудь о смерти думал?

- После того як придушил немецкого полковника и видел, як они издевались над Оксаной, я зараз перестал думать о смерти. Нет, хотя, пожалуй, думаю, но та друга думка.

- Какая же это думка?

Торба подбросил в печку несколько чурок и со стуком закрыл дверку.

- А така, щоб не бояться смерти, щоб это было - тьфу! Когда этого человек достигнет, он долго будет жить.

- Ну, это не совсем так. Гибнут и храбрецы, - возразил Кушнарев.

- Не спорю, но храбрые и после смерти живут. Помнишь, що сказал на партийном собрании генерал Доватор? Храбрость - это ответственность за то, что тебе поручено делать.

- Это верно, Захар. Вот ты вспомнил, как немецкий полковник издевался над тобой и Оксаной. Она мне об этом рассказала. Я тебя считаю не только другом, братом, но и настоящим человеком. А я вот сомневаюсь, правильный я человек или нет.

- Ты, Илья? Ты - правильный! За таких, як ты, я готов голову в кусты кинуть. Ты говоришь, що я настоящий. Нет. Я хочу им быть, а сам думаю, ще у меня на хребту щетины колючей богато, подпалить надо трошки.

- Подожди, Захар. А я о себе хочу сказать. Меня тоже червячок гложет. Мне стыдно перед тобой.

- Что ты, смеешься, что ли?

Захар удивленно сдвинул густые брови и неморгающе посмотрел на Илью. Кушнарев как-то виновато и загадочно улыбнулся.

- Верно говорю. Я ведь тебе много не рассказал...

- Что ж ты не рассказал?

- Я ведь люблю Оксану. Ты знаешь это?

- Нет, не знаю, но скажу только одно: такую девушку нельзя не любить. Що ж тут такого, и почему ты молчал?

- Потому, что плохо думал о тебе и о ней... Мне казалось, что когда вы были вместе в тылу...

- Стой, Илья! - перебил Захар и, склонившись к Кушнареву, горячо, взволнованно сказал: - Эта девушка для меня дороже родной сестры, понял? И кто о ней думает плохо, тому, Илья, надо отрубить башку!

- Руби мне первому, - коротко и покорно сказал Кушнарев.

Он только сейчас понял, как незаслуженно обидел друга.

- Как ты мог подумать, Илья?

Торба укоризненно покачал головой.

- Тебе кто-нибудь говорил?

- Салазкин болтал.

- Дурак он после этого! - мрачно сказал Торба. - Ты и сейчас так думаешь?

- Нет. Вот ты послушай...

И рассказал Кушнарев, как, возвращаясь с задания, партизаны подобрали его неподалеку от Витебска...

Во время боя его ранило в голову и засыпало землей. Когда он пришел в сознание, часть уже отошла. Свыше двадцати суток он брел по лесам Белоруссии и наконец встретил партизан. От потери крови и от голода он так ослабел, что замертво свалился на обочину лесной дороги.

Очнулся он в шалаше. Перед ним сидела девушка в зеленой фланелевой кофточке. Она крошила в миску с куриным бульоном сухари.

- А мы думали, что вы совсем не проснетесь, - певуче сказала девушка. - Уж будила, будила. Спит, як умерший. Доктор сказал, что это здоровый сон, крепкий. Болит тут? - осторожно касаясь его головы, спросила девушка.

- Немножко.

- Вылечим. Я тоже лекарь, вы не думайте. Мы недавно одного кавалериста вылечили. С ним в рейде были. Генерал Доватор нас водил... А этот кавалерист жизнь мне спас, полковника немецкого задушил! Геройский казак. Он тоже тогда двое суток меня все во сне кликал: Оксана да Оксана! А я тут рядом сижу. Позовет, позовет, я ему руку на голову положу, и он снова спит, как маленький ребенок. А вы какую-то другую девушку кликали, чи Наташу, чи Дашу...

Лицо Оксаны осветилось ласковой улыбкой.

В ответ на простодушные слова Оксаны Кушнарев отрицательно покачал забинтованной головой и тоже улыбнулся. Потрогав рукой повязку, он догадался, что она чистая и свежая, пахнущая лекарством.

Лежал он в просторном шалаше, на мягкой подстилке. В отверстие шалаша был виден лес. За спиной Оксаны на сучке толстой ели висел вещевой мешок и оружие. Неподалеку

слышались разговор и смех. По кустам стлался дым, пахло мясным варевом, луком и печеным хлебом.

Кушнарев почувствовал, что страшно голоден. Покосившись на миску, он нетерпеливо облизал губы и закрыл глаза.

- Будем сейчас кушать, - угадав его мысли, проговорила Оксана и, не выпуская из рук миски, сделала несколько смешных и неловких движений на коленях, чтобы подвинуться к раненому; оправив завернувшуюся сзади синюю юбку, она села на пятки.

- Ну, открывайте рот, Илья Петрович, - зачерпнув ложку, она поднесла ее к его губам.

- Да я и сам могу, - смущенно сказал Кушнарев, приподнимаясь на локте.

- Не шевелитесь, - упрямо и настойчиво возразила Оксана. - Доктор велел лежать спокойно, и я так хочу...

Кушнарев вынужден был повиноваться. Все для него казалось странным и новым. Есть из чужих рук было неловко и неудобно. Но зато как все нравилось ему! Особенно вкусным казался бульон и размоченные в нем сухари. А главное - было приятно ощущать разлившуюся по телу теплоту и чувствовать заботливое прикосновение рук девушки, вытиравшей ему марлевым лоскутком губы.

- А оброс-то... колючий.

Оксана весело шутила, лукаво прищуривая глаза, и смеялась.

- Сейчас Федьку позову, он тебя побреет.

- Спасибо, - кивая головой, отозвался Илья. Заглянув в миску, он обнаружил, что бульон и сухари уже кончились. А есть хотелось пуще прежнего. - Ксаночка, положи еще немного.

- Нельзя много. Надо помаленечку.

- А хлебца нету? - умоляюще глядя на Оксану, спросил Илья, теряя всякое терпенье.

- Дам трохи. И курочки кусочек.

Оксана на четвереньках выползла из шалаша, достала из висевшего на дереве мешка краюху хлеба, отрезала ломтик и отломила до обидного маленький, как показалось Илье, кусочек курятины.

- Да ты меня кормишь, как годовалого ребенка, - проговорил он, морщась от досады.

- Ты не ребенок, а хворый. Капризничать нехорошо, миленький, настойчиво уговаривала его Оксана. - Поправишься, целую курочку приготовлю. Хоть две. А сейчас чаю дам с медом. Батько на заданье ходил и принес для тебя. И курочку тоже.

- А сейчас где твой батько?

- Спит. Они ночью эшелон под откос кувыркнули и "полицаев" еще забили. К нам скоро аэроплан прилетит.

- Фронт далеко? - спросил Илья.

- Очень. Немцы в Ростов зашли. Наши отступили.

- Немцы заняли Ростов?

Кушнарев порывисто сел, опираясь на руки, и, повернув голову, впился в Оксану глазами.

- Отступили, говоришь?

- Ну да, миленький. По радио сообщили. А зачем ты вскакиваешь? Ложись сейчас же!

Она помогла ему лечь, поправила сбившуюся на голове повязку.

Сообщение Оксаны поразило Илью.

Лицо его помрачнело, глаза тоскливо смотрели на полутемный скат шалаша, точно искали кривую кавказскую шашку. Вскочить бы сейчас на коня, разобрать поводья, впаять горячую руку в эфес клинка, врубиться в самую гущу крикливой свастики - за Кубань, за Дон, за поруганную Украину, за объятую пожаром Смоленщину. Защемило в груди больно, горячо. Хотелось застонать... Но вместо этого, сверкнув на Оксану черными, затуманенными влагой глазами, он тревожно спросил:

- А кавалеристы-доваторцы, что в рейде были? Они где? Ты ведь с ними была?

- Да.

Заметив настороженный, пытливый взгляд Ильи, Оксана добавила:

- Фашистов бьют. А Лев Михайлович уже генерал. Генерал! - протяжно повторила Оксана. - По радио сообщили.

Илья, поймав руку Оксаны, крепко сжал ее. Оксана вскрикнула:

- Тише! Хворый, а силища ой-ой!

Кушнарев, не выпуская руку девушки, взволнованно шептал:

- А я знал, что этот полковник будет генералом. Боевой! Как мне хотелось к нему добраться! Эх! Я бы за него, Ксана, жизнь отдал. Все равно я буду с ним воевать, буду!

В шалаш вместе с легким дуновением ветерка ворвался тепловатый запах лесной прели, напоминавший запах чернозема, и, казалось, влил во все тело радостное ощущение физической силы. Илья повеселел. Повеселела и Оксана.

...Так шли дни. Оксана варила суп, поила Илью молоком. Он поправлялся и набирался сил. Однажды Оксана принесла ведро теплой воды и, не обращая внимания на протесты Кушнарева, вымыла его до пояса. Он стыдился, дрожал от холода, но вынужден был покориться ее безоговорочному требованию.

Просыпаясь по утрам, он видел, как Оксана, свернувшись клубком, спала у входа в шалаш. Ее сон был спокоен и крепок.

Отдохнувшее лицо розовело. Правильный, прямой, с тонкими ноздрями нос, казалось, делался тоньше и заостренней. Губы она складывала так, словно они желали чего-то радостного, неизведанного.

Илья подолгу смотрел на ее лицо и ждал той минуты, когда она проснется и, улыбнувшись по обыкновению, скажет самой себе: "Ах ты, засоня, ах ты, лентяйка! Как кочерыжка замерзла и все спишь, бесстыдница". Илье очень нравилась эта милая и шутливая брань.

Илья прислушивался к ее ровному дыханию. Порой ему казалось, что ее черные ресницы закрыты неплотно, а на щеках вдруг начинает розоветь яркий румянец.

Тогда Илью охватывало необъяснимое беспокойство. Чтобы скрыть его, он начинал ворочаться с боку на бок и громко кашлять. Иногда среди ночи Оксана, натягивая на голову бараний тулуп, спрашивала:

- Замерз или не совсем?

Ночи стояли холодные, осенние. К утру уже появлялись легкие заморозки.

- Мне-то тепло, а ты спишь снаружи, - рассеянно глядя в потолок шалаша, отвечал Кушнарев и принимался равнодушно зевать. - У меня же два одеяла...

- Я люблю спать на воздухе, - полусонно говорила ему Оксана. - У меня шуба теплая. Когда совсем будет холодно, тогда в шалаше лягу.

- Конечно, - равнодушно подтверждал Илья.

После того принудительного купания он почувствовал себя почти совсем здоровым. С вечера уснул крепко. Ему приснилось лицо Оксаны. Оно было необыкновенным. Исчезло с него суровое выражение, а губы были открыты, девушка горячо дышала ему в щеку. Он проснулся. Оксана спала на своем обычном месте с прежним суровым выражением на лице. Илье до обиды было жаль улетевшего сна.

Весь этот день Кушнарев был молчалив.

- Почему ты надутый? - спросила Оксана.

- Так, скучно, - в замешательстве ответил Илья.

- А отчего скучно? - допытывалась Оксана, пристально вглядываясь в его лицо.

Кушнарев почувствовал, что начинает терять власть над собой. Отвернувшись к стене, он молчал. С момента его появления в партизанском отряде прошло уже десять дней. Илья набирался сил. Раны быстро заживали.

Заботы Оксаны волновали его, побуждали как-то отблагодарить девушку. Опасности, совместные тяготы войны,

родственность судьбы сближали их.

- Ты славная девушка, - вскинув глаза на Оксану, быстро проговорил Кушнарев.

- Не девушка, а вдова.

Оксана, склонив голову, поймала его взгляд и густо покраснела.

Он продолжал следить за ней глазами с нескрываемым волнением, словно увидел ее первый раз в жизни. Подавляя вздох, он задумчиво произнес:

- Теперь много вдов будет.

- А разве мне от этого легче? Я-то знаю... - звонко выкрикнула Оксана и, не договорив какие-то слова, едва сдерживая слезы, отвернулась в сторону.

- Ты не сердись, Ксана. Я ведь так сказал. К слову пришлось, смущенно проговорил Илья Кушнарев. В этот день они больше ни о чем не говорили до самого вечера.

К ночи сильно похолодало. С неба посыпалась ледяная крупа, подул резкий ветер, тревожа на деревьях не успевшие опасть листья. Лес гудел шумно и протяжно, точно сердился за нарушенный покой.

Еще до ужина Оксана завесила отверстие шалаша плащ-палаткой, выкопала посредине шалаша ямку и, наломав сухого орешника, разожгла камелек. Ужинали молча. Но оба чувствовали внутреннее напряжение. Оба сознавали неловкость и неестественность положения. Сучья, потрескивая, горели весело и ярко. Подбросив несколько толстых сухих палок, Оксана заговорила первая. Ослабевшее пламя скрывало выражение ее лица. Кушнарев слушал молча и внимательно. Оксана рассказала ему всю свою недолгую, но богатую житейскими радостями и невзгодами жизнь.

Слушая ее, Илья все больше и больше начинал волноваться. Она отзывалась на все наболевшие в его душе вопросы с подкупающей прямотой. Ее голос звучал тихо и задушевно. Казалось, не было в мире роднее этого чудесного бархатистого голоса.

Через несколько дней в расположение партизанского отряда прилетел самолет. Он забрал с собой Кушнарева на Большую землю.

Когда самолет делал над лагерем прощальный круг, на опушке леса стояла группа партизан. Они приветливо махали руками. Среди них в зеленой фланелевой кофточке, с карабином в руке Кушнарев увидел Оксану...

- Если тебя, Илья, любит такая дивчина, як Оксана, ты счастливый человек! Больше ничего сказать не могу, - заявил

Торба, когда Кушнарев закончил свой рассказ.

Ч А С Т Ь Ч Е Т В Е Р Т А Я

ГЛАВА 1

16 ноября 1941 года предполагалось третье по счету генеральное наступление немцев на Москву. На волоколамском направлении противник напрягал все усилия, чтобы пробиться к столице. Он стремился отбросить группу Доватора и дивизию Панфилова с магистрали и обеспечить захват коммуникационных линий в районе Истринского водохранилища. В боях за Москву наступил один из самых напряженных моментов.

Против далеко не полного по составу соединения Доватора и дивизии Панфилова германское командование бросило две пехотные, две танковые дивизии и другие части и соединения. Массированным ударом генерал Хюпнер предполагал отвлечь наши воинские части с флангов и тем самым ослабить их. Одновременно он хотел двумя мощными подвижными группами охватить правый фланг нашей армии с севера, а левый - с юга.

Получив данные разведки, командарм Дмитриев немедленно приступил к перегруппировке частей своей армии. На правое крыло были подтянуты армейские резервы, дивизии переформированы и получили пополнение.

За несколько дней до начала немецкого наступления в штабе армии было назначено совещание. Перед совещанием у командующего Доватор встретился с Панфиловым.

- Здравствуй, кавалерия, - Панфилов дружески протянул Доватору руку.

- Ура "царице полей" - пехоте! - весело приветствовал Панфилова Доватор и, не освобождая своей руки из его жесткой ладони, отвел генерала в сторону и начал горячо благодарить за поддержку: - Орлы у тебя люди, Иван Васильевич! Богатыри!

- А твои разве плохи?

- Ну, мои тоже ребята неплохие!

- А здорово мы немцев пошерстили, а? Хорошо-о!

Панфилов весело засмеялся и, щуря узкие глаза, продолжал:

- Генерал Хюпнер - вояка коварный. Зол на нас с тобой, очень зол! Подтянул две танковые дивизии, чуешь?

- Эх, нам танков бы побольше, танков! Тогда мы по-другому будем с Хюпнером разговаривать.

- Мы еще с ним поговорим, - твердо ответил Панфилов.

К беседующим подходил Суздалев, высокий молодой комдив, сосед Панфилова на правом фланге. Отчеканивая каждое слово, он шумно поздоровался.

- Думал, опоздаю, задержался на просеке.

Серые круглые глаза Суздалева быстро перескакивали с

предмета на предмет. Он был красив, статен, гладко выбрит. Вся его фигура дышала здоровьем, силой и самоуверенностью.

- Встретил сейчас танковую колонну, - продолжал он. - Новые мощные КВ. Заполучить бы таких десятка три. Я тогда не беспокоил бы генерала Панфилова. Посматриваете, Иван Васильевич, на мой левый фланг?

- И даже очень бдительно, - подтвердил Панфилов.

- Не беспокойтесь, не подведу, - заверил Суздалев.

- Надо не Панфилова беспокоить, а противника, - с усмешкой заметил Доватор. Ему не понравилась самоуверенность Суздалева.

- Мы и противника беспокоим. Пока на мой участок не особенно нажимал, значит, побаивается. Сегодня ночью разведчики обнаружили крупное передвижение танков, пехоты. Что-то затевается.

- Ясно, что затевается. Гитлеровцы подтянули танковые соединения, разумеется, не для маневренных переездов, - заключил Панфилов и вдруг, повернувшись к Суздалеву, спросил в упор: - Значит, мне не беспокоиться?

- Абсолютно! Конечно, при условии, что я получу дополнительные резервы, - подтвердил Суздалев.

- А все-таки я беспокоюсь. Вы меня извините, но я и командарму так скажу. За вас беспокоюсь, за Доватора и за себя.

Лев Михайлович, не отрываясь, смотрел на Панфилова. Не только любовь внушал ему этот умный широкоплечий генерал с простым русским лицом, но и глубокое уважение.

На совещании присутствовали генералы, полковники, командиры и комиссары армейских корпусов, дивизий. Вокруг длинного стола, покрытого зеленым сукном, сидели военачальники, державшие в своих руках судьбы многих тысяч людей и, самое главное, судьбу советской Отчизны. Некоторые из них были еще совсем молодые, но с поседевшими висками. Самым молодым выглядел Доватор. Облокотившись левой рукой на стол, резко повернув голову, он напряженно смотрел на командарма.

Командарм Дмитриев стоял в конце стола, перед расцвеченной картой. В центре ее крупными буквами была обозначена Москва. Высокий, подтянутый и стройный генерал говорил мягким, негромким голосом. Спокойные, но строгие глаза его говорили о твердом характере и большой силе.

- Товарищи командиры и комиссары, сегодня я был приглашен на важное совещание, где присутствовали руководители нащей партии и государства. Всякая возможность разгромить врага должна быть использована и будет

использована. Всякая возможность сдачи врагу столицы абсолютно исключена. Подобная мысль не только недопустима, но и преступна. Категорически преступна! - Последние слова командарм произнес медленно, четким ударением на каждом слоге, придавая им особенную убедительность и значение.

Все присутствующие понимали, в какой страшной опасности находится Родина. Понимал это и весь народ. По призыву партии он был готов на крайние жертвы. На полководцах лежала задача - обеспечить победу, и они верили в нее, потому что за ними шел могущественный народ, вооруженный не только пушками, но и несокрушимым духом советского патриотизма.

Панфилов, опираясь о стол крепко сжатыми в кулак руками, решительно встал и раздельно сказал:

- Мы оправдаем доверие Родины!

- Оправдаем! - горячо поддержал его Доватор.

Это было единодушие. Это был ответ за всех... Генералы и офицеры встали.

- Благодарю, товарищи командиры!

Командарм подал рукой знак садиться и, круто повернувшись лицом к карте, приступил к анализу создавшейся на фронте обстановки.

Положение обороняющихся армий к тому времени было исключительно тяжелым. Армия генерала Дмитриева, являясь правым крылом Западного фронта, имела перед собой сильнейшего противника, а именно: 5-й и 41-й танковые корпуса и 56-й и 27-й армейские, входящие в состав третьей танковой группы генерала Гоота, и 40-й и 46-й танковые и 90-й армейский корпуса четвертой танковой группы генерала Хюпнера. С воздуха наступление врага поддерживалось вторым авиационным корпусом, имеющим в своем наличии 800 самолетов. Если общее соотношение сил по пехоте уравновешивалось один к одному, то по танкам гитлеровцы имели почти тройное превосходство, а в авиации - полуторное.

После овладения Волоколамском танковые группы генералов Гоота и Хюпнера имели перед собой задачу: коротким ударом севернее Московского моря отбросить наши части за Волгу, тем самым обеспечить левый фланг своей клинско-солнечногорской группировки. Последняя ударом главных сил в направлении Клин - Солнечногорск - Истра должна была разбить противостоящие войска Красной Армии и обойти правый фланг фронта с северо-востока, перерезав важнейшую железнодорожную магистраль Москва Урал - Дальний Восток, основную артерию, питающую фронт. Общая стратегическая цель - выход к Москве.

Над столицей нависла смертельная опасность. Армии правого крыла Западного фронта было приказано: не допустить прорыва противника, наносить ему чувствительные потери, истребляя живую силу и технику, преследуя общестратегическую цель: выиграть время для сосредоточения резервов. Имелся в виду подход новых ударных армий.

Командарм сидел в конце стола. Рядом с ним по правую сторону был член Военного совета Лобачев, теперь уже дивизионный комиссар, по левую начальник штаба армии генерал Лобачевский.

Докладывал сосед Панфилова, генерал Суздалев. Ему было предоставлено слово одному из первых. Обрисовав границы оборонительных районов, он подробно перечислил силы противника на переднем крае и в тылу. Доклад был точный и обстоятельный. По его выводам, оборона дивизии была прочной и устойчивой. При наличии дополнительных резервов с соответствующим количеством артиллерии он рассчитывал, несомненно, удержать занимаемый рубеж.

- Получите резервы! - крикнул ему командарм, переглянувшись с членом Военного совета. Тот понимающе улыбнулся. Оба отлично знали, что столько, сколько требует Суздалев, они ему дать не могут, так же как и не может Суздалев удержать своими войсками ту лавину, которую противник готовился бросить на участок его обороны.

Суздалев был осведомлен о передвижении противника и тревожился. Но он не знал и не мог знать смысла этого передвижения. Зато об этом знал командарм, ибо в его руках находились все многочисленные и могущественные рычаги военной разведывательной машины. Ему раньше, чем кому-либо из присутствующих здесь командиров, было известно, что противник намерен прорвать фронт в центре армии - именно в полосе обороны дивизии Суздалева. Вот почему командарм внимательно прислушивался к каждому слову генерала Суздалева, стараясь уловить хотя бы крупицу того, насколько твердо и верно расценивал он свое положение.

Казалось, что сообщения генерала были умны, дельны и пунктуально обоснованы, особенно в той части, где речь шла о потребности в людях, пушках и снарядах. Суздалев был способный генерал. Казалось, он справедливо говорил, что германские войска, наткнувшись на хорошо укрепленные линии обороны, на плотный огонь наших пулеметов и пушек, должны непременно замешкаться. Тогда можно будет взять инициативу в свои руки и в зависимости от обстановки действовать наступательно.

- Значит, если вы сейчас получите подкрепление, то сможете удержать занимаемый рубеж? - спросил член Военного совета Лобачев.

- Непременно, - подтвердил Суздалев.

Однако Лобачев недоверчиво усмехнулся и, повернувшись к командарму, что-то тихо сказал ему. Дмитриев утвердительно кивнул головой.

Доватор, все время наблюдавший за командармом, понимал, что командующий не удовлетворен сообщением Суздалева, как не удовлетворен был и он сам. Тонким, безошибочным чутьем талантливого полководца Лев Михайлович уловил из доклада командующего, что длительное применение оборонительной тактики может привести к трагическим последствиям. Просиживая над картой долгие ночи, Лев Михайлович детально изучил сложившуюся обстановку в полосе обороны своей армии. Он проводил с противником десятки воображаемых сражений. Используя практический опыт всех проведенных боев, он и сам пришел к выводу, что длительная оборона неминуемо приводит к большим потерям. Командуя подвижными частями, Доватор был сторонником наступательной тактики. Однако ему было ясно, что для этого нужны колоссальные материальные средства.

Доватор понимал и не мог не понимать невысказанные мысли командарма, которые тревожили и его. Командарм думал не только о превосходящих силах противника, но и о состоянии своих дивизий с их огромными вспомогательными подразделениями: интендантского снабжения, медицинского обслуживания, строительством оборонительных укреплений, непрерывными потоками раненых и множеством всяких больших и малых дел.

Вся эта многочисленная масса людей нуждалась не только в распоряжениях, но требовала прежде всего, не говоря уже о снарядах, обмундирования и питания.

Всю эту громаднейшую военную машину должен был обслуживать транспорт.

"Транспорт" - этим словом командарм исчертил весь лист бумаги, лежавший перед ним. Из Сибири, с Урала, с Волги к Москве шел беспрерывный поток поездов. Гигант-фронт требовал сотни тысяч тонн продуктов, боеприпасов и разного оборудования.

Невероятным было, как в эти тяжелые дни транспорт мог справляться с возложенными на него задачами. Главнейшие железнодорожные магистрали Московского узла в то время были перерезаны противником. Оставшиеся в действии магистрали, питавшие весь фронт, подвергались жестокой бомбардировке с

воздуха. Они также находились под угрозой захвата.

Сражение под Москвой должно было решить весь дальнейший ход военных действий, имеющих значение не только для Советского государства, но и для всего мира, ибо исход его предопределял дальнейший ход исторических событий.

Помимо всех многочисленных забот, отягощающих командарма, он должен был прежде всего думать о коварном противнике, правильно оценивать его способности, уметь превосходить его при решении всех задач, для того чтобы проще, вернее и остроумнее победить его.

Доватор знал это правило и не оставлял противника в покое ни на минуту. Сейчас, оторвавшись от карты, он бросил на командарма многозначительный взгляд. Ему не терпелось высказать свою точку зрения. Командарм видел это нетерпение и легким кивком головы дал понять, что можно говорить.

Коротко изложив обстановку в полосе обороны своих дивизий, Доватор с неожиданной решительностью заявил:

- При этом соотношении сил выводы генерала Суздалева об устойчивости обороны считаю неосновательными.

Суздалев встретил острый взгляд Доватора и пожал плечами. Панфилов, откашлявшись, склонился к столу; медленно помешивая чай, старался ложечкой придавить лимон к стенке стакана.

- Продолжайте, генерал Доватор, - с интересом посматривая на него, проговорил командарм.

- Неосновательными потому, что армия в целом, - продолжал Доватор, не может больше принимать на себя концентрированных ударов противника. От обороны армия должна перейти к наступательным действиям. Противник сейчас увлечен успехом. Аппетит гитлеровцев разожжен близостью Москвы, близостью грабежа и наживы. Противник полагает, что мы не в состоянии проявить наступательной инициативы.

Предложение Доватора было поддержано большинством генералов.

Для командарма начался именно тот разговор, который определил нужное направление мыслей присутствующих. Командарм имел уже приказ командующего Западным фронтом остановить наступление противника и нанести ему встречный удар, но с объявлением его медлил, прислушиваясь к мнению командиров и начальников.

- Мы не исключаем даже лобового контрнаступления, - сказал он, излагая сущность приказа. - Мощной артиллерийской подготовкой мы должны ослабить наступательный порыв противника. Внезапный удар нарушит оперативные планы

германского командования. При наличии свободных резервов мы сможем захватить инициативу в свои руки и постараемся ее в дальнейшем не выпустить.

Удар было решено нанести правым флангом армии в северо-западном направлении. По намеченному плану генерал Суздалев обязан был подтянуть к правому флангу дивизии Панфилова два батальона и активными действиями сковать противника, способствуя наступлению Панфилова и Доватора. Суздалев выговорил себе право действовать активно лишь в том случае, если явно определится успех. Дивизия его подкреплялась батальоном пехоты. Дивизии Панфилова придавались танковые подразделения. Группа Доватора никаких подкреплений не получила, но Лев Михайлович все еще надеялся на пополнение.

- Разумеется, генерал Доватор тоже рассчитывает пополнить свои кавалерийские полки? - как бы угадав его мысли, спросил член Военного совета.

- Жду и надеюсь, товарищ дивизионный комиссар, - сказал Доватор.

- Да, да, пожалуй, следует, - медленно произнес Дмитриев, о чем-то задумываясь.

Доватору казалось, что командарм упустил какое-то очень важное решение. Напряженно всматриваясь в лежащий перед ним лист бумаги с длинным столбцом цифр, он улыбнулся и передал его Лобачеву. Доватор с нетерпением ждал. Обещающая улыбка командарма и уверенный жест его руки подтверждали, что на этот раз все будет в порядке. По выражению лица дивизионного комиссара Лев Михайлович понял, что Лобачев знал, чем следует его обрадовать. Казалось, член Военного совета не только ведает секретом успеха сложной военно-политической работы, но и знает горячие порывы души Доватора.

- Я понимаю, - говорил он, улыбаясь, - понимаю генерала Доватора. Ему бы сейчас еще одну кадровую кавалерийскую дивизию. Не отказался бы, Лев Михайлович?

- Что и говорить! - воскликнул Доватор, с волнением посматривая на трепетавшую в руках Лобачева бумагу, напечатанную на бланке Генерального штаба.

- Думаешь, шучу? - темные брови дивизионного комиссара сдвинулись к переносице, умные голубые глаза заискрились улыбкой.

Панфилов пододвинул Доватору стакан чаю, положил туда кружочек лимона и утопил его ложечкой. Он был рад за своего боевого соседа и ухаживал за ним с заботливым отеческим вниманием.

Все сомнения у Льва Михайловича исчезли. Что-то хорошее,

радостное было в пытливом взгляде члена Военного совета. "Целая дивизия! - мелькнуло в голове Доватора. - Да тогда моя кавгруппа превратится в корпус! Вот погулял бы по тылам! Эх, развернулся бы!"

- Вообрази себе, генерал Доватор, кадровую кавалерийскую дивизию! продолжал Лобачев. - Каждый эскадрон имеет отдельную масть коней: гнедые, вороные, серые... Сам понимаешь, кадровая!

- Какая дивизия? Я все дивизии знаю.

Лев Михайлович поднялся, неторопливо одергивая полы кителя, и засыпал командарма вопросами:

- Где она сейчас? Где стояла? Как идет?

- В пути, скоро будет, вот документ.

Лобачев с гордым видом потряс уведомлением о движении дивизии из района Средней Азии.

- Следует по своему назначению... Получишь полностью, непременно получишь... А сейчас нужно обходиться тем, что есть, - сказал серьезно и медленно командарм Дмитриев.

- Но ведь кавалерия должна наступать сейчас, - проговорил Доватор глухим, прерывающимся голосом.

"Гнедые, серые, рыжие..." В горячем воображении Доватора уже шли где-то эти кони, дразнящие, покачивая вьюками. Но где они и скоро ли будут?

- Наступать, я должен наступать! - нетерпеливо и горячо произнес он.

- Да, наступать, - веско подтвердил Лобачев.

Участников совещания командарм пригласил на обед. Коньяк освежил Доватора, но настроение у него было неважное. Лобачев, точно нарочно, сел рядом и, с шутками и прибаутками положив ему в тарелку внушительный кусок гусятины, сказал:

- Съешь гуся и не обижайся. - Налив коньяку, он перемигнулся с командиром, чокнулся с Доватором и опрокинул рюмку.

Аппетитно закусывая, Лобачев ласково посматривал на хмурившегося Доватора с примирительным добродушием, а потом, неожиданно склонившись, тихо спросил:

- В рейд по тылам противника собираешься?

- Собираюсь.

- Вот и хорошо! В недалеком будущем пойдешь километров на сто пятьдесят и побольше, - приказывающим, исключающим всякую шутку шепотом произнес он и веско добавил: - Будешь готовить весь корпус.

- Есть все-таки дивизия, товарищ бригадный комиссар?

- Будет, раз я говорю. На этот раз задача будет еще серьезней.

Погонишь немцев далеко на запад.

После ужина Доватор шумно вышел в сени и быстро спустился по лестнице. Окрыленный неожиданной радостью, он вскочил в седло и, разбирая поводья, весело спросил подъехавшего Шаповаленко:

- Замерз, старик?

- Да який же я старик? Вы меня, товарищ генерал, обижаете.

- Держи голову выше! Скоро гитлеровцев на запад погоним! Вышвырнем их с нашей земли! А потом вернемся в Москву.

- В Москву... - задумчиво повторил Филипп Афанасьевич и, сбивая приставший к сапогу снег, спросил: - А вот, товарищ генерал, в Москве была сельскохозяйственная выставка. Як она зараз?

- Выставка... - озабоченно проговорил Доватор. Он и сам не знал, что с выставкой. Видя, что Шаповаленко заинтересован ею, успокоительно добавил: - Закончится война, обязательно побываем. До войны-то бывал?

- Ого! Да у меня там Унтер оставлен! Такой разбродяга, не дай боже.

- Сослуживец, что ли?

- Да нет, товарищ генерал, Унтер - это наш колхозный кабан.

Ехавшие сзади казаки, уткнувшись головами в конские гривы, корчились от хохота. Не утерпев, расхохотался и сам Доватор.

Почувствовав веселое расположение генерала, Филипп Афанасьевич, расправив бороду, с нарочитой в голосе обидой продолжал:

- Всегда так, товарищ генерал. Не успеешь себя за ус дернуть або моргнуть бровью, гоготать начинают, як глупые гусаки. Им бы только хохотнуть... Не дают слова молвить, га, га, га!.. Не понимают дурни, що Унтер той историчный, общественный...

- А почему - Унтер? - сдержанно, еще смеясь, спросил Доватор.

- Да дуже вин був похож на унтера, - подъезжая вровень с Доватором, продолжал Шаповаленко. - До войны работал я на конюшне. Прихожу рано утречком, намочил коням отрубей, поклал в кормушку и бачу, как той свинячий голова забежал на двор, пристроился к корыту и жрет. Спиймав я его за ухи и прогнал. Бить, конечно, не стал. Свинья, она и есть свинья, кроме сала взять с нее нема чего. На другой день, бачу, знова пожаловал. Увидал меня и остановился. Морда така курноса, шельмовата и усики врастопырку. Лупит на меня глазищи, як будто спросить хочет: "Жрать дашь, черт старый, або знова за ухи дергать будешь?" Насыпал ему трошки. На третий - еще притащился и уже мордой о голенище трется, похрюкивает:

давай, дескать, угощай! Накормил. С той поры почал он являться, як на солдатскую кухню унтер, - каждый день. Да так привык - от коней никуда. Мы на водопой, а он следом. Начинаем их купать, щетками моем и его заодно выкупаем. Вы знаете, такой выкормился кабанище, пудов на пятнадцать. Мы тогда коней в Москву на выставку готовили, и он вместе с ними поехал, да еще первый приз взял. Вот який был Унтер! А им га-га... - уже с искренним огорчением закончил рассказ Филипп Афанасьевич.

Покачиваясь в седле в такт конскому шагу, он добавил:

- А за коней нашего колхоза мне Семен Михайлович Буденный руку жал. Грамоту с золотыми буквами вручил.

Приближались сумерки. По обеим сторонам дороги заснеженное ржаное жнивье взбороздили танковые гусеницы, в темных вмятинах застывала голубая вода. Над видневшимся вдалеке лесом поднимался дым и лениво падал на верхушки деревьев.

- А кони на выставке остались? - оглянувшись на притихших казаков, спросил Доватор.

- Кони на войну пошли...

На Волоколамском шоссе Доватора догнал на машине генерал Панфилов.

- Кавалерия, спешивайся! - крикнул Панфилов, открывая дверку. Садись ко мне, подвезу.

Молодой конь Доватора Казбек, косясь на гудевшую машину, сердито всхрапывал. Доватор слез с коня и сел в машину.

Шофер дал газ.

ГЛАВА 2

14 ноября 1941 года, за день до всеобщего наступления германских войск на Москву, на волоколамском направлении с утра начал перекатываться мощный гул артиллерийской подготовки. Армия Дмитриева своим правым флангом внезапно нанесла противнику упреждающий удар. Советские танкисты, прорвав фронт юго-восточнее Волоколамска, вышли в тыл врагу и начали громить главное сосредоточение немецких сил. За сутки дивизия генерала Панфилова и кавгруппа генерала Доватора, захватив при поддержке танковых частей несколько деревень, глубоко вклинилась в оборону противника.

Панфилов с группой штабных командиров стоял на земляной насыпи блиндажа и, поглядывая на аккуратно сложенную карту, приказывал:

- Пошлите офицера связи к Суздалеву, уточните обстановку.

Еще ночью разведчики Панфилова донесли, что против левого фланга дивизии Суздалева противник, опомнившись после удара, начал сосредоточивать крупные силы танков. Суздалев,

обеспокоенный передвижением немецких частей, прекратил наступление и перешел к обороне. Доватор и Панфилов продолжали со своими полками продвигаться вперед. В стыках между дивизиями в момент наступления, естественно, образовалась брешь.

Обнаружив значительное скопление немцев против своей дивизии, Суздалев подготовил к обороне и танки.

Действуя вяло и пассивно, он все-таки приготовился к отражению атак. Но противник учел, что атаковать этот участок - значит встретить упорное сопротивление сильной, подкрепленной танками дивизии. Поэтому, совершив обходное движение, немцы силами двух полков - пехотным 75-й дивизии и танковым 5-й дивизии - перешли в наступление в стыке двух дивизий. Но и здесь расчеты их оказались ошибочными. Панфиловцы, перейдя к обороне, не пропустили немецких танков. В этом неравном бою 28 героев-панфиловцев покрыли себя вечным ореолом бессмертной славы и доблести. К исходу этого незабываемого дня командный пункт Доватора находился на Язвищенских высотах. С утра, одновременно с атаками на дивизию Панфилова, противник силами 35-й пехотной дивизии и 2-й танковой перешел в наступление на кавгруппу Доватора.

От горящих немецких танков в небо ползли черные клубы дыма, по деревенским крышам гуляло пламя. Сквозь дым и едкий смрад на дивизии Доватора лезли все новые и новые танковые колонны. От взрывов содрогалась земля, и казалось, все оглохло от неумолкаемой артиллерийской и пулеметной канонады. Положение обороняющихся дивизий с каждой минутой усложнялось. Прислушиваясь к грохотавшей машине боя, Доватор по перемещению звуков угадывал, что левофланговые соседи начали отходить к магистрали.

Прискакавший из штаба дивизии офицер связи старший лейтенант Поворотиев сообщил, что противник обходит полки Атланова. На левом фланге дивизии Медникова немцами прорвана линия фронта в направлении Ново-Петровское. На правом фланге связи с дивизией Панфилова нет.

На наблюдательном пункте Доватора шла напряженная работа. Из блиндажа то и дело выскакивали телефонисты с красными от бессонницы глазами и подавали начальнику штаба полковнику Карпенкову тревожные донесения. Перечитывая их, Карпенков подзывал оперативного дежурного и отдавал какие-то приказания. Дежурный, придерживая на бедре шашку, бежал исполнять их. Почти через каждые пять минут начштаба вызывали к телефону. Пригнувшись, он быстро вылезал из блиндажа, подходил к Доватору и докладывал:

- Командиры просят снарядов.

- Послать, - коротко приказывал Доватор.

- Есть! Я уже распорядился. Командующий выслал танковый батальон. Я думаю, надо подкрепить Атланова. У него положение, видно, серьезное.

- Подождем. Когда прибудут, будет еще виднее.

- Убит командир Н-ского полка... - продолжал начштаба.

Доватор вскинул на него как-то сразу отяжелевшие глаза, а потом медленно отвел их и приглушенно проговорил:

- Написать семье. Для детей что-нибудь сделать, помочь.

Только что вернулся находившийся при дивизии Медникова комиссар Шубин. Отряхивая с полушубка снег, подошел к Доватору.

- Ну как? - настороженно спросил Доватор.

- По совести говоря, неважные дела, Лев Михайлович. Нажимают сильно. Переправили через реку танки. Насели на соседнюю дивизию, отбрасывают ее к шоссе. Люди дерутся крепко. Противник начал было охватывать левый фланг Медникова. Медников двумя полками пошел в контратаку. Отсек пехоту, сжег девять танков... Но держаться ему трудно. Что у Атланова с Панфиловым?

- У Атланова примерно тоже такое положение. С Панфиловым связи нет. Судя по непрерывному гулу, там жарко.

На северо-западе, в расположении дивизии Панфилова, неумолкающе гудела скованная морозом земля. Над лесом густо лопались шрапнельные вспышки.

На командный пункт прискакал взволнованный Шаповаленко. Доватор посылал его с приказанием в штаб дивизии.

- Разрешите, товарищ генерал, доложить?

- Да, да, только покороче...

Доватор, с усмешкой посматривая на встревоженные под лохматыми бровями глаза казака, приготовился слушать.

- Фриц пре, ну ни як терпеть не можно...

- Не пугай... Тише... Неужели правда? - делая нарочито изумленное лицо, спросил Доватор.

- Не пужаю, товарищ генерал. Танки зовсим недалече скрыпять. Беда!

- Да ну-у? Страшно?

- Не так, щоб дуже, но трохи е...

- Давай коней, мы немцам покажем хвост, только нас и видели...

Предчувствуя в словах генерала подвох, Шаповаленко сконфуженно замолчал.

- Значит, не можно терпеть? - напористо допытывался Доватор. - А помнишь, как ты бранил меня за отступление из Смоленщины? Партизанить собирался. Забыл?

- Обидно было, товарищ генерал. Народу богато, а бою самый пустяк.

- А сейчас не обидно? - спросил Шубин. - Смотри, какая идет горячая схватка! Не ожидал я от тебя, Филипп Афанасьевич. Оказывается, ты не очень храбр...

- Товарищ бригадный комиссар! Да я хоть зараз до смерти рубаться пойду. Нам бы трохи танков, стукнуть им в лоб, а потом в сабли!

- Скачи быстро к командиру дивизии, - приказал Доватор, - и передай, что сейчас будут танки. Кого встретишь, всем говори: идут танки. Понял?

- Так точно, товарищ генерал, понял.

Шаповаленко, круто повернувшись, побежал к коню. Через минуту он уже был в седле. Стегнув Чалого, помчался навстречу посвистывающим пулям. Над боевыми порядками обороняющихся дивизий, утробно завывая моторами, неожиданно появились немецкие бомбардировщики. Свирепо тычась остроконечными мордами, они пикировали на лес. Из блиндажей на бруствер вылезли с пулеметами охранявшие командный пункт Доватора разведчики.

Бруствер встряхивали чудовищные взрывы. Бойцы, тяжело дыша, молча наблюдали. Доватор, прислонившись к дереву, гневно сжав челюсти, выщипывал из бурки шерстинки. Шубин стоял рядом и что-то быстро писал в блокноте. Карпенков, склонившись над телефонным аппаратом, вызывал истребителей.

Бомбардировщики, выворачивая серые с темными крестами плоскости, уходя от зенитного огня, кружились над лесом, набирали высоту и скрывались за дымный западный горизонт. На одном вспыхнуло пламя. Через минуту от него оторвалось хвостовое оперение и вместе с моторной группой упало вниз. Второй, снижаясь, вычерчивал на небе густую полосу черного дыма.

- Так, так! - повторял Доватор возбужденно.

От Чесминского леса, мощно сотрясая землю, к Язвищенским высотам подходила колонна танков Т-34. Их было двенадцать. Доватор, взяв с собой лейтенанта Поворотиева, пошел им навстречу. Головной, заметив приближающегося генерала, остановился. Из люка вылез капитан в синем комбинезоне. Доватор поздоровался и назвал себя. Капитан, отдав честь, назвался Борисовым.

- Восемь машин в распоряжение генерала Атланова, поведет

вас старший лейтенант, офицер связи, - показывая на Поворотиева, сказал Доватор. Задача, капитан Борисов, трудноватая, - коротко изложив обстановку, продолжал Лев Михайлович, - отбросить противника из села Иванцово и выйти на рубежи, обороняемые дивизией Панфилова. Знаете такого?

- Так точно, товарищ генерал.

- У него очень тяжелое положение. Надо помочь. Я знаю, что такое наши советские танкисты, и надеюсь, что вы не подведете. Обещаю прикрыть вашу атаку дивизионом противотанковой артиллерии и, если будет нужно, брошу конницу. В подробностях задачу получите от командира дивизии.

Поворотиев пристроился сзади башни. Танки, вспахивая снег, двинулись дальше. Четыре из них Доватор оставил у себя в резерве. После бомбардировки с воздуха противник снова начал яростно атаковать дивизию Атланова, введя в дело до шестидесяти танков.

Восемь танков капитана Борисова при поддержке артиллерии и спешенных кавалеристов, приняв бой, сожгли свыше двадцати немецких машин, несколько вражеских танков подорвались на минах, остальные отошли на Шитьково. Но, подтянув свежие силы, противник снова пошел в атаку по всему участку фронта. Шестнадцать немецких танков прорвались в тыл и начали разворачиваться для атаки на Язвищенские высоты, где находился командный пункт Доватора.

Лев Михайлович выставил против них пушки дивизионной артиллерии. Положение становилось критическим. Кто-то предложил Доватору отойти на Федюково.

- Мы никуда не уйдем, - насупив брови, твердо произнес Доватор. - Я никому не позволю сделать назад хотя бы шаг. Мы пережили с нашим народом немало тяжелых невзгод в рейде, в Жарковских болотах, на Ржевском большаке, здесь, под Москвой. А теперь, в момент опасности, все бросить, да? Приготовить гранаты!

На командный пункт прибежал бледный, с трясущимся подбородком один из командиров дивизионной батареи.

- Танки, товарищ генерал. Уходить надо, они уже на окраине Язвищ...

- А пушки твои где? - круто повернувшись к нему, жестко спросил Доватор.

- Смяли... раздавили... Танки... Комиссар убит...

- А почему ты цел? Где автомашины, которые возили твои пушки? Кто будет подбирать раненых, которых ты бросил? Фашисты?

Командир растерянно молчал. Доватор приказал его

арестовать. Неожиданно к командному пункту, грузно давя мерзлые глыбы земли, подошел тяжелый танк КВ. Из люка показалась голова танкиста в ребристом шлеме с черномазым молодым лицом.

- Товарищи, - закричал он, - где штаб генерала Доватора?

- Я Доватор. В чем дело?

- Приехал выручать, товарищ генерал. Приказал командарм.

- Кого выручать?

- Вас, товарищ генерал, и штаб.

- Молодец! Вот спасибо... Как фамилия?

- Младший лейтенант Голубев.

- Знаешь что, голубчик... Мы себя сами выручим, а ты скорым ходом помоги своим товарищам - танкистам. Они вчетвером отбивают атаки шестнадцати немецких танков. Четыре уже подбили, а ты возьми четыре на себя.

- Есть, товарищ генерал, подбить четыре!

Танкист захлопнул люк. Рванувшись с места, могучая машина, ломая мелкий кустарник, вышла на поле. Через несколько минут орудийный хобот ее, сверкнув огненным языком, выплюнул тяжелый бронебойный снаряд. С ползущего к селу немецкого танка сорвало башню и отбросило в сторону.

- Молодец! - не отрываясь от бинокля, крикнул Доватор.

Другие танкисты, увидев поддержку, смело пошли в атаку. Справа ударили дивизионные пушки. Шесть уцелевших немецких танков начали поворачивать назад, но там их встретили батарейцы Ченцова и подожгли.

Доватор повеселел, но с появлением Кушнарева лицо его снова омрачилось.

- В дивизионной батарее одна пушка подбита, остальные три целы. Комиссар погиб, - быстро доложил Кушнарев. - Я их нашел, товарищ генерал, в лесу. Потеряв комиссара, они решили сменить позиции, передвинуть пушки глубже в лес. Когда я пришел с разведчиками, сержант из трех орудий открыл огонь и сразу же подбил два танка. Куда исчез командир, они не знают.

- Что будем делать, Михаил Павлович? - сумрачно спросил Доватор у Шубина, прислушиваясь: приближался шум мотоцикла.

- Военный трибунал разберет. А как ты полагаешь, Лев Михайлович?

- Согласен, - сурово и резко сказал Доватор.

Подъехал мотоциклист. Из коляски вылез начальник политотдела Уваров. За рулем сидел высокий командир. Это был офицер связи штаба армии.

Уваров быстрыми шагами направился к Доватору. Поздоровался за руку. Он был сильно чем-то взволнован и не мог

говорить. Красивое побледневшее лицо полкового комиссара осунулось, резче обозначились морщины, но большие голубые глаза блестели молодо, остро и ярко.

Заглушив мотор, офицер связи подошел к Доватору и вручил ему пакет.

Командарм приказывал немедленно перебросить группу в район Истра Горки. Из короткой армейской сводки было видно, что левый фланг армии отходит в направлении Истра, а правый продолжает успешное наступление. Доватору было приказано не допустить противника к Истринскому водохранилищу. В этом же приказе рассказывалось о героическом подвиге 28 панфиловцев.

В конце было самое удручающее сообщение.

Прочитав его, Доватор не сразу понял все случившееся. Его рука, готовая передать бумагу Шубину, вдруг дрогнула и исчезла под буркой. Внезапно, круто повернувшись, он отошел к ближайшему дереву. Лежавшие на бруствере разведчики видели, как генерал сломал несколько веток, отшвырнул их далеко в сторону и быстро вернулся обратно.

Взглянув на сидевшего комиссара, он хотел было что-то сказать, но спазма сжала горло. Он чувствовал, как разум его никак не мог воспринять столь неожиданное и ошеломляющее известие.

- Как же это могло случиться? - не сказал, а выдавил из себя Доватор и, склонившись к Шубину, горячо дыша ему в лицо, добавил: - Как это произошло?

- Что, Лев Михайлович?

Лицо Доватора было искажено страшной болью.

- Панфилов...

- Что Панфилов?

- Погиб генерал. Несколько часов тому назад убит...

- Да, - подтвердил Уваров, - я только что оттуда. Видел генерала... За полчаса перед этим он был в деревне Гусенево, поговорил со своей дочерью и поехал на командный пункт дивизии. Вскоре его привезли мертвого...

Уваров замолчал и отвернулся в сторону, вспоминая, как оцепенели лица бойцов и командиров, которые безотрывно смотрели на бездыханное тело генерала.

Где-то неподалеку прогремел залп гвардейских минометов. Ему яростно вторили пулеметы. Все молчали и как будто не слышали грохотавшего вокруг боя.

Доватору стоило больших усилий осознать, что его боевого соседа и друга уже нет. Перед ним стоял живой, добродушный, улыбчивый Иван Васильевич Панфилов, всего несколько дней назад подаривший ему, Доватору, перчатки. Медленно подняв

голову и посмотрев на Уварова, Лев Михайлович с тягостным принуждением, срывающимся голосом спросил:

- Дочь, говорите, родная? Да-а... Знаю. Валентина. Рассказывал он... Я еще ему завидовал, что вместе с дочерью воюет. - Лев Михайлович, все время ходивший от блиндажа к дереву и обратно, вдруг остановился и, глядя себе под ноги, стал притаптывать валеным сапогом жесткий снег. Михаил Павлович Шубин, о чем-то думая, стучал по планшетке большим красным карандашом. Уваров, перечитав в блокноте записи, не отрываясь, смотрел на пестрые лохмотья разбитых снарядами елей, на разбросанные в беспорядке сучья, поваленные стволы деревьев, исковерканные немецкие танки с торчащими вверх надульниками... Обыкновенная картина только что закончившегося боя. Еще не успели собрать трофеи и похоронить погибших...

Уваров, как и Доватор и военком Шубин, напрягая волю, старался представить героическое сражение панфиловцев с полсотней танков противника. Сегодня утром он специально поехал в политотдел панфиловской дивизии, чтобы узнать подробности этого подвига. Там ему сообщили, что на горстку людей, которыми командовал политрук Василий Георгиевич Клочков, противник сначала бросил двадцать танков. Мужественные советские люди вступили в неравный бой. Они уничтожали танки гранатами, жгли бутылками с горючей смесью. На месте боя осталось четырнадцать обгорелых машин.

К вечеру фашисты перегруппировались, получили свежее подкрепление и бросили на позиции панфиловцев тридцать танков. Истекая кровью, красноармейцы дрались, как богатыри, и не отступили ни на шаг. Большинство из них погибло, но герои-панфиловцы остались победителями!

В глубоком душевном расстройстве Доватор, подозвав начштаба, отдал распоряжение снимать дивизии и выводить на новые оборонительные рубежи.

- А кто нас будет подменять, товарищ генерал? - нерешительно спросил начштаба.

- Пока, очевидно, пехота, - с горечью ответил Доватор.

Поздно ночью Волоколамскую магистраль пересекали кавалерийские полки генерала Атланова. Слева в четыре колонны вытягивалась дивизия Медникова. Доватор и Атланов пропускали конницу на развилке дорог.

- Почему, Лев Михайлович, отходим? - настойчиво спрашивал Атланов, наблюдая, как по Волоколамскому шоссе к Москве беспрерывно двигалось огромное количество танков.

- Мы не отходим, а занимаем новый рубеж. Получена новая

задача, сухо отвечал Доватор. Ему хотелось сообщить о Панфилове, но, видя горячую взволнованность комдива, он умолчал.

- Новая задача - это другое, - упорствовал комдив, - но мой участок заняла пехота, растянув цепи жиденьким кордоном. Ей же не выдержать атак, она вымоталась за эти дни.

- Неужели тебе не ясно? - сказал Доватор. - Завтра противник бросит все силы, чтобы захватить водохранилище. Это диктует обстановка. Неудача врага на правом фланге заставляет его больше туда не лезть. Ему известно о сосредоточении в районе Московского моря наших частей. Внезапный удар нашего правого фланга провалил все его расчеты. А сегодня генерал Гоот бросился в центр и, потеряв больше ста танков, тоже ничего не добился. Поэтому вся выгодность захвата Истринского водохранилища налицо. Наш ослабленный левый фланг, как это предполагает противник, центральная магистраль - самое близкое расстояние до Москвы. А Москва - их главная не только военная, но и политическая задача. Кроме того, генерал Гоот знает, что наши танковые соединения и мы, конница, прикрываем центр армии и ее правый фланг. Сейчас он скрипит зубами, чтобы скорей навалиться всеми силами на левый фланг, разбить его и заставить откатиться за Истру.

Немного помолчав, Доватор добавил:

- Вот почему мы передвигаемся на новые рубежи. Как видишь, наше командование тоже не дремлет. Чуешь, как закручено?

- Закручено умно. - Атланов, скомкав в руке перчатку, взмахнул ею и продолжал: - Выходит, он и там встретит неожиданный сюрприз?

- Еще какой!

В направлении деревни Сычи снова рявкнули пушки, вслед за ними по лесу рассыпалась надсадная пулеметная дробь. Ряды двигающейся конницы ломко всколыхнулись. Всадники, покачиваясь в седлах, тревожно вглядывались в темноту.

Последним двигался полк Осипова. Антон Петрович, обгоняя на галопе колонну, подскакал к комдиву и, увидев Доватора, резко осадил Легенду. Взяв под козырек, он взволнованно попросил разрешения обратиться к командиру дивизии.

- У меня, товарищ генерал, чрезвычайное происшествие. Противник отрезал полковую батарею.

- Как это могло случиться?

Атланов глубоко затянулся папиросой, резко отмахнул перчаткой от лица дым. Сообщение командира полка его покоробило. Нахмурился и Доватор.

- Коней побило. Послал запасных, не дошли. Немцы,

почувствовав смену частей, начали бить из орудий и бросили в атаку танки. Пехота отошла в лес, а немцы захватили просеку. Пушки стояли еще на позициях. Ну и остались...

- Сумели пушки бросить, теперь выручайте. Как вы это сделаете, я не знаю, - выслушав сообщение Осипова, сказал комдив.

Ему представился изуродованный снарядами лес, расщепленные деревья, трупы коней и люди - героические батарейцы, на которых он только сегодня подписал наградные листы.

- Разрешите мне завернуть эскадрон. Я попытаюсь пробиться, сдерживая танцующую Легенду, проговорил Осипов.

- Этого нельзя разрешить, - вмешался Доватор. - Бессмысленная затея. Одним эскадроном ничего не сделаете.

- Но нельзя же оставить...

Осипов устало согнул плечи и опустил голову. Он и сам понимал, что не только одним эскадроном, но и целым полком трудно будет выручать попавших в беду людей.

Доватор медленно проехал к шоссе, где скопившаяся конница пропускала танковую колонну. Постоял там минут пять, потом повернул коня и послал Шаповаленко за разведчиками. Вскоре на конях подъехали Кушнарев и Торба.

- Прогуляться не желаете, друзья-разведчики? - спросил Доватор, пытаясь замаскировать свою тревогу шуткой. - Дело одно есть.

- Я вас слушаю, товарищ генерал!

Кушнарев с четкостью кадровика бросил ладонь к кубанке. По выражению лица генерала и по его тону он понял, что "прогулка" будет нелегкая.

- В Шишковском лесу остались раненые бойцы и командиры. Надо их доставить сюда. С ними находятся три пушки, их надо тоже выручить. Но там нет упряжек. Придется вести коней с хомутами. А самое главное, как обмануть заставы противника?

- Значит, они за линией фронта? - спросил Кушнарев.

- Да. Они находятся там, где вы на днях захватили немецкого капитана. В том же лесу. Поведет вас офицер связи старший лейтенант Поворотиев. Вот такая предстоит вам прогулочка. Вы, наверное, думаете - мудреную задачу ставит генерал, да?

- Думаю, товарищ генерал...

- Это очень хорошо, что вы так думаете... Попытка опасная, что и говорить. Но помните, что там остались наши советские мужественные люди артиллеристы. Они сегодня сражение выиграли, понимаете? Раненые, кровь пролили - и остались без помощи.

- Понимаю, товарищ генерал. Разрешите выполнять?

- Нет, подождите. Хорошо подумайте, старший лейтенант, хорошо! Отвоевать у гитлеровцев своих товарищей - высокая честь.

Слушая генерала, Кушнарев чувствовал, как им начинает овладевать глубокое чувство внутреннего удовлетворения. Его увлекали не слова генерала, а то чувство, с которым Доватор их говорил. Это было высокое сознание ответственности. Оно невольно передавалось Кушнареву, и он готов был сейчас выполнить любую задачу, как бы трудна она ни была.

- Мне кажется, - продолжал Доватор, - нахрапом взять нельзя. Топот полутора дюжин коней демаскирует вас.

- Разрешите мне сказать, товарищ генерал!

Торба качнулся в седле всем корпусом к голове коня.

- Говори, товарищ Торба, говори. Надо вместе обдумать.

- У меня такой план. Надо сначала пешком пробраться, разведать все, а там видно, как и что можно сработать.

- Правильный план. Как вы находите, старший лейтенант?

Доватор оживился и, подойдя к Кушнареву вплотную, погладил ладонью его коня.

- Я думаю, правильно. Малой группой в два человека можно пройти где угодно.

- Да, да, сейчас сплошной обороны нет, - подтвердил Доватор. - Если нельзя будет взять пушки, их надо повредить и оставить. Вот и все. Немного поговорили, и план приличный составили. Желаю успешно его выполнить. Я думаю, можно надеяться, товарищ Кушнарев?

- Да, можно, - немного подумав, твердо ответил Кушнарев.

ГЛАВА 3

Влажная от болотных испарений ночь стлала по лесу плотные полосы тумана. Луценко, держа в руке автомат, ходил от дерева к дереву и, прислушиваясь, жевал недоваренный кусок мяса. Около потухшего костра под плащ-палаткой тихо стонал Ченцов. Тут же вповалку лежали остальные бойцы. Дойдя до отдельно стоявшей кудрявой елки, Луценко останавливался и смотрел на недвижимо торчавшие из-под веток ноги в валенках... По ту сторону дерева, скрежеща лопатой о мерзлую землю, Новиков копал могилу. Постояв над убитым, Луценко подошел к товарищу и, остановившись над черной ямой, лаконично спросил:

- Поддается?

- Идет понемногу.

Новиков, ссутулясь, нажимал на лопату и неторопливо выкидывал комья мерзлой земли. Земля, казалось, пахла огуречной кожурой и прелым коровьим навозом.

- Сколько у нас осталось снарядов?

- В десятый раз отвечаю - тринадцать!

Новиков раздраженно отбросил землю далеко в сторону. Разогнувшись, он потуже подтянул на полушубке ремень.

- Поганая цифра, - швыряя в кусты обглоданную кость, сказал Луценко и, помолчав, добавил: - У тебя дети есть?

- Трое.

- И у меня трое. Поровну, значит. Если нас обоих убьют, как раз шестеро сирот останется.

- Пошел ты к черту! Меня не убьют.

- Да и меня тоже. Это ж я шутя. Я хочу еще троих нажить. Война кончится, думаю организовать кузнечную бригаду из Луценков. Нас четыре братана, и все ковали. Деды ковали были, и сыны ковалями будут. Вот оно якое дело! Возьми-ка автомат, покарауль, а я трошки покопаю... к утру, может, ще для себя сгодится... Надо местечко покраще подобрать...

- Не беспокойся, для твоей милости я отдельно выкопаю. Тебя вместе нельзя класть: никому спокою не дашь.

- Ух ты, скаженный! - Луценко, плюнув на руки, взял лопату и, копая, добавил: - Сколько сюда наших товарищей покладем! Даю слово, в десять раз больше фашистов уничтожу. Ты с завтрашнего дня записывай, бухгалтерию заведем.

Новиков вскинул на плечо автомат и медленно пошел к потухающему костру. Там были раненые: Ковалев, Ченцов, Алексеев и Нина. Это все, что осталось от трех орудийных расчетов.

- Попить никому не нужно, товарищи? - присаживаясь на корточки, тихо спросил Новиков.

Ночь тянется медленно, беспокойно. Лес освещается вспышками ракет и гудит длинными пулеметными очередями. Задремавший немецкий солдат, стукнувшись каской о пулеметную пяту, хотел было по привычке нажать на спуск, но руки его вдруг вяло и безжизненно свисли в окоп. Кавказский кинжал глубоко вошел под левую лопатку. Торба, сдерживая шумное дыхание, бьет еще раз. Так верней.

С еле преодолимой брезгливостью Захар снимает с фашиста каску и надевает себе на голову. Оттащив труп в сторону, он садится к пулемету. Тишина разрывается продолжительной очередью, ярко чертят темноту светящиеся строчки трассирующих пуль. Через каждые тридцать минут немец давал очередь - знак того, что на посту все в порядке. Торба стреляет точно, минута в минуту. Недаром он наблюдал за этим постом в течение двух часов.

С другими гитлеровцами разделываются Буслов, Павлюк и

Савва Голенищев. Последний, чуть не вдвое согнув свою высокую неуклюжую фигуру, подбежал к Торбе и, горячо дыша в ухо, прошептал:

- Порядок!

Торба, кивнув головой, крепко сжимает ручки пулемета, вглядываясь в темноту. Савва бесшумно отползает к группе прикрытия. Теперь надо ждать. Гитлеровцы расположили пулеметный пост на перекрестке лесных дорог. Он прикрывает подход с востока, с юга и с запада. Поверяющие приходят только с севера. Немецкий офицер в сопровождении двух солдат является каждый час. Видимо, он не особенно доверяет своим солдатам. Изучив поведение противника, разведчики действуют наверняка.

С северной стороны поверяющих ожидает засада, с юга - Буслов и Павлюк с двумя пулеметами составляют группу прикрытия. С запада должен появиться с пушками и ранеными Кушнарев. Он давно уже прогнал туда длинный караван артиллерийских упряжек. Тяжелые битюги, разгребая мохнатыми ногами сыпучий снег, прошли почти бесшумно. Кольца постромок, трензеля и другие звенящие части упряжек были обмотаны тряпками. Торба посмотрел на светящийся циферблат часов. Кажется, что стрелки бегут вперед лихорадочно быстро. Скоро уже тридцать минут, как он "дежурит" за немецким пулеметом. Приближается время давать очередь "бодрости". От непривычной обязанности его охватывает нервная дрожь. Неприятно и жутко сигналить из вражеского пулемета. Он осторожно проверяет ленту. Все в порядке, только к пальцам прилипла пахнущая какой-то гадостью смазка.

Торба, жмуря глаза, второй раз нажимает спусковой рычаг. Пулемет покорно выхлестывает продолжительную очередь. В ушах стоит звон, едкие пороховые газы щиплют глаза и лезут в нос. Ему хочется стрелять все время, чтобы только скорей прошли эти минуты томительного, напряженного ожидания.

Вдруг до его слуха доносится гулкий шум громыхающих орудийных ящиков и колес. Торбе кажется, что по лесу грохочет беспощадное эхо. Оно заставляет его повернуть пулемет на север. Там вспыхивает каскад желтых и синих ракет. Лесная дорога ярко освещается. Видно, как темно-гнедые битюги, цокая подковами, спокойно тянут пушки, точно идут на новые недалекие позиции.

Дробный, металлический перекат дегтяревского пулемета вспарывает притихшие было заснеженные кусты. Где-то недалеко слышны непонятные выкрики. Торба заглушает истошный галдеж на чужом языке огненным веером трассирующих пуль.

Пулемет дрожит, словно хочет вырваться из рук. Бусловский

"дегтярь" стучит еще громче. Пушечные колеса, быстро разбрасывая грязный снег, грохочут мимо Торбы. Верхом на стволах полковых гаубиц, обнимая их, едут люди в прокопченных полушубках.

Битюги, подхлестнутые выстрелами, бухая тяжелыми копытами, спешат грузной взбодренной рысью.

Торба, Буслов, Голенищев, Павлюк, расстреляв все патроны, тащат за собой пулеметы. Вот батарея скрылась за поворотом. Навстречу разведчикам коноводы на галопе подают лошадей.

...Через час Кушнарев с Торбой ужинали на квартире у подполковника Осипова.

- Хочешь, старший лейтенант, - наливая в стаканы, возбужденно говорил Антон Петрович, - ко мне заместителем по строевой? А?

- Да я же разведчик, товарищ подполковник! - улыбается Кушнарев.

- Тогда помначштаба по разведке? Капитана дам!

- А я его и так получу...

- Ничем, брат, тебя не возьмешь. Ну, а ты, Торба, командиром полковой разведки пойдешь? Выпрошу у Доватора.

- Нет, товарищ подполковник. От генерала Доватора не уйду до смерти! - гордо ответил Захар.

- Любите, черти, Доватора, знаю... А я, думаете, не люблю? Да нельзя его не любить.

ГЛАВА 4

К исходу 20 ноября Доватор сосредоточил свои части в районе Истринского водохранилища и завязал тяжелые бои на рубежах Поспелиха Надеждино. Атаки противника следовали одна за другой, но, наталкиваясь на упорное сопротивление, захлебывались.

Противник, напрягая последние усилия, начал охватывать левый фланг Доватора и пытался отбросить его дивизии на северо-восток, стремился обеспечить продвижение своих частей вдоль Волоколамской магистрали. Однако Доватор не только упорно отбивался, но замышлял нанести немцам внезапный удар во фланг.

Зимний короткий день заволокла черная ночь. На квартиру, где поместился Доватор, Шаповаленко притащил охапку дров и затопил печку. Уже второй день генерал прихварывает от усталости, бессонных ночей, сырой, холодной погоды и нечеловечески напряженного труда. Глаза Льва Михайловича воспаленно блестят. Перед генералом на столе, заваленном картами, газетами, схемами, лежит папка с очередными донесениями. Вялым движением руки он отодвигает ее в сторону.

По телу пробегает неприятный озноб. Потом, пересилив себя, Доватор снова протягивает руку и открывает папку.

"Противник занял Новый Иерусалим, - гласит армейская сводка. - После ожесточенных боев части Красной Армии оставили Яхрому, Рогачев, Федоровку, Ольгово". А ведь несколько дней назад в Ольгове были расположены тыловые подразделения его соединения.

Лев Михайлович глубоко задумался, посмотрел на карту и с чувством горькой досады снова начал читать.

Донесения, рапорты, письма, разведсводки... Целая пачка, и ничего утешительного. Вдруг генерал узнал круглый четкий почерк Кушнарева.

"Штаб Д. Карта 100 000. Добрино. Высота 183,6. Разведгруппа No 2. Горки прибыл заслон пр-ка - слабый, до взвода. Один миномет, два пульпоста (см. схему). В Добрино батальон егерей пр-ка рассредоточен по хатам. Готовят пищу. Пульпостов четыре (см. схему). Автомашины, 26 орудий, семь на прицепах. Замаскированы ржаными снопами. По деревне редкие патрули. Смена пулеметных постов частая".

Подчеркнув последнее слово донесения, Лев Михайлович написал сбоку: "Мерзнут".

"Свободно проник на южную окраину, - читает он дальше, - веду наблюдение из отдельного сарая (см. схему).

Выводы: противник, отогреваясь на печках, трет ушибленные места, собирается жрать двух убитых на моих глазах коров. Имеется возможность нарушить этот пир и предложить другой... За обеспечение внезапности удара несу полную ответственность. Жду дальнейших приказаний".

Вездесущий умница Кушнарев своим донесением сразу отогнал от генерала хворь. Вот подходящий момент для флангового удара, о котором он размышлял в течение последних двух дней, забрасывая в расположение противника до тридцати разведывательных групп ежедневно.

Просмотрев кушнаревскую схему, Доватор быстрыми движениями руки нанес на карту обстановку. В комнате тихо. В печке весело потрескивают дрова, дремлет, разморившись от тепла, Шаповаленко.

За окном метет вьюга. Протяжно завывая, она скрадывает гул выстрелов. Торопливый маятник загнал обе стрелки ходиков на цифру "12". Доватор взял телефонную трубку, вызвав начальника штаба, отдал предварительный боевой приказ: "Генералу Атланову выделить в мой резерв один кавалерийский полк. Самого немедленно вызвать в штаб". И снова сосредоточенно углубился в схему, изучая ее и сверяя с картой.

Схема набросана Кушнаревым с фронтовой торопливостью, но точно, грамотно, со всеми необходимыми топографическими деталями. Добрино, как и большинство подмосковных сел, окружено лесной чащей. Для внезапного удара лучшего и не придумать.

- Молодцы разведчики! - произнес Доватор.

Шаповаленко вздрогнул.

- Уснул, батько? - весело подмигнул ему Лев Михайлович. Ему очень хочется подзадорить казака.

- Да який же я батько? Мне всего пятьдесят годов.

Филипп Афанасьевич не любит, когда его называют стариком.

Доватор, подметив это, нарочно величает его "папашей", "батько", "старичком". Шаповаленко начинает хорохориться и сердито подкручивает ус.

- Конечно, батько. Внуки же есть?

- Що ж внуки! Я молодых за пояс заткнуть можу.

- Ох, какой герой! Хочешь, поедем в Добрино фашистов рубить? Посмотрим, какой ты герой. Иди готовь коней.

- Вам не можно ехать никуда. Вы хворый.

- Ты мне брось - хворый. Вот поедем в Добрино ужинать. Скажи Сергею, чтоб седлал. Поедем в Добрино ужинать, - повторил Доватор.

Шаповаленко недоуменно посмотрел на генерала, как бы соображая: то ли он шутит, то ли впрямь серьезно заболел.

Вечером от Торбы он и сам слышал, что в Добрино прибыло много немцев, а генерал вдруг туда ужинать собрался.

- Значит, правду коней готовить? А врач? - нерешительно спросил Филипп Афанасьевич.

- Я сам себе доктор. Шагом марш к Сережке! А то и ужинать не возьму.

Доватор, не обращая внимания на удивленного Шаповаленко, снова взял трубку и вызвал к себе начштаба.

Через несколько минут они сидели за столом и, низко склонившись над схемой, разрабатывали детали операции.

План в основном был готов, однако было существенное "но". Маловато людей. Когда начштаба показал последнюю сводку о потерях, Лев Михайлович сумрачно уперся глазами куда-то в угол. Такая блестящая возможность, и вдруг все срывается из-за нехватки нескольких сот бойцов. Доватор, соединившись со штабом армии, вызвал командарма. Его не было в штабе. Наштарм, одобрив замысел, предложил Доватору осуществить его имеющимися в наличии силами.

- А где же обещанное? - иронически спросил Доватор.

Наштарм упорно молчит в трубку, как будто речь идет о каком-то пустяке.

Доватор продолжает просить: хотя бы один батальон пехоты, одну роту! Ну, одну "девушку Катю"! Опять отказ, а затем вежливое пожелание успеха. Разговор окончен.

Доватор, заложив руку за борт кителя, прошелся по комнате.

- Кадровая дивизия!.. - произнес он гневным охрипшим голосом. - Как она сейчас нужна мне, черт побери, а они даже роты не дают! - Остро глянув на Карпенкова воспаленными глазами, Доватор добавил: - Если мы упустим возможность нанести встречный удар, то больше двух дней нам здесь, на этом рубеже, не удержаться. Ты понимаешь?

- Понимаю, Лев Михайлович.

- Значит, отступать! Куда дальше отступать? Куда, я тебя спрашиваю?

Никогда еще Карпенков не видел генерала в таком гневе.

- Отступать мы не можем. Бить, крепче бить! Короткими ударами надо выбрасываться вперед. В данной обстановке это лучшее средство обороны. Наступление обескуражит противника, а в народе поднимет боевой дух и укрепит веру в победу.

В эту минуту вошел Атланов.

- Вы меня, Лев Михайлович, хотите совсем обезоружить, - подавая Доватору руку, проговорил с улыбкой комдив.

Доватор отвел в сторону глаза. Сердце его сдавила горькая, незаслуженная обида. Напрягая все усилия, чтобы говорить спокойно и обдуманно и не обидеть зря комдива вспышкой раздражительности, он сказал:

- Я не для спора вызвал тебя, Иосиф Александрович. У меня бремя не легче твоего... Мы тебя хотим "обезоружить"?

Он сел на кровать и продолжал:

- Ты что же думаешь: генерал Доватор выпил утром коньяку, проглотил ломтик лимона, закурил, уперся глазами в карту, как бык в ручей, и, увидев свою глубокомысленную физиономию, решил, что ему надо командовать? Прочертил красную стрелу, изображающую атаку дивизии Атланова, потом взял лист бумаги и тем же карандашом написал: "Завершая удар на деревню, мы создаем противнику катастрофическую угрозу". Потом нарисовал другую стрелу, должную изображать своей закорюкой фланговый удар дивизии генерала Медникова. "Таким образом, в тесном взаимодействии двух массированных ударов, при поддержке подвижного резерва развиваем успех в направлении Козлики". Начальник штаба, разумеется, в восторге от гениального плана, моментально стряпает приказ, отхватывает в резерв полк. Ему наплевать, что Атланов растянул жиденькую оборону на десять

километров и держится на "фу-фу", лишь бы документ был отработан по всей форме штабного искусства, а там как хочешь, так и выкручивайся - на то и генерал... Может быть, так мы командуем, генерал Атланов?

- Да что с вами, Лев Михайлович?

Ошеломленный комдив быстро снял с головы папаху, обнажив морщинистый, вспотевший лоб.

- Могу ли я так думать? - спросил он с удивлением.

- А почему же ты мне с этакой улыбочкой говоришь, что я тебя обезоруживаю?

- У меня положение такое...

- Вот почему мне и нужен полк, чтобы вывести тебя из этого положения.

Доватор наклонился к столу, взял донесение и схему Кушнарева и подал Атланову. Тот, пробежав по бумагам глазами, на мгновенье задумался. Он сразу оценил всю важность предстоящего дела и, поняв причину вспышки Доватора, мысленно осудил себя за необдуманные, обидные слова.

- Ну, что скажешь? - в упор спросил Доватор.

- Такой случай упускать нельзя.

У многих людей с сильной волей и большим жизненным опытом есть золотое правило: откровенно признавать свой промах, быстро исправлять его и находить выход из любого затруднительного положения. Таким был и генерал Атланов. Глядя на Доватора загоревшимися глазами, комдив проговорил:

- Я сейчас же отдам приказ высвободить людей из числа коноводов, оставлю по одному человеку на десять лошадей. Штабных писарей, лишних ординарцев, поваров, кладовщиков, музыкантов - в строй. Наберем людей, Лев Михайлович. Эту операцию надо проводить немедленно! А за то, что обидел тебя, прости. Разреши мне на деле исправить ошибку. Я не так, конечно, думал, как это тебе представилось, а, откровенно говоря, подозревал, что на этот раз ты ошибаешься. Но вышло наоборот. Брани, принимаю.

Вскоре план предстоящей операции был еще раз совместно продуман и уточнен во всех деталях. Штабной аппарат Карпенкова работал согласованно, четко и быстро. Через час приказ был разослан в дивизии. Он гласил: "Комдиву 1 создать подвижную группу и нанести фланговый удар в районе Добрино, комдиву 2 силами двух полков способствовать развитию успеха атаками в направлении Горки - Борино".

Завершением этой операции замысел противника обойти кавгруппу Доватора с юга сводился на нет. Атака была назначена на шесть часов утра.

Доватор не спал. В ожидании офицера связи он тревожно прислушивался к каждому шороху. Перебирая на столе бумаги, он незаметно углубился в сводную строевую записку.

Лицо Доватора омрачилось. После непродолжительного раздумья он взял чистый лист бумаги и написал было командарму подробную объяснительную записку. Но, вспомнив, что фронт растянулся от Балтики до Черного моря, он разорвал наполовину исписанный лист и бросил его в печь. Усталость и недомогание ломают все тело, но он не может лежать. Подойдя к двери, он негромко окликнул задремавшего адъютанта - капитана Курганова - и приказал прислать к нему Шаповаленко.

Филипп Афанасьевич не замедлил прибыть.

- Кони готовы? - спросил Доватор.

- Да они всегда готовы. Только Сергей спрашивает, какого подавать и далеко ли будем ехать. Ежели далеко, то Сокола. - Зная, что генерал болен и ему ехать нельзя, Шаповаленко, откровенно говоря, тянул волынку. - А ежели близко, то Казбека.

- Поедем в Добрино.

- Да разве воно наше, товарищ генерал?

- Оно всегда было наше, - устремив на казака усталые глаза, ответил Доватор.

- Да там же немцы!

- И я знаю, что немцы. Потому и еду.

Такой ответ привел Шаповаленко в полное замешательство: "Уж не бредит ли генерал от высокой температуры?"

- Вам бы надо, товарищ генерал, трохи отдохнуть. Цей самый грипп така проклятуща хвороба... - ласково, с тревожной озабоченностью сказал Филипп Афанасьевич и пустился в несвойственное ему медицинское рассуждение о теплых припарках и горчичниках. Сам он при лечении пользовался всегда одним и тем же средством - стопкой горилки, приправленной чудовищной порцией перца.

- Ты, дед, с каких это пор в милосердных братьях-то состоишь? огорошил его Доватор. - Я твою "профилактику" знаю. Тоже мне гомеопат нашелся!

"Совсем занедужил генерал, - решил Шаповаленко, - и слова-то якись непотребные".

- Отвечай, чего молчишь? Есть такая наука, профилактика называется, слыхал?

- Слыхал.

- А хирургию знаешь?

- Это що живым ноги отрубают? Така лехция мне известна...

- Вот-вот, правильно. Ступай, веди коней. Поедем в Добрино. Мы там сегодня устроим фашистам "лехцию". Внушим им

"профилактически", что ни одно совершенное преступление безнаказанным не остается, и хирургически докажем на саблях. Понял?

- Понял.

На самом деле Шаповаленко все понял по-своему. Вместо того чтобы привести коней, он побежал в медчасть и поднял на ноги всех врачей. По дороге он шепнул об этом и дежурному по штабу, а тот по телефону передал в штаб армии.

- Очень сильно заболел. Собирается ехать к немцам и делать им хирургическую операцию.

По пути из медчасти Филипп Афанасьевич завернул к Шубину.

- С генералом плохо, товарищ комиссар.

- Что такое? - встревоженно спросил Шубин.

- Занедужил. Ой, як занедужил, беда! Говорит всякие несуразности. Собирается ехать к немцам на лехцию. А у самого глаза горят, як два угля.

- Врача вызвали?

- Так точно, побудку сделал усем...

- Да, плохо дело.

Шубин, быстро накинув на плечи бурку, вышел вслед за Шаповаленко.

На квартиру они пришли одновременно с врачом и тихонько открыли дверь. Курганов, сидевший в передней, предупредил их, что генерал спит.

В ожидании коня Лев Михайлович, одетый в теплую бекешу и бурку, присел на кровать и уснул. Голова его в низко надвинутой на лоб кубанке лежала на подушке, ноги в белых валяных сапогах были опущены на пол. Шубин осторожно поднял их и бережно положил на кровать. Выйдя из комнаты, он категорически запретил кому бы то ни было будить генерала.

Но Льва Михайловича все-таки разбудили. В одиннадцатом часу утра он сквозь сон услышал шум. С протяжным звуком скрипнула дверь.

Доватор открыл глаза.

В комнату с запахом морозной свежести вошли командарм Дмитриев, член Военного совета Лобачев и Шубин. Последним через порог перешагнул незнакомый полковник в шинели с синими кавалерийскими петлицами. На боку его чеканным серебром поблескивала кавказская шашка. Полковник был смугл, худощав, с черными вразлет бровями.

Доватор вскочил и растерянно, точно провинившийся курсант, взял под козырек.

- Да он совсем молодцом выглядит! - весело крикнул

Лобачев. - Человек отдыхает, при полном боевом, а вы толкуете, что болен! Ну, как себя чувствуешь, генерал Доватор?

- Спасибо, товарищ дивизионный комиссар. Я себя хорошо чувствую. Так заснул крепко, что, кажется, все на свете проспал... - укоризненно посматривая на Шубина, ответил Доватор.

Михаил Павлович с какой-то особенной радостью успокоительно кивнул ему головой, давая этим понять, что с ночной операцией все обстоит благополучно; потом, улыбнувшись, он сделал рукой такой жест, как будто говорил, что произошли необыкновенные и удивительные события.

Доватор настороженно и растерянно смотрел то на улыбающегося Шубина, то на командарма.

- Ты действительно проспал, гвардеец. Все проспал. Скажи ему, генерал. - Лобачев шумно сел на стул, жалобно заскрипевший под его могучей фигурой.

Откинувшись на спинку, он загадочно посмотрел на Доватора.

- Скажем по чести, проспал, - подтвердил командарм. - Первое поздравление получил твой комиссар Михаил Павлович Шубин.

- С чем вы нас поздравляете? - все еще ничего не понимая и с удивлением глядя на торжественные лица военачальников, спросил Доватор.

- С блестяще проведенной этой ночью операцией - раз! С гвардейскими дивизиями - два! Разрешите вручить приказ и поздравить вас, товарищ гвардии генерал-майор. Ваша кавгруппа переименована в гвардейский корпус, - проговорил Дмитриев.

- Служу Советскому Союзу!

Произнося эти торжественные слова, Доватор, все еще не понимая, что произошло, сел на кровать. Но когда присутствующие засмеялись, он вскочил, бросившись к командарму, трижды поцеловал его и, не находя слов, долго жал ему руку.

- Ты с полковником-то познакомься. Он ведь тебе кадровую дивизию привел. Ты понимаешь, кадровая!.. - Лобачев поднял указательный палец. - А ты, наверное, думал, что я тебя надул? Признайся, думал?

- Нет, товарищ дивизионный комиссар, я думал совсем другое, - подходя к новому комдиву, ответил Доватор.

- Товарищ гвардии генерал-майор, полковник Тавлиев с вверенной мне ордена Красного Знамени дивизией прибыл в ваше распоряжение, - четко доложил комдив.

- Ух ты! - радостно пожимая Тавлиеву руку, сказал Доватор. - Значит, будем воевать вместе? Хорошо будем воевать!

Лев Михайлович чувствовал, что командарм приехал не случайно. Он привез с собой не только заслуженную гордую радость, но и большую новую ответственность.

Вчитываясь после отъезда гостей в текст приказа о присвоении дивизиям звания гвардейских, Доватор только теперь во всей полноте осознал, как высоко оценило правительство заслуги его бойцов и командиров. Он задумался: какими знаниями, какой высокой культурой должен обладать военачальник, чтобы быть достойным советским полководцем?

Талант полководца, как принято считать, - это умение руководить войсками, искусно маневрировать ими и хитро обманывать противника. А разве немецкие генералы плохо маневрируют?

Почему же он, молодой советский генерал, бьет профессиональных военных мастеров школы Шлиффена, Людендорфа, Браухича, Гудериана? Потому, что он, генерал Доватор, бывший крестьянский парень из белорусской деревни, имеет за плечами большевистскую школу. Он бьет противника не только силою оружия и знания, но и великой силой, которую ему дала Коммунистическая партия.

Еще и еще раз перечитывает Доватор приказ, и глубокое волнение охватывает его. Подписывая первый боевой приказ по гвардейскому корпусу, он ощутил в себе силу и уверенность опытного полководца, а ясность предстоящих задач еще выше подняла его дух и волю к борьбе и победе.

ГЛАВА 5

По приказу командования корпус Доватора был временно выведен в резерв. Весть о присвоении дивизиям гвардейского звания быстро облетела все подразделения. Над лесом, где были построены полки, вихрилась снежная пыль. Раскачивались на ветру вершины могучих, потемневших от старости сосен. На прокопченных полушубках, шапках-ушанках кудрявится морозный иней, новенькие еще, но уже захватанные руками автоматы сверкают сталью.

- "...За проявленную в боях с немецкими захватчиками доблесть и геройство присвоить звание гвардейских", - разносится звучный бас члена Военного совета Лобачева, читающего приказ.

В заснеженном лесу далеко раздается мощное тысячеголосое "ура". Его слышат тысячи людей. Одетые в белые маскировочные халаты, они идут бесконечными колоннами. Скрипит снег под новыми добротными валенками, слышится короткий звон минометных плит и густой звук патронов, бренчащих в пулеметных дисках. На салазках темнеют станковые пулеметы.

Вдруг неподалеку ухнул артиллерийский залп. Над лесом

вспыхивает хвостатое пламя. Где-то рванулась скованная беспощадным морозом земля. Где-то взвихрились первые черные смерчи. А потом, беспрерывно гудя, задымили длинноствольными жерлами тысячи горластых пушек. Танкисты заводили моторы...

Началось утро 6 декабря 1941 года.

В этот день Красная Армия остановила и погнала фашистские полчища с подмосковных рубежей на запад. Советские люди в этот день круто повернули колесо истории. Они сказали: "Не быть врагу под Москвой!"

На другой день Доватор был вызван к командующему войсками армии.

Прибыв в штаб, Доватор тотчас же явился к командарму. Увидев входящего комкора, Дмитриев, вставая из-за стола, приветливо кивнул головой и протянул Доватору руку.

- Поджидал. С нетерпением поджидал. А ты, как всегда, вовремя и в отличном расположении духа. Люблю, когда у людей бодрое настроение. Во мне крепнет убеждение, что в войсках все нарастает боевое воодушевление. Я побывал в сибирских дивизиях, какой народище! Даже в словечках, брошенных невзначай, чувствуется сила, уверенность! "Ты, Семен, - подслушал я сегодня ночью у костра, - барахлишко-то лишнее из мешков выкинь да насыпь туда патронов поболее. Видать, далеко вперед шагнем, пока догонит обоз-то, пригодятся". Вот какие разговорчики! Хорошо!

Командарм сощурил ясно улыбающиеся глаза, на его тонкие, плотно сжатые губы набежала улыбка.

- Как твое новое пополнение?

- Боевой народ! Как песню грянут, с деревьев снег сыплется. Рвутся в бой.

Доватор нетерпеливо похлопывал ладонью по колену.

- Есть, Лев Михайлович, и для твоих конников дело.

Дмитриев подошел к висевшей на стене карте и жестом пригласил за собой Доватора.

Вглядываясь в карту, Лев Михайлович искал расположение своего корпуса. Но на том месте, где должен был находиться корпус, его не оказалось. Доватор нашел его совсем в другом месте: район Кубинка был обведен кружком и заштрихован предполагаемым сосредоточением конницы и танковой бригады. В центре его был воткнут флажок. От него стрела, начерченная пунктиром, пронизывая расположение противника, далеко уходила во вражеский тыл.

Доватору без слов стало ясно, что для его гвардии пришла желанная пора большого, ответственного дела. Ему захотелось свистнуть от радости, но он сдержал озорную мысль и тут же

почувствовал, как голова его начинает работать с напряженной, трезвой ясностью. "Перехватывать магистрали, срывать планомерность отхода противника", - мысленно формулирует он предстоящую задачу.

- Вы должны приготовиться к большой рейдовой операции, - продолжал командарм. - Придерживаясь своей излюбленной магистральной тактики, немцы готовятся к организованному бегству на запад. Сейчас они имеют намерение из района Руза пробиться на Волоколамск, соединить свою юго-западную группировку с северо-восточной, выйти на основную магистраль и, создав мощный клубок, покатить его на запад. Одновременно гитлеровское командование питает надежду сохранить силы и удержать как трамплин для прыжка на Москву город Можайск. В задачу корпуса входит: разрушить замыслы противника, перерезать в глубоком тылу все пути отхода, загонять его в подмосковные леса, вышибать из теплых домов на мороз, сталкивать с магистрали и уничтожать самым беспощадным образом. Вот какая, генерал Доватор, предстоит работа. Я думаю, что это по душе тебе и твоим гвардейцам!

- По душе, Василий Васильевич, - ответил Доватор, внимательно выслушавший речь командарма.

- И еще новость. В связи с предстоящей операцией корпус придается 5-й армии, - сказал Дмитриев.

Разговор был прерван телефонным звонком. Командарм снял трубку. После нескольких приветственных слов красивое, еще совсем молодое лицо его изменилось. Строго поджав тонкие губы, перебирая пальцами лежащие на столе папиросы, он коротко отвечал кому-то:

- Да... Непременно!.. Доложу лично. Да, да, здесь... Все закончено!.. Будет исполнено!.. Немедленно! Есть!..

Командарм положил трубку. Взглянув на Доватора, он сдержанно улыбнулся и заговорил с мягкими интонациями в голосе:

- Тебя, дорогой Лев Михайлович, и старший командный состав корпуса, командарм назвал несколько фамилий, - хочет видеть командующий войсками фронта...

- Командующий? - медленно приподнимаясь со стула и не спуская с Дмитриева светлых удивленных глаз, спросил Доватор.

- Да, - подтвердил командарм, тоже вставая со стула и пододвигая к краю стола один из телефонных аппаратов. - Быстро свяжись со своим штабом и распорядись, чтобы выезжали. Их встретит офицер связи. Мы тронемся сейчас же.

Командарм, оправив безукоризненно сидевший на нем китель, положил в карман коробку папирос и, обдав Доватора

ободряющей, тепло светившейся в его больших выразительных глазах улыбкой, ушел.

Окончив телефонный разговор, Лев Михайлович вышел следом за ним.

На улице он глубоко вдохнул в себя свежий морозный воздух.

Взволнованность не исчезла, и не отхлынули тревожные думы. Доватор шагал по хрустевшему снегу рядом с высоким в серой папахе командармом и старался добросовестно разобраться, что же творится в его душе... За последнее время в его судьбу внезапно и бурно вторгались все новые события. Участие в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года оставило в его душе неизгладимое впечатление. Вслед за этим кавалерийская группа была переименована в гвардейский корпус. И наконец, блестящее наступление наших войск под Москвой...

Но в то же время и чувство тревоги не покидало его ни на минуту. Только в машине он позволил себе спросить у командарма, чем объясняется вызов командующего фронтом.

Генерал Дмитриев прямого ответа на этот вопрос не дал.

- Ты с ним когда-нибудь встречался? - спросил он.

- Был представлен на одном из приемов. Суровый, говорят, человек, ответил Доватор, припоминая высоколобого, с нахмуренными бровями генерала армии.

- Скажем прямо, строговат... Мы часто еще склонны принимать требовательность за суровость, а это большая разница... Во время разговора советую учесть, что командующий не выносит фальши. С ним надо говорить только начистоту. Иногда человек сомневается в чем-то, но старается прикрыть это излишней самонадеянностью. Имей в виду - от него это не укроется. Держись просто и говори, что думаешь.

Доватор улыбнулся и промолчал. Отвернувшись, смотрел через стекло на бежавшую рядом белую полосу реки Москвы, изогнувшуюся широкой кривой лентой. На противоположном берегу, в зелени притихших елей, уютно гнездились не тронутые войной дачные, с заснеженными крышами домики. От встречного потока переполненных грузами машин по обочинам шоссейной дороги вихорьками кружились хлопья снега. Ежеминутно в морозном воздухе раздаются густые суровые гудки тяжело урчащих грузовиков.

Покрывая металлический лязг гусениц и свист кованых колес, поют идущие вдоль магистрали солдаты в краснозвездных касках.

"Пройдут месяцы, годы, - думают сидящие в машине люди, - растопит горячее солнце сугробы, побегут по полям и протоптанным войной лесным тропкам бурные веселые ручейки, наполнятся студеной водой окопы с развалленными краями,

блиндажи и артиллерийские капониры. На брустверах оживет тогда свеженакопанная земля, и в разгаре весны, из-под кучи стреляных гильз, выскочит кустик ромашки, раскроет свой желтый глазок... И детишки из ближайшего пионерского лагеря наполнят карманы позеленевшими гильзами, нарвут цветов и прикрепят венок к пятиконечной звездочке, огороженной тесовым заборцем... А потом возьмутся за руки и, наполняя лес звонкими голосами, запоют песню, которую сложит неизвестный еще поэт... Может быть, это будет песня про порхающего на дороге чибиса или про красного снегиря, а может, про геройского солдата".

А сейчас поют солдаты, гудят гудки, призывно гудят!

Звуки несутся к расчищенному от туч ясному зеленоватому небу, где яркое полуденное солнце раскинуло над широкой землей свои радостные лучи, горячие, как человеческое сердце.

Машина въехала в просторный, обнесенный высоким забором двор.

Полковник с подстриженными над верхней губой усиками провел генералов в большую светлую комнату, где уже собрались вызванные Доватором военком Шубин, генерал Атланов, начальник политотдела Уваров, командиры полков Бойков и Осипов.

Поздоровавшись с ними, о чем-то переговорив со встретившимся знакомым генералом, Дмитриев прошел в другую комнату.

Доватор остался со своими командирами. По выражению их лиц Лев Михайлович понял, что они ожидали его с нетерпением, но расспрашивать сразу не решались.

В комнате стояла выжидательная тишина.

В углу около телефонных аппаратов сидел молоденький лейтенант, беспрерывно прижимавший к уху телефонную трубку. В то же время он приглаживал и без того аккуратно причесанные волосы.

- Что-нибудь расскажешь, Лев Михайлович, или нет? - подставляя Доватору стул и придвигая свой, спросил Шубин.

- Новости есть, Михаил Павлович, да еще какие! - задорно подмигнув командирам, ответил Доватор.

Генерал Атланов, позванивая шпорами, подошел к Шубину и стал рядом с его стулом. Подошли ближе Уваров и Бойков. Только подполковник Осипов, сутуля плечи, примостился на подоконнике и зло косился на лейтенанта, вежливо запретившего ему курить.

- Первая новость - это, конечно, гайки подкрутят, - проговорил Осипов мрачно, предполагая, что раз вызвало высокое начальство, значит, без нахлобучки не обойдется...

- А что, у тебя ослабли? - оборачиваясь к подполковнику, спросил Доватор.

- Мы это можем и без больших начальников сделать, - заметил Шубин.

- Да на себе я этого не чувствую. Но, как говорится, был бы гвоздик, а куда его вбить - место всегда найдется, - полушутливо, полусерьезно ответил Осипов.

- Ясней говори, ясней! - допытывался Доватор.

- Он у меня, знаете, кое-чем недоволен, - улыбаясь и стараясь не глядеть на Осипова, заметил Атланов.

- Чем именно? - спросил Шубин.

- Недоволен темпами наступления...

- Скажи пожалуйста! - пряча улыбку, сокрушенно покачал головой Шубин.

- Ему подавай большую рейдовую операцию, без задержки прямо до Берлина...

- Лихо! - улыбнулся Доватор.

- А что? В Берлин не в Берлин, а вот снова в Смоленщину, на широкий простор! Как бы я там развернулся! - Осипов соскочил с подоконника и увлеченно продолжал: - Каждую ночь мы спокойненько могли бы ликвидировать не меньше пяти гарнизонов, эшелоны - под откос, штабишки - на воздух, диверсии на большаках, глубокая разведка... Партизаны там большой опыт накопили! Вместе с ними действовать можно смело! Что, не правда? Скажите, товарищ бригадный комиссар.

- Согласен. А вы скажите об этом командующему, - предложил Шубин, - а мы поддержим.

- И скажу! - горячился Осипов. - Начинается новый этап войны.

- Очевидно, до командования дошли слухи о вашем стратегическом плане, поэтому и вызвали, посоветоваться хотят... - неожиданно ввернул гладко причесанный лейтенант, невзлюбивший Осипова за его, как ему казалось, вольное поведение в присутствии генералов.

На секунду наступила тишина.

Открылась дверь. Из комнаты вышел полковник и пропустил мимо себя немецкого офицера с черной повязкой на глазу. Вслед за ним вышел рослый смуглолицый человек. Это был один из знаменитых разведчиков фронта. Он отвел гитлеровца в противоположный угол комнаты и, кивнув своей крупной головой на стул, коротко бросил:

- Садитесь, курите.

Вынув из кармана пачку сигарет, он протянул их гитлеровскому офицеру. Сам же достал кисет и набил

небольшую, короткую трубочку.

Присутствующие с любопытством рассматривали разведчика и его "подшефного".

- Из далеких краев птичка? - спросил Доватор.

- Господин Прайс, генеральский адъютант, - охотно ответил разведчик. - Мы с ним недавно немного "попутешествовали" вместе... И кажется, поладили, вот видите, покуриваем...

Это был действительно капитан Прайс, адъютант генерала Штрумфа. Прижимая к тонким, сморщенным губам сигарету, он молча рассматривал советских генералов и думал о могучей силе русских, которые даже в это трудное для них время могут так весело смеяться. Откуда они черпают эту силу? Он уже давно забыл, когда сам смеялся, и не помнит, чтобы на лице его начальника, генерала Штрумфа, появилась когда-нибудь такая же, как у этих людей, улыбка. И Прайс вспомнил, как несколько дней назад, во время бомбежки штаба армейской группы, генерал Штрумф, находясь в бомбоубежище, послал его в другой бункер за какими-то документами. У входа капитана встретили очень спокойные советские воины, завели его в какой-то пустующий бункер, приставили к виску пистолет, завязали какой-то тряпкой последний глаз и приказали садиться в машину.

Воспользовавшись паникой во время налета советской авиации на расположение штаба, они неизвестно каким путем проникли туда и увезли капитана Прайса к русским позициям.

Прайс жадно курит и все время зверовато косится на угрюмого вида подполковника, крепко зажавшего в большом кулаке полукруглый эфес кривой кавказской шашки.

Осипову становится трудно дышать. Ловя скользящий взгляд одноглазого фашиста, он начинает сердито кряхтеть и покашливать. Хрипловатым заикающимся голосом спрашивает:

- Кто глазок-то ему попортил?

- Дефект у него старый. Французы вышибли... - ответил разведчик с усмешкой и, кивнув одноглазому, увел его.

В небольшой горнице с двумя широкими, выходящими в сад окнами, куда вошел с командирами Доватор, за столом, накрытым белой скатертью, кроме командарма сидели еще два генерала. Одного из них Доватор узнал по портретам и, остановившись, отдал рапорт.

Коренастый, с коротко остриженной головой, со звездочкой Героя Советского Союза, генерал армии поднялся с места. Протягивая Доватору руку, проговорил:

- Рад видеть гостей! Присаживайтесь, товарищи, присаживайтесь.

Генерал приветливо пожимал руку каждому.

"Гости" рассаживались за двумя сдвинутыми столами, приготовленными заранее.

- Чем вас угощать? Чаем? Вы у себя каждый день пьете. Водкой вас, я думаю, тоже не удивишь. Вот если бы пива московского... Соскучились, а?

Антон Петрович не выдержал, кашлянув в кулак, улыбнулся широкой, довольной улыбкой, которая без слов говорила: "Ну, кто в таких условиях может отказаться от пива!.."

- Начнем, подполковник, с вас, вы здесь младший, - угадав мысли подполковника, сказал командующий.

Осипов, польщенный вниманием, продолжал добродушно улыбаться, только широко развел руками, но ничего не сказал.

- Хорошо. Начнем с вас, - с едва уловимой суровостью в голосе продолжал генерал армии. - Сколько, товарищ подполковник, у вас в полку сержантского состава и сколько не хватает?

Этот неожиданный вопрос всех явно застал врасплох. Повернув головы к растерявшемуся Осипову, начальники его застыли на месте.

Подполковник вскочил, шевеля над бровями вздувшимися морщинами, щелкал застежкой полевой сумки, подыскивая в мыслях подходящий ответ. Сколько у него сержантского состава, он забыл и не знал точно, есть ли такие сведения в полевой сумке. Роясь, он перепутал все бумаги и ничего не находил.

- Такую "мелочь", конечно, можно и не помнить, - говорил командующий с нескрываемой иронией, - но не помнить этого - значит мелко думать! Младший командир - это начало управления войсками, первая командная ступень, и очень важная! Как можно забывать военачальнику об этой ступени?

- Я их, товарищ генерал армии, почти всех помню по фамилиям, попробовал возразить Осипов.

- То, что вы помните их по фамилиям, это хорошо. Но мы сомневаемся, что вы знаете качества каждого из них. Нам известно, как назначаются младшие командиры. Вышел из строя сержант - его должен заменить хороший рядовой. Ранили командира взвода - на его место назначается сержант. Мы присваиваем им соответствующее звание и на этом успокаиваемся, перестаем ими заниматься, не учим их, как нужно по-настоящему командовать в бою! Верно это или нет?

- Верно, - глухо подтвердил Осипов, - не всегда позволяет обстановка.

- Вот это уж совсем неверно. Учить командный состав нужно и должно в любой обстановке, а главное - в бою. Это самая лучшая обстановка. Ну, а сколько у вас в полку больных

лошадей?

Осипов снова полез было в полевую сумку, но командующий остановил его и, наклонившись, сам закрыл сумку со словами:

- Знаю, дорогой, что у вас есть строевая записка, знаю. У меня вон тоже на столе лежит.

Командующий прошел к столу, сел и стал рассказывать о новом распоряжении об организации школ сержантского состава.

Потом, повернувшись, задумчиво поглядел в окно. На отдаленном пригорке в оголенном саду виднелись засыпанные снегом, окрашенные желтой краской улья. Между ними со снопами соломы в руках ходил старик и к чему-то присматривался.

- Дело, конечно, не только в "мелочах", о которых я напомнил. Идет жесточайшая война, какой не знала на протяжении веков история. Стоит вопрос о существовании нашего социалистического государства. На нас напал враг сильный, оснащенный современной техникой. Чтобы побеждать его, надо овладеть стратегией и тактикой, уметь вовремя применить ее. Главное учить и воспитывать бойцов и командиров. Никогда не надо забывать, что, чем больше разумности в действиях наших военачальников, больших и малых, тем успешней будут наши действия. А для этого надо много знать, иметь железную волю и крепкую память.

Командующий снова встал; пристально посмотрев на каждого, тихим, но внятным голосом продолжал:

- Я вас вызвал для того, чтобы поблагодарить вас... Мы вам будем помогать всем, чем сможем. Вам нужно было пополнить боевой состав? Мы вам дали кадровую дивизию. Оценивая ваши заслуги перед Родиной, партия и советское правительство вручили вам гвардейское знамя! Цените его как символ чести и доблести!.. Для предстоящей большой рейдовой операции вам нужна боевая техника. Мы придаем вам танковую бригаду и авиацию! Командование уверено, что вы используете эту боевую технику с наибольшим эффектом.

Командующий взял со стола большого масштаба схему и шумно развернул ее. Не касаясь карандашом бумаги, словно играя, он провел по предлагаемому маршруту движения конницы черту и севернее города Рузы нарисовал красную звездочку.

- На этом месте должно завершиться выполнение задачи рейдовой операции. Главное - быстро продвинуться в тыл врага и внезапно начать захватывать все шоссейные и грунтовые дороги. Не дать противнику увезти при отступлении технику и живую силу... Пленный офицер показал, что гитлеровцы еще думают напасть на Москву и во что бы то ни стало попытаются сохранить

свою технику. Но на этот раз противник просчитался. Он всюду отходит. Наша задача - добивать его.

Командующий, давая присутствующим глубже осмыслить сказанное, некоторое время помолчал и остановил взгляд на подполковнике Осипове. Заметно было, что этот приземистый человек взволнован словами командующего до предела.

- Ну как, подполковник, задача выполнимая? - спросил генерал армии.

Осипов встал, проглатывая от волнения концы слов, отрывисто заговорил:

- Все время, товарищ генерал армии, предлагал я провести такую операцию, а надо мной подтрунивали, в партизанщине обвиняли...

Шубин, не сгоняя со своего обветренного лица поощрительной улыбки, сказал:

- Вы подробней объясните, подробней!

- Да что тут объяснять! Мои мысли, товарищ генерал армии, сошлись с вашими...

- Нет, вы раскройте свой большой план похода на Берлин. Это на самом деле интересно! - настаивал Доватор, не без гордости посматривая на своего командира.

- Большой план, - поблескивая сузившимися глазами, сказал Осипов, этот план само сердце подсказывает.

- А вы берегите свой план, он пригодится на будущее, - грозя в пространство карандашом, подсказал командующий, словно наперед зная, что спустя три года он будет ставить задачу о продвижении к пригородам Берлина именно этому подполковнику, у которого тогда будут поблескивать на плечах полковничьи погоны. - Раз сердце подсказывает, то думайте над своим планом, думайте!.. Противник сейчас тоже планирует отступление, а мы его заставим просто бежать. Для этого у нас сейчас есть силы и средства. Мы должны освободить нашу землю от захватчиков. Если мы этого не сделаем, то потомки наши не простят нам позора никогда!

В напряженной тишине жестко прозвучали последние слова командующего. Каждый из присутствующих понимал, чего ждет мужественный советский народ от воинов Советской Армии.

В ушах командиров еще звучал твердый, пониженный до шепота голос командующего, а за окном ритмично, как заведенная машина, бурлила жизнь. Что-то крича, подбрасывая вверх варежки, пронзительно свистели мальчишки. Оглянувшись на них, бородатый старик пчеловод, деловито взмахнул ржаными снопами, заботливо приставил их к желтому пчелиному домику.

- Вот теперь на дорожку можете и пива выпить, - сказал

командующий.

Капитан Кушнарев приехал за Зиной на легковой машине. Садясь в нее, она увидела еще одного пассажира. Он был в белом полушубке и мохнатой шапке, которая упиралась в потолок машины. Зина поняла, что пассажир непомерно высок.

- Вам удобно? - отодвигаясь к стенке, спросил он густым басом.

- Спасибо, мне хорошо, - пристраивая на коленях вещевой мешок, ответила Зина.

Машина, подпрыгивая на выбоинах, выкатилась на окраину села.

- Вот и поехали... - протяжно и многозначительно проговорил сосед. Извините, товарищ, вы меня, наверное, не узнали. Я Савва Голенищев, радист. Помните, под Шишковом я вам шифровку вручал для доставки в штаб полка?

- Помню. Вы сейчас... - Взглянув на ящик, Зина умолкла. Она хотела спросить, куда он направляется, но тут же догадалась, что ей для работы полагается напарник. Никогда не думала она, что это будет малознакомый, посторонний мужчина.

- Я сейчас, видите ли, еду в экипаже со всеми удобствами, а под каким кустиком застряну потом, пока и сам не ведаю... - шутил Савва. - По секрету скажу, пристегивают меня к одной хорошей девушке. Сдается мне, что это будете вы-с... Да?

- А если вы ошибаетесь? - улыбнувшись, тихо сказала Зина.

- Вряд ли, - ответил Голенищев. - Если говорить правду, то знаю наверняка и не особенно радуюсь... Простите за откровенность, иначе не могу.

- Короче говоря, вам не нравится моя кандидатура? Но ведь вы меня совсем не знаете.

- Не в этом дело, товарищ. Женщина хорошо справится с работой лишь в теплой радиокомнатке. А на морозе она будет дуть на пальчики.

- Ну уж извините, - обидчиво заявила Зина.

- В зимних условиях эта эфирная помеха, - не обращая внимания на возражение Зины, продолжал Голенищев, - совершенно закономерна. Прежде всего радистку надо будет жалеть, потому что женщины весьма уважают, когда их жалеют, а долг мужчины...

- У вас, дорогой товарищ, допотопное понятие о женщине! - резко перебила его Зина. - Женщина все может делать наравне с вами!

Зина только что собиралась сказать, что будет работать не хуже любого мужчины, как спор пришлось прекратить. Машина остановилась у штаба корпуса.

- Повторяю еще раз, - перебирая на столе карты, говорил Доватор Зине и Голенищеву, - расположение противника в районе прифронтовой полосы нас не интересует. Здесь все ясно. Ваша задача - разведка глубокого тыла, населенных пунктов, точно указанных в маршруте. Северо-восточнее Рузы, в районе Волыново, должен находиться партизанский отряд, но с ним утеряна связь. Разыскать его обязательно - это облегчит вашу работу.

В течение двух часов Лев Михайлович Доватор объяснял разведчикам, как надо действовать в тылу противника, как соблюдать конспирацию, как составлять радиограммы, как

исследовать лесные дороги, чтобы выяснить их проходимость.

В эту же ночь самолет высадил Голенищева и Зину далеко за линией фронта.

ГЛАВА 6

С первых же дней декабря начал лютовать мороз. Стояла напряженная, грозная тишина. Гитлеровцы даже прекратили свою обычную безалаберную стрельбу.

Вдруг буйный грохот гвардейских минометов взметнул яркое пламя. Над верхушками освещенных деревьев со свистом горячего ветра ураганно пронеслись огненные метеориты. Следом мощным раскатом ударили пушки.

На широкой просеке дрогнули беспорядочно наваленные кучи молодого ельника, обнажая темные корпуса замаскированных танковых башен. Танкисты, гремя ключами, поспешно заводили моторы. Лес ожил могучим рокотом.

Командир бригады подполковник Иртышев обошел танковую колонну и отдал последние приказания. В это время с конца просеки послышался неясный шум. Иртышев обернулся. От леса отделились черные тени. Подполковник различил группу всадников. Передний, в широкой бурке, низко пригнувшись к луке, шел забористой чеканной рысью.

- Здравствуйте, танкисты!

Молодой конь Казбек, гордо вскидывая голову, перекатывая в зубах трензеля, жарко дышал горячими ноздрями. Доватор, ловко спрыгнув с седла, бросил повод подскочившему Сергею. Взбодренные скачкой и орудийными залпами, кони храпят и не стоят на месте. Даже смирнейший Чалый упрямо дергает повод, выкидывает передними ногами лихой перескок и никак не дает Филиппу Афанасьевичу сорвать с усов приставшие льдинки.

- Танковая бригада вышла на исходное положение и приготовилась к атаке, - доложил комбриг Иртышев.

- Добре, вижу, все в порядке. Как настроение людей? - Доватор отвел Иртышева в сторону. Ему хотелось сказать подполковнику перед боем хорошее, теплое слово.

- Отличное, товарищ генерал. Людям не терпится. Хотят настоящего дела.

- Пришла пора, пришла! - горячо подхватил Доватор. - Объявите народу, что наши войска ведут наступление на Клин и Волоколамск. Сегодня ночью фашистов вышвырнули из Рогачева, Солнечногорска и Яхромы. Еще скажите, что на этой можайской земле сто двадцать девять дет тому назад русские люди в Бородинском сражении разгромили армию Наполеона. Напомните им, что на постаменте памятника Кутузову начертаны великие слова: "Стойте, как часовые. Позади Москва..." И

добавьте: "Грязные руки фашистов прочь от Москвы!"

Мягкий свет луны освещал суровое лицо Доватора.

К рассвету советская артиллерия умолкла. Лес загудел скрежетом стальных гусениц, и земля дрогнула от мощного передвижения танков и артиллерии. В морозной хмари раннего утра вслед за танками стремительно прошла в прорыв кавалерия. Пар валил от разгоряченных конских крупов. Мороз цепко схватывал лошадиную шерсть, украшал мускулистые груди коней инеем. Всадники в белых полушубках, с поседевшими от инея бровями, грозно сверкая клинками, шли в новый глубокий рейд.

Полки конной гвардии с полным комплектом грозных тачанок и артиллерийских батарей, а также и танковую бригаду повел в тыл врага генерал Доватор.

13 декабря в районе Улитино - Рязань эта мощная лавина, разорвав стыки 78-й и 87-й немецких дивизий, сметая на пути вражеские гарнизоны, двинулась на запад.

Командир немецкого армейского корпуса генерал Гютнер в это утро находился в штабе 78-й пехотной дивизии. Самоуверенный пруссак, он не верил в поражение германской армии. Успех красных он считал временным, случайным, относя его за счет крепкого русского мороза, к которому не привыкли немецкие солдаты.

- Скоро мы получим теплое обмундирование - и положение изменится, успокаивал он командира дивизии полковника Готцендорфа.

- Однако русские подтягивают свежие танковые части. Я имею точные данные разведки, - возразил тот.

- У большевиков нет больших танковых резервов. Армия Говорова имеет всего-навсего три танковых бригады. - Гютнер скептически пожал плечами.

Однако едва первый залп "катюш" расколол утреннюю тишину, генерал срочно покинул командный пункт дивизии и отбыл в штаб корпуса.

Полковник Готцендорф стоял у окна тускло освещенного каменного подвала, служившего одновременно командным пунктом и убежищем. Молодой белокурый адъютант напряженно вслушивался, прижав к уху телефонную трубку, и часто поднимал на полковника большие встревоженные глаза. От непрерывных тяжелых разрывов стены подвала дрожали и качались. Лейтенант тоскующе вздыхал и кусал бледные губы.

Мрачное спокойствие командира дивизии, неподвижно глядевшего в окно, производило на адъютанта гнетущее впечатление. Но полковник Готцендорф, загнавший свои батальоны в подземные укрытия, был относительно спокоен.

Залпы "катюш" разрушали здания, сжигали деревянные постройки, подвалы же оставались невредимыми. Готцендорф, знавший на память всю военную историю, отыскивал в своей голове наихудшие случаи проигранных сражений и пришел к убеждению, что положение его полков далеко не безнадежное.

При прорыве красных у него были наготове подвижные группы. Прорвавшиеся части он может быстро уничтожить плотным огнем и контратакой танков. Укрепление нижних этажей зданий - удачное новшество его, полковника Готцендорфа. Недаром он тридцать лет носит мундир офицера.

- Проверьте связь, - приказал он адъютанту.

Через несколько минут адъютант доложил, что с одним из полков связь прервана, не отвечает также батарея тяжелых минометов из группы "Клоппенбург".

- Восстановить немедленно, - не оборачиваясь, коротко бросил полковник.

Лейтенант вскочил, бросился было к выходу, но, столкнувшись с начальником штаба армейской группы генералом Рихартом, отскочил в сторону.

- Как дела, коллега? - стряхивая с непромокаемого плаща снег, спросил Рихарт.

- Отлично, господин генерал. - У Готцендорфа невозмутимо строгая армейская выправка и безукоризненно отутюженный китель. Но опытный солдат Рихарт в сумрачном блеске кабаньих глаз полковника заметил глубоко скрытое беспокойство.

- Ваши дела не могут быть отличными, коллега. Я только что получил сведения. На вашем участке вновь появилась свежая казачья конница - свыше десяти тысяч сабель - и несколько сот танков. Центр армейской группировки генерала Хюпнера отброшен к Волоколамску. Дивизии генерала Госта оставили Солнечногорск.

- Гм-м! Это неприятные известия. Я жду ваших указаний, господин генерал.

Готцендорф по-прежнему был внешне спокоен. Он знал цену военных неудач и счастья, он верил в то и в другое, его религия - это война. Однако трезвый "военный бог" - генерал Рихарт - на этот раз по усвоенной вероломной привычке сражать одним ударом бьет его без всякой пощады.

- Вы опоздали, господин полковник. Я уже отдал приказание вашему начальнику штаба снять дивизию и уходить форсированным маршем. У вас, коллега, очень скверно действует разведка. Мой патрон в бешенстве и решил вас отстранить от командования, но я, зная вашу честность, дал генералу Штрумфу лишнюю чашку турецкого кофе и коньяк. Он успокоился. Теперь

всякому будет трудно удержаться на командной должности. Большой штаб уже свернул головы большим генералам. Опыт истории показал, что иногда над правдой торжествует интрига, но все должно прийти к одному концу. Когда объявится существенная неудача победоносного движения германской армии, руководители нации станут пожирать друг друга.

В это время вбежал взволнованный адъютант. Он пытался о чем-то доложить, но Рихарт, скосив на него вывороченные белки глаз, резко оборвал его:

- Приготовьте полковнику автомобиль, господин лейтенант! Повернувшись к Готцендорфу, он выхватил из-под плаща карту и тоном властного, не терпящего возражений начальника, с мгновенно переменившейся интонацией отрезал: - Удар на Москву оказался стратегически бесплодным. При сложившейся обстановке ваша дивизия, несмотря на ее укомплектованность, сейчас представляет собой в тактическом отношении нуль. Чтобы сохранить единицу, немедленно отводите ее на рокаду Волоколамск - Руза. Шаг в сторону от магистрали означает гибель. Самая малейшая задержка в населенных пунктах повлечет за собой полное истребление. У вас на хвосте пойдет генерал Доватор. Вам такой известен? Под его командованием гвардейский корпус конницы. Ее не остановят никакие снежные бураны. Отбивайтесь, бросайте в пасть этим фанатикам малые подвижные заслоны и уходите как можно быстрей.

- Кавалерийский генерал Доватор на хвосте... Значит, дранг нах вест? - застегивая на поясе ремень от кобуры револьвера, язвительно произнес Готцендорф на "чистом" русском языке.

- К сожалению, да, коллега. Мы оказались банкротами. Мы, взрослые псы, напрасно учились у слепых щенков. Я бы охотнее командовал у Доватора дивизией, чем показывал ему свой хвост, - заключил Рихарт.

Вышколенный Клаузевицем и Шлиффеном, прозорливый стратег и политический интриган генерал Рихарт ошибся. Доватор не пошел за хвостом поспешно отступающих дивизий. Танкисты подполковника Иртышева, продвинувшись вперед на пятнадцать километров, почти не встретили никакого сопротивления. Отступающий противник разбрасывал по всем дорогам многочисленные мины. Танкисты вынуждены были то и дело вылезать из люков и вытаскивать из снега "сюрпризы", обезвреживая их. На первом же этапе продвижение замедлилось. Доватор, остановив колонну, выбросил вперед разъезды саперов, приказал всем дивизиям развернуть рации и ждать дальнейших приказаний.

Расположившаяся в лесу конница дрогла от лютого холода.

Жечь костры было категорически запрещено. В ясном, погожем небе, нудно гудя моторами, хищно выслеживали добычу опостылевшие "фокке-вульфы".

- Почему стоим, гвардия? - спрашивал у Буслова Павлюк, подталкивая его рукавицей в бок, в десятый раз вызывая на борьбу, чтобы хоть немного согреться.

- Хозяин знает, почему стоим, - миролюбиво отзывался Буслов.

И действительно, об этом знали только Доватор да штаб. При разработке оперативного плана штабные работники, заранее зная, что немцы будут засыпать дорогу минами, предусмотрительно организовали саперные группы. Доватор, подписывая боевой приказ, улыбнувшись, сказал Шубину:

- Штабные командиры просто молодцы - саперные работы по пунктам расписали.

- Да, да, - подтвердил Михаил Павлович. - Если будем их в точности выполнять, сто пятьдесят километров пройдем месяца за два...

- А мы должны измерить их в четыре дня. Как же быть-то? - хохоча, воскликнул Доватор.

- Придумать надо, - многозначительно заметил Шубин.

Ожидать, когда саперы очистят путь, - дело долгое. Полковым разведчикам дано было задание прощупать проходимость дорог, но сведения от них поступали неутешительные. Дороги основного маршрута были всюду минированы. Положение становилось затруднительным.

Обосновав штаб-квартиру в деревенском доме, Лев Михайлович то следил за радистом, то посматривал на часы.

Время скакало, как добрый кавалерийский конь. Корпус стоял на месте уже два часа. Подполковник Иртышев несколько раз присылал на машине адъютанта испрашивать разрешения продвигаться вперед. Он очистил проход до следующего населенного пункта, однако Доватор терпеливо ждал сведений от разведчиков. Но через каждые полчаса Зина лаконично сообщала: "Даю настройку. Сведений нет".

Порывистый, горячий полковник Тавлиев прискакал в штаб и настойчиво потребовал объяснений. Его дивизия числилась в резерве командира корпуса. Передовой отряд подполковника Осипова смочил кровью клинки, захватил десять автомашин и несколько тяжелых минометов, а Тавлиев шел без выстрела и, как всякий новый человек, чувствовал себя ущемленным. Поэтому он волновался и нервничал:

- Дайте дело, товарищ генерал! Кони продрогли, люди рвутся в бой. Пустите в драку! Дайте дело!

- Клинок, как игла, всегда найдет дело. Не спешите, полковник, разглядывая лобастую голову нового командира дивизии, шутил Доватор.

Под черными, как маслины, глазами Тавлиева нетерпеливо дрожали скулы. Этот энергичный, горячий командир радовал Доватора, и он берег его именно для настоящего дела.

- Впереди на пятнадцать километров пустота. Догонять надо, товарищ генерал!

- Наши грибы от нас не уйдут. Все будут в кузове. Ведите разведку, ждите приказ. Я сам жду...

И он напряженно ждал. Уже подтянулись обозы и весь второй эшелон. Командиры и начальники разных степеней и рангов требовали указаний и распоряжений, а Карпенков всем говорил одну и ту же короткую фразу: "В лес". Если кто нерешительно спрашивал насчет костра, Карпенков, сделав строгое лицо, показывал внушительный, в кожаной перчатке кулак.

Разведка сообщала, что противник отошел не везде, впереди немцы укрепляются вдоль Дороховской рокады и прочно удерживают фланги в районе Можайск - Кудрино. Весь намеченный план продвижения ломался. Положение усложнялось, надо было искать другой выход и всю операцию решать иначе.

ГЛАВА 7

Получив от разведчиков первое донесение, Доватор понял, что противник в лихорадке. Внезааный прорыв фронта вынудил немцев перебросить часть войск на левый фланг для того, чтобы, укрепившись на магистралях, добиться свободы маневра по внутренним коммуникациям на линиях Истра - Волоколамск, Дорохово - Руза, где имелись проходимые для танков грунтовые дороги, и тем самым задержать наступление нашего правого фланга.

Наступление наших войск началось в исключительно трудных условиях. Стояли лютые морозы. День и ночь завывала вьюга, заметая дороги. В довершение всего путь преградили болота, леса и незамерзшие реки. Враг оказывал яростное сопротивление. Немецкая оборона опиралась не только на мощные опорные пункты и узлы сопротивления, в которые были превращены почти все села и деревни, но и на удобные естественные рубежи. В направлении Можайск - Звенигород перед нашими дивизиями была крутобережная Москва-река. Весь Звенигородский район с юга на север пересекали линия железной дороги и автострада Дорохово - Колюбаново - Горбово - Саввинская слобода - Звенигород.

Наиболее крупными опорными пунктами немецкой обороны

являлись Дорохово, Тучково и Колюбаново, прикрывающие можайскую группировку противника с востока и Рузу с ее узлом шоссейных дорог с юго-востока. Потеря этих пунктов влекла за собой неисчислимые для германского командования бедствия.

Прорыв многочисленной конницы, да еще с танками, для немцев был полной неожиданностью. Избрав кратчайший, изумительный по своему тактическому замыслу путь на Тростянское, генерал Доватор круто повернул корпус на север и пошел лесами по бездорожью сначала вдоль линии фронта, громя немецкие гарнизоны и перехватывая все главные тыловые коммуникации. Немецкое командование пришло в замешательство. К исходу 14 декабря танкисты Иртышева, обойдя Горбово с северо-запада, отрезали путь отхода для большой группировки противника. Полки генерала Атланова, ворвавшись с двух сторон, частью уничтожили, а частью разогнали весь гарнизон и захватили всю технику. Используя замешательство противника, правофланговые дивизии нашей армии, возобновив наступление, лобовым ударом начали отбрасывать немцев на юг от Истры и 15 декабря вступили в Давыдовское.

Пали опорные бастионы врага - Колюбаново, Тучково и Крюково. Это был момент окончательного кризиса немецкой обороны. В результате гитлеровское командование вынуждено было отказаться от "стабилизации" подмосковного фронта. Рейд корпуса Доватора не только лишил противника времени, необходимого для перегруппировки, но и угрожал посадить все четыре - 78, 261, 87, 254-ю - немецкие дивизии в крепкий мешок.

Предвидя катастрофу, гитлеровцы под прикрытием сильных подвижных арьергардов начали выводить обильно оснащенные техникой части на главные магистрали, чтобы как можно быстрее совершить стремительный прыжок на запад. Кроме того, в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся для противника в районе восточнее Можайска, надо было перебросить туда часть свежих войск, чтобы дать возможность вывести основные силы из Рузского выступа, попадавшего под угрозу окружения, и укрепить положение на Можайском направлении.

Разгромив вражескую группировку в районе Горбово, Доватор повернул колонны своих дивизий на северо-запад и, взяв направление на Тростянское, пошел с короткими передышками форсированным маршем параллельно отступающему противнику.

В лицо хлестала свирепая декабрьская вьюга. Обходя минные поля, колонны шли прямо через густые заросли. Лев Михайлович ехал в голове дивизии Тавлиева. Кони, проваливаясь в твердый глубокий снег, ранили ноги и оставляли за собой кровавые следы.

Доватор часто спешивался и поглядывал из-под папахи, как

разгулявшаяся поземка жадно зализывала пятна крови на снегу. Сжимая обветренные губы, он резким взмахом руки подзывал неутомимого начальника штаба и отдавал все новые и новые приказания:

- Пошли офицера связи к командиру дивизий: полки не растягивать, колонны вести плотней, раненых и больных - на сани, теплее укутывать. Ни одного обмороженного, ни одного отставшего.

Офицеры связи беспрерывно мчались вдоль колонн из конца в конец, меняли уставших коней и снова скакали.

В этом походе их обязанности были особенно тяжелыми. Вереница всадников растягивалась на несколько километров, обскачи-ка по сугробам такую махину! Бойцы от усталости валились на снег и засыпали на малых привалах как мертвые.

- Нужен отдых, товарищ генерал, - скрипя мерзлыми валенками, говорил Шубин.

- В Терехове привал пятьдесят минут. Не больше! - сказал сухо генерал.

- До Терехова еще пятнадцать километров!

- Значит, пройдем пятнадцать. Гвардия, да чтоб не прошла!

Доватор с невероятной по такому пути быстротой продвигался вперед и вперед, преодолевая все трудности и не отставая от танкистов. Разведка ежечасно доносила, что противник идет, не останавливаясь ни днем, ни ночью. В районе Тростянское все забито войсками и техникой немцев.

- Как же не спешить, Михаил Павлович? - говорил Доватор Шубину. Настала самая веселая пора: бить! Да так бить, чтобы навсегда запомнили, что такое Москва!

- Спешить-то надо, Лев Михайлович, да в конце концов мы и неплохо идем. Но уж очень трудно...

- А где, на какой войне было легко? - настойчиво спрашивал Доватор.

- Во Франции немцам было легко. Не война, а прогулка с шампанским.

Шубин задорно шлепал рукавицами и, поглядывая на Доватора, усмехался. Он любил его подзадорить.

- Но у нас, Михаил Павлович, не Франция, а Россия! Какое может быть сравнение?!

- Ты же спрашиваешь, где было легко воевать? Вот я и ответил.

- Да там была не война, французов предала кучка негодяев! возмущался Доватор и снова, обращаясь к начштаба, приказывал: - На привале рацию с капитаном Кушнаревым вперед на двух танках. Развернуть в районе Пашково. К прибытию передового

отряда иметь полные, уточненные данные о противнике. В Коробове сбор командиров дивизий, полков, начальников штабов и политработников. Срок для объявления приказа и совещания - двадцать минут. Помпохозам прикажи заложить в кухню порцион и варить на ходу. На привале тотчас же кормить людей. Старшин вперед - искать фураж. Сам не ешь, а коня накорми. Правильно я говорю, Сергей? - лукаво посматривая на коновода, спросил Лев Михайлович.

- Так точно, товарищ генерал. Конь как душа - покорми и трогай не спеша.

- Я тебе дам не спеша... - погрозил Доватор.

Шли уже четвертые сутки после начала операции. Буран стих. На просеках танки грузно давили толстый слой снега. Бездорожье задерживало их движение, и они начали отставать. На заболоченных местах приходилось делать гати и строить мосты. Вьюги снова сменились морозами. В голубом небе тонко курилось синеватое зарево. Конница, дробя белые горбатые сугробы, все шла и шла, останавливаясь лишь на короткий ночлег. Лагерь растягивался тогда на много километров вдоль просек и лесных дорог. Несмотря на усталость, кавалеристы, поблескивая клинками, звонко секли застывший на морозе кустарник и ветками кормили измученных коней. Иногда слышались смех, шутки и приглушенные, бодрящие душу песни.

Между деревьями ходили патрули, выискивая нарушителей маскировки, пытавшихся втихомолку развести костерок. Ругаясь беспощадно, они тут же затаптывали дымящиеся головешки.

- Да ты что, приказа не знаешь? - напирал Торба на Шаповаленко.

- Да я же у кусте, - оправдывался Филипп Афанасьевич.

- Смотри, як бы там голова не осталась. Не чуешь, немец летает, как коршун, заглядывает под каждое дерево? Клюнет носом, вот тогда будешь знать!

- Нос его до мене еще не дорос. Дам винта, воткнется в землю. Кончилось его згаление, бомбить, як дурней, - храбрился бывалый солдат. Не пужай!

Над лесом нудно гундосил мотором "костыль". Иногда он нахально вывертывал боковой вираж, и, пролетая над самыми верхушками деревьев, летчик высовывался из кабины, щупая глазами лесные тропки. Тогда дежурный зенитчик не выдерживал и вспарывал обнаженные плоскости хлесткой очередью бронебойных пуль. Самолет, вспыхнув черным дымом, со свистом скользил вниз и с протяжным гулом вламывался в чащу леса.

- У-ух! - раздавались кругом горячие, восторженные голоса, а недавний нарушитель порядка торжествовал больше всех.

- Бачили? А вин пужае! Вин мене поучае! - рассуждал Шаповаленко. Учила божа монашка християнству сатану, а вин ее в грех ввел, ось як! А я не монах, сидеть без горячей та скоромной пищи не можу.

Разгромив с налету немецкий гарнизон в Терехове, Доватор остановил корпус для короткой передышки. Дивизия Атланова, шедшая в головной колонне, сосредоточилась в районе восточней Загорья, дивизия Медникова северо-западнее Румяницы, штаб корпуса и резервная дивизия полковника Тавлиева остановилась в лесах Московского государственного заповедника.

Разведка Кушнарева по заданию Доватора действовала в направлении Сафониха - Онуфриево. Выйдя в район Загорье, разведчики, захватив пленного, возвращались обратно и неожиданно наткнулись на колонну немецких войск. Крупная часть с массой артиллерии и автомашин двигалась в направлении Сафониха, а туда же под прикрытием полка Осипова только что прошли танкисты Иртышева.

Гитлеровцы двигались по свежему, только что протоптанному нашими танками следу. Спешившись, Кушнарев приказал коноводам отвести лошадей глубже в лес, а сам, затаившись с Бусловым в кустах, стал наблюдать и записывать. Колонна уже двигалась больше часа. Кушнарев дважды посылал Доватору донесения, но оба раза посыльные возвращались ни с чем. Поток вражеской пехоты и техники шел непрерывно.

Кушнарев начал беспокоиться. Из рук уходил удобный случай для внезапного нападения и разгрома колонны. Тревога его усиливалась еще тем, что он насчитал свыше сорока орудий, не менее тридцати тяжелых минометов, огромный обоз и более четырех тысяч человек пехоты. Колонна пересекла маршрут корпуса и отрезала передовой отряд. Имея громадное численное превосходство, противник, развернувшись, мог ударить кавалерийскому полку в тыл. Кушнарев посылал в штаб головного отряда тревожные предупреждающие записки, но разведчики и туда не могли пробиться. С Горнева на Сафониху дорога тоже была забита противником. Кушнарев сам оказался запертым между двумя вражескими колоннами и не мог предупредить командование. Захватив пленного, он стал собирать сведения. Косясь на притихшего "языка" и подбирая немецкие слова, он спрашивал:

- Что за часть?

- Не знаю, - немец пожимал плечами и самым глупейшим образом добавлял: - Гитлер капут. Гут Москау...

С момента прорыва в "языках" недостатка не было. Солдаты, вкусившие русской зимы, сдавались охотно. Попав в плен, они

откровенно радовались. Недаром впоследствии германское командование ввело в войсках отличительный знак. На борт мундира пришивалась желтого цвета ленточка. Это означало! "Доблестно перезимовал".

- Ну, что он говорит? - поинтересовался Буслов.

- Мелет всякий вздор, и ничего путного, - возмущенно отплевываясь, ответил Кушнарев. Его сейчас интересовал не пленный, а то дурацкое положение, в котором он сам очутился.

Колонна, урча моторами, проходила мимо. Мощные тягачи везли длинноствольные пушки. Огромные грузовики с обтянутыми брезентом кузовами, гремя цепями, катились следом. Солдаты, кутаясь в пестрые плащ-палатки и разноцветную одежду, отнятую у колхозников, шли беспорядочными толпами. "Эх, десятка бы два пулеметов сюда!" - думал Кушнарев.

- Ну, что будем делать, Буслов? - спросил он, сдвигая на лоб кубанку.

Начинал одолевать холод. Разведчики по очереди отползали к коноводам и там, поплясывая вокруг деревьев, грелись.

Будь гитлеровцы похитрей, они могли бы прочистить лес с двух сторон и накрыть разведчиков, как кур.

Слева уже начиналась яростная стрельба. Кушнарев понял, что противник, очевидно, встретился с передовым отрядом и завязался бой.

ГЛАВА 8

В штабе корпуса происходило нечто похожее на "панику". Совсем неожиданно исчез генерал Доватор. Бойцы взвода охраны сообщили, что генерал в сопровождении Шаповаленко пешком прошел в направлении штаба дивизии Тавлиева. Комиссар Шубин послал туда коновода Сергея, но тот вернулся ни с чем: генерала там не было.

- Капитан Курганов, почему вы не знаете, где генерал? - сердито спрашивал Шубин. - Вы-то должны знать. Вы понимаете, какая на вас лежит ответственность?

Курганов сумрачно молчал. От усталости он едва стоял на ногах, и Доватор разрешил ему отдохнуть, а сам в это время пропал. Что хочешь, то и делай!

- Как можно было отпустить генерала без охраны! Мы же находимся у врага в тылу. Рядовому командиру не разрешаем отлучиться без двух автоматчиков, а тут генерал исчез, командир корпуса!

Едва ушел Шубин, явился взволнованный и разгневанный Андрей Николаевич Карпенков. От этого влетело еще крепче.

- Проспали, милейший, генерала?

- Никогда такого случая не было, товарищ полковник, -

смущенно оправдывался Курганов, чувствуя, что он совершил непростительную ошибку.

- Что значит - не было? Если вы отдыхаете, сообщите дежурному командиру, прикажите, чтобы вас заменил начальник охраны или ординарец. Что у нас, некому позаботиться о комкоре? Неужели вы не понимаете: когда генерал работает, адъютант неотлучно находится при нем. Он может понадобиться каждую минуту.

- Но вы же знаете, товарищ полковник, генерал иногда садится работать и всех отсылает спать. Нельзя в таких случаях нарушать приказание.

- Именно в таких случаях и надо нарушать. А дежурный кто, дежурный? горячился Карпенков.

- Сегодня дежурил Шаповаленко.

- Я этому бородатому дам! Ищите генерала, где хотите.

Весь комендантский эскадрон был поднят на ноги, искали по всем подразделениям, но генерала нигде не было...

Кушнарев продолжал лежать в кустах. Немцы двигались свыше двух часов. Наконец за лесным поворотом исчезла последняя машина. Илья приказал Буслову подводить коней.

Застоявшиеся кони, покачивая вьюками, резво бежали между деревьями. Чтобы быстрей доскакать, Кушнарев решил посадить немца на коня Буслова. Но впервые в жизни Буслов категорически воспротивился выполнить такое распоряжение.

- Что хотите, товарищ капитан, а посадить фашиста на своего коня не могу.

- Да у тебя же конь выносливее других. Я ж только поэтому, товарищ Буслов, - нерешительно проговорил Кушнарев.

- Я коня хранил не для того, чтобы фашистов возить, а чтобы бить их. Вы поезжайте побыстрее, а я его сзади буду конвоировать пешком.

- А если не доведешь? - усмехнулся Кушнарев.

- Это вы в каком смысле, товарищ капитан? Думаете, башку ему отрублю? Нет, товарищ капитан. У меня душа чистая. В бою - пожалуйста, а так нет надобности.

- Я не потому спрашиваю, - вспыхнул Кушнарев. - Сейчас одному конвоировать опасно...

На дорогу, точно с неба свалившись, в сопровождении Шаповаленко вышел генерал Доватор. Бурка его вся в снегу, лицо улыбающееся.

- Опоздали, голубчики. Мы тут со стариком вперед вас все разведали.

- Откуда вы, товарищ генерал? - изумленно спросил Кушнарев.

- Как откуда? Из разведки. Вот что, Кушнарев, - изменив тон, продолжал Доватор. - У кого конь добрей всех? Срочно нужно гнать в штаб.

- У меня, товарищ генерал. Садитесь, - предложил Кушнарев свою кобылу.

Ракета, подрагивая золотистой, взъерошенной от стужи кожей, нетерпеливо дергала повод.

- Ладно, - согласился Доватор и, покосившись на немца, спросил: - А этот что-нибудь интересное сказал?

- Мало путного. Говорит, отходят везде. А какая прошла часть - не знает.

- Ну, если он не знает, то мы с Филиппом Афанасьевичем знаем. А его отпустите...

- То есть как отпустить, товарищ генерал? - смущенно спросил капитан.

- Пусть идет куда хочет. Некогда с ним возиться.

Лев Михайлович подошел к немцу и, показав рукой направление, в котором ушла колонна, крикнул по-немецки:

- Марш домой!

Солдат, ничего не понимая, моргал глазами.

- Марш! - еще строже повторил Доватор.

Пленный, не отрывая глаз от странного русского генерала, боком, спотыкаясь, пошел по растоптанной, изрытой колесами дороге, сначала тихо, потом припустился что есть духу и, к изумлению разведчиков, исчез за первым поворотом.

- Эх, какой прыткий, подлец! - весело крикнул Доватор и веско добавил: - Все равно никуда не уйдет... Ну, а теперь, хлопцы, быстро по коням.

Буслов посматривал на генерала с затаенным восторгом. Слишком ничтожен и жалок был в эту минуту пленный немецкий солдат, чтобы пустить ему в затылок пулю. А возиться с ним было действительно некогда.

Лев Михайлович подошел к кушнаревской Ракете. Когда он стал вдевать ногу в стремя, кобылица, грозно скосив фиолетовые глаза, свирепо захрапела. Но Кушнарев крепко держал ее под уздцы.

- Еще фордыбачит, - ловко метнув тело в седло, сказал Доватор. - Ты с нами, голубка, не шути, - добавил он весело.

Кобылица, почуяв на спине опытного всадника и крепко прижатые шенкеля, покорно вздохнула.

Филипп Афанасьевич, смотря на посадку генерала, на его поблескивающие, как перед боем, глаза, улыбнулся и подмигнул Буслову.

- А ты, Филипп Афанасьевич, садись на моего коня, я пешком

пойду, сказал Буслов.

Покоряющая простота, доброта и забота о товарище были отличительной чертой характера Буслова. Шаповаленко благодарно кивнул. Буслов помог влезть ему на высокого, богатырского, под стать хозяину, коня. А потом, придерживая стремя, он пошел рядом. Старый казак совсем растрогался. Непотребное полезло в голову. Случись с этим парубком, так же как с Захаром Торбой или Павлюком, какое-нибудь лихо, вырвал бы он тогда не один клок волос из своей седой чупрыны. Да разве они ему не сыны? "Ах, и добре же було бы народить таких хлопцев, а зараз чем я им не батько?" Да нет той радости или горя, что бы они с ним не поделили.

- А вот генерал - батько не батько, - уже вслух говорил Буслову Филипп Афанасьевич, - сын не сын, а жизнь свою за него положить можу. Только встали на привал, а он мне каже: "Пойдем, Филипп Афанасьевич, к танкистам в гости". Я хотел адъютанту побудку устроить, а вин запретил. "Капитан, - каже, - не спал три ночи. Нехай отдохнет, идем на пару". Ну, пришли до танкистов, а они собираются - четыре танка, - передовой отряд идут догонять. Они ему приданы, ну, а дорога погана така, отстали трохи. "Сидай, - каже, - Афанасьевич, поедем до генерала Атланова, обстановочку там понюхаем. У Иосифа Александровича узнаем что-нибудь такое дуже интересное. Сегодня нам придется подраться добре". Сели, поихалы. Он туда в середку залез, я поверху, возле той чертовой башни, вместе с автоматчиками. Гудить, гремить, як скаженна. Ну ж машина, щоб ты знал, грозная. Я подумал: не попроситься ли мне у генерала да не повоевать ли трохи в танкистах? Прибыли, значит, до генерала Атланова. И точно, Иосиф Александрович что-то нашему генералу сообщил дуже хорошее и тут же обратно, на этой самой машине. Проехали сколько-то километров, тут нас на дороге: стоп! Бачу, партизаны. "Дальше, товарищи, ехать нельзя. Впереди, кажуть, - немцы идут, дуже много". Обсказали они все нашему генералу. Он трохи задумался. Потом каже: "Вот что, хлопцы, дело сурьезное. Вы этих немцев не трогайте, а садитесь на танк - и к генералу Атланову". Вынул карту и показал, как це надо зробить. "Пусть, - каже, - генерал оседлает дорогу впереди и не пускает их. А я, - каже, - быстро сумею поднять пару дивизий, и мы устроим такую ловушку - ни один не уйдет". Танкист повернул обратно, захватил партизан и уехал, а мы пешком. Трохи прошли. Потом, чуем, грохот. Бачу - немцы. Мы у лес. Закопались в снег и два часа лежали. Замерзли. Ни туда, ни сюда - вот вона яка выйшла история...

По прибытии в штаб корпуса Доватор срочно собрал

командный состав на совещание.

Разместились прямо на снегу под деревьями. Кто сидел на пне, кто на куче еловых веток, кто на свалившемся кряже. Командиры частей, начальники штабов, комиссары, политработники шуршали листами карт.

Серые, остро поблескивающие глаза Доватора зорко оглядели собравшихся. Лица, выдубленные морозами и ветрами, осунулись, но в глазах у всех был живой, нетерпеливый блеск.

- Знаю, товарищи, что люди устали и кони тоже, но отдыхать некогда. Доватор поправил на голове серебристо подернутую инеем коричневую папаху. - Противник всюду бежит. Слушайте приказ.

Быстро и коротко Доватор обрисовал сложившуюся обстановку и объяснил, кому и что нужно делать.

К тому времени дивизия Атланова вышла на рубеж юго-западнее озера Тростянского и перехватила дороги Онуфриево - Денисиха, завязала бой с авангардом отступающей 78-й дивизии противника. Дивизии Тавлиева было приказано: охватить деревню Сафониху с юга, где скопилось большое количество немецких войск и техники. Дивизия Медникова наносила фланговый удар с юго-востока, от Загорья. Спешив несколько эскадронов, Доватор пересадил их на танки подполковника Иртышева и двинул впереди кавалерийских полков.

- Ты чувствуешь, Михаил Павлович, какое предстоит дело? - сказал Доватор Шубину.

- Отлично чувствую. Ты меня сегодня столько заставил перечувствовать... - проверяя крепость седельных подпруг и укоризненно качая головой, ответил Михаил Павлович.

- Стоит ли вспоминать, Михаил Павлович? Сам знаю, что нехорошо получилось, - улыбаясь, оправдывался Доватор. - Пошел танкистов проведать, думал, быстро вернусь. А это такой лихой народ, момент - и умчали к генералу Атланову. Разве можно было утерпеть, когда сердце чуяло - быть интересному делу? Так оно и вышло...

- Следующий раз ты у меня, голубчик, так не выскочишь... Ну, хоть бы автоматчиков взял, а то улизнул с одним бородачом. Хорошо, что все благополучно обошлось.

- Да не думаешь ли ты, что я пошел ради удали, шпорами звякать?

Доватор дал коню обычную порцию сахара и, поставив ногу в стремя, мигом очутился в седле.

- Зачем мне так думать? Ты не юнец какой-нибудь, а генерал, возразил Шубин. - А генералу положено себя беречь.

- По чести тебе признаюсь, Михаил Павлович: никак не могу

привыкнуть к тому, что мне не девятнадцать лет, а почти сорок. Очень уж хочется остаться молодым и думать, что я не генерал, командир гвардейского корпуса, а простой курсант Борисоглебского училища... Немецкого генерала захватить, что ли, для солидности? Вместе со всеми потрохами, с дивизией, а?

- Да ты не хитри! Я давно чую, что ты замыслил. - Шубин погрозил ему концом повода и, покачав головой, продолжал: - Мудреная штука - поймать в мешок эту дивизию. Она меня самого бесит. Ты смотри: в Локотне Готцендорф, в Горбове - он же, в Терехове - тоже он. Не мешало бы его целиком прихлопнуть.

- И прихлопнем! - подтвердил Доватор.

- Уверен?

- Да. Ни за что не выпущу! Сережа, подержи коня! - крикнул Лев Михайлович коноводу. Он полез рукой за пазуху, вытащил карту, продолжал: Смотри! Сейчас на пути этой дивизии Атланов и танкисты Иртышева. Они заставили немцев перейти к обороне в районе Сафонихи. Тавлиев закроет им выход с юга, с востока мы постараемся нажать в спину так, что у них затрещит хребет. С севера выход закрывают им Тростянские болота. Она у меня будет вот где, эта дивизия! - Доватор, скрипя кожаной перчаткой, крепко сжал руку в кулак. Спрятав карту, он продолжал: - Я вот съездил к Атланову, провел рекогносцировку местности, и мне сразу стало ясно, что делать. Недаром пролежали со стариком целых два часа в кустах. За это время я детально обдумал боевой приказ и весь план операции. А кроме того, наблюдая за немецкими колоннами, воочию убедился, что гитлеровский солдат совсем не тот, каким мы его считали. На меня повеяло от солдат противника этаким запахом разложения. Правда, отдаленным, но повеяло... Тогда как наши люди рвутся в бой, твердо знают, за что борются. Сейчас нам надо во что бы то ни стало прихлопнуть какую-нибудь крупную часть, захватить побольше пленных и показать конникам, с кем имеют они дело. Вот тогда посмотришь, как зло будут рубить наши казаки.

Они стояли на опушке леса. Мимо проходили кавалерийские эскадроны. Командиры, взбадривая коней и приветствуя генерала, с лихим шиком бросали руки к кубанкам. Прошла батарея Ченцова. Комбат на низкорослой серенькой лошадке ехал рядом с Ковалевым.

- Привет батарейцам! - крикнул Доватор и помахал Ковалеву, подзывая его к себе.

- Я вас слушаю, товарищ генерал, - подъезжая к комкору, проговорил Ковалев.

- Вольно. Привет тебе передаю. - Доватор посмотрел на молодое, осунувшееся и похудевшее лицо Ковалева долгим,

внимательным взглядом.

- Спасибо, товарищ генерал. Я получил записку. А теперь что-то нет известий. Как они там? Все в порядке? - спросил Ковалев смущенно.

- Работают отлично. Вчера была передача. Они ведь здесь недалеко, может быть, встретитесь.

- Где же мы можем встретиться?

Ковалев с радостным удивлением поднял на Доватора глаза.

- В районе Тростянских болот. Вот расхлопай немцев в Сафонихе и встретишься. Партизанам там помоги. Не подведешь?

- Не подкачаем, товарищ генерал!

- Ну, надеюсь. Желаю успеха!

Когда Ковалев отъехал, Доватор, повернувшись к Шубину, сказал:

- Неприятная вышла штука. Голенищев сильно обморозился, партизаны привезли его в Сафониху. Рацию, которая стала на морозе капризничать, тоже привезли туда. А сегодня немцы нагрянули как снег на голову. Молодая-то его жена осталась в занятой немцами деревне вместе с Голенищевым.

Доватор замолчал.

- Откуда такие сведения? - спросил Шубин.

- Партизаны сообщили.

Впереди загремели выстрелы. Ряды всадников, колыхнувшись, остановились. Лев Михайлович и Шубин, тронув коней, рысью стали обгонять колонну. По узким просекам со скрипом тянулись длинные обозы с боевыми припасами, продовольствием, ранеными. Колонны втягивались в просеки, словно в темные глубокие коридоры, над которыми, маяча верхушками, могуче вздымались поседевшие от снега деревья.

Опять выстрелы. Вот в скрипучий, разрозненный топот коней ворвалась бешеная ярость пулеметных очередей. Слышно щелканье орудийных замков.

Полки дивизии Тавлиева пошли в атаку на Сафониху.

Немецкая дивизия Готцендорфа, сбитая генералом Доватором на рубежах Локотни, начала было отходить на Валькино, но подполковник Осипов, двигавшийся в передовом отряде, наскочил с фланга на ее авангард, разогнал его и заставил повернуть по неудобным лесным дорогам на Горбово.

Другая колонна, теснимая полками Атланова, уклонилась на север и двигалась параллельно движению нашей кавалерии. Доватор неотступно следил за ней, выбирая момент, когда можно будет дать решительный бой, чтоб полностью ее ликвидировать.

В ночь на 16 декабря, обогнав колонны своих войск, Доватор встретил Атланова и приказал ему усилить темп продвижения. Не

сходя с коня, он устроил с Атлановым короткое совещание.

- Надо к утру захватить район Денисиха - Навелково, - сказал он Атланову, - и загнать немцев в Тростянские болота. Помнишь, как в августовском рейде они стремились загнать нас в леса Духовщины?

- Да они, Лев Михайлович, туда не пойдут... - усмехнулся Атланов, начиная соображать, что у Доватора уже разработан план, который он не хочет сразу открыть.

- А не пойдут, и не надо. Ты только сделай вид, что тебе очень нравится село Денисиха, что ты непременно хочешь загнать их в болото.

- Зачем же только делать вид, когда мне на самом деле этого хочется?..

- Вот ты и дай понять немецкому командованию, что ты, кроме этого, ничего больше не желаешь. Когда они поймут, то полезут на Денисиху, чтобы прорваться на Осташевский большак. Ты же, порядка ради, постреляй немного из Денисихи и брось ее, а сам оседлай с танкистами большак Онуфриево Навелково и держи его крепче. Я тем временем выведу дивизию Тавлиева в район северо-западнее Румяницы и протяну тебе братскую руку с юга, а в хвост фашистам пущу особую группу полковника Карпенкова. Он им пятки обрубит... Гитлеровцы бросятся тогда в сторону Сафонихи и Денисихи. Но ты их будешь караулить на большаке, и тогда они, уклонившись от лобовых атак, наткнутся на танки Иртышева. Останется у них два выхода...

- Понимаю, - возбужденно перебил Атланов, - два выхода: или утопиться в болотах, или пробиваться южнее, на Петлярку.

- Совершенно верно, - подтвердил Доватор. - Здесь я их сам встречу, со всем почетом.

- Однако здесь есть маленькое "но"... - не поднимая от карты головы, возразил комдив. - Наш корпус движется параллельно ходу немецких частей. Вряд ли офицеры противника не поймут, что мы их прижимаем к болотам. Я бы на их месте немедленно ударил нашим походным колоннам во фланг и, не дав им развернуться, прорвался бы на запад или на юг. Это я тоже имею в виду, но не знаю, как думают командиры других дивизий. Немцы могут нанести нам внезапный удар в любое время.

- Ты, Иосиф Александрович, умница. Никогда не следует пренебрегать силами противника. Но ведь и мы не дети. Я твое опасение считаю правильным. Затем сюда и приехал, чтобы согласовать наши действия и предупредить тебя, что сзади никого нет, кроме моих корпусных разведчиков. Дивизию Тавлиева я остановил в районе Загорье, чтобы ты мог быстрее оторваться от главного ядра корпуса. Пусть фашисты получают

свободный проход на Сафониху. Ты не ввязывайся в большой бой и трави их малыми силами. Мы им устроим такой мешочек, что ни один не выскочит!

Воюя под командованием Доватора, опытный кадровый командир Атланов каждый раз изумлялся, когда перед ним раскрывался блестящий полководческий дар молодого генерала. Атланова поражала быстрота, вдумчивая прозорливость и глубокое остроумие тактических замыслов комкора, а главное - его непоколебимая уверенность в своих силах и твердость, с которой он проводил в жизнь все задуманные им планы. Его нельзя было застать врасплох. На всякое возражение он имел заранее продуманный и приготовленный ответ. Окрыленный верой в победу, он заставлял верить в нее всех своих людей.

После разговора с Атлановым Лев Михайлович всю ночь думал о предстоящей операции. Еле дождавшись утра, он покатил на танке в штаб дивизии, чтобы подробно изучить характер местности. Он решил дать противнику сражение на уничтожение всей его группировки.

ГЛАВА 9

Как и следовало ожидать, начальник штаба армейской группы Штрумфа генерал Рихарт торопил командира 78-й дивизии не зря. Выскочить на основную магистраль полковник Готцендорф не успел. Не имела успеха и его попытка прорваться от Горбова на Редькино. Атланов, двигаясь параллельно, короткими, но чувствительными ударами отбросил авангард Готцендорфа на Терехово. Сзади, поддерживая активные действия генерала Атланова, шла на сытых, тренированных конях дивизия Тавлиева. Это было главное, усиленное танками ядро гвардейского корпуса. Ее отлично обученный боевой состав не уступал опытным, лихим рубакам Атланова, участникам знаменитого августовского рейда. Полки Тавлиева разворачивались стремительно и дерзкими атаками теснили части генерала Рихарта на северо-восток, прижимая сначала к болотистым лесам Московского государственного заповедника, а потом к Тростянским болотам.

17 декабря утром разведчики немецкой дивизии полковника Готцендорфа донесли, что противник нигде не обнаружен. В направлении Денисихи разведчики заметили глубокие, заметенные снегом следы танковых гусениц. Такие сведения положительно ни о чем не говорили. Сейчас повсюду отступали остатки разбитых немецких дивизий. Полковник это отлично знал и, не придав сообщению особого значения, выслал вторую разведывательную группу, которая подтвердила, что путь впереди открыт, дорога отличная, деревня Сафониха свободна. Они там

даже выпили крынку молока. В деревне Денисихе были русские солдаты, но их так мало, что, обстрелянные немецкими разведчиками, они, не принимая боя, поспешно отошли в лес.

Полковник решительно не мог понять, в чем тут загвоздка, но сама обстановка подсказывала, что надо как можно скорее захватить эти деревни. Там проходит большая магистраль, следовательно, имеется возможность соединиться с правофланговыми частями. А тут еще штаб армейской группировки и корпуса передавал по радио одну шифровку за другой, требуя усилить темпы движения для сосредоточения на магистрали Руза - Осташево.

Полковник чувствовал, что надо быстрее уходить на Сафониху, другого выхода не было, ибо на правом фланге у него оказались заболоченные леса, слева бок о бок двигалась страшная русская кавалерия.

"17/XII, 12.00, сосредоточение Сафониха", - заняв лучшую в селе хату, после сытного завтрака записал в дневник полковник Готцендорф.

Денисихой немцы овладели через час после короткого и жестокого боя, потеряв около двух рот пехоты. Решив во что бы то ни стало воспользоваться теплыми помещениями, гитлеровцы дрались ожесточенно. Ворвавшись в хаты, они ломали мебель, совали в печь дрова и лезли к очагам.

Полковник Готцендорф в ожидании новых сведений от своих разведчиков прилег отдохнуть. Вскоре из штаба ему доложили, что в направлении Навелково, западнее Сафонихи, обнаружено сосредоточение большого количества войск противника, занявшего оборону на Онуфриевском большаке фронтом на юго-восток. Выслушав это сообщение, полковник втянул голову в широкие костлявые плечи и сумрачно сдвинул седые брови. Он почувствовал, что его дивизия попалась в ловушку. Тем временем адъютант ввел солдата, побывавшего у русских в плену. Это был тот самый немецкий рядовой, которого отпустил Доватор.

- Фамилия? - спросил Готцендорф вытянувшегося в струнку солдата.

- Густав Лухман. Рядовой двести шестьдесят первой дивизии. Пулеметчик.

- Ты был в плену у русских?

- Так точно, господин полковник, меня взяли вчера ночью.

В каком месте это произошло, Густав Лухман сказать не мог, не знал он и где находится его часть. Зато подробно изложил, как его отпустили русские.

- Ты лжешь! - гневно крикнул полковник, хотя по выражению лица солдата видел, что тот говорит правду. Готцендорф никак не

мог понять, с какой же целью был отпущен этот наглый, самоуверенный молодчик. - Сколько было там русских? - продолжал допрашивать Готцендорф.

- Четыре солдата и два генерала, - твердо ответил Лухман.

- Откуда ты знаешь, что два генерала? И почему с ними было так мало солдат?

- Потому, что генералы были одеты в черные мохнатые шубы, - ответил Лухман и объяснил, что он слышал, как солдаты называли одного генералом, а другой, очевидно, был самый главный начальник.

- С чего ты заключил, что именно главный?

- Потому, что он молчал и у него была страшно большая борода и шапка...

- Может быть, это был генерал Доватор?

Готцендорф впился в солдата глазами. Тот выдержал взгляд.

- Да, это был генерал Доватор. Когда они подходили, капитан, который взял меня в плен, назвал его по имени.

- Значит, ты знал, что перед тобой Доватор?

- Да, господин полковник, я в этом абсолютно уверен.

- Почему же ты не убил его? Семья твоя получила бы сто тысяч марок! заметил Готцендорф.

- Я был без оружия, господин полковник. В следующий раз, если у меня будет в руках пулемет, я его могу убить.

- Ты болван и лжец! Ты просто дезертир! Бросил свою часть и разыгрываешь героя. Я прикажу тебя расстрелять!

- Я говорю правду, господин полковник. Я видел генерала Доватора точно так же, как вижу вас.

- Но почему с ним было так мало солдат? Ты совсем запутался.

- Генералы пришли одни, без солдат. Солдат было трое, один капитан и четыре лошади. Это были те, которые захватили меня в плен. А генералы были без охраны. Вы можете меня расстрелять, но я говорю правду. Я видел там и вас, господин полковник.

- Меня! Ты просто сумасшедший! - возмущенно крикнул полковник.

- Клянусь вам, что видел. Вы ехали на белой легковой машине, остановились у опушки и сердились на майора за то, что он не задержал колонну.

Это была сущая правда. Далее Густав Лухман рассказал, как он сидел вместе с разведчиками в кустах и наблюдал за продвижением колонны.

- Значит, русские были так близко, что все видели?

- Так точно, господин полковник. Генералы тоже видели и очень смеялись. А молодой генерал помахал вслед вашей колонне

рукой и скомандовал мне: "Марш домой". Когда он так сказал, я пошел и сначала думал, что меня застрелят. Я очень удивился, что они не сделали этого.

- Может быть, они послали тебя пропагандировать?

- О нет! Русский офицер мне сказал, что я дурак. Вот и все.

Полковник только теперь окончательно убедился, что Доватор впустил его в приготовленную петлю, и скоро начнет ее затягивать. Отправив солдата в штрафной батальон, Готцендорф приказал начальнику штаба срочно готовиться к прорыву. Однако после трех ожесточенных атак на дивизию Атланова немецкие батальоны, понеся огромные потери, успеха не добились.

В это время из района Загорье подошли новые силы корпуса под командованием полковника Карпенкова и начали охватывать Сафониху с северо-востока. Немцы, перейдя к обороне, ожесточенно сопротивлялись. Готцендорф, напрягая последние усилия, изменил направление прорыва и, организовав сильную подвижную группу, при поддержке свыше тридцати орудий решил пробиться на Шейново.

Артиллерийский огонь противника обрушился на дивизию Тавлиева. Доватор видел, что гитлеровцам все равно не вырваться, и, желая сохранить свои полки от лишних потерь, прекратил атаки и решил было послать парламентеров, но его отговорили.

- Перебьют, подлецы! - заметил Карпенков.

- Это верно, - согласился Лев Михайлович. Необходимость быстро ликвидировать дивизию противника, чтобы двигаться дальше, толкнула его на смелое и остроумное решение. Вызвав полковника Тавлиева и угостив его хорошим ужином, Доватор, шутливо подзадоривая комдива, стал осторожно выяснять его настроение. - Вот ты, полковник, все на меня обижался, что мало работы даю, а сам подвел... Атланов сегодня четыре атаки отбил, взял триста человек в плен, несколько пушек, а мы с тобой топчемся на месте, звякаем на морозе шпорами, а немцы в Денисихе свинину жрут да на печах спят.

- Да вы же сами мне приказали держать оборону, атаковать не разрешаете! - горячился Тавлиев.

- Не разрешаю потому, что не вижу в этом никакого толку.

- Давайте приказ - будет толк. Расшибу вздребезги, - настаивал полковник.

- Знаю, что расшибешь... А сколько будет потерь, об этом подумал?

- Война без потерь не бывает, товарищ генерал.

- Ну, это, брат, старая песня. Ты вот сделай так: выиграй сражение с малыми потерями. Вот это будет тактика!.. Надо

заставить противника делать именно то, что выгодно нам. В этом весь смысл тактики. Хочешь одним разом покончить со всей немецкой дивизией?

- О чем речь! Я, товарищ генерал, всегда готов. Давайте любой приказ! - От сильного возбуждения лоб Тавлиева покрылся капельками пота.

- Тогда слушай внимательно. Начни шумиху, будто бы намерен атаковать, а сам выведи людей из обороны. Оставь самый пустячок. Немцы обязательно будут рваться на Петряиху и обрушат на тебя все запасы снарядов. После этого ты сделай вид, что твоя атака выдохлась. Если они будут нажимать, не торопись, отведи свой пустячок в лес, а сам держи наготове ударную группу в тысячу сабель в конном строю и сконцентрируй плотную массу кинжального огня. Ошеломительного, понимаешь?! Фашисты сейчас же смешаются, а ты в это время их в шашки, да чтобы крику побольше. А остальное с другими комдивами я доделаю сам.

- Так вы это серьезно, Лев Михайлович?!

Тавлиев вскочил и начал быстро застегивать полушубок.

- Почему же не серьезно? Иди к наштакору, у него уже, наверное, готов боевой приказ. Слушай дальше. Я уже распорядился, чтобы подтянуть всю артиллерию. Как только противник выкатится из Денисихи, мы его накроем из всех батарей и ворвемся в Сафониху с двух сторон. Надо кончить его так, чтобы не вырвалась ни одна живая душа...

Готцендорф разместил штаб дивизии в большом высоком доме сельсовета, рассчитывая, что русские будут стараться сохранить это здание как ориентир.

В глубоком подполье соседнего с сельсоветом дома, у колхозницы Дарьи Петровны Румянцевой, на охапке соломы с распухшими ногами лежал Савва Голенищев. Около него поместилась с рацией Зина. Когда немцы начали занимать Сафониху, дочь хозяйки, комсомолка Ксюша, едва успела спрятать их в подвал. Второпях никто не подумал, что это место, где, по обыкновению, прячут всех скрывающихся людей, может стать самым опасным.

Ввалившись в хату, голодные немцы сразу же потребовали "яйки, млеко, шпиг". Но ничего этого не нашлось в избе, и они вынуждены были довольствоваться хозяйской коровой, тут же застреленной и освежеванной. Им понадобилась картошка.

Понимая немецкий язык, Зина слушала, как солдаты все время упоминали в разговоре о картофеле. Сметливая Ксюша сообразила, что фашисты могут сами открыть подпол и полезть за картошкой и тогда... Недолго думая, она взяла салазки, привезла

от соседки мешок картошки и поставила его около печки.

Солдаты бросали картошку на угли, пекли ее и ели. То и дело заходили все новые группы немцев. Поторчав около жаркой печки, они набирали в свои сумки картошку и уходили.

Скоро мешок был пуст. Ксюша снова побежала к соседке, но та, сурово поджав побледневшие губы, сказала:

- Нету, милая, уже всю растащили... А почему ты свою бережешь? Все равно залезут в подпол и все выгребут. Это такие!.. - соседка хмуро свела брови и безнадежно махнула рукой.

У Ксюши сжалось сердце. Карие глаза девушки вспыхнули, ее миловидное лицо болезненно сморщилось. Ей уже начинало казаться, что немецкие солдаты залезли в подпол и вытаскивают Зину и этого славного раненого парня.

Зину Ксюша знала еще до войны, не раз встречала в райкоме комсомола, вместе с ней выступала на слете колхозной художественной самодеятельности. Село Павловское находилось от Сафонихи всего в двадцати километрах. При мысли о том, что разведчиков могут обнаружить и станут пытать, издеваться и поволокут на виселицу, Ксюшу охватил ужас.

- Что же мне делать, Анна Петровна? - умоляюще проговорила Ксюша. Мне очень нужна картошка.

- Что тут поделаешь?.. - Анна Петровна неприязненно покосилась на девушку и зло добавила: - Кругом люди погибают, а ты из-за несчастной картошки убиваешься. Как только не стыдно, а еще комсомолка...

- Да я не из-за этого, - вырвалось у Ксюши. Слова женщины больно задели ее, и она уже была готова выложить Анне Петровне все начистоту, но, вспомнив наказ секретаря райкома партии командира партизанского отряда Михайлова молчать при всех обстоятельствах, сдержалась. Вдруг в воздухе что-то завизжало. За стеной двора, где стояли Ксюша и Анна Петровна, с грохотом разорвался снаряд. Женщина бросилась в избу.

- Это наши, Ксюша, наши, - поймав девушку за руку, дрожа всем телом, шептала Анна Петровна.

В морозной синеватой хмари раздались частые пулеметные очереди. На белом снегу двора медленно оседала серая, взвихренная разрывом снаряда снежная пыль. Немцы с испуганными лицами, заматывая грязные пилотки полотенцами, заряжая на ходу винтовки и автоматы, торопливо выбегали на улицу.

Гвардейцы Доватора, окружив 78-ю дивизию противника, приступили к ее уничтожению.

Ксюша, не помня себя от радости и ничего не видя перед собой, мчалась домой. Еле переводя дух, она вбежала в избу.

Немцев уже не было. Дарья Петровна, накинув на плечи дубленую шубу, испуганно посмотрев на скрипнувшую дверь, придавила крышку подпола валенком.

- Ты это, Ксюша? Ох, опомниться не могу, до сих пор коленки дрожат...

Дарья Петровна, сузив строгие, как и у дочери, карие, окаймленные морщинками глаза, вытащила из-под полы шубы каравай хлеба и тихо прошептала:

- Им хочу, туда, - старуха кивнула на пол, - голодные ведь сидят. Может, это наши пришли, а, Ксюша?

Она открыла крышку подпола.

- Ушли фашисты-то, - сказала она в подпол.

- Ушли? - превозмогая невыносимую боль, с хрипящим свистом прошептал Голенищев.

- Раз идет бой, значит, наши пришли, - сидя у его изголовья, говорила Зина.

Эти несколько часов, проведенных ею в мрачной темноте, показались ей бесконечными. Страшна не смерть, а ее ожидание. Все время над головой топали сапогами немецкие солдаты. Хохоча и громко разговаривая, они рубили дрова, что-то с треском ломали, бряцали по полу оружием, все время выкрикивая самое ужасное для Зины слово - картошка. А эта проклятая картошка огромной грудой лежала у ее ног и вызывала противное удушье. Савва, мечась в жару, начинал бредить и вскрикивать. Тогда Зина зажимала ему рот рукой и, гладя небритую щеку, горячо шептала:

- Тише, Савва, миленький. Тише. Нельзя...

Нажав кнопку электрического фонаря, она наводила яркий луч на его исхудавшее, с заострившимися скулами лицо. Савва открывал воспаленные, мутные глаза и глухо спрашивал:

- Что, опять кричал?

- Да... Потерпи, милый...

- Подлец я... - шептал Голенищев, сжимая зубы. - Придуши ты меня... Ведь я тебя погублю... Или кирпичом по голове стукни, что ли. А то я сам это сделаю...

- Не говори так... глупо... - Зина ворошила пальцами его жесткие спутанные волосы и невольно думала, как дорог был сейчас для нее этот мужественный человек.

- Погаси фонарь, Зина. Не надо зря батарею расходовать. Когда полезут, тогда засвети. В упор будем бить. У меня два пистолета да граната. Я выдержу. Только не давай мне спать. Коли иголкой. У меня в шапке иголка воткнута с ниткой. Солдату нельзя без иглы... Вот тут иголка-то, достань, Катя, я сейчас Грише курточку залатаю... Мамки у нас нет... Умерла наша

мамка...

Савва снова начинал бредить, выкрикивать имена братишек, сестренок.

Зина снова тормошила его за плечи, совала в рот рукавицу, дергала за нос. Но как только она зажигала фонарик, Савва приходил в себя и, скрипя от боли зубами, умолял прикончить его. Когда началась стрельба, Голенищев был в сознании. Нашарив в темноте руку Зины, он зашептал:

- Слышишь! Это... это... - Савва задыхался от напряжения. - Это наши танки. Я их пушки по голосу знаю. Слышишь?

- Слышу...

Наверху сначала раздались громкие крики немецких солдат, от топота кованых сапог загудел пол. Казалось, вот-вот затрещат доски и рухнут им на головы. Потом все стихло. За стенами продолжали гулко рвать землю снаряды.

Вдруг, скрипнув металлическими петлями, крышка наверху приоткрылась. В удушливую темноту ворвался свет и воздух, негромкий голос спросил:

- Живы?

Зина на четвереньках подползла к отверстию и, подняв голову, увидела склонившееся знакомое остроносое лицо Ксюши. Стоявшая на коленях Ксюша вдруг испуганно попятилась. Ей показалось, что перед лей не Зина, а старая женщина с пожелтевшим, землистым, как у покойника, лицом, с черными, глубоко провалившимися глазами. На спутанных волосах, торчавших из-под ушанки, висела серая паутина.

- Зина?! - напряженно выговорила Ксюша.

- Ты что? - Зина отрывисто и часто дышала. Свежий воздух пьянил ее.

- Ничего. Ты очень переменилась, Зина. Как твой товарищ?

- Плохо ему, Ксюша! Это что, наши, да?

- Пока бой идет. Немцев еще полным-полно. В каждой хате набились битком. Рядом, в сельсовете, штаб ихний. Мама на дворе караулит, сбивчиво рассказывала Ксюша. - Вам бы перейти в другое место. Не ровен час. Да вот этот проклятый штаб, генералы там, полковники, офицерье. На-ка, поешь хлебушка. Ах, Зина, Зина! Я сейчас воды дам. Ну ничегошеньки у нас нет, все пожрали, - сокрушалась Ксюша.

- Рядом, говоришь, штаб? - спросила Зина.

- Ну да. В сельсовете. Прямо за нашим сараем.

- Подожди-ка, Ксюша. Я сейчас... Савве хлеб отнесу, а ты зачерпни ему воды.

Зина исчезла в темноте подпола. Подползая к Голенищеву, она бодро и весело сказала:

- Бьют их наши, Савва, бьют, милый. Покушай-ка маленько...

Зина положила ему на грудь кусок ржаного хлеба.

- Спасибо. Я не хочу есть. Выйти можно?

- Нельзя еще. Рядом в сельсовете их штаб.

- Ах, черт!

Савва порывисто приподнялся и сел. Его обмотанные бинтами руки в полутемноте походили на две большие куклы.

- Тебе надо было бы уйти, Зина. Забрать документы и уйти. Здесь оставаться нельзя.

- Да говорю тебе, рядом штаб. А кругом немцы.

- Понимаю!

Савва взял двумя темными, торчавшими из бинтов пальцами краюху хлеба и отложил ее в сторону. Повернувшись к Зине, он спросил, сколько времени.

Зина поднесла ручные часы к самым глазам.

- Без десяти пять, - ответила она тихо и подняла голову.

Пристально смотревший на нее Голенищев кивнул в сторону рации. Зина поняла его без слов.

- Только Ксюше скажи, пусть на всякий случай уйдут из дома... добавил Савва сквозь зубы. - Вдруг начнут наши пушки бить.

К ночи стрельба утихла. Немцы снова набились в избы и затопили печи. В доме Румянцевых печка была разрушена до основания. Там, где был лаз в подпол, лежала огромная груда обгорелого кирпича.

Дарья Петровна ходила в подпоясанной веревкой шубе и, сокрушенно разводя руками, знаками объясняла ненцам:

- Значит, снаряд, это самое, во дворе - бух, ну и печка-то, того, чебурах. Стало быть, ветхая.

На самом деле печка, сложенная из добротного кирпича, могла бы простоять еще полвека, если бы сама Дарья Петровна вместе с Ксюшей, по совету Голенищева, не свалили сначала трубу, а потом, разобрав кирпичи, не замуровали сидевших в подполе разведчиков.

Немцы, осмотрев разрушенную печку и обругав старуху, потребовали картошки. Дарья Петровна показала на угол - там была навалена целая гора.

Ксюша, натаскав из подпола картошки, засыпала ею весь угол. Теперь уже соседка Анна Петровна не могла упрекнуть ее, что она жалеет свое добро.

Рано утром 17 декабря гвардейцы корпуса Доватора начали тревожить гитлеровцев со всех сторон. Танкисты подполковника Иртышева с десантами автоматчиков, маневрируя по опушкам леса, стреляли прямой наводкой. Повела ураганный огонь и

батарея Ченцова.

В разгар боя на командный пункт Доватора посыльный принес из штаба шифровку:

"Штаб 2, Квадрат 44/86. Ориентир радиомачта, шестой дом от края, рядом сельсовет - штаб немцев. Вызываем огонь на себя. Голенищев тяжело ранен. Работу прекращаю. Кончаются аккумуляторы. Прощайте".

Доватор сжал радиограмму в кулаке и подозвал полковника Карпенкова. Посматривая в сторону грохотавшего боя, он после глубокого раздумья приказал:

- Немедленно передать батареям: сельсовет сохранить. Там штаб дивизии, а рядом в подвале наши люди. Захватить всех штабных офицеров живьем, с документами. Танкистам Иртышева начинать атаку. Тавлиеву приготовиться к конной атаке. Комдиву третьей передать, чтобы не ушел из Денисихи ни один фашист. Действуй, Андрей Николаевич!

Оттянув из Денисихи часть сил, противник, ожидая атаки с востока, неожиданно получил удар с юго-запада. Танки подполковника Иртышева, разметывая по дороге вражеские орудия, ворвались в Денисиху. Противник, оставив деревню, бросился к Сафонихе, но оттуда их погнал сам Доватор, пустив в дело часть резерва.

Лишенные опорных рубежей в населенных пунктах, немцы, бросая технику, вышли на Онуфриевскую магистраль, но, заметив заходящую с тыла и фланга конницу Тавлиева, в панике бросились к лесу. Оттуда навстречу им выскочили беспощадные в рубке и стремительные в атаке кубанские казаки Атланова. Старый кавалерист генерал Атланов стерег здесь гитлеровцев с самого утра.

Едва сдерживая застоявшихся коней, эскадроны Шевчука, Орлова, Биктяшева и Рогозина давно уже приготовились к атаке. Кубанцы, пошучивая, сдержанно смеялись. Всюду заливисто гоготали пулеметы.

Подполковник Осипов, словно навечно приросший к седлу, не обращая внимания на выкрутасы дрожащей от холода Легенды, смотрел, не отрываясь, на окраину Сафонихи. От нечего делать он пытался было подзадорить капитана Кушнарева. Его бешеная кобылица, всхрапывая и блестя зубами, пыталась схватить красавицу Легенду за морду.

- Ну что это за лошадь? - возмущался Осипов. - И повадки-то все у нее звериные. Ты мне отдай ее на "курсы". Я хоть ее в порядок приведу.

Осипов не без зависти косился на кобылицу и в душе был готов приласкать ее.

- Сколько дадите в придачу? - спрашивал Кушнарев.

- Какая, друг мой, придача. Если так на так... и то я еще подумаю...

- Шашку могу взять...

- Шашку? Да ты что, всерьез? - Осипов покрутил головой. - Да ты знаешь, друг мой, какая цена этой шашке? Впрочем, я тебе и так отдам шашку. А ну-ка смотри...

Антон Петрович кивнул в направлении Сафонихи. Густо расстилаясь по снежному полю, оттуда начала выкатываться немецкая пехота.

- Я тебе подарю шашку. Кто больше? Понял? В честном бою за нашу Родину. Выйдешь первым, отдам шашку. От меня не отставай, не горячись, по сторонам поглядывай. Где нужно, я подсоблю. За пулю не ручаюсь, а штыком достать не позволю. В рубке у меня соперник один, командир эскадрона капитан Шевчук.

- Знаю, - улыбнувшись, ответил Кушнарев. Он с Шевчуком вместе учился когда-то в полковой школе.

Вглядываясь вперед, Осипов замолчал. За правым флангом немецкой пехоты показалась приближавшаяся конница.

- Тавлиев разворачивается, - шептал Осипов.

Его полк, скрытый на опушке леса, нацеливался колонне в левый бок. Противник, заметив надвигавшуюся кавалерию, круто повернул к лесу и очутился как раз перед казаками Осипова.

Антон Петрович надвинул глубже на лоб кубанку и звонким коротким взмахом выдернул блеснувший кривой османовский клинок. Покрутив им над головой и оглянувшись, он зычно крикнул:

- Шашки! К бою! - Услышав за собой певучий звук выдернутых шашек и мощный переступ копыт, он, нагнувшись к луке, вкрадчиво шепнул Легенде: "Вперед, Машуха!.."

Кобылица, словно подстегнутая горячим ударом плети, вынесла его на поле. У Кушнарева засвистел в ушах ветер. Его лошадь, распластав корпус, сильными скачками вырвалась вперед. Осипов уже видел черный жгут ее завязанного хвоста и крылато развевающиеся над крупом полы бурки.

Антон Петрович, отведя руку назад, плашмя коснулся бедра коня. Легенда, разгоряченная скачкой, ходко стала сокращать расстояние. Кушнарев, молниеносно взмахивая клинком, уже наносил яростные и страшные по своей силе удары. Много тогда фашистских касок раскатилось по снежному полю...

На улицах Сафонихи толпились конные и пешие, ржали оголодавшие кони, гудели трофейные автомашины. Гуртом гнали многочисленных пленных. Слышались крики женщин, визг

ребятишек, порой громкий, отчаянный плач. В окнах изб мелькали белые халаты врачей. С саней сносили бледных, стонавших, а иногда безмолвных, недвижно лежавших бойцов и командиров.

С лопатами на плечах прошли саперы. Позади них улицу пересекали двое носилок. На первых лежал непостижимо длинный человек. Его грузное тело пригибало плечи четверых несших носилки партизан, увешанных гранатами. Это был Савва Голенищев. На вторых носилках, закрытая буркой, лежала Зина. Ее несли отец, Кушнарев, Оксана, комбат Ченцов. За носилками шел Валентин с доктором Козловым.

- Ничего положительного сказать не могу, товарищ политрук, - говорил Козлов. - Повреждение черепа. Нужна немедленная трепанация.

- Доктор! Я вас прошу, доктор, сделайте, что можно!

Валентин заглядывал Козлову в лицо и старался угадать истинные мысли врача, но не мог. Лицо Козлова было невозмутимо спокойно.

- Все сделаю, голубчик, все, что в моих возможностях. Но сначала буду оперировать Голенищева. Это, понимаете, явление поразительное. По своему состоянию он должен был бы давно умереть, а он, говорят, сегодня в немцев гранаты из окна швырял.

- Будете ампутировать? - спросил Валентин с дрожью в голосе.

- Непременно, тотчас же. Обе ноги. Сердце у него отличное. Все будет в порядке.

- Какой же порядок без ног!.. - крикнул Валентин.

- Медицина жестока потому, что она призвана спасти и продлить человеческую жизнь. А вашей жене я постараюсь сделать все возможное. До свидания, голубчик! Туда я вас не пущу. Идите командуйте пушками, а мы будем здесь командовать.

Доватор сидел в здании сельсовета и просматривал документы штаба немецкой дивизии. Тут же находился секретарь райкома партии Михайлов.

Вошел полковник Карпенков.

- Орудий захвачено пятьдесят, станковых пулеметов - семнадцать, ручных - сорок пять, минометов - двадцать восемь, автомашин с грузами...

- Не надо, Андрей Николаевич, - прервал его Доватор. - Я же все видел. Ты мне скажи, какие потери у нас?

- Сведения еще не поступили, товарищ генерал, - ответил Карпенков.

- Раз не знаем, сколько потеряли сами, значит, не сможем

определить степень нашего успеха.

Однако Карпенков понял, что генерал доволен исходом сражения. Потери были незначительны, но Доватор во всем любил точность. Не имея под руками сводки о потерях, он категорически отказался подписывать боевые донесения.

- Вместе со штабом пленен командир дивизии противника, полковник. Прикажете доставить?

- Полковник? Пошел он к чертям! Если бы генерал был, тогда другое дело, а то полковник.

В глазах Доватора светятся веселые искорки.

Он и без доклада начальника штаба знал, что у него потерь мало, а успех колоссальный. Рейд принес победу не только корпусу, но и всей армии. Правый фланг армии отбросил противника вдоль центральной магистрали к Волоколамску. Немцы бегут всюду, сотнями теряют танки, тысячами автомашины, десятками тысяч - людей. Вся немецкая техника вязнет в снегах Подмосковья.

Люди готовятся совершать большие и ответственные дела. Комиссар Шубин и политический отдел всюду проводят короткие беседы с бойцами и командирами. Закаленные в боях за Родину люди сотнями вступают в партию, в комсомол; обо всем этом Лев Михайлович говорил секретарю райкома партии Михайлову.

- Весь советский народ поднялся на борьбу с фашистами, - продолжал он. - Вы понимаете, товарищ Михайлов, когда я увидел партизан - а я вижу партизан не впервые, они мне помогали еще в августовском рейде, - у меня восторг в душе поднялся, гордость, за весь народ. А теперь я колочу фашистов в порядке соревнования...

- С кем же вы соревнуетесь, товарищ генерал? - удивленно спросил Михайлов.

- С дочкой своей и с сыном. - Лев Михайлович тепло улыбнулся и, достав из кармана письмо, протянул его Михайлову. - Они взяли обязательство на "отлично" учиться, а я обещал отлично воевать. Вот получил письмо, шлют отметки за первую четверть. Выполняют. Ну, и я не отстаю...

- Должен вам сказать, Лев Михайлович, что у вас дела идут действительно отлично. Как вы так быстро могли продвинуться по нашим лесам и болотам?

- Трудновато пришлось, - согласился Доватор. - Да и впереди на легкую победу не рассчитываю.

Он встал, прошелся до порога комнаты, вернулся обратно и, остановившись против Михайлова, сказал:

- Мы скоро выступаем. Противник бежит и во что бы то ни стало хочет сохранить силы. В лесах бродит много немецких

солдат. Нам с ними возиться некогда. Надеюсь, что вы их сами выловите. Все захваченные у немцев трофеи, которые они награбили по деревням, я прошу вас раздать населению. Великое сейчас страдание переносит наш народ, но тем величественнее его слава быть передовым, самым революционным народом мира. Мы, коммунисты, ведем народ по этому славному пути. Великая нам выпала честь.

- Великая честь, Лев Михайлович, - пожимая Доватору руку, с сердечной проникновенностью ответил Михайлов.

Медленно угасал холодный декабрьский день...

Из разведки вернулся Кушнарев и сообщил, что по Рузскому большаку в направлении Осташево - Волоколамск отступают крупные части противника. На дорогах скопилось много техники. Наша авиация штурмует растянувшиеся немецкие колонны.

- Молодцы наши летчики! Мы им скоро поможем!

Доватор сел за стол и, радостно потирая стынувшие в нетопленной избе руки, стал диктовать боевой приказ. От Сафонихи он круто поворачивал корпус на юго-запад и, прочертив на карте крутую дугу, коротко сказал Карпенкову:

- Перехватить большак вот здесь, - и поставил карандашом крест западнее деревни Палашкино.

Вскоре полковые трубачи проиграли сигнал боевой тревоги.

Прочитав сводку о потерях, Лев Михайлович молча подписал ее и, возвращая адъютанту, сказал:

- Передай Сергею, пусть ведет Казбека. Впрочем, не надо Казбека. Лучше нового. Хотя нет. Новый глуп. Пусть подает Казбека.

Доватор, застегнув на бекеше крючок, снял со стены бурку. Курганов, подскочив, хотел было помочь, но Лев Михайлович вежливо отстранил его.

- Вы же знаете: я нянек терпеть не могу. У меня две руки, силы еще хватит! - Доватор сжал руку адъютанту.

Курганов улыбнулся: хватка у генерала была действительно сильная.

- Чувствуешь?

- Чувствую, товарищ генерал!

- Ну, то-то! Кстати, пригласи-ка ко мне корпусного врача.

Курганов вышел. Лев Михайлович в раздумье постоял у стола. По лицу его пробежала тень грусти. Он вдруг почувствовал, что забыл о чем-то. Раненые? Нет, он помнил о них. Санитарная служба работает хорошо. Медперсонал прекрасный. Что же еще? Боевой приказ отдан. Разведка действует бесперебойно, донесение в штаб армии послано вовремя, наградные листы подписаны, колонна пленных немцев

направлена в тыл. Что же еще? Внезапно вспомнил и вздохнул. Достал из сумки лист бумаги, сел к столу и написал:

"Здравствуй, Лена! Здравствуйте, дорогие, милые дети, Саша, Риточка!

С радостью сообщаю вам, что гоним фашистов прочь от Москвы. Рад, что вы в добром здоровье, отлично учитесь и добросовестно выполняете наш договор. Можете быть уверены, что отец тоже не подведет.

Лена! Очень сожалею, что послал аттестат и деньги по старому адресу. Но чтобы вы не оказались в затруднительном положении, я направил вам деньги с одним фронтовым товарищем. Он скоро будет у вас.

Получаю от своих друзей много писем. Очень рад, что не забывают старые боевые товарищи. М. тоже написал восторженное письмо, радуется моим успехам. Парень он замечательный, просится ко мне в соединение и заранее оговаривает командную должность. Но я ему чистосердечно ответил, что у меня для него ничего подходящего нет... По-моему, должности не выбирают, а получают по заслугам и способностям.

Вот и все, дорогие мои. Крепко обнимаю.

Ваш Л. Д о в а т о р".

Лев Михайлович запечатал письмо, накрыл его горячей ладонью. Его красивые глаза мягко и светло улыбались, лицо, молодое, строгое, приняло спокойное выражение, какое бывает у людей с чистой совестью, честно выполнивших свой долг.

Прибыл корпусной врач Козлов. Доватор усадил его напротив себя и, касаясь рукой его коленей, посматривая на его длинноносое, усталое лицо и седые виски, спросил:

- Сколько тяжелораненых?

- Примерно тридцать человек.

Козлов начал было перечислять состояние каждого, но Доватор его остановил:

- Не то мне нужно, Михаил Васильевич. Как вы будете их транспортировать? Мы ведь очень далеко забрались.

- Да, это тяжело, Лев Михайлович. Я об этом уже думал. На санях придется.

- Не годится, - решительно заявил Доватор. - Составьте на имя командующего радиограмму. Вызовем самолеты. Как чувствуют себя Голенищев и Ковалева? Эти люди своим подвигом заслужили особое внимание.

- Ковалева вне опасности, а у Голенищева ничего утешительного, ноги...

- Слушайте, доктор. Я сегодня подписал реляцию о награждении вас орденом Красного Знамени. Благодарю вас за

прекрасную работу. Сердечно благодарю!

- Служу Советскому Союзу, товарищ генерал.

Козлов взволнованно поднялся.

- Но это еще не все, доктор. Я хочу, чтобы вы дали мне слово, что вылечите разведчика Голенищева. Его надо спасти, - твердо закончил Доватор.

- Я не понимаю вас, Лев Михайлович. Спасать жизнь раненым воинам это мой долг.

- Вот поэтому я и вызвал вас, чтобы поговорить о долге. Мы решили вызвать самолет. Облегчить положение тяжелораненых - это наш долг, так?

- Совершенно верно, - согласился доктор.

- А почему же вы хотели везти их на санях?

Доватор колюче сверкнул глазами. Седые брови доктора нахмурились.

- Откровенно говоря, не подумал, - признался он чистосердечно.

- Значит, если хорошо подумать, то можно отыскать что-то новое. Вспомните августовский рейд, Михаил Васильевич. Нас немцы тогда прижали к болоту и решили полностью уничтожить, утопить в непроходимых топях. А мы подумали, подумали, да и проскочили через болото. А ведь меня уверяли, что ни за что не пройдем. Несколько дней тому назад некоторые тоже сомневались, можно ли пройти глухими местами, лесом по бездорожью с тяжелыми танками и всей материальной частью. Прошли! Прошли потому, что крепко подумали. Пустили вперед разведчиков, исследовали дороги. Разведчикам мы многим обязаны, доктор! Значит, и о них следует хорошо подумать.

- Обещаю подумать, Лев Михайлович.

- Твердо мне обещайте. Если не выйдет, я ведь не собираюсь снимать с вас голову.

- Твердо обещаю. Попробую сделать переливание крови.

- Ну, как видите, уже надумали. Желаю успеха.

Доватор вышел на крыльцо. Породистый красавец Казбек встретил хозяина приветственным взмахом головы. Подойдя к нему, Лев Михайлович ласково огладил горячий на морозе круп и незаметно сунул Казбеку в рот кусок сахару. Конь, мотая головой, захрустел сахаром и, проглотив лакомство, тычась теплой мордой, просил еще.

- Экий неблагодарный, а! Я его угощаю, а он кусаться. А если у меня больше нет, тогда что? Ухо мне отгрызешь? А по совести говоря, ты ничего и не заработал. Меня другой сегодня возил конь, в тысячу лошадиных сил. А раз ты ничего не заработал, значит, тебе не полагается. Понял, дурачок?

Конь, продолжая шлепать влажными губами, тянулся к лицу Доватора.

- Да ты сегодня что-то особенно нежничаешь. Ну, укуси, укуси как следует, если тебе уж так хочется. - Лев Михайлович, вставив ногу в стремя, дразнил коня, ожидая, когда он игриво схватит его за плечо.

Но Казбек на этот раз только покосился и, готовясь принять всадника, покорно подобрался. Андрей Николаевич Карпенков, адъютант Курганов, Шаповаленко, коновод Сергей - все наблюдали, как генерал ласкал коня, и улыбались хорошими, сердечными улыбками.

В самую последнюю минуту радист принес радиограмму:

"Генералу Доватору.

Высоко оценивая действия ваших гвардейцев, сердечно поздравляю с победой и благодарю. Желаю успеха.

Командарм Г о в о р о в".

Прочитав радиограмму, Доватор передал ее Карпенкову и после небольшого раздумья сказал:

- Объявить всему личному составу...

19 декабря части корпуса Доватора, совершив двадцатикилометровый марш, подошли к реке Руза.

Доватор со своим штабом ехал в головной колонне дивизии полковника Тавлиева. Шубин с дивизией Атланова двигался южнее Палашкина в направлении Лихачево. Головной дозор передового отряда уже перешел реку Руза против деревни Палашкино. От командира походной заставы к штабу подскакал посыльный и сообщил, что по шоссе на запад движется большая колонна гитлеровцев, машин и артиллерии.

- Вот тебе, полковник Тавлиев, настоящее дело, заходи с северо-запада, оседлай большак - ни одного не выпускай, - приказал Доватор.

Взяв с собой трех штабных командиров, а также Курганова, Шаповаленко и коновода Сергея, Лев Михайлович выехал вперед на рекогносцировку местности.

На льду реки лежал толстый покров снега. На противоположном берегу возвышался острый гребень, далее шел покатый склон, на котором почти до самой деревни Палашкино тянулся лесок.

Доватор ехал медленным шагом. Он достиг середины реки, как вдруг раздался артиллерийский залп. Казбек, метнувшись в сторону, провалился выше колен в снег. Лев Михайлович соскочил с седла. Облегченный конь быстро выпрыгнул и твердо встал на лед. Зазвенев стременами, он отряхнулся и мелко задрожал. Одного из штабных командиров Доватор тотчас же

послал к Тавлиеву с приказанием, чтобы дивизия скорее преодолела открытое пространство, и тут же горячо добавил:

- Скажи, пусть бережет людей. Не вступили еще в бой, а уже несем потери. Не должно этого быть! Я его буду ждать у Палашкина.

Другого командира Лев Михайлович направил в дивизию Атланова с приказом: сообщить обстановку и ускорить темп продвижения вперед. Курганову приказал отвести штаб корпуса в лесок и укрыть под откосом. Впереди уже началась стрельба. В морозном воздухе зашипели пули. Передовой отряд, спешившись, завязал бой на шоссейной магистрали северо-западнее Палашкина.

- Уводи быстро коней! - приказал Лев Михайлович Сергею. Шаповаленко, помоги. Казбеку разотрите ноги спиртом. Не давайте застаиваться, а то пропадет.

Похлопав коня по крупу, Доватор в сопровождении одного командира стал подниматься на отлогий откос, к опушке леса, откуда и решил осмотреть место предстоящего сражения.

Справа от них разгорался бой.

Лев Михайлович, прислушиваясь к выстрелам и приминая ногами ломкую корку хрустевшего снега, шел вслед за штабным командиром в белом полушубке.

Карпенков наблюдал за ними, ожидая, когда подтянут телефонную линию. Он собирался двинуться им вслед.

На опушке леса, куда вышел Доватор, было удобное место для наблюдательного пункта. Вдруг сбоку, с левой стороны, морозная хмарь раскололась бешеной дрожью недалекого пулемета. Лев Михайлович сначала недоуменно оглянулся, а потом прилег на снег. Шедший впереди командир упал и перекинулся на спину.

- Ранен я, - выкрикнул он хрипло.

Карпенков, закусив холодные губы, видел, как Доватор сильным движением рванулся вперед. Видел и фашистский пулеметчик, как темная на снегу бурка медленно ползла к шевелившемуся белому полушубку. Фашист снова нажал спусковой рычаг, пулемет часто загавкал, словно бешеный пес.

- Генерал... - с удушливой хрипотой прошептал Шаповаленко. - Товарищ генерал!..

Проваливаясь по колено в снег, он выбежал на откос. Седые усы рвал ветер. Вокруг него трассирующие пули вспарывали снег калеными строчками, он не дополз до генерала всего четыре шага и замер.

Из разведки вернулись Кушнарев, Торба и Буслов. Услышав одно слово "генерал", Буслов, вскинув на плечо автомат, не

пригибаясь и не ложась, разбрасывая валенками снег, добежал до генерала и свалился рядом с ним, изрешеченный пулями.

Теперь уже бил не один пулемет, а несколько.

Карпенков смотрел за всем этим как окаменелый. Он послал за танками. Они шли на левом фланге с дивизией Атланова. Тавлиевцы, узнав о гибели любимого комкора, не маскируясь, во весь рост пошли в атаку на Палашкино. С северо-запада артиллеристы открыли ураганный огонь.

Увидев, что Буслов упал, Захар Торба, туго затянув на шее башлык, никому не говоря ни слова, кинулся в поле.

- Лейтенант Торба, назад!

Металлически твердый голос капитана Кушнарева хлестнул Торбу так резко, что он на мгновение остановился. Услышав повторенную властную команду, он круто повернулся и, закрывая башлыком подбородок, пошел обратно.

- На войне есть дисциплина, лейтенант Торба! - глянув на Захара жестко вспыхнувшими глазами, сказал Кушнарев. Надевая белый маскировочный халат, он повернулся к полковнику Карпенкову и попросил разрешения.

Карпенков, увидев его в халате, молча кивнул головой.

Зайдя с противоположной стороны, разбивая головой снег, Кушнарев то замирал, то вновь полз упорно и настойчиво.

Над серым полем уже хмурились вечерние сумерки.

Капитан Кушнарев, дважды простреленный пулями, завернул холодное, застывшее тело генерала с тяжело раненным Шаповаленко в широкую кавказскую бурку и полз обратно. Истекая кровью, он свалился вне зоны обстрела. Подбежали на помощь товарищи и принесли генерала в занятое бойцами Тавлиева Палашкино.

Дивизия генерала Атланова, зайдя с юго-востока, отрезала противника от большака и приступила к его уничтожению.

Страшные в своем горе, кубанцы рубили фашистов шашками.

А генерал Доватор, закутанный в бурку, недвижимо лежал на широких русских розвальнях.

Запряженный в сани боевой конь нетерпеливо грыз удила. С обнаженными головами молчаливо стояли вокруг боевые друзья. Молчание нарушил дробный топот копыт. Из-за крайней хаты выехала группа всадников. Передние двое, сутуля широкие плечи, покачиваясь в седлах, проехали мимо расступившихся людей и, спрыгнув на землю, медленно сняли папахи.

Михаил Павлович Шубин, грузно ступая валяными сапогами, подошел к саням и осторожно поднял с лица Доватора край бурки. С другой стороны приблизился генерал-майор Иосиф Александрович Атланов. Его кавказский с горбинкой нос

мучительно сморщился.

- Прощай, друг мой! - проговорил он тихо.

- Прощай, Лев Михайлович! - повторил Шубин, не отрывая взгляда от улыбающегося лица Доватора, на которое мягко падали и уже не таяли снежинки...

Жизнь короткая, а слава долгая!

А жизнь его была, как песня!

А песня, как подвиг, бессмертна!

Сложит наш народ много песен, разнесут их по всей стране и молодые певцы, и "бандуристы с седою по грудь бородою". И скажут они о героях свое могучее слово, и долго будут вспоминать потомки в грядущих веках коммунизма, как сражалась за Родину непобедимая советская гвардия.